

Игорь Розенфельд

**КРИЗИС НОВОГО РОССИЙСКОГО ПОРЯДКА
И КРАХ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА**

*Новый российский порядок 1991–2015 и его идеология.
Левоцентристский взгляд*

«Крипта»

Тарту–Санкт-Петербург

2015

УДК [32.001+323](470+571)
ББК 66.1(2)6 + 63.3(2)64-3
Р64

Розенфельд, Игорь Всеволодович.

Кризис Нового российского порядка и крах русского консерватизма:
Новый российский порядок 1991–2015 и его идеология. Левоцентристский взгляд/
Игорь Розенфельд. – Тарту; Санкт-Петербург: Крипта, ООО «Полиграф», 2015. – 496 с.
ISBN 978-5-91868-015-5

Книга посвящена критическому анализу современного русского консерватизма, с 2000 г. являющегося преобладающей идеологией российского истеблишмента, партий Единая Россия, ЛДПР и «Родина», в целом «силовой» (путинской) элиты. Идеология консерватизма в России в течение последних полутора десятилетий определяет главный поток популярной исторической и политической литературы, выступает основой многочисленных работ русских правых патриотов от В.Никонова и А.Дугина до Е.Холмогорова и К.Крылова. С данным течением связан ряд известных идеологических проектов, таких как «Русская доктрина» и «Русский проект», ряд официальных идеологических структур (Институт динамического консерватизма), известных издательств («Алгоритм», «Европа»).

В книге дается критика идеологии русского консерватизма – однако не с традиционных позиций правого либерализма (обычного оппонента консерватизма), а с позиций современного левого подхода. Типологический анализ консерватизма в России показывает родство данной идеологии с дореволюционным русским консерватизмом, а также аналогичными течениями Европы конца XIX – начала XX века и постсоветскими консерватизмами от Польши и Прибалтики до Украины и Узбекистана. Как и в большинстве постсоветских стран, основой правого русского консерватизма реально выступает не вигский консерватизм XIX века, а правый национализм как в респектабельном (Единая Россия), так и радикальном (ЛДПР, «Родина») варианте.

Анализ показывает противоречия идеологии современного русского консерватизма, выражающиеся, в частности, в трактовке исторических событий XX и XXI века (в первую очередь советской истории России), а также в противоречивой оценке ряда идеологических течений, начиная с правого либерализма. Считая либерализм своим главным («метафизическим») противником, консерватизм в реальности не в состоянии преодолеть его, поскольку наряду с правым либерализмом представляет единую правую идеологию – консервативный либерализм, идеологию мирового правого истеблишмента. Глубинное единство двух правых течений – правого консерватизма и правого либерализма – определяет необъяснимый для консерваторов факт «неискоренимости» (несмотря на его постоянную критику) правого либерализма в консервативной России, союзнические отношения с ним правого консерватизма во всех постсоветских странах, как и реальное сосуществование в консервативной российской элите деятелей обоих направлений.

Противоречия консерватизма определяют слабости его применения как во внутренней, так и во внешней политике России. Выдвинувшись в 1990-х гг. в качестве альтернативы правому либерализму, консерватизм заявлял о себе как об идеологии «суверенной демократии» в России, идеологии преодоления Россией постсоветского кризиса (постсоветской катастрофы). Однако несмотря на ряд успехов силовой (консервативной) элиты по стабилизации ситуации в России, реально последние 15 лет показали необоснованность этих претензий идеологии консерватизма. Консерватизм не смог вывести страну из ситуации постсоветского кризиса, сохранить влияние России в постсоветском пространстве, преодолеть «стратегическую разбалансировку» (Колеров-Акопян) внешней политики России, нашедшую свое яркое проявление и в серьезном поражении российской консервативной элиты в Украине.

Неспособность русского консерватизма дать адекватное объяснение ситуации в России и посткоммунистическом пространстве, указать выход из продолжающегося кризиса говорит о крахе консерватизма, а также о крахе в постсоветской России правой идеологии в целом. Как доказывается в работе, реальную альтернативу в мире так называемого «посткоммунизма» как правому консерватизму, так и правому либерализму, а вместе с ними и Новому мировому порядку дает современная левая идеология.

ISBN 978-5-91868-015-5

© Игорь Розенфельд, текст, 2015.
© Издательство «Крипта», оригинал-макет,
оформление, 2015.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляемая читателю работа (ее первый вариант был написан в 2011 г. и тогда же размещен в Интернете) посвящена анализу современной российской идеологии и политики. Она развивает методологию подхода, названного нами левоцентристским, который нашел отражение в книге «Эстония до и после Бронзовой ночи» (2009).

Взгляд, представленный в работе, есть взгляд на современную Россию из «ближнего зарубежья». Однако, взгляд со стороны (тем более, не сильно далекой) — не всегда взгляд посторонний: большое видится на расстоянии. Мы отстаиваем мнение, что проблемы России — не только проблемы россиян. Одним из важных тезисов работы о политическом развитии Эстонии был тезис о том, что без России проблемы так называемого *посткоммунистического* пространства реально решены быть не могут. Речь идет о необходимости альтернативного внешнему неоконсерватизму серьезного политического игрока в Восточной Европе, без которого центристские и левоцентристские силы в этом важнейшем мировом регионе (в том числе и Прибалтике) не могут выйти из ситуации нынешнего кризиса — если не сказать катастрофы, созданной *Новым европейским (он же Новый мировой) порядком*, а также инспирированным этим порядком *правым перекосом*. Как мы стремимся показать, проблема подъема России, восстановления ее роли как левого центра в Восточной Европе и мире является ключевой не только для Прибалтики, но и для всего постсоветского пространства. Современный левый (левоцентристский) подход видит в России «мотор» посткоммунистического мира. Отсюда заинтересованность в позитивном развитии и подъеме России (а также адекватной сложившейся ситуации российской политике) всех народов так называемого посткоммунистического пространства, оно же пространство бывшего реального социализма, в том числе и народов ближнего российского зарубежья — Прибалтики, Кавказа и Украины.

Однако вопреки надеждам сторонников позитивного развития Восточной Европы и всего посткоммунистического пространства приходится констатировать, что Россия в начале второго десятилетия XXI века не смогла выйти из состояния серьезного кризиса, если не «зоны катастрофы». Причины этого в немалой степени кроются в противоречиях *Нового российского порядка*, реальным продолжением которого стала «путинская» эпоха (с 2000 по 2015 г.), а также в действиях представляющей этот порядок нынешней «силовой» элиты России, стоящей у власти с 2000 г. Официальной идеологией Нового российского порядка, как мы стремимся показать, является *русский консерватизм*.

Говоря о Новом российском порядке, власти силовой элиты и ее идеологии, следует отметить как определенные успехи действий данной элиты в укреплении российского государства последнего десятилетия, так и очевидные недостатки этих действий. Несомненный успех деятельности российской силовой элиты можно увидеть в существенной стабилизации развития России – по сравнению, разумеется, с 1990-ми годами. Не вызывает сомнения, что начиная с 2000 г. силовая элита сделала немало для укрепления российского государства. Вместе с тем полтора десятилетия спустя приходится говорить также и о серьезных недостатках – слабостях и странностях политики этой элиты в ряде областей от экономики до идеологии. К числу таких странностей в экономике России можно отнести, например, неспособность современной российской силовой элиты обеспечивать в новых постсоветских условиях развитие и подъем отраслей собственной экономики (в частности, автомобильной – о чем не без основания говорил, например, лидер КПРФ Г.Зюганов). Также эффективно использовать значительные «нефтяные» деньги, получавшиеся Россией как в период экономического подъема, так и до настоящего времени. Аналогичны указанным и странности начала и протекания мирового экономического кризиса 2008 г. в России (например, Н.Стариков. Кризис. Как это делается. – СПб., Питер. 2011). Странности существуют также во внутренней и внешней политике российской силовой элиты. Во внутренней политике можно говорить о проявлениях авторитаризма, неадекватности формирования управленческого слоя и его коррупции (дело Оборонсервиса). К странностям во внешней политике следует отнести упоминавшееся продолжение российского отступления из постсоветского пространства, которое имеет негативные последствия не только для так называемых «соотечественников», но всех левоцентристских сил в данных странах.

Отказ от серьезной защиты бывших союзников России зачастую приводит к созданию режимов, очевидно враждебных российскому государству – например, режим М.Саакашвили. Попытки уравновесить политические провалы (в частности, роль некоторых российских силовиков в становлении данного режима) военными акциями – каковой была «осетинская» операция 2008 г. – не могут дать серьезного результата. Весьма тяжелыми, если не сказать катастрофическими как для России, так и для Украины, оказались результаты политики российской консервативной элиты на Украине: эта политика не могла сделать устойчивым режим В.Януковича и предотвратить переворот правых сил конца февраля 2014 г., который развязал на Украине гражданскую войну.

В целом можно констатировать, что так называемый *Новый российский порядок* (существующий в России с 1991 г.) не смог вывести страну из ситуации кризиса, если не «постсоветской катастрофы». Анализ причин этого является важной задачей современного левого (критически марксистского,

левоцентристского) подхода. Важным направлением данного подхода является анализ и критика идеологии российского консерватизма. Мы утверждаем, что именно идеология русского консерватизма и есть реально имплицитруемая официальная идеология современной России и одновременно — последнее слово Нового российского порядка. Критический анализ этой идеологии и составляет задачу данной работы.

Попытка анализа русского консерватизма, которую мы хотим предпринять, уже означает определенное дистанцирование от данной идеологии и стремление выйти за ее пределы. Критикуя ельцинский режим 1990-х гг., а также политику горбачевского перестроечного руководства, российский консерватизм обвинял в сдаче влияния России в бывшем постсоветском пространстве всех демократов («либералов») от Горбачева до Ельцина, которым приписывалась «kozyревская» внешняя политика. Однако внимательный анализ показывает, что целый ряд существенных поражений российской политики после 2000 г., — например, украинская «оранжевая» революция 2004, как и грузинская «революция роз» Саакашвили, — происходили не только при попустительстве, но и при прямой поддержке определенных силовых российских кланов. Причем кланов, чьей идеологией выступал русский консерватизм (например, сюжет «партия „Родина” и Д.Рогозин на киевском майдане 2005 г.»). Подобные факты заставляют сделать вывод, что часть представителей не только «плохих» ельцинских демократов, но и «хороших» силовиков (консерваторов) реально является группировками сдачи позиций России в постсоветском пространстве, а также неизбежно и внутри самой России.

«Изнутри» консерватизма с его громким антилиберализмом (зачастую, как мы увидим, скорее риторическим) данная проблема видится по-своему. С позиций *правильного* консерватизма (консервативного идеала) недостатки политики современной силовой элиты являются следствием недостаточного применения ею «хорошего консерватизма», то есть рассматриваются не как недостатки самого консерватизма, но напротив, «остаточного» или поддерживаемого некими внешними силами либерализма. С точки зрения «правильного» консерватизма (напр., А.Проханов, Н.Стариков, М.Калашников-Кучеренко или тот же Д.Рогозин) в России все портят «оставшиеся либералы». Реальность для консерватизма значительно менее благоприятна. Мы хотим показать связь проблем современного российского порядка именно с его идеологией — идеологией консерватизма и противоречиями этой идеологии. Что касается сдачи советского наследства, то таковое для российского консерватизма не является случайным — оно, как следует утверждать, вытекает из реставрационной сути данной идеологии, ее глубинной связи с *мировым правым истеблишментом*, а также Новым российским порядком, идеологией которого данный консерватизм является и оборотные стороны которого он призван камуфлировать.

Можно утверждать неадекватность целого ряда установок идеологии русского консерватизма имеющейся ситуации как внутри, так и вне России. Отстаивая имперские (реально псевдоимперские) идеалы дореволюционной России, русский консерватизм на деле представляет собой ретроспективную утопию. Этот утопизм консерватизма (продолжающего говорить об утопии советской идеологии) проявляется, например, в концепции *Пятой империи* (А.Проханов, М. Калашников). В наивной апологии дореволюционной российской империи и монархии русский консерватизм (следуя за такими известными идеологами, как Солженицын) фактически защищает *не то государство* – не то, которое реально есть, но то, которого, так сказать, реально нет и не будет. При этом громогласное провозглашение данной как бы имперской (реально часто – квазиимперской) идеологии сочетается с продолжением политики проваливания реальных левоцентристских союзников современной России. В результате консерватизм (правый русский национализм), позиционируемый как истинная российская идеология, терпит все более серьезное поражение прежде всего в самой России и в пророссийских движениях.

Очевидна неспособность консерватизма решать основные стоящие перед страной вопросы, быть адекватной идеологией как самой России, так и оппозиционных правому контролю движений посткоммунистического пространства. Утверждаемый идеологами Нового российского порядка в качестве официальной и адекватной интересам российского государства идеологии, российский консерватизм очевидно перестает быть идеологическим лидером российского государства – как и соответствующие консерватизмы в других странах посткоммунизма. Это позволяет говорить о *крахе* русского консерватизма, в начале 1990-х начавшего свой активный подъем в постсоветской России с заявлений о «крахе либерализма», «крахе интеллигенции» (В.Бондаренко, С.Кара-Мурза), «прощании с либерализмом» (М.Леонтьев) и проч.

Под крахом консерватизма и национал-патриотизма в современной России мы понимаем неспособность данной идеологии объяснить ситуацию сегодняшнего российского кризиса и обеспечить задачи выведения страны из *зоны катастрофы*. Говоря о крахе консерватизма, мы даем ответ тем, кто с начала 1990-х говорил о «крахе интеллигенции» и «так называемых демократов», муссировал тезис о ее якобы «варварстве» (по известному дореволюционному правому консерватору М.Каткову – «наше варварство в нашей интеллигенции»). Факт кризиса современного российского порядка дает, напротив, основания говорить о «крахе бюрократии», и ее национал-патриотических идеологов, мобилизация которых и лежала в основе *силового* периода Нового российского порядка. Левоцентристская альтернатива этому порядку дает основы для иной мобилизации – мобилизации интеллигенции (интеллектуариата). Она закладывает основания современной левой идеологии –

нового либерализма — либерализма общества нового социализма, движение к которому от Нового российского порядка единственно может дать шанс для выхода России из постсоветской катастрофы, а с ней также — и ряда стран бывшего реального социализма.

Нашей целью является критический анализ русского консерватизма, а также причин (весьма весомых и объективных) для появления данной идеологии и ее основных постулатов. Мы хотим подвергнуть анализу не только сильные стороны данной идеологии, проявляющиеся в сравнении с либерализмом, именно либерализмом правым (оранжевым) — в том числе и либерализмом ельцинских демократов — но и сторон слабых, которые препятствуют решению важных проблем, стоящих перед российским государством.

Понятно, что группировки левоцентристской оппозиции не должны быть наивны в оценке своих возможностей повлиять на ситуацию современного («Нового») российского порядка. Единственным реально возможным в настоящее время вариантом перемен в России (даже в обстановке начавшегося кризиса консервативной элиты и начальных шагов по формированию оппозиции) остается попытка объяснения ситуации и изложения своей идеологической позиции реальным политическим игрокам — то есть группировкам силовой элиты России. А также поддержка левоцентристскими силами прогосударственной («некупленной») части данных силовиков, способной преодолеть консервативную (правонационалистическую) догматику.

Глава 1.

РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ И КРИЗИС НОВОГО РОССИЙСКОГО ПОРЯДКА

1. Русский консерватизм – главное идеологическое течение современной России. Русский консерватизм и Новый российский порядок к 2015 г. Достижения и противоречия. «Победители либерализма». Является ли русский консерватизм адекватной идеологией России («русской идеей») начала XXI века? Кризис Нового российского порядка и кризис консерватизма.

Постсоветская Россия прожила более 20 лет. Как следует оценить новую сложившуюся за это время в ней общественную систему? Есть ли у этой новой современной России, начавшей новое развитие с 1991 г., идеология, и если есть, то какова она? Насколько осознана эта идеология, как следует оценить практические результаты ее применения?

Систему, сложившуюся в России к 2015 г. можно по аналогии с известным в политологической литературе понятием Нового мирового порядка (например, А.Уткин. Новый мировой порядок. – М.: Алгоритм, 2006) назвать *Новым российским порядком*. Начатый реформами 1990-х, этот Новый постсоветский порядок окончательно утвердился в России в 2004–2015 гг., то есть в «путинский» период правления *силовой элиты*. Есть основания считать, и это подтверждают современные российские идеологи, что господствующей идеологией России последнего десятилетия является *русский консерватизм*. Идеология консерватизма и является официальной идеологией Нового российского порядка. «Консерваторами» называют себя основные идеологи современного российского режима – то есть путинского (силового) периода, начатого в 2000 г. – В.Никонов, А.Дугин, В.Сурков, А.Проханов, А.Ципко, М.Леонтьев, С.Кургинян, М.Калашников (В.Кучеренко), Е.Холмогоров и др. (напр., В.Никонов. Эпоха перемен глазами консерватора. – М., 1993, Н.Михалков. Манифест просвещенного консерватизма. – 2010).

Консервативное (оно же «патриотическое» и национал-патриотическое) идеологическое течение, по-видимому, определяет к 2015 г. основной поток российской официальной и массовой историографии, направление прессы, а также популярной «околополитической» общественной и исторической литературы, являющейся важным идеологическим фактором современного российского государства, оказывающим серьезное влияние на массовое сознание.

Консерватизм объявлен его сторонниками современным российским патриотизмом (А.Проханов, В.Бондаренко) и новейшей наконец-то найденной

«русской идеей» (А.Дугин. Русская вещь. — М., 2001, М.Леонтьев и др. Крепость Россия: прощание с либерализмом. — М., 2005). Главная российская партия — Единая Россия — также определяет себя как партия консервативная и правонациональная (например, заявления представителей партии с 2005 г., http://www.ng.ru/politics/2008-08-15/3_edro.html; http://www.ng.ru/politics/2009-09-25/3_conservatism.html). Начавшаяся в начале 1990-х гг. работами национал-патриотических критиков либерализма, данная идеология по сути и определила лицо Нового российского порядка, оказавшегося в немалой мере материализацией идей и проектов идеологов консерватизма. Сами консерваторы отличают свою идеологию от идеологии ельцинских «демократов» (либералов), как и свое (силовое) правление после 2000 г. от российского постсоветского периода 1990х гг. (А.Ципко. Почему я не демократ. — М., 2005).

Основным объектом критики консерватизма является «либерализм», «прощание» с которым является одной из важных идеологических основ указанной идеологии в современном российском варианте. Однако насколько объективна и последовательна консервативная критика либерализма (как и левой идеологии, также порицаемой официальным консерватизмом)? Насколько идеология российского консерватизма является выходом для современной России и постсоветского мира в целом?

Ответы на этот вопрос требуют анализа, который и составляет основную задачу данной работы. Предлагаемый анализ является одновременно и анализом *Нового российского порядка*, поскольку идеология консерватизма является основой этого порядка, его официальной идеологией.

Как следует оценить результаты развития Нового российского порядка, то есть силового («путинского») правления к 2015 г. в России, а также практического применения идеологии российского консерватизма?

Оценивая эти результаты, можно отметить как достижения (успехи) Нового российского порядка по сравнению с ельцинским периодом 1991—1999 гг., так и противоречия этого порядка. В качестве успехов Нового российского порядка в консервативном его варианте называются обычно стабилизация, определенное укрепление государства. Действительно, можно констатировать, что по сравнению с ельцинским периодом (1991—1999) после 2000 г. произошла определенная стабилизация и укрепление российского государства. Силовой элите удалось решить ряд задач «позитивного» развития страны (шаги по решению чеченской проблемы в целом, стабилизации политического и экономического развития страны), обеспечить определенный подъем уровня жизни и проч.

Однако как во внутренней, так и во внешней политике России к 2015 г. не решен ряд весьма важных проблем, стоящих перед российским государством. Речь идет не только о проблемах, с точки зрения основных консервативных идеологов как будто внешних и малосущественных — проблем авторитаризма политической системы — прав человека и др., на котором акцентирует

внимание демократическая (она же «либеральная») критика российского «силового» режима (например, сб. «Путями несвободы». — М., 2005, под редакцией А.Верховского). Речь идет также и наиболее важных государственных проблемах, связанных с экономикой, а также способностью государства решать основные внутренние и внешнеполитические проблемы. Недостатки Нового российского порядка в решении этих важных проблем, стоящих перед российским государством, признают не только сторонники «демократов», они же «плохие либералы», но и представители самих силовиков. Достаточно критический анализ нынешней российской ситуации дается, например, в книге бывшего аналитика КГБ Н.Леонова «Закат или рассвет? Россия 2000—2008 гг.» (М., 2008).

Можно утверждать, что несмотря на ряд очевидных успехов (на которые не следует закрывать глаза) и активности путинского руководства в решении многих важных государственных задач Новому российскому порядку к 2015 г. не удалось решить основных как внутренних экономических проблем, так и проблем внешнеполитических.

Об этом свидетельствует продолжающийся отток из страны населения, культурного слоя и бизнеса, ряд странностей в экономической сфере — организации промышленности, инфраструктуры (дороги), финансов (использовании нефтяных денег). Об этом же говорит неспособность Нового российского порядка поддерживать собственную промышленность — в том числе используя сырьевые сверхприбыли (критика нынешней российской промышленной политики со стороны Г.Зюганова имеет основания), а также странности кризиса 2008—2009 гг. (например, Н.Стариков, «Шерше ля нефть», «Кризис, как это делается» и др.)

Достаточно противоречиво поведение силовой элиты России во внешней политике, в первую очередь в ближнем российском зарубежье — на Украине, в Грузии и Прибалтике. Известные российские аналитики признают реальное «отсутствие» России как серьезного политического игрока в современном мире (например, Е.Примаков. «Мир без России», 2008), а также продолжающееся ухудшение российской геополитической ситуации. Это ухудшение выражается в непрекращающемся и в течение «нулевых» годов «отступлении» России из бывшего советского пространства, продолжении «сдачи» стратегическим конкурентам всех форм влияния в этом пространстве, включая страны, непосредственно примыкающие к России, в том числе и те, которые сохранились к 2000 г. — то есть при ельцинских демократах. Весьма серьезным ухудшением геополитического положения России стали «оранжевые революции» на Украине и Грузии 2004 г., произошедшие, однако, вовсе не при «плохом демократе» Ельцине, но при хороших «антилибералах» — силовиках. Это же можно сказать и о как будто «дружественном» постсоветской России блоке НАТО, после включения в него прибалтийских государств в том же 2004 г. приблизившемся непосредственно к границам России.

Серьезным поражением России стал переворот 22 февраля 2014 г. на Украине, в результате которого к власти стране пришли правые силы, развязавшие гражданскую войну в непосредственной близости от российских границ.

С «западной» (консервативно-либеральной) точки зрения приход к власти в бывших постсоветских странах Прибалтики, Украины и Кавказа правых политических группировок являлся некоей положительной формой «освобождения» указанных стран, преодоления в них «советских пережитков», установления в данных странах «демократии». Реальность, однако, показывает существенные противоречия новых «посткоммунистических» режимов как во внутренней, так и во внешней политике. Режим Саакашвили в Грузии вполне ясно показал свою репрессивность как в подавлении оппозиции, так и в осетинском инциденте осени 2008 г. Правление украинских «оранжевых» после 2004 г., помимо натовской ориентации, привело также к развалу экономики и блокадным акциям в отношении направляемого Россией в Европу газа, что заставило Россию начать прокладку газопроводов в Европу в обход этой страны. Такие же блокадные акции против России начали и правые прибалтийские режимы, сформированные, как следует признать, не без участия и идеологической поддержки консервативных российских группировок (см. *«Эстония до и после Бронзовой ночи»*. — СПб., 2009). Вместо декларируемой демократии, все эти режимы показывали тяготение к правой диктатуре, включая нарушения прав меньшинств и подавление центристской и левой оппозиции.

Поведение новых правых «посткоммунистических» режимов, в частности агрессия М.Саакашвили против Российской Федерации в Осетии в 2008 г. и тем более действия правительства А.Турчинова-П.Порошенко, после переворота 22 февраля 2014 г. на Украине развязавшего в стране гражданскую войну, подтвердили, что холодная война между Западом и Россией не исчезла, но лишь приняла иные формы; что прессинг англо-американского мирового центра, ранее направленный на СССР, теперь направлен на постсоветскую Россию. (Напр., А.Уткин. *Мировая холодная война*. — М., 2005.)

Встает вопрос: насколько Новый российский порядок в его нынешнем варианте с его идеологией — идеологией консерватизма — способен противостоять силам этой новой холодной войны и внешнего прессинга на Россию? В том числе в формах подпольного терроризма, выражающегося как в убийствах (например, авиакатастрофа, унесшая жизнь генерала Г.Трошева), так и иных проявлениях терроризма на российской территории, в том числе и как бы «естественных» катастрофах?

Консерватизм долгое время валил внешнеполитические поражения России 1990-х гг. (в первую очередь на постсоветском пространстве) на ельцинских либералов и «kozyревскую» внешнюю политику. Однако полтора десятилетия спустя очевидно, что консервативные силовики не сильно преуспели в исправлении ситуации, сложившейся к началу их правления. Несмотря на

активную риторику (вроде теории «Пятой империи» или заявлений Единой России по поводу многополярного мира) российская элита продолжает «странную войну» в ближнем зарубежье, строящуюся по принципу «шаг вперед, два шага назад». Это заставило даже консервативных обозревателей говорить о «системной разбалансировке» внешней политики России последнего периода (М.Колеров, В.Акопян, 18.08.2011, <http://www.regnum.ru/news/polit/1436359.html>).

Указанную разбалансировку, как и многочисленные странности внешнеполитических действий России, уже нельзя списать на пресловутых «либералов» (они же демократы), об ошибках и даже «предательстве» которых постоянно твердит нам русский консерватизм. Они произошли уже при нынешнем силовом режиме, в условиях контроля консервативных (преимущественно силовых) группировок как над исполнительной, так и над законодательной властью. Уже в 2003 г. российская Госдума фактически была сформирована по консервативному (кургиняновскому) проекту, предписывавшему отстранение от власти плохих демократов («либералов»). Внешнеполитические и иные поражения силовой элиты в 2000–2015 гг. следует рассматривать как поражения уже не либералов, но *самого нынешнего Нового российского порядка, его консервативной силовой элиты и идеологии данного порядка – идеологии консерватизма.*

В отношении указанной элиты (как и организаторов силовой акции в Осетии) верна мысль о том, что генералы всегда готовятся к прошлой войне. Это относится и к войне «холодной», которая, как оказалось, никуда не исчезла вместе с СССР и «коммунизмом» и которая по-прежнему ведется против постсоветской России. Некоторые российские руководители военных структур как и ранее делают ставку на традиционные вооружения, как будто не понимая, что уже как минимум два десятилетия открытое военное (силовое) противостояние вовсе не является основной формой политических баталий на фронте «новой холодной войны» – прежде всего в мире «посткоммунизма». Основным полем противоборства в новом веке становится *противостояние идеолого-политическое, идейное (идеологическое) и противостояние политических машин – внешних (партийных) и более глубинных – спецслужб.* Именно в этом противостоянии Россия, начиная с краха советской перестройки, как кажется, и терпела основные поражения.

В этом же противостоянии (войне) идеолого-политических машин Россия продолжает проигрывать не только в так называемом ближнем зарубежье, но и у себя в стране. Следует утверждать неэффективность и наивность попыток силовыми акциями (подобными операции в Осетии и Грузии в 2008 г.) исправить более ранние и основательные поражения идеолого-политические. То есть политический и идеологический проигрыш тех управляющих Россией силовых группировок, которые до этого по сути дела поддерживали переход власти в Грузии к Саакашвили, а на Украине к Ющенко.

Подводя некоторые итоги последнего десятилетия Нового российского порядка, можно констатировать таким образом, во-первых, что общая ситуация как внутри, так и вне Российского государства к середине 2015 г. остается достаточно сложной. Послеперестроечная российская катастрофа (а также, по-видимому, катастрофа всего постсоветского и посткоммунистического пространства) не преодолена, она продолжается и в ряде аспектов даже углубляется. Силовой (путинский) период, представители которого часто говорят о положительном преодолении ими ельцинского периода, реально оказался продолжением не только ряда достижений, но и серьезных недостатков данного периода. Становится все более очевидным, что Новый российский порядок не является выходом России на кардинально новые рубежи развития, но является скорее способом вписывания России в ситуацию Нового мирового порядка, организуемую по внешним сценариям и в формах, зачастую прямо противоречащих реальным российским интересам.

Это позволяет поставить вопрос о роли современного консерватизма как идеологии Нового российского порядка. Задача современной левой идеологии — критический анализ консерватизма, его демистификация, которая при этом не означает перехода на позиции традиционного (правого, «оранжевого») либерализма.

2. Роль русского консерватизма в проблемах Нового российского порядка. Консервативные мифы и реальность. Внешние проблемы и проблемы внутренние. Консерватизм и либерализм. Русский консерватизм на стороне «цветных» революций 2004 г. в Грузии и на Украине. Провал русского консерватизма в Прибалтике.

Важная часть, а по-видимому и основа риторики современного российского консерватизма, — критика либерализма, как внешнего (западного), так и внутреннего, то есть ельцинизма или украинского «оранжизма» (например, С. Кара-Мурза. Экспорт революции. — М., 2005). Отсюда следует повсеместное «прощание с либерализмом», заявленное, в частности, известным консервативным обозревателем Михаилом Леонтьевым (Крепость Россия: Прощание с либерализмом. — М.: Яуза-Эксмо, 2005).

Представители русского консерватизма (от А. Проханова и С. Кара-Мурзы до К. Крылова и др.) доказывают, что недостатки Нового российского порядка являются вовсе не результатом идеологии и политики самого консерватизма, но «остаточного» либерализма и «недостаточного применения» правящей группировкой «правильного» консерватизма. Выход указанные теоретики (А. Проханов, М. Калашников-Кучеренко и др.) видят в последовательном консерватизме и окончательном искоренении либерализма.

Для критики последствий применения в России доктрины либерализма (именно либерализма правого — «оранжевого»), в частности в ельцинский период, есть многие основания. Однако отношение современного российского консерватизма к либерализму должно быть демистифицировано. Противоречивость критики современным российским консерватизмом

либерализма определяется в первую очередь тем, что консерватизм вовсе не является *некоей отдельной самостоятельной идеологией*, но как и правый либерализм — частью (компонентом) *мировой «правой» консервативно-либеральной идеологии*. Это позволяет говорить не только о противоречиях, но и о единстве данных двух идеологий — как либерализма, так и консерватизма в общем правом идеологическом комплексе — *консервативного либерализма*.

Критикуя ельцинизм (ельцинский правый либерализм) и ельцинский период постсоветского развития России, современный консерватизм не замечает своего единства с ним. Именно того, что как ельцинский, так и силовой периоды постсоветской России являются разными формами единого *Нового российского порядка*, соответствующего эпохе *«реставрации» как в России, так и в постсоветском мире традиционного «западного» общества*.

Можно заметить, что силовой период постсоветского российского государства оказывается не неким новым этапом развития России, но продолжением периода ельцинского, являясь, как и он, формой вписывания России в Новый мировой порядок, а также формой лишь «декоративного» сопротивления этому мировому порядку. В отношении к указанному порядку русский консерватизм вовсе не противостоит правому («оранжевому») либерализму, но выполняет с ним одну и ту же задачу.

Поэтому вопреки идеологам консерватизма выход России из ситуации Нового мирового порядка состоит не в некоем «последовательном» консерватизме — доведении консерватизма «до конца» и «окончательным искоренении» либерализма (что изначально утопично в отношении консервативного либерализма как единой правой идеологии). Этот выход может состоять лишь в преодолении *правой идеологии в целом* — как традиционного («оранжевого», то есть правого) либерализма, так и консерватизма и переходе к иной — современной левой идеологии.

Вопреки консервативному тезису о виновности либерализма в постсоветской сдаче всего и вся (именно — советского наследия) реальность, напротив, показывает ответственность за провалы и ухудшение российской ситуации вовсе не плохих либеральных, но «хороших» — то есть консервативных — группировок Нового российского порядка.

Приведем некоторые не слишком удобные для консерватизма факты о его роли в истории России последних полутора десятилетий.

Очевидно, например, что «цветные» революции на Украине и в Грузии произошли вовсе не в силу симпатий к указанным переворотам неких высокопоставленных (но скрытых) российских либералов, но при попустительстве, а практически и при поддержке весьма патриотичного на словах российского консерватизма, крупных консервативных партий (например, «Родина») и известных консервативных деятелей.

Так, внимательный анализ прихода к власти в Грузии М. Саакашвили в результате, так называемой, «революции роз» 2004 г. показывает, что победа

таковой не обошлась без существенной поддержки российских консерваторов. Они не любили свергнутого руками Саакашвили Э.Шеварднадзе еще с периода перестройки, и, понятно, по «правильным» причинам — за «сдачу восточной Европы». Были и другие аргументы «плохости» Шеварднадзе — его попытки отстоять для Грузии Осетию, Абхазию, Аджарию и проч. (Впрочем, мог ли действовать иначе на его месте любой национальный лидер?) Поэтому российские консерваторы начали не только активно критиковать Шеварднадзе в массовых средствах (М.Леонтьев на ОРТ), но и прямо подрывать его режим. В 1999—2004 гг. российские консервативные (антилиберальные и следовательно «патриотические») группировки (в частности, И.Георгадзе), предприняли также ряд активных акций по дестабилизации грузинской власти. Грузинская сторона была уверена (и сообщала об этом в различных информационных материалах, в том числе и по ТВ), что за покушением на Шеварднадзе, организованном И.Георгадзе, стояла российская сторона.

Приход к власти М.Саакашвили поддерживался также постоянными консервативными провокациями с российской стороны. Как заявил в своем последнем интервью по RTVi неожиданно умерший в 2008 г. оппонент Саакашвили Бадри Патрикацишвили, как только грузинская оппозиция начинала какие-либо действия против Саакашвили, следовала провокация с российской стороны, и Саакашвили снова оказывался на коне (см. последнее интервью Б.Патрикацишвили RTVi). Характерна и судьба самого Б.Патрикацишвили, занимавшего пророссийскую позицию и бывшего возможно даже удачной для России альтернативной Саакашвили. Однако консервативное российское руководство не думало поддерживать Патрикацишвили, о котором в российских массовых средствах говорилось в основном как о друге «сверхужасного» Березовского. Поэтому «олигарх» и умер в одночасье, тихо и быстро, едва решил выступить против Саакашвили...

Важным фактором прихода к власти в Грузии откровенно антироссийских группировок стала также антикавказская консервативная (и поэтому «патриотическая») идеологическая кампания. В ней участвовал, например, такой известный лидер тогдашней партии «Родина» как ставший к настоящему времени вице-премьером В.Путина Дмитрий Рогозин — не либерал какой-нибудь, но замечательный человек и большой патриот России — в консервативном, понятно, варианте. В 2005 г. он выступил против «кавказского засилья» в «поддержку русских», обнародовав широко известный клип под названием «Очистим Москву от мусора». Следует заметить при этом, что антикавказские выходы консерваторов накануне прихода к власти Саакашвили и в первые годы его правления являлись не простой ксенофобией, но участием в более серьезной игре — именно содействии российских «консерваторов» дестабилизации относительно умеренного режима Шеварднадзе и приходу к власти (а затем и укреплению) режима Саакашвили. Таким образом, целые консервативные силовые кланы России

оказались сторонниками «революции роз» и участниками «большой игры» — только вот на российской ли стороне?

Перейдем к Украине. Здесь победа «оранжевой революции» (2004—2005) тоже не обошлась без российских консерваторов, они же «патриоты» и борцы с либерализмом внутри России, в частности той же партии «Родина» вместе с ее тогдашним лидером Д.Рогозиным. В то время как одни официальные российские представители (Яковенко) как будто ругали оранжевых, последние активно выступили на стороне Ющенко. «27 декабря (2004 г.) на митинге в Киеве, — писал Юрий Крупнов в статье „Страна, которую предала „Родина“ — его еще называли „праздником Ющенко“ — за самим победителем в компании записных „оранжевых москалей“ весь в оранжевом стоял не кто иной, как лидер партии „Родина“ Дмитрий Рогозин. В тот день он также успел отметить в эфире ющенковского «Пятого канала». Рогозин распространил в СМИ туманное заявление, в котором полностью поддержал оранжевую революцию и Ющенко: «Никаких сомнений в результатах „третьего“ тура нет... Я лично не наблюдал никаких нарушений на участках, кроме каких-то мелких, которые есть всюду — и в России в том числе»... «Поскольку от партии «Родина» и думской фракции «Родина», — продолжал Ю.Крупнов, — каких-либо разъяснений по этому поводу до 9 января 2005 года не последовало, то остается полагать, что визит был не просто «частной инициативой». Дело сделано. Поэтому дальше можно, чтобы несколько скрасить «оранжевость», что угодно выдумывать и разъяснять. Так, например, в прямом эфире «Эха Москвы» Рогозин в хлестаковском задоре заявил, что он «доволен тем, что после нашего с ним [Ющенко] краткого такого разговора он уже заявил о том, что Россия — это страна, куда он должен приехать первой(ым)». (Русская линия, 13.01.05, <http://www.pravaya.ru/left/right/472/2035?print=1>). К этому следует добавить ставший известным факт финансирования Ющенко в 2003—2004 гг. теневым спонсором «Родины» А.Бабаковым (<http://www.iarex.ru/articles/47808.html>).

Так консервативная партия «Родина», как считалось в то время — авангард русского патриотизма — всецело вместе с известным патриотом Рогозиным на российские деньги (а может и не только) поддержала Ющенко и в целом оранжевую революцию на Украине. На кого же сработали русские консерваторы и соответствующие консервативные силовые кланы? Что касается Д.Рогозина, то он, как известно, остался в обойме официальной российской элиты и даже удостоился поста вице-премьера. Ну как не порадоваться на такого патриота?

К этим фактам можно добавить странности поведения российской консервативной элиты с середины 2000 г. в Евросоюзе, заметные на прибалтийском направлении, в частности эстонском (более подробно — «Эстония до и после Бронзовой ночи»). «Бронзовый» кризис 2007 г. в Эстонии в полной мере показал странности поведения российской консервативной элиты. Тут и

доктрина представителя «динамического консерватизма» М.Демурина о «хорошести» для России президента Т.-Х.Ильвеса (в отличие от А.Рюйтеля), озвученная данным автором на портале «Регнум» (<http://www.regnum.ru/news/710288.html>). И финансирование русским консерватизмом фактически антироссийских правых партий и газет (например, МК Эстония), и удары по собственному российскому бизнесу и транзиту. А также приглашение в 2004 г. на встречу с тогдашним президентом России В.Путиным почему-то считаемого «либералом» главного эстонского консерватора, то есть «хорошего человека» — Марта Лаара. (Встреча Лаара и Путина, 9 апреля 2004 г., <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/mart-laar-vstretilsya-s-putinym.d?id=7603580>). М.Лаар уже тогда был известен как активный борец с российским влиянием в постсоветском пространстве и советник как Ющенко, так и Саакашвили (которого М.Лаар консультировал позже и перед событиями 2008 г.).

Результатом указанной консервативной политики определенных российских кланов стало выбивание из Эстонии российского транзита, дальнейшее ухудшение положения русскоязычного населения («соотечественников») и создание на границах России очевидно враждебного ей режима. Никакого интереса к поддержке левых и центристских сил Эстонии, стремящихся к улучшению отношений между двумя государствами, российские внешнеполитические структуры в течение многих лет не проявляли. Не интересовали их в течение длительного периода и вопросы выборов евродепутатов от Эстонии, в отличие, например, от тех же США, которые много лет используют евродепутатов от крайне правых прибалтийских партий в качестве активных сторонников своей политики.

Указанные факты сдачи бывших сфер российского влияния консервативными идеологическими и политическими группировками, а также прямая поддержка ими антироссийских сил в ближнем зарубежье оказываются не неким эксцессом, но скорее обычной характерной особенностью Нового российского порядка. Многочисленные факты позволяют говорить о сдаче вовсе не либеральными, но именно консервативными властными группировками в России не частных, но коренных интересов государства как во внутренней, так и во внешней политике.

В течение всего правления консерватизма в России на ближайших к России территориях действовала одна и та же схема: внешние консервативно-либеральные группировки «оранжевого типа» атакуют «недостаточно освоенную» ими постсоветскую территорию — например, Украину, Грузию или Прибалтику. Местные центристские и левоцентристские силы пытаются оказать им сопротивление. Однако в этот самый момент им наносят в спину удар российские консерваторы (будь то рогозинская Родина или патриот Георгадзе).

В целом к 2015 г. можно говорить не только о *малозффективном сопротивлении* Нового российского порядка внешнему неоконсервативному прессингу, но фактически о многолетнем и достигшем достаточной ясности провале

Нового российского порядка в странах так называемого ближнего зарубежья. Общим результатом этого провала официального российского консерватизма стала потеря влияния России в бывших дружественных ей государствах и в стратегически важных для нее регионах Европы, а также усиление политической и экономической блокады России. Попытки выхода из этой блокады экономическими способами (строительство «обходных» газопроводов) не решает кардинальных для России геополитических проблем.

Силовая (консервативная) элита, сделавшая немало для стабилизации ситуации в России с начала 2000 г., к концу десятилетия своего правления ведет себя все более противоречиво и двойственно в основных вопросах развития российского государства – как во внутренней политике, так и в политике внешней (например, поведение России в отношении ливийского кризиса 2011 г.).

Становится все более очевидно, что идеология консерватизма призвана камуфлировать как собственные реальные противоречия, так и противоречия стоящего за ней Нового российского порядка. Поэтому ответ на главный вопрос: является ли русский консерватизм искомой позитивной постсоветской идеологической формой, позволяющей России найти выход из имеющейся ситуации (реально – постсоветской катастрофы) должен быть отрицательным.

3. Демистификация русского консерватизма и его типологический анализ. Основные положения современного российского консерватизма. Его противоречия и странности: «пиночетовщина», «белогвардейский гэкачепизм». Странное отношение консерватизма к СССР и его наследию: антибольшевистский сталинизм.

Необходима демистификация идеологии консерватизма и ее теоретический анализ. Этот анализ, каковой должна предпринять современная левая идеология, предполагает, в частности, *типологический подход* к современному российскому консерватизму, то есть рассмотрение его в ряду других восточноевропейских консерватизмов.

Современный российский консерватизм (как, заметим и другие восточноевропейские консерватизмы, имеющие очевидное *типологическое сходство*), по-видимому, строится на следующих постулатах (теоретических основаниях):

1. Стремление строить идеологию не на социальных (как предлагал ряд общественных течений, включая марксизм), но на национальных основах. Главной опорой и основой государства объявляется *нация*, в случае России – русская (Шафаревич, Дугин, Кургинян, Холмогоров, Рогозин), так же как в Латвии латышская, на Украине – украинская и проч. Критика и отрицание с «национальных» позиций теорий, опирающихся на социальные основания – как левых, так и либеральных. «Национальная» трактовка государства с особым выделением и апологетикой авторитарной и имперско-монархической стороны государства (см. Русская доктрина, 2007).

2. Антилиберализм — критика демократических (либеральных) и левых идеологических течений в России. Отрицание теорий как современных «демократов», так и всей демократической традиции в России, начиная с декабристов и критиков самодержавия с XVIII—XIX и XX века. В рамках «прощания с либерализмом» подвергается критике вся либеральная традиция, включая П.Милюкова до П.Струве и сторонников февральской революции 1917 г. в России. Либералы, в том числе демократы — критики советской системы (включая левых демократов), критикуются как «антинациональное» течение. Так же оцениваются и ельцинские правые либералы.

3. Критика всей левой и революционной традиции в России, в первую очередь большевизма. Представление российских левых оппозиционеров и революционеров — от народников и эсеров до большевиков врагами российской государственности и едва ли не агентами внешних сил (В.Шамбаров, Н.Стариков и проч.). Отрицание какой-либо позитивности русской революции — в первую очередь Октябрьской 1917 г., но также и февральской. Обвинение большевизма в антинациональности и «разрушении России». (Например, Н.Стариков. 1917 г. Кто «заказал» Россию? — М., 2009.) Представление о преимуществе «досоветского» имперского развития по сравнению с советским, трактовка советского развития как катастрофы (от А.Солженицына до А.Ципко и иных правых консерваторов).

4. Противопоставление советской системе не реформаторского социализма («социализма с человеческим лицом») и не демократической «послефевральской» России, но дореволюционной Российской империи, а также правой национальной диктатуры в стиле европейских режимов правого национализма между двумя мировыми войнами (Франко, Муссолини). Апология монархических и консервативно-имперских деятелей России — от К.Победоносцева (А.Солженицын), до черносотенцев (В.Кожин). Стремление к созданию под видом «русской партии» правонационалистических группировок, откровенно возрождающих традиции дореволюционного черносотенства (А.Байгушев. Русская партия внутри КПСС. — М., 2005, вице-спикер Госдумы от партии Родина С.Бабурин и «восстановительный съезд» Союза русского народа в 2005 г.).

5. Специфическая концепция «возвращения к СССР» — не в классически большевистском, но именно в сталинском варианте. Апология сталинской административно-командной системы (ряд идеологов КПРФ, А.Проханов, также консервативные историки типа А.Мартirosяна). Сведение реального социализма и советского проекта к деятельности Сталина. Аполетика сталинизма, трактовка его по аналогии с «хорошей монархией», защита сталинских репрессий как «справедливых» (А.Мартirosян, А.Буровский). Противопоставление «хорошего антибольшевика Сталина» «плохому Ленину» и ленинской революционной элите. Трактовка Сталина с позиций правого национализма как «хорошего контрреволюционера» и даже «национал-революционера» (Дмитриевский, Буровский и др.).

6. Попытка подменить анализ действительных как внутренних, так и внешних причин краха СССР и реального социализма мифологией на темы «масонства», «еврейского заговора» и проч. Стремление переложить ответственность за крах реального социализма с внешнего неоконсерватизма и недееспособной шовинистической бюрократии на сторонников реформ командной системы. Апология ГКЧП. Отрицание существенной роли в падении реального социализма русского консерватизма и черносотенных группировок (нацистской закулисы) внутри СССР (Славянский собор Байгушева 1988 г.).

7. Критика Нового российского порядка и его властных группировок (также В.Путина и Д.Медведева) с позиций «правильного консерватизма», то есть «русского порядка», в том числе Пятой империи (Калашников-Кучеренко, Проханов), вплоть до теории русской «национальной революции» и «русского переворота» (А.Байгушев, А.Ципко, Е.Холмогоров, К.Крылов, О.Платонов).

Современный российский консерватизм показывает специфическую двойственность. Одно течение этой идеологии считает утерянным идеалом советскую командную систему – как правило, еще дохрущевскую, то есть сталинскую (А.Проханов, А.Мартиросян, во многом Г.Зюганов). Второе течение выступает с позиций «дореволюционной» и антибольшевистской имперскости, а также правой национальной диктатуры, известной по режимам между мировыми войнами от Муссолини до Франко. Правоконсервативная Русская партия еще в советское время считала своим идеалом как представителей российской монархии – русских царей вплоть до Николая II, так и правых диктаторов от Столыпина до Корнилова и Колчака. С этих позиций критикуется и советская система (А.Байгушев, А.Ципко, А.Буровский). Эта линия консерватизма осознает себя как продолжение дореволюционного русского консерватизма (кстати, изученного российскими историками достаточно подробно – см. работы В.Гросула, А.Репникова и ряда др.).

Нынешний российский консерватизм представляет собой таким образом эклектическое (и в силу этого странное) сочетание *двух консерватизмов*. Во-первых, сталинизма – идеологии советской командной системы в сталинском (доперестроечном) варианте. Во-вторых, консерватизма традиционного западного – правого монархического или национал-революционного (в духе европейских диктатур между двумя войнами) национализма, имеющего очевидные западные (итальянские, испанские, немецкие и проч.) аналоги. Первое течение является советским традиционализмом (например, в варианте зюганизма), идеологией сталинской административно-командной системы. Второе течение консерватизма является правым западным традиционализмом, ставящим задачу реставрации «добольшевистской» и антибольшевистской России (если не монархической, то правонационалистической в духе европейских диктатур в Италии или Испании). Таковой с позиций левого дискурса можно определить как правый национализм.

Говоря о возвращении к СССР, современные русские консерваторы — представители советского традиционализма — как правило поэтизируют командно-административную систему в сталинском ее варианте, критикуя как досталинский большевизм, так и советских реформаторов, начиная с Н.Хрущева (см. критику Хрущева у Мартиросяна, Буровского и иных «историков эпохи реставрации»).

Второй вариант русского консерватизма в виде правого национализма (например, Н.Стариков) специализируется на критике революционной традиции в России, а также большевизма («От декабристов до моджахедов» и проч.), выдвигая в качестве идеала дореволюционную Россию. С правой (свойственной консерватизму «правого» типа) критикой марксизма и большевизма выступает также «как бы левый» (реально автор эклектической комбинации правого национализма с неонародничеством) Сергей Карамурза.

Из доктрины правого национализма вытекает симпатия русских консервативных идеологов к правым диктаторам, которую они оригинальным образом пытаются соединить с ностальгией по СССР. Известный телеведущий первого российского телеканала Михаил Леонтьев, ряд построений которого не следует отрицать (например, о Большой игре, то есть старом геополитическом противостоянии Англии и России) заявляет о себе как активном поклоннике чилийского диктатора Пиночета (напр., <http://www.24news.ru/news/world/1430833182s.html>). Таковой по мнению М.Леонтьева и его единомышленников был так же хорош для Чили, как в России противник революции Столыпин. Сходные соображения в защиту Пиночета в 2012 г. отстаивала также и Ю.Латынина, считающаяся представительницей «демократической» оппозиции в России (<http://kripta.ee/rosenfeld/2012/07/25/pinochetovshhina-yulii-latyninoy-i-krizis-pravoj-ideologii-v-rossii/>).

В условиях Нового российского порядка, ставящего в качестве главной задачи реставрацию «досоветской» России, все более важную роль (очевидно — не без поддержки внешних сил) приобретает именно вторая, правонациональная составляющая (А.Ципко, О.Платонов, А.Байгушев, Е.Холмогоров). Лидерство в российском консерватизме получают консерваторы правого образца, переучивающие советских традиционалистов в монархистов и правых националистов. Отсюда — концепция «Третьего Пути» и «Консервативной революции» А.Дугина, контакты советских традиционалистов Е.Лигачева и А.Проханова с бывшим ээсовцем Жаком Тириаром, восхищение околпрохановца В.Бондаренко известным убежавшим в США радикальным патриотом Григорием Климовым и проч.

Двойственность современного российского консерватизма определяет ряд странностей данного течения, эклектическое сочетание в нем реально несоединимых идеологических компонентов (в частности теории «антибольшевистского сталинизма», «белогвардейского гэкачепизма» и проч.)

В консервативных исторических сочинениях об СССР и массовой исторической литературе возникает специфический «антибольшевистский сталинизм», которому как будто «нравится» СССР и Сталин, но при этом совершенно не нравится большевизм. Логика такая: либералы и большевики (а также инородцы) «развалили» хорошую царскую империю. Поэтому большевики плохи, плох и Ленин. В особенности же плох и ужасен Троцкий (вообще инородцы и в первую очередь евреи среди революционеров). Зато хорош «антибольшевик» – консерватор и «хороший контрреволюционер» Сталин – именно потому, что он «разделался с Троцким и с большевиками». (Такую логику сталинского террора отстаивает, например, историк А.Буровский в книге «1937 г.».) Сталин же восстановил правильный – не большевистский, но национал-революционный и имперский «русский» порядок, который начали потом опять разваливать плохой Хрущев и проч.

Такая консервативная позиция, согласно которой русская революция и большевизм ужасны, тогда как Сталин, командная система и брежневский СССР – хороши, находится, разумеется, в полном противоречии со здравым смыслом. Понятно, что без большевизма и «второго марксизма» (марксизма-ленинизма) создание СССР и всего мира реального социализма (как впрочем, и появление Сталина) нельзя считать возможными.

Весьма характерной для современного российского консерватизма является также теория «белогвардейского ГКЧПизма», соединяющая симпатии к белому движению с поддержкой ГКЧП. Скандальный либерал-демократ Жириновский заявлял, что он и за белогвардейцев (например, Юденича), но одновременно и за ГКЧП. Такую же позицию отстаивал и антимарксист Ципко. Если вдуматься, эта позиция является абсурдом. Доживи реальные представители российского белого движения – например, генералы А.Деникин и Е.Миллер до 1991 г. – могли ли они поддерживать ГКЧП? Смешной вопрос: реальные (не ряженные) белогвардейцы, как известно, выступали против советской системы в принципе. Для них соединить приверженность белому движению с поддержкой ГКЧП было совершенно невозможно. Иное дело Жириновский, Проханов и прочие российские консерваторы, которые одновременно с декларацией правого национализма являются и поборниками командной системы в сталинском варианте.

Критика старой советской системы (как и идеологии СССР – советского марксизма – марксизма-ленинизма) может вестись по-разному. Одна критика – с позиции реформ реального социализма, другая – с позиций его развала и возвращения к общественной системе, предшествовавшей реальному социализму и враждебной ему, типа дореволюционной монархии и европейских правонациональных диктатур 1920–1940-х гг. Есть основания считать концепцию современного российского консерватизма (правого национализма) вовсе не идеологией реформирования реального социализма (в чем следует видеть суть советской «перестройки»), но разрушения и развала его.

4. Консерватизм респектабельный и радикальный.

Важной особенностью современного российского консерватизма является наличие в данном течении как респектабельного, так радикального крыла. Респектабельное крыло официального российского консерватизма представляют, например, такие идеологи как В.Никонов, Г.Павловский, М.Колеров, С.Кургинян, В.Сурков, отчасти А.Дугин. Консерватизм «радикальный» отстаивают О.Платонов, Г.Климов, В.Истархов, А.Байгушев, Е.Холмогоров, Б.Миронов, ген. В.Филатов, а также многие иные авторы издательства «Алгоритм» и идеологи Русского марша.

Радикальный (правонациональный) консерватизм в России заявляет о своей резкой ксенофобии («Россия для русских») и поддержке теории мирового еврейского заговора и «национальной революции». Таковы многотомные писания О.Платонова, Г.Климова, книги А.Байгушева (Русская партия внутри КПСС. – М., 1995). Радикальное направление правого русского национализма (от Климова до Байгушева) играет в России роль, по сути аналогичную роли германского национал-социализма.

Казалось бы, консерватизм респектабельный и консерватизм «радикальный» (национал-революционный) представляют собой явления совершенно разные. Например, таких близких к высшим российским государственным лицам идеологов, как Владислава Суркова или Глеба Павловского, трудно, кажется, заподозрить в симпатиях к откровенно ксенофобским вариантам консерватизма. Заявления этих авторов по национальному вопросу кажутся вполне респектабельными (ниже мы рассмотрим их более подробно). Однако, характерный факт – за этими казалось бы вполне умеренными официальными консерваторами обнаруживаются фигуры значительно менее респектабельные. Например, в программном тексте о «суверенной демократии» близкий в течение долгого времени к В.Путину и Д.Медведеву идеолог Владислав Сурков реально цитирует радикального патриота и сторонника «атомного православия» Е.Холмогорова, использующего очевидную правонационалистическую риторику и теоретические ходы Третьего рейха, в частности, теорию «национальной мобилизации» Эрнста Юнгера. (Холмогоров Е. *Русский проект: реставрация будущего*. – М.: Алгоритм, 2005, с. 350; *Национализация будущего*. В книге В.Сурков. *Тексты 1997–2007*. – М.: Европа, 2008.) Близкий к власти после 2000 г. «государственник» и учитель «новых правых» Глеб Павловский рекомендует сочинения Е.Холмогорова издательству «Европа», где они и выходят под названием «Русский националист» (М.: Европа, 2006, с. 29).

Некоторые консервативные идеологи (например, С.Кургинян) пытались отрицать связь общего течения консерватизма (национал-патриотизма) с радикальным – национал-революционным направлением этого течения и бороться с «вирусом фашизма» консервативными идеологическими средствами.

(С.Кургинян, Власть и оппозиция, 1993.) Однако такая борьба никакого результата не дала. Радикальное направление в общем консервативном течении не только не исчезло, но как показал истекший период, является весьма влиятельным, в котором «респектабельный» консерватизм часто играет роль простого идеологического прикрытия.

Кульминацией русского радикального консерватизма, его главным содержанием является теория *национальной революции*, она же «русский переворот» (Байгушев, Дугин, Холмогоров, Ципко). Таковая была заявлена рядом консервативных идеологов еще начиная с перестройки и особенно активно в 2003–2005 гг.

В 2003 г. к национальной революции в России призвал бывший работник ЦК КПСС и затем антимарксист А.Ципко (Ждет ли Россию национальная революция? 28.02.2003, <http://kp.ru/daily/22983/2037/>). В этом же году Ципко (в последние годы — обозреватель Литературной газеты и активный участник передач главных российских телеканалов) выступил с лозунгом «Россия для русских» (Россию пора доверить русским. — М.: Алгоритм, 2003, 2 изд. «Почему я не демократ». — М., 2005). «Наряду с черносотенным, мы имели широкий спектр цивилизованных форм патриотизма» — заявил в этой книге А.Ципко, рассматривая тем самым черносотенство как «вид патриотизма». (Россию пора доверить русским, с. 188.) Еще в 1990-х к национальной революции призывал лидер ЛДПР В.Жириновский. По его словам «Последнюю национальную революцию могут осуществить только русские, не немцы. Национализм — единственный путь к свободе...» (Цит. по: Русский национализм. Идеология и настроение. — М., 2006, с. 250.)

Понятие «национальная революция» между тем есть термин вполне определенный. Всем, знакомым с европейской историей, известно, что теория национальной революции имеет очевидные аналоги в построениях правого национализма Италии, Франции и Германии между двумя мировыми войнами — то есть в том числе и идеологией *Третьего рейха*. Термином «национальная революция» идеологи немецкого национал-социализма называли свой приход к власти. Этим термином активно пользовались и русские правые националисты начиная с 1920-х гг. Так, харбинский представитель русского фашизма (он же «радикальный патриотизм» по Ципко) К.Родзаевский призывал к «всесветному оздоровлению» — «новой национальной революции». (К.Родзаевский. *Завещание русского фашиста*. — М., 2001, с. 22).

Свой призыв 1942 г. к национальной революции К.Родзаевский обращал «к русской молодежи». И вот, похоже в лице «контрпропагандиста» (идеолога советских спецслужб) А.Байгушева, бывшего работника ЦК КПСС А.Ципко и целого ряда других, послевоенная русская молодежь этот призыв вполне приняла и, можно сказать, даже подхватила... Хотят или не хотят респектабельные консерваторы от В.Никонова до С.Кургиняна, они оказываются в приятной компании «тоже консерваторов» (радикальных патриотов,

они же национал-революционеры) Г.Климова, А.Платонова, А.Ципко. А.Байгушева, Е.Холмогорова, А. Севастьянова и многих других.

Особенно важным для радикального патриотизма оказывается еврейский вопрос (куда же без него?). Проблема непрекращающегося якобы глобального «русско-еврейского противостояния» (она же мирового еврейско-го заговора) есть главная тема русского правого национализма. В аннотации к книге А.Байгушева «Русская партия внутри КПСС» (2005) читаем: «Многовековое русско-еврейское противостояние в начале третьего тысячелетия достигло совершенно нового уровня, можно сказать даже, что достигло своего апогея» (А.Байгушев. Русская партия внутри КПСС. — М.: Алгоритм-книга, 2005, с. 4). Основной конфликт СССР и Запада, как и современное противостояние России и США, таким образом трактуется «русской партией» (как «внутри КПСС», так и вне ее) как «русско-еврейское противостояние». В этом высказывании содержится концепция, лежащая не только в основе указанной книги Байгушева и идеологов «русской партии», но и значительного круга теорий русского радикального консерватизма (правого национализма). Эту концепцию развивает целый ряд так называемых «патриотических» авторов — от автора многотомной истории «500-летней войны в России» (разумеется, с масонами и евреями), Олега Платонова до Бориса Миронова и целой плеяды других.

Не будет преувеличением утверждать (в дальнейшем мы покажем это подробно), что в работах представителей «радикального консерватизма» О.Платонова, А.Байгушева, Г.Климова, Б.Миронова мы имеем дело с идеологией, вполне аналогичной идеологии *Третьего рейха*, то есть по сути российским аналогом *немецкого национал-социализма* (нацизма).

В работах идеолога «консервативной революции» Александра Дугина, автора весьма известного и как будто солидного, организатора ряда партий и советника высокопоставленных российских силовиков, а с 2012 г. — Председателя Госдумы С.Нарышкина, можно обнаружить весь идейный набор раннего *германского национал-социализма*. В круге источников дугинской идеологии «третьего пути» присутствует «кровь» и «почва», геополитика (Хаусхофер), а также «арийцы», евразийство и консервативный оккультизм.

Как известно, радикальный консерватизм активно действовал в дореволюционной России. В советской России он вновь явно заявил о себе в 1930-х гг. — в период сталинского правления и сталинского террора. Как показывают факты, приводимые самими представителями радикального консерватизма (А.Байгушев. Русская партия внутри КПСС. — М.: Алгоритм, 2005), радикально-консервативные группировки (нацистская закулиса) в высших эшелонах советской бюрократии и спецслужб действовали уже в 1930-х гг. Вновь они активно заявили о себе в 1940-х гг. в процессах против «космополитов», а также в дальнейших акциях так называемой Русской партии и Русского Ордена. (Помимо книги Байгушева также Н.Митрохин.

Русская партия в СССР. — М., 2003.) Вопрос о причинах появления в «большевистском» СССР консервативных группировок типа «Русского Ордена» требует отдельного анализа (см. гл.3).

С 1990-х годов радикально-консервативные группировки постоянно усиливали свое влияние на идеологию России и с начала «нулевых» годов стали важным союзником и попутчиком респектабельного консерватизма силовой элиты. В 2005—2006 гг. данные группировки предприняли прямую атаку на умеренных «путинских» консерваторов, что привело к акциям последних против радикалов (напр., конфликт Единой России и партии «Родина»).

Официальный российский консерватизм пытается отрицать этноцентризм и даже критиковать «этнократии» — правда в основном зарубежные (напр., сб. Современная европейская этнократия. — М., 2009, <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=2484354>). Такова критика прибалтийской «этнократии» в рамках так называемого «динамического консерватизма» (лежащего в основе официальных проектов развития современной России, вроде «Русской доктрины», 2007). При этом упускается из вида, что официальный русский консерватизм (правый национализм), в особенности в радикальном варианте Холмогорова или Байгушева — является в современной России такой же этнократической идеологией, как и как иные посткоммунистические консерватизмы. «Зарубежные этнократы (прибалтийские или украинские) не правы» — заявляют этнократы русские. Спор этнократов (они же консерваторы) российских с этнократами бывших советских республик приобретает форму этнической перебранки, а иногда и политического (вплоть до силового) конфликта, которым, как например, в случае с эстонскими «бронзовыми» событиями, пытаются манипулировать в своих интересах третьи силы.

5. Причины победы консерватизмов в мире «посткоммунизма». Восточно-европейские консерватизмы и реставрация в мире реального социализма. О различии идеологии консерватизма и либерализма в западном обществе и в мире бывшего реального социализма. Проблема асимметрии политического спектра общества Запада и реального социализма. Идеологическая сторона провала перестройки: подмена консерватизма и подмена либерализма.

Каковы причины победы «консерватизма» в постсоветской России? С точки зрения современной левой теории эти причины таковы же, что и причины появления целого ряда консерватизмов в посткоммунистическом и постсоветском мире от Польши до Средней Азии. Есть основания связывать эти причины с *реставрацией* в мире бывшего реального социализма традиционного западного общества.

Суть указанной реставрации — восстановление в странах бывшего реального социализма «докоммунистической», «дореволюционной» общественной системы и вписывание указанных стран в Новый мировой порядок.

Задачу данного вписывания выполняет и Новый российский порядок, сформированный после 1991 г., а также оба вида правой постсоветской идеологии — не только идеологии правого либерализма, но и правого русского консерватизма. Последний является аналогом ряда консерватизмов стран бывшего реального социализма, например, эстонского или украинского. Во всех посткоммунистических странах консерватизм неотделим от другой формы правой идеологии — либерализма, с которым он находится в тесном политическом блоке. Это позволяет говорить о единой (*правой*) западной идеологии — *консервативном либерализме*.

Так, например, идеолога и практика эстонского консерватизма Марта Лаара (известного лидера партии «Отечество») считают также и идеологом и практиком «экономического либерализма». Задачей эстонского консерватизма — национал-консерватизма (как мы пытались показать в работе «Эстония до и после Бронзовой ночи») было нанесение поражения всем вариантам эстонской левой и центристской идеологии и доказательство несостоятельности эстонского советского периода. Партии эстонского консерватизма (например, «Отечество») стоят в авангарде процесса «очистки площадки» — то есть разрушения всего, связанного с советским периодом развития Эстонии и возвращения (во многом мифологического) к досоветской эстонской республике. Данные консервативные эстонские партии являются одновременно и авангардом антироссийской политики — политики разрыва связей между Прибалтикой и Россией, устранения образования на русском, подрыв партий русскоязычного населения и проч.

Сходную роль, по-видимому, играют и консерватизмы других постсоветских стран как Восточной Европы (от Хорватии до Польши), так и бывшего СССР — например, Закавказья и Украины. Эти постсоветские консерватизмы имеют тесную связь с соответствующими национальными вариантами либерализма в рамках единой правой консервативно-либеральной идеологии. Как только на Украине появились праволиберальные «оранжевые» (с их лозунгами демократии и реставрации «досоветской» системы), вместе с ними появился и украинский консерватизм, он же «патриотизм» и хороший национализм. Появились симптомы, хорошо знакомые по Прибалтике: превращение в национальных героев С.Бандеры и С.Петлюры, установление памятников дивизии Галичина, апологетика группировок ОУН, УНА-УНСО, которые являются ничем иным, как аналогами группировок российского правого национализма — например, черносотенных и национал-революционных.

Все восточноевропейские консерватизмы возникли в период кризиса реального социализма и особенно активно распространились после его краха, став влиятельными (если не основополагающими) идеологиями своих стран и соответствующих политических партий периода «реставрации» — то есть восстановления «досоветского» общества в странах Восточной и Центральной

Европы. В советский период оба правых идеологических течения: и консерватизм, и либерализм, являлись идеологиями диссидентства и оппозиции, считавших своей главной задачей — восстановление в мире бывшего реального социализма «докоммунистических» систем. Очевидно, что заявленное (но не осуществленное) советской перестройкой положительное реформирование системы реального социализма на основании обоих вариантов правой идеологии — как либерализма, так и консерватизма во всех их национальных вариантах — было невозможно в принципе. Положительные реформы реального социализма были возможны лишь на основании левых или центристских идеологий.

При этом для общественного сознания в России, для которого критика консерватизмов ближнего зарубежья является обычной, представляет трудность понимание того, что такую же роль «реставрационной» идеологии в России играет и русский консерватизм, он же правый национализм, как будто отличный от других европейских консерватизмов и «хороший», поскольку «свой». Трудным оказывается также понимание прямой связи respectable русского консерватизма, по сути официальной идеологии Нового российского порядка, с консерватизмом радикальным — то есть русским правым национализмом.

Следует указать на существенное различие политического спектра традиционного западного общества и реального социализма — именно, на «асимметрию» этих политических спектров. Утверждение данной асимметрии — важное положение развиваемого нами подхода (см. «Эстония до и после...», «Третий марксизм», <http://kripta.ee/rosenfeld/2013/03/01/marksizm-3>).

Очевидно, что консерваторов и либералов западных (как и дореволюционных российских) нельзя отождествлять с аналогичными «посткоммунистическими». Традиционный консерватизм, например, в его классическом английском (тори) или американском варианте (республиканцы), поддерживает старые «капиталистические» ценности. Второй (несколько «модернизированный») вариант этого консерватизма представляет правый национализм, свойственный правым европейским и латиноамериканским режимам между двумя войнами (например, Франко—Гитлера—Пиночета). Советский консерватизм — это идеология доперестроечной командно-административной системы, которую можно назвать «сталинизмом». Примером таковой является творчество таких авторов, как Е.Лигачев, А.Проханов, А.Мартirosян, отчасти Г.Зюганов.

Принципиально отличны между собой также и классический либерализм и «либерализм» советский (либерализм реального социализма). Классический либерализм — это идеология ранних буржуазных революций, известная по работам английского и французского Просвещения. В постсоветском варианте ее проявлением стали «оранжевые» (цветные) движения и соответствующие идеологические формы ряда постсоветских республик.

Явление совершенно другого типа представляет собой либерализм советский — «левый», «коммунистический», ставивший задачей положительное реформирование «реального социализма». Это «реформ-коммунизм», — в том числе советское шестидесятничество, чехословацкая теория «социализма с человеческим лицом», «горбачевизм» — то есть идеология советской перестройки. К этому же течению можно отнести левоцентризм, современную левую идеологию, «третий» марксизм.

Используя понятие правого и левого в политике, можно утверждать, что либерализм и консерватизм правого типа («правых партий») — то есть западного общества, принципиально отличаются от консерватизма и либерализма левого типа (левых партий) — идеологии обществ бывшего реального социализма. Последние строятся как *перевернутые (зеркальные) отражения* своих традиционных (западных) двойников. Указанное отличие политического спектра западного общества от политического спектра реального социализма позволяет, во-первых, отметить важное отличие «коммунистического» либерализма и консерватизма от традиционных форм этих идеологий (то есть либерализма и консерватизма в традиционном западном — правом варианте). Во-вторых, позволяет утверждать, что в ситуации «реставрации» в мире реального социализма традиционного дореволюционного общества, западная идеология постоянно (и вовсе не случайно, но с явным умыслом) *совершает подмену как консерватизма, так и либерализма* реального социализма (левых вариантов данных теорий) их зеркальными (правыми) аналогами. Идеология старого советского традиционализма (сталинизма), подменяется правыми политическими машинами традиционным консерватизмом — монархизмом и правым национализмом. Леводемократическая (левоцентристская) идеология реформ реального социализма — традиционным (оранжевым) либерализмом.

Обнаружение факта данной идеологической подмены играет большую роль для демистификации реставраторских режимов в мире реального социализма. Предлагаемые реставрационными силами правые идеологии как консерватизма, так и либерализма реально ведут бывшие государства реального социализма (включая и Россию) в совершенно ином направлении, чем «советская» реставрация или реформация. Правые варианты консерватизма (прибалтийские консерватизмы, украинский «оранжизм») призывает к реставрации (реституции) не советской административной системы, но системы еще более исторически отдаленной — дореволюционного капитализма (в России — хорошей царской империи). Данная подмена есть важная идеологическая сторона Нового российского порядка, означающая поражение реформ реального социализма («перестройки») как положительного процесса.

Сказанное позволяет понять странную на первый взгляд особенность современного российского консерватизма — противоречивое *соединение в нем двух консерватизмов* — советского сталинизма и «антисоветского» правого

национализма. У русского консерватизма два лица – старое советское (в сталинской форме) и имперско-шовинистическое. То есть указанный консерватизм включает в себя как идеологию советской командной системы – советский традиционализм (сталинизм), например, зюганизм, так и правый национализм – идеологию восстановления царской империи и «национал-революционной» (корниловско-колчаковской и пр.) диктатуры правого толка в русском варианте. Причем последний (второй) вариант русского консерватизма все больше подавляет и подменяет первый вариант – очевидно потому, что к такой подмене стремится преобладающий в современном мире мировой правый истеблишмент.

В этом причина очевидного эклектизма современного российского консерватизма, странного соединения в нем двух консерватизмов. Это соединение отражает тот факт, что влиятельные мировые силы предпринимали и продолжают предпринимать активные усилия по подмене консерватизма советского на консерватизм традиционный (правый, западный), что, им, как правило, удается.

6. Демистификация современной правой идеологии (консервативного либерализма) в посткоммунистическом мире. Консервативно-либеральное освоение постсоветского пространства и «игра в две руки». О патриотической риторике консерватизма (правого национализма) и внешнем контроле над указанным течением. Русский консерватизм: внутренний продукт или продукт, насаждаемый извне? Смысл правонационального проекта в постсоветском мире.

Необходима демистификация консерватизма – идеологии «реставрации» досоветской (или сталинской командной) системы в России, осознание противоречивости консервативной мифологии – в частности консервативного «антилиберализма».

В своей полемике с либерализмом и левыми течениями русский консерватизм (идеология Нового российского порядка) позиционирует себя как глубоко патриотическую идеологию, обладающую монополией на национальную идею и патриотизм. В указанной риторике консерватизм стремится вывести своих оппонентов – в первую очередь либерализм и левые течения – за пределы патриотизма и обвинить их в антигосударственности. Все российские консерваторы от А.Дугина до М.Леонтьева естественным образом считают себя государственниками, то есть защитниками национальных интересов России – в противоположность, по их мнению, виновным во всем либералам (они же демократы от Горбачева до Ельцина), а также сторонникам левой традиции в России – революционерам и социалистам, включая и большевизм.

Следует указать, прежде всего, на глубинную связь правого («антисоветского») консерватизма с правым (оранжевым) либерализмом. Полемика между данными правыми идеологическими течениями оказывается, как правило, поверхностной, тогда как их единство – глубинным. Оба являются

идеологией реставрации «докоммунистического» общества. Поэтому налицо не только противостояние консерватизма либерализму в рамках общей правой теории консервативного либерализма, но игра одного течения на другое.

Так, в идеологии так называемой «оранжевой» революции на Украине идеи правого либерализма (с их апелляцией к свободам и «правам человека») реально соединены с идеями украинского консерватизма (фокусы вокруг Бандеры, Петлюры, УНА-УНСО и проч.). Аналогичным образом строится и консерватизм и в современной России, вполне определенно связанный с правым либерализмом.

Идеологическое освоение восточноевропейского пространства (в том числе и России) мировым правым (неконсервативным) истеблишментом происходит, как заметили уже некоторые теоретики консерватизма (например, С.Кургинян, хотя понятно, в своем круге представлений), так сказать «*в две руки*». Одной группе политических машин обрабатываемой территории реального социализма предписывается либерализм, второй – консерватизм. Обе группировки имитируют конфликт и отчасти находятся в конфликте, но реально играют одна на другую. Результатом полемики и противостояния данных правых течений (по сути мнимой и являющейся «управляемым конфликтом») оказывается вытеснение левых теорий – как старого советского традиционализма, так и современной левой теории. По такой схеме, как кажется, строилась обработка западными политическими машинами советской системы (о чем рассказывает, например, книга А.Байгушева).

Двойственность консервативно-либеральной игры правого истеблишмента объясняет странное единство правого либерализма и правого консерватизма в освоении посткоммунистического пространства вообще и России в частности. В теориях классического антисоветского консерватизма (например, в критике советской системы А.Солженицыным) присутствуют очевидные черты обоих правых течений – как идеологии либерализма, так и консерватизма. Примером последнего может служить «Образованщина» и многие другие работы А.Солженицына, содержащие консервативную полемику с диссидентами-«демократами» (Г.Померанц и др.). Эти стороны наследия Солженицына используются современными русскими консерваторами (национал-патриотами) от А.Байгушева до А.Проханова и В.Бондаренко, которые пытаются «обратить» наследие Солженицына в свою пользу, выдергивая из него цитаты и используя таковые против демократии в России.

От русских консерваторов (например, того же Н.Старикова) приходится постоянно слышать о заграничных корнях российского либерализма и русской революционной традиции, включая большевизм, например, об английской, немецкой или американской поддержке русских революционеров.

Ответим сугубо патриотичным консерваторам их же монетой – обратим внимание на *внешние корни консерватизма*, причем как в вариантах наиболее

жестких, так сказать «радикального патриотизма», так и в «респектабельных» вариантах. Не будем говорить сейчас о полной вписанности дореволюционной России в тогдашний мировой порядок, о весьма серьезном влиянии на ее тогдашнюю элиту других государств (например, Англии), а также о вполне заграничных корнях и источниках финансирования белого движения. (В частности, той же английской стороной.) Коснемся проблем современного консерватизма. Является ли «консервативный проект» в России и «посткоммунистической» Восточной Европе чисто внутренним продуктом или имеет внешнюю поддержку?

В странах восточноевропейского посткоммунизма, а также постсоветских странах внешняя поддержка местных консерватизмов вполне очевидна. Ясно, что эстонский, прибалтийский, украинский, кавказский и в целом восточноевропейские консерватизмы (национал-консерватизмы) – безусловный продукт неоконсервативного (фактически западного – точнее англо-американского) освоения данной территории. Именно консерватизмом (неоконсерватизмом) является и оригинальная идеология как английских, так и американских «ястребов» – неоконсерваторов. Вряд ли можно оспорить тот факт, что все восточноевропейские консерватизмы если не прямо были созданы, то во всяком случае активно поддерживаются в первую очередь англо-американским неоконсерватизмом с целью втягивания стран посткоммунистического пространства в современное западное общество в правом варианте – по сути под западный, точнее англо-американский контроль.

Является ли исключением Россия? По-видимому, *освоение американским неоконсерватизмом постсоветской России проводится по той же схеме, что и освоение других восточноевропейских стран.* Поэтому, кстати, странно стремление «патриотичных» консервативных идеологов – они же оппозиционеры Новому мировому порядку – называть свою идеологию консерватизмом и даже неоконсерватизмом, как это делают тот же В.Никонов или же «неокон» М.Хазин. То есть называть собственную идеологию так же, как называют ее наиболее жесткие противники России – английские и американские консерваторы (и неоконсерваторы).

В странах посткоммунизма (в том числе и России) мировыми правыми (консервативно-либеральными) силами насаждается не только правый («оранжевый») либерализм, являющийся витринной стороной правого идеологического комплекса, но и собственно консерватизм, то есть правый национализм (в России – русский). Это выражается во многих вещах, в том числе в сходстве как идеологии, так и внешнего оформления (включая названия) консервативных группировок, поддерживаемых мировым правым истеблишментом в посткоммунистическом мире – как Прибалтике, так и Украине, или Закавказью. Например, название известной партии российского консерватизма «Родина» есть дословная калька эстонского «Отечество» (Isamaa) или украинской «Батьківщини». То же можно сказать и о группировках типа ЛДПР, аналоги

которой можно встретить, например, в Молдавии. Во всех этих странах консерватизм совместно с либерализмом создают правящий правый (консервативно-либеральный) истеблишмент, в условиях которого левые партии совершенно исключаются из политической игры, центристские же оказываются в оппозиции и подвергаются жесткому давлению.

Есть все основания считать, что современный русский консерватизм (в отличие от старого советского сталинизма, сохраняющегося в нынешней России в зюгановском варианте) играет в России такую же роль, как и его аналоги – консерватизмы других посткоммунистических стран. Именно – роль подрыва идеологии бывшего реального социализма и его структур, борьбы с левыми течениями, а также задачу приспособления соответствующих стран к Новому мировому порядку. Это подтверждает не только радикальный русский консерватизм В.Истархова, О.Платонова, Б.Миронова, но и респектабельный (умеренный) консерватизм (правый национализм) А.Дугина, А.Ципко, М.Леонтьева, активно внедряемый в современной России в рамках Нового российского порядка. Связь последнего с Новым мировым порядком проявляется в достаточно противоречивой (если не прямо провальной) политике русского консерватизма в важнейших для России направлениях, например, в отношениях со странами постсоветского «ближнего зарубежья» – Прибалтики, Кавказа и Украины.

Существуют определенные варианты «оппозиционного» правому истеблишменту консерватизма, но они лишь подтверждают правило. Как мы попытаемся показать, за «оппозиционным» Новому мировому порядку консерватизмом скрывается вовсе не консервативная, но – иная (именно левая) идеология.

7. О внешних источниках консерватизма (в особенности радикального) в России. Кто внедряет нацизм в России и постсоветском пространстве? Правый национализм против советского консерватизма. Сталинистский антибольшевизм. Концепция русской цивилизации. Двойственная роль русского консерватизма.

Внешние корни консервативного проекта в России особенно ясно выясняются в формах радикального консерватизма, он же теория национальной революции. При типологическом подходе к таковому очевидны аналогии между указанной формой консерватизма и идеологией европейских правонациональных режимов от Италии до Германии первой трети XX века. Есть основания считать, что многие особенности консерватизма (прежде всего радикального) в постсоветской России создаются по сценарию Германии 1930-х гг. Кем и какими силами?

Ряд современных авторов, в том числе и консервативных, признает, что *немецкий Третий рейх 1933–45 гг. во многом создавался «определенными кругами» (крупным капиталом) Англии и США.* (Г.Препарата. Гитлер inc. Как Британия и США создавали Третий рейх. – М.: Поколение, 2007). Эта же точка зрения

была вполне очевидной для советского марксизма. (Например, ранняя работа известного историка А.Некрича «Политика английского империализма в Европе накануне войны». — М., 1955.) Нужно сделать еще один шаг и понять, что консервативный проект для постсоветской России (в особенности в радикально-консервативном варианте) создается по аналогии с идеологией Третьего рейха — и весьма вероятно, теми же самыми государствами, которые создавали последний.

Это косвенно подтверждает и поддержка определенными западными силами радикального консерватизма (в том числе и в варианте Третьего рейха) в ряде современных постсоветских стран, в частности, в Прибалтике и на Украине.

Результатом создания правонационалистического режима в Германии («Немецкой партии в Веймарской республике») стало разрушение этой страны, втягивание ее в катастрофическую войну с Советской Россией и мировым сообществом, жестокое поражение и расчленение Германии на несколько десятилетий. Не с теми же целями — разрушения государства-конкурента внедряется идеология радикального консерватизма (национальной революции) в постсоветской России? Как мы попытаемся показать, радикально-консервативные группировки уже сыграли весьма значительную роль в подрыве реального социализма в СССР и продолжают препятствовать позитивному преобразованию его системы в постсоветский период. Не играет ли сходную роль консервативная идеология и ее представители (например, историки от Буровского до Старикова в современной постсоветской России)? Не эти ли идеологи формируют ложную историю России XX века, начиная с односторонней критики Октябрьской революции, противопоставления плохому большевизму хорошего консерватизма — с монархией и хорошим контрреволюционером Сталиным?

Возьмем, например, одного из наиболее известных теоретиков русского консерватизма («радикального патриотизма») Григория Климова, которого весьма значительными тиражами много лет издавали консервативные («патриотические») издательства. Какова биография этого замечательного патриотического писателя и хорошего консерватора? После войны (в 1946 г.) русский «радикальный националист» Г.Климов перешел на американскую сторону и свою первую книгу «Песнь победителя» написал уже как «невозвращенец». Все последующие наиболее известные патриотические (они же «консервативные» — то есть правонационалистические и даже явно нацистские) тексты — «Красная каббала», «Протоколы советских мудрецов» и прочее — Климов писал в США. В этих написанных за океаном книгах хорошего русского патриота Климова можно найти понятные и типичные для всего консервативного (правонационального) направления соображения о русской революции, еврейском вопросе (еврейском заговоре против России) и проч. То есть — все основные идеологические ходы русского радикального (но также во многом и респектабельного) консерватизма.

Основные тезисы русского американца Климова повторяют другие радикальные консерваторы и сторонники национальной революции О.Платонов, А.Байгушев и проч. Так ли уж независимо писал Климов, или ему помогали? Очевидно, что американский неоконсерватизм поддерживал идеологов радикального консерватизма типа Климова для решения своих задач — разложения консерватизмом (он же правый национализм) идеологии «реального социализма» и его политических организаций путем внедрения в соответствующие страны враждебных и разрушительных для них идеологических и политических структур. По такому же принципу коммунизм выбивался правым национализмом в Прибалтике и всей Восточной Европе. В советское время было достаточно хорошо известно, что группировки правого русского национализма, связанные, например, с организациями типа НТС и описываемые советскими авторами как «нацмальчики», находились под контролем специальных служб стратегических конкурентов тогдашней России (см. Н.Яковлев. ЦРУ против СССР. — М.: Правда, 1985, с. 117–121).

Однако «консерваторы» (например, устами известного патриотического идеолога В.Бондаренко) считают американского автора Г.Климова своим — идеологом «русского патриотизма». Соратник Проханова был в США, встречался с Климовым и высоко оценил его творчество, заявив в некрологе, что круг газеты «Завтра» сохраняет о нем «добрую память» (см. <http://www-zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/07/736/72.html>). Итак, поборники консерватизма считают, что Климов распространял «русскую идеологию». Но Колумб, заметим нашим консерваторам, тоже думал, что плывет в Индию, а на самом деле плыл в Америку..

Как таким образом очевидно, американский неоконсерватизм имеет к консерватизму российскому (особенно в варианте правого национализма) самое непосредственное отношение. Именно — *англо-американский неоконсерватизм во многом и следует считать отцом российского консерватизма (правого национализма)* и построенных на его основе политических машин. А также, заметим, — тех силовых кланов и их партий (например «Родина» или ЛДПР), идеологией которых является радикальный русский национализм, теория русской национальной революции. О прямой поддержке русских эмигрантских национал-революционных идеологов и группировок английскими и американскими спецслужбами было хорошо известно в советское время (например, цитированное высказывание Н.Яковлева, цит. соч., с. 121).

После 1991 г. о связи радикального национализма и теории национальной революции со спецслужбами стратегических конкурентов почему-то забыли. Однако факты данной связи не перестали быть фактами. Правда, за это время нынешние «нацмальчики» типа А.Байгушева, А.Ципко или А.Дугина серьезно усилили свои позиции, оказавшись официальными идеологами российского государства и его первых лиц — то есть идеологическим начальством «консервативной» России. Сами ли по себе или вместе

с теми службами, которые курировали подобных же «мальчиков» уже несколько десятилетий назад?

С леводемократической точки зрения посткоммунистическая реставрация может быть понята не только как восстановление в указанных странах традиционного общества в западном варианте, но и как *захват идеологических и политических систем реального социализма идеологическими и политическими машинами «стратегических конкурентов» — именно англо-американскими политическими машинами.* (В традиционных терминах политическими машинами западного «капитализма» — Расчлененного общества.)

В случае ряда восточно-европейских государств, например, Прибалтики можно говорить о полном захвате их партийной системы указанными политическими машинами правого истеблишмента, в случае России — частичном (но от этого не менее явном).

8. Силовые кланы России — прогосударственные и компрадорские.

Сказанное относится как к российскому государству в целом, но в первую очередь к «глубинным» политическим машинам, на основе которых создаются политические машины более поверхностные (например, партии) — именно к российским спецслужбам. Реалистичным аналитикам, стремящимся выяснить объективную картину ситуации в современной России, следует исходить из факта *частичного захвата в постсоветский период (а видимо и ранее) ряда важных звеньев российского государства, в том числе российских спецслужб политическими машинами внешних сил — именно политическими машинами англо-американского некоконсерватизма.* Говоря простым языком — следует признать, что часть кланов российских спецслужб и политической элиты работает на стратегического противника.

То есть «двойными агентами» государств-конкурентов в постсоветской России являются уже не некоторые агентурные единицы, но целые не только праволиберальные, но и правоконсервативные кланы. Только признание данного факта — важного аспекта так называемой «реставрации» в странах бывшего реального социализма — позволяет объяснить противоречивость действий современного российского государства. Например, политику этого государства в отношении ряда стран ближнего зарубежья, где консервативные кланы реально заняты не решением национальных задач постсоветской России, но систематическим подыгрыванием политике и интересам стратегических конкурентов (в том числе и поборникам «цветных» революций в постсоветском мире).

Из этого следует вывод о неоднородности силовой элиты современной России — о присутствии в ней как группировок прогосударственных, так и группировок, которые можно определить как группировки «внешнего контроля» (они же компрадорские группировки). При этом оба эти вида группировок — как консервативные «конвергенты», сдающие все и вся внешним

конкурентам, так и консервативные оппозиционеры (близкие в некотором смысле левой идеологии) выступают как «консерваторы» – то есть пользуются (или прикрываются) идеологией «консерватизма».

Компрадорские (управляемые извне) консервативные силовые кланы блокируют действия прогосударственных группировок и придают противоречивость действиям силовой элиты и так называемому Новому российскому порядку. Это создает основу внутренней борьбы в российских спецслужбах (и политической элите в целом).

Примером может служить история покровительства полулибералу-полуконсерватору А.Навальному силового олигарха Александра Лебедева, поддерживавшего одновременно как праволиберальные (Новая газета), так и правошовинистические группировки (Навальный против Путина, <http://rus.postimees.ee/1307300/navalnyj-protiv-putina-ili-kakih-silovikov-gotovjat-na-putinskoe-mesto>).

Главную коллизию современной российской политики и Нового российского порядка (власти силовой элиты) составляет таким образом, как кажется, противостояние силовиков, представляющих силы «внешнего контроля» и силовиков, противящихся таковому. Данное противостояние следует считать причиной серьезных «внутрисиловых» конфликтов в России, то есть внутреннего противостояния силовых кланов. В качестве одного из примеров таких конфликтов можно привести, например, странную историю ареста в октябре 2007 г. генерала ФСКН России А.Бульбова, в связи с историей «Трех китов» пытавшегося расследовать коррупцию в силовых структурах. Расследовавший дело о коррупции, генерал Бульбов, однако, сам оказался посажен – весьма вероятно, при участии не заинтересованных в расследовании силовых олигархов (выпущен в конце 2009 г.). Арест Бульбова осенью 2007 г. вызвал резкое письмо представителя силовой элиты Виктора Черкесова (Коммерсант, 9.10.07, <http://www.kommersant.ru/doc-y.aspx?DocsID=812840>).

Письмо В.Черкесова – важный политический и человеческий документ, говорящий о серьезных противоречиях и конфликтах внутри силовой элиты, а также о трудностях, с которыми сталкиваются некоррупцированные силовики внутри самой «силовой корпорации». Есть основания считать, что данная история является отражением конфликта силовиков-государственников (Черкесов и его группа) и силовиков коррупцированных, в том числе и силовиков «внешнего контроля». Можно согласиться с аргументами В.Черкесова о той специфической роли, которую с 2000 г. играла силовая корпорация в стабилизации российского государства. Учитывая при этом, что внутри силовой корпорации идет борьба между группировками защиты своего государства и группировками «внешнего контроля». Усиление силовиков компрадорских (силовиков «внешнего контроля») выражается в прессинге, которому подвергаются те из российских силовиков, которые пытаются решать реальные государственные проблемы.

Есть ли признаки, по которым можно определить подконтрольные российские политические группировки? Современный российский консерватизм постоянно доказывает, что идеологией группировок внешнего контроля в России является якобы лишь *либерализм* (например, правый – оранжевый). Это соображение однако недостаточно и противоречиво. Подконтрольными группировками «Нового российского порядка» (в том числе и силовыми) реально являются не только праволиберальные, но также и консервативные группировки. Речь идет в первую очередь о группировках русского «радикального консерватизма» и русской «национальной революции» вроде описанной А.Байгушевым «Русской партии» в СССР. Таковые *следует рассматривать как передовой отряд группировок внешнего контроля в России.*

Можно напомнить слова известного левого мыслителя Георга (Дьердя) Лукача о том, каков мог быть результат выбора какой-либо из бывших социалистических стран (включая, видимо, и Россию) в пользу «буржуазной демократии» в качестве альтернативы сталинизму. В этом случае, по словам Лукача в работе «Настоящее и будущее демократизации», «*ЦРУ немедленно сделает из нее вторую Грецию*» (где в 1968 г. был установлен режим «черных полковников»). (Цит. по: А.Стыкалин. Настоящее и будущее демократизации Д.Лукач – мыслитель и политик. – М., 2001 с. 242.)

Как оценить с этой позиции группировку Путина-Медведева? По-видимому, как группировку компромисса между коррумпированной и некоррумпированной частями силовой элиты. Нельзя отрицать наличие в группировке Путина-Медведева *прогосударственной* части силовой элиты, сопротивляющейся внешнему контролю. Об этом говорит серьезное давление на эту элиту с 2006 г. в том числе со стороны внутрироссийских группировок радикального консерватизма, сопровождаемое также внешними акциями по блокаде России в Прибалтике, на Украине и в Грузии. С 2005–2006 гг. путинская группировка атаквалась по нескольким направлениям – не только с позиций оранжевого либерализма, но и с позиций правого национализма (идеологии национальной революции), то есть национал-революционными (правонациональными) группировками. Так можно оценить, например, конфликт Единой России и партии Родина в 2005–2006 гг., в частности, в связи с проведением «Русских маршей».

Подчеркнем еще раз главный вывод. Официальный российский консерватизм рассматривает в качестве группировок внешнего контроля, то есть объекта манипуляции внешних сил лишь либеральные (точнее, праволиберальные – оранжевые) группировки и соответствующих политиков. Мы же доказываем (и попытаемся подтвердить это далее), что таковыми не в меньшей мере следует считать также и *консервативные*, в первую очередь правонационалистические и национал-революционные идеологические группировки Нового российского порядка. Радикально-консервативные группировки «нацмальчиков» как в спецслужбах, так и в целом в современной российской политике несут прямую ответственность за создание, сохранение

и поддержание противоречивых сторон «Нового мирового порядка» в России. Есть все основания считать эти национал-революционные группировки – группировками «внешнего контроля». Консерватизм – официальная идеология Нового российского порядка – активно камуфлирует этот факт, затемняя его в своей «антилиберальной» риторике и мифологии.

9. Псевдогосударственничество и разрушительная роль консерватизма (правого национализма) в постсоветской России и посткоммунистическом пространстве в целом.

Мы видели странности отношения консерватизма (как советского традиционализма, так и правого национализма) к СССР и советскому наследию. Не менее странной является и концепция причин падения СССР, который, как гласит общеконсервативная истина, «развалили демократы и Горбачев». (Е.Лигачев. Кто предал СССР. – М., 2010; А.Уткин. Измена генсека. – М., 2009 и проч.) Консерваторы же, по их собственным утверждениям, СССР «спасали».

Данная концепция – характерный пример консервативной мифологии. Многочисленные факты подтверждают весьма значительную роль в разрушении СССР и реального социализма, не только правого либерализма, но и правого консерватизма – в особенности радикального. Правые националисты (то есть консерваторы) как бывших советских республик и стран Восточной Европы, так и самой России были злейшими врагами СССР и прямыми союзниками его стратегических противников. Влиятельная правонационалистическая часть современного российского консерватизма, называемая Русской партией, была одновременно и противником положительных реформ реального социализма – то есть сторонником поражения советской перестройки в левом варианте и «реставрации» – установления в России Нового российского (и Нового мирового) порядков.

Шумя о предательстве «либералов», консерватизм выгораживает собственных идеологов разрушения реального социализма, например, антисоциалиста И.Шафаревича («Социализм») или, например, А.Солженицына, остающихся важнейшими идеологическими авторитетами русского консерватизма. Особо активную роль в подрыве советской идеологии, а значит и советской системы в целом, сыграл радикальный национализм так называемой «Русской партии» (деятельность которой описывает «советский контрпропагандист» А.Байгушев в книге «Русская партия внутри КПСС», 2005 г.) и стоящая за ним шовинистическая (если не сказать нацистская) закулиса в СССР и постсоветской России.

Весьма противоречивую роль играл консерватизм (в особенности радикальный «подрывной патриотизм») в период советской «перестройки», в ельцинский период, а также в современной России. Как и его соратник – правый либерализм, правый консерватизм смог подорвать попытки положительных преобразований реального социализма и направить бывшие страны посткоммунизма по пути «реставрации» традиционного западного общества.

Весьма велика роль консерватизма во внешнеполитических поражениях послеельцинской России в так называемом ближнем зарубежье — например, в Прибалтике («Эстония до и после...»). Этот провал Нового российского порядка прикрывается псевдоимперскими теориями «Русского порядка» и «Пятой империи» (А. Проханов, М. Калашников), а также консервативными проектами вроде «Русской доктрины» и «Проекта Россия».

С периода перестройки (а реально и ранее) русский консерватизм — правый национализм — занимался подрывом бывшего советского влияния в Восточной Европе во имя некоего грядущего «русского порядка» (он же «Пятая империя»). Однако если последний при этом оставался химерой и консервативной утопией, то провал бывшего советского влияния России в указанных странах оказывается объективной реальностью. Помпезные теории «Русского порядка» и «Пятой империи» скрывают факт продолжающегося провала — сдачи консервативной элитой бывших советских позиций в ближнем зарубежье и в мире в целом, которые русский консерватизм не собирался и не собирается защищать.

Консерватизм ведет Россию к «русскому порядку» (А. Петухов, А. Байгушев и др.), который якобы должен быть «более русским», чем советский или даже путинский. Быть «правильной русской страной», как заявляют соответствующие идеологи, СССР мешала идеология плохого интернационализма, большевизм, революция и все прочее.

Однако насколько хорош для России данный русский порядок? Почему при этом порядке Россия далека от решения своих важнейших проблем и продолжает находиться в ситуации кризиса (если не сказать катастрофы)? Почему консервативная политика, в том числе и громогласной «Пятой империи» в течение 20 лет терпит провал за провалом в ближнем зарубежье, да и внутри страны создают конфликт за конфликтом?

А очень просто (согласно самим консерваторам) — потому что власть еще «недостаточно русская», то есть, что русская «национальная революция» победила «не до конца». То есть, потому, что есть еще кое-где «недобитые либералы» (демократы), интеллигенты, да и большевики (даже в «патриотическом», т.е. зюгановском варианте). Если всех их придушить, как положено по консервативному проекту, то наступит, наконец, «русское счастье...»

С неоконсервативной точки зрения русский национализм — это и есть «русская» идеология. По нашему же мнению идеология Климовых, Байгушевых, Платоновых такая же русская, как идеология немецкого национал-социализма — «немецкая», идеология дивизии «Галичина» — «украинская» и тому подобное.

Правый национализм в современном российском консерватизме можно сравнить с топором из известного романа Жюль Верна, подложенным неким злоумышленником из членов команды под компас корабля, чтобы заставить этот корабль двигаться в сторону, отличную от планировавшейся. Российский корабль, намеревавшийся вначале совершить реформу реального социализ-

ма, соответствующую специфике указанной системы («перестройку»), вместо того, чтобы плыть в сторону левоцентристских по сути реформ — плывет в другую сторону — ту, которую спроектировали те, кто подкладывал топор.

Разрушительная роль всех правых национализмов в постсоветском пространстве, в том числе и в России, очевидна. Германский нацизм 1930–1940-х гг. привел Германию к катастрофе. Не вызывает никакого сомнения, что русский консерватизм в варианте Платонова, Климова и Байгушева ведет Россию в том же направлении.

10. Консервативные идеологемы и мифологемы. Их неприменимость к современной ситуации постсоветского пространства. «Русская доктрина», Пятая империя: утопия без власти. «Русская» цивилизация против советской.

Современный русский консерватизм включает в себя ряд доктрин, которые с внешней стороны выглядят как будто нейтральными, однако же реально являются частью консервативной идеологии. Это, например, концепции Русской цивилизации, Русской доктрины, Русского проекта и Пятой империи.

Слабость консервативного понятия цивилизации состоит в основном в ее этнической (национальной) трактовке. Противоречия таковой можно увидеть, если применить эту трактовку, например, к понятию китайской цивилизации, казалось бы, вполне правомерному по отношению к древней китайской культуре и государству (как и таковым же в России). Но может ли в то же время — зададим вопрос — это понятие объяснить различие систем, например, в континентальном Китае и на Тайване? Если перед нами одна и та же «китайская цивилизация», то откуда берется конфликт указанных китайских государств и на чьей стороне национальная «китайская правда»? Аналогично — существовавшие в XX веке (и во многом перенесенные в XXI век) две Германии, два Вьетнама, две Кореи... Во всех этих случаях можно вести разговор о национальных цивилизациях: от китайской до корейской, но это ничего не скажет нам о различии двух общественных *систем* в этой стране и причинах конфликта между ними. Национальное единство (и соответственно единство национальных «цивилизаций») этих государств не объясняет различие их общественных систем и различие их проблем.

Когда Д.Рогозин пишет об успехах «бурно развивающегося националистического Китая» (Враг Народа. — М., 2006, с. 58), какой Китай он имеет в виду — континентальный (коммунистический) или тайваньский? Похоже, Рогозин пытается обозначить таким образом коммунистический Китай, хотя реально «националистическим» является именно Китай тайваньский. Это же применимо и к России.

Известный идеолог «патриотического» (консервативного) направления в России околпрохановец В.Бондаренко пропагандировал теорию «механической национальной суммы»: «правы, мол, и красные, и белые; и те, и те — патриоты» (например, В.Бондаренко. Пламенные реакционеры. — М.:

Алгоритм, 2003). Та же теория лежит в основе идеологии «Единой России». Однако несмотря на внешнюю привлекательность теории «национального единства», эта теория проходит не всегда — иногда приходится выбирать. Где правильная «китайская идея» (и где «истинные китайцы») в конфликте континентального Китая и Тайваня? Также — в Корее, Германии и проч.

Свою неэффективность во внешней политике России консерватизм показывает как в уже упоминавшихся псевдоимперских теориях вроде теории «Пятой империи», так и, например, в консервативном варианте концепции соотечественников. Последние трактуются консерватизмом лишь как этнические русские, не включая, например, татар. Говорится об этнических русских партиях, русских общинах и соответствующей консервативной (этнической) идеологии. При этом на деле, как подтверждает, например, ситуация в Прибалтике (Эстонии), громко заявляемая консолидация соотечественников и русских партий проводится Новым российским порядком крайне слабо (см. «Эстония до и после»...). Этнические русские партии до сих пор остаются недееспособными и (подобно Русской партии Черепанова в Эстонии) часто становятся объектом манипуляций официальных правых партий.

Для успешной внешней политики России требуется неэтническая (надэтническая) идеология, на которую этноцентричный консерватизм не способен. Реальные союзники России в странах посткоммунизма не ограничиваются чисто русским населением, но находятся на «левой стороне» этих стран. Это центристские и левые силы указанных стран, которые подавлялись мировым правым истеблишментом при явном бездействии (и едва ли не содействии) российских правых — не только правых либералов, но и правых консерваторов.

11. Борьба российского консерватизма (правого национализма) с интеллигенцией. «Наше варварство в нашей интеллигенции». Интеллигенция и бюрократия. Антиинтеллигентность бюрократии и прямой террор против интеллигенции. Террор и нацистская закулиса.

Характерная особенность российского консерватизма — «нелюбовь» (подчас это еще мягко сказано) к интеллигенции. «Наше варварство — в нашей интеллигенции» — заявил в августе 2008 г. словами М.Каткова вскоре после событий в Осетии канал РТР (журналист Дмитрий Киселев, в декабре 2013 г. возглавивший агентство «Россия сегодня»). Это заявление следует из важного тезиса современного русского консерватизма, доказывающего антигосударственность интеллигенции. С критикой интеллигенции как «малого народа» еще в 1970-х гг. выступил известный консерватор (академик-математик) И.Шафаревич («Русофобия»). Критика интеллигенции, как и антилиберализм проходит красной нитью через основные тексты российских консерваторов (в особенности радикальных) вплоть до последнего времени. Все бедствия России возводятся к нехорошей интеллигенции — именно в силу ее «антигосударственности». Негосударственностью, по мнению

консервативных авторов, страдает и либерализм — идеология интеллигентская, и поэтому в отличие от консерватизма, не патриотическая.

Именно либерализм, по мнению консерваторов, был главной причиной краха как дореволюционной российской империи, так и бывшего СССР. Некоторые патриоты и в 2009 г. заявляют о едва ли не опасности «диктатуры интеллигенции» (см. А.Севостьянов. Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса. — М., 2009) — реально полностью подавленной победоносной термидорианской бюрократией Нового российского порядка. Поэтому уже с первых лет ельцинского периода российские консерваторы — национал-патриоты В.Бондаренко, С.Кургинян, С.Кара-Мурза громко заявили о «крахе интеллигенции». (В.Бондаренко. Крах интеллигенции. — М., 1995; С.Кара-Мурза. Интеллигенция на пепелище России. — М.: Былина, 1995).

Истоки теории «антигосударственной интеллигенции» восходят к дореволюционному консерватизму — старым «Вехам», связывавшим антигосударственность интеллигенции с ее революционностью. В советское время сходную теорию развивал А.Солженицын — например в известной статье «Образованщина».

В основе теории «антигосударственности» интеллигенции таких авторов как С.Кургинян, С.Кара-Мурза или В.Бондаренко, отрицающих свою связь с интеллигенцией, фактически лежит идеология бюрократии, причем далеко не самой здоровой ее части.

Объяснения провалов как дореволюционной Российской империи, так и СССР «происками интеллигенции» являются попыткой свалить эти провалы с больной головы на здоровую. Главным разрушителем российского государства в течение последних столетий была вовсе не интеллигенция, никогда не обладавшая в России ни властью, ни серьезными ресурсами, а своекорыстный и продажный чиновник, коррумпированная бюрократия — *люмпен-бюрократия*, обычно прикрывающаяся, кстати, идеологией консерватизма. Как показывают несколько веков российской истории, люмпен-бюрократия может быть основой значительно более серьезного, чем якобы «антигосударственные» интеллигенты, подрыва государства России, как и внешней манипуляции им.

Оппозиционность интеллигенции в России бюрократической власти как имперской, так и советской имела место. Но у этой оппозиционности были серьезные причины. Она порождаясь авторитаризмом, а по сути и *диктатурой бюрократии* (если не люмпен-бюрократии), которой обычно в России принадлежала власть и основные средства государства. Последние использовались бюрократией вовсе не в государственных, но в собственных интересах, а также подчас и в интересах внешних сил. Властная люмпен-бюрократия часто совершала такие действия и такие провокации, что как «народ», так и интеллигенция были вынуждены отвечать на них.

Роль бюрократии и предреволюционной элиты в исторических катастрофах России как 1917 г., так и 1991 г. следует считать определяющей. Главной

причиной провала старой царской империи к 1917 г. — рассуждения о преимуществах которой есть во многом консервативный миф — была вовсе не оппозиционная интеллигенция и либералы, но в первую очередь недееспособная царская элита, вызвавшая революцию в том числе и своей продрожностью внешним силам.

Сходным образом главной причиной краха реального социализма и СССР были действия советской бюрократии. Необходимость реформирования безрыночной и авторитарной советской системы следует считать бесспорной. Однако оптимальный путь реформ бюрократической элитой определен не был. Располагавшая основными ресурсами и рычагами власти в старом СССР, советская бюрократия оказалась неспособной ни выработать верную идеологию положительных реформ реального социализма, ни действовать согласно этой идеологии. Строя свою перестроечную политику во многом на идеологии консерватизма — как традиционно-советского, так и правонационалистического (Байгушев и проч.) — бюрократия привела реформы реального социализма к катастрофе.

Поношение «плохой интеллигенции» (за которой стоит идеология «хорошей бюрократии») — это идеология больного государства. В нормальном государстве свою роль выполняют как нормальная бюрократия, так и нормальная интеллигенция. В больном государстве бюрократия не является нормальной, но является бюрократией больной — *люмпен-бюрократией*. Не будучи в состоянии управлять государством нормально, она разворачивает это государство, использует государственные средства в своих интересах. Оппозиционность интеллигенции деформированной власти не есть антигосударственность. Напротив — это государственническая оппозиция бюрократической (идеологически часто именно консервативной) псевдогосударственности. Это же можно сказать об оппозиции интеллигенции современной российской бюрократии, которую нельзя свести только к оппозиции праволиберальной.

Консервативные идеологи не только раздувают конфликт между интеллигенцией и бюрократией, но и выступают с открытыми провокациями против интеллигенции. Они сваливают на интеллигенцию как негативные стороны реформ, так и провалы собственной люмпен-бюрократии и консерватизма.

С поношением интеллигенции связана и проблема консервативного *террора* в России.

Двадцать постсоветских лет показывают мрачный мортиролог смертей — А.Мень, В.Листьев, Г.Старовойтова, Н.Гиренко, А.Собчак, А.Политковская, Ю.Щекочихин, А.Боровик. Реально погиб журналист и известный экономист Отто Лацис. Странно и «вдруг» умерли многие известные политики и культурные деятели России, в том числе и не связанные с политикой: В.Похлебкин, А.Чудаков, С.Ямщиков. Это имена первого ряда, за которыми последовали многочисленные другие. Гибли писатели, десятки журналистов, не только известных, но и малоизвестных. Часть смертей не фиксировались как убийства,

поскольку происходили «как бы естественно», в результате «случайных нападений, аварий» и проч. (Похлебкин, Чудаков, Лацис). Станным является дело Политковской и ряд подобных же дел. Явное обострение антиинтеллигентского террора произошло в 2006–2008 гг. Новым трагическим событием этого ряда стало убийство Бориса Немцова в конце февраля 2015 г.

Многочисленные убийства представителей интеллигенции в России (консервативный террор) заставляют предположить, что проект «русский консерватизм» предполагает не только идеологические акции, но и прямые политические убийства. Консервативный террор выбрасывает интеллигенцию из России, в самой же России стремится запугать эту интеллигенцию и поставить ее на грань выживания.

Видимо, речь идет о масштабном *подпольном терроризме* против политических, военных, культурных и проч. деятелей постсоветской России. По сути дела истребляется целый культурный слой России, оставшийся в наследство от советского периода. Кем и при чем попустительстве?

Значительное число известных убийств интеллигенции остается не расследованным. Явной закономерностью террора является при этом, во-первых, то, что в основном почему-то убивают «демократов». Много ли убили консерваторов, например, компрадорских правых националистов – или радикальных идеологов нацистской ориентации? Много ли пострадало скинхедов, в том числе и тех, которые убивали ни в чем не виновных иностранцев или просто россиян «неарийского» вида? Разумеется, никто. Сами же радикальные консерваторы (или те, кто действует от их имени и под их лозунгами) убивают постоянно – как открыто, так и подпольно.

Даже из поверхностных данных следует, кроме того, что известные политические убийства с внешней стороны часто совершались как будто российскими же силовиками (или оформленными под таковых террористами). Об этом говорят расследования ряда известных убийств, например А.Меня (В.Бычков. Хроника нераскрытого убийства. – М., 1996), Г.Старовойтовой (силовики плюс клан тамбовской преступной группировки). Также – убийство Д.Холодова. Убийства проводятся как будто руками коррумпированных силовиков, диверсионными консервативными группировками или иными силами, разрушающими нынешнее российское государство.

Ждать протестов против антиинтеллигентского террора с консервативной стороны не приходится. Напротив: консерваторы (в частн., прохановского образца) в течение долгого времени радовались антиинтеллигентскому террору и истреблению демократов. Примером может быть радость А.Проханова по поводу убийства В.Листьева в романе «Господин Гексоген» или грома и молнии национал-революционера Ципко в адрес Демократической России («Почему я не демократ»). Идеологи консерватизма радовались также покушению на Е.Гайдара (реально закончившееся его смертью) и «плохого демократа» А.Чубайса. (В поддержку организатора покушения на

Чубайса В.Квачкова выступили консервативные журналисты, в частности, программа «Человек и закон» А.Пиманова.)

Ответственность за вялое противодействие террору против культурного слоя России ложится на консервативную силовую элиту. Интеллигенция не может защищаться без «государственных» инструментов, которые находятся не в ее руках. Будут ли силовики – те, в чьих руках находятся государственные силовые и «правоохранительные» структуры, – выполнять свою работу, то есть защищать собственную интеллигенцию? Ведь террор против российской интеллигенции (как и террор против нормального некоррупцированного чиновничества) направлен против государства России. Часть консервативной катастрофы (краха консерватизма) – неспособность консервативных идеологов и практиков понять природу антиинтеллигентского террора и едва ли не участие (по крайней мере идеологическое) в этом терроре.

При этом нельзя не отметить, что свои стереотипы имеет также и отношение российской интеллигенции к правящей бюрократии (обычно такие являются реакцией на стереотипы бюрократические – консервативные). Часто интеллигентские стереотипы связаны с идеологией правого либерализма, преодоление которых является одной из важных задач современной левой теории.

Какова должна быть позиция интеллигенции по отношению к современной российской бюрократии?

Интеллигенция должна сделать шаг в сторону «нормальной» части бюрократии, то есть «нормальных» (не люмпенизированных) управленцев. Несмотря на провокации люмпен-бюрократии, реально разрушающей государство в России и стимулирующей конфликт интеллигенции и правящего слоя, интеллигенция должна преодолеть предубеждения против власти, вызванные репрессивной политикой бюрократии. Она должна поддержать «некоррупцированную» (цивилизованную и не контролируемую извне) часть бюрократии, в том числе и некоррупцированных силовиков.

12. Кризис современного российского консерватизма. Консерватизм соглашательский и оппозиционный.

Сказанного достаточно для подведения итогов о роли консерватизма в современной России и «постсоветском» (посткоммунистическом) пространстве – так же, как и иных консерватизмов в странах посткоммунизма.

Противоречия российского консерватизма реальности позволяет говорить о *крахе русского консерватизма* – то есть неспособности данной идеологии адекватно описать нынешнюю ситуацию в России и мире бывшего реального социализма и способствовать разрешению имеющихся острых проблем, стоящих перед российским государством. Российский консерватизм (как и Новый российский порядок) находится в тупике: «все что мог, он уже совершил».

Говоря о проблемах нынешнего российского порядка, консервативные идеологи видят причину таковых вовсе не в идеологии самого консерватизма,

но в недостаточном применении этой идеологии и влиянии некоего «остаточного либерализма» или «скрытых либералов (такую версию озвучивает, например, А. Проханов). Однако «скрытых либералов» у власти или ничтожно мало, или же они весьма странным образом продуцируются... самой консервативной элитой. Как заметил бывший аналитик КГБ генерал Н. Леонов, участвовавший, кстати, в акциях радикального консерватизма 2005–2006 гг., критикующие либералов правящие консерваторы «сами ведут себя как либералы» (Леонов Н. *Закат или рассвет? Россия: 2000–2008 гг.* – М.: Русский Дом, 2008). Неизбежен вопрос – не является ли постоянное искоренение «злонамеренных» либералов в консервативной элите и столь же постоянное новое появление их изнутри таковой неким спектаклем правой (консервативно-либеральной) элиты для подпитки правых мифологем?

Кризис российского консерватизма требует демистификации этой идеологии и поиска другой идеологии, альтернативной ей. Такая альтернативная идеология должна включать элементы оппозиционного в современной России «демократизма» – не обязательно праволиберального, который ортодоксальный консерватизм стремится полностью отбросить.

Как представляется, общее течение российских демократов в советской и перестроечной России имело два основных направления – демократов правых и демократов левых. Первое направление эволюционировало в сторону правого (оранжевого) либерализма (М. Касьянов, А. Илларионов, Другая Россия). Вторая – левая часть демократов переходила к левоцентризму (отчасти Г. Попов, Г. Явлинский). Определенные левые элементы можно заметить и в политической концепции таких, считающихся в основном либеральными, авторов как Л. Радзиховский.

Мы доказываем ошибочность праволиберального (оранжевого) варианта оппозиции современному российскому консерватизму. Общую неадекватность традиционного (правого, оранжевого) либерализма постсоветской ситуации показал провал ельцинизма. Правый либерализм не может считаться альтернативой консерватизму и в настоящее время: этот второй вариант единой правой идеологии – консервативного либерализма – не может быть последовательным критиком консерватизма (в первую очередь правого национализма), поскольку фактически является его союзником. Оба правых течения поддерживаются мировым правым истеблишментом.

Российские правые либералы, считающиеся борцами за «права человека» в России против путинских «консерваторов» (А. Илларионов, В. Новодворская и др.) выступают на стороне правых прибалтийских режимов, строящихся во многом на основе соответствующих (в частности, эстонского) консерватизмов. Критикуя путинских консерваторов в России, они, как и Запад, закрывают глаза на оборотные стороны политики правых консерваторов прибалтийских, украинских и проч., являющихся союзниками соответствующих национальных либералов.

Мы доказываем необходимость критики современного российского консерватизма с левоцентристских позиций и тем самым положительность второго — левоцентристского крыла демократического движения в России. Современная левая (леводемократическая) идеология не есть повторение старых левых теорий — она не может сводиться к хрестоматиям советского марксизма или к попыткам почвеннических национал-патриотических (русских и иных) ревизий марксизма (Г.Зюганов, С.Кара-Мурза). Она требует переоценки советского марксизма с помощью новейшей гуманитарной науки в условиях новых исторических реалий XXI века. Речь идет не об идеологии старого реального социализма («советской» идеологии), но идеологии нового марксизма, возвращающегося к идеям реформ реального социализма, идеям советской перестройки (подробнее в работе «Третий марксизм», <http://kripta.ee/rosenfeld/2011/04/25/marksizm-3/>). Современная левая теория противостоит правым (консервативно-либеральным) теориям, то есть обоим вариантам правой идеологии — как либерализму (старому оранжевому), так и консерватизму.

С позиций современной левой идеологии очевидна неоднородность современного российского консерватизма. Этот консерватизм реально имеет двойственную природу и раскалывается на две линии. Первая тяготеет к правому, национал-революционному консерватизму, вторая может двигаться влево — в том числе и к современной левой идеологии.

С радикальным консерватизмом (теорией национальной революции) примирение невозможно. Теории О.Платонова, Б.Миронова, А.Байгушева, В.Филатова суть нацизм — прямой аналог нацизма Третьего рейха. Помимо указанной формы консерватизма в современной России есть и консерватизм в некотором смысле оппозиционный новому мировому (и новому российскому) порядку, который пытается дистанцироваться от крайних проявлений радикального патриотизма. Теории представителей этого оппозиционного («сопротивленческого») консерватизма — С.Кургиняна, Н.Старикова или С.Кара-Мурзы — реально представляют эклектическое сочетание консерватизма с некоторыми положениями левой идеологии и марксизма.

В работах С.Кара-Мурзы, заявляющего о себе как защитнике советского проекта и критике либерализма, элементы консерватизма сочетаются с элементами левой идеологии (правда, в неонародническом варианте). Эклектика подхода данного автора выражается в попытке соединить защиту СССР и советского проекта с консервативной (правонациональной) критикой марксизма и большевизма. (Например, С.Кара-Мурза. Маркс против русской революции. — М., 2008.)

Другой известный представитель «оппозиционного» консерватизма — конспиролог и антилиберал Николай Стариков (например, «От декабристов до моджахедов», «Кто заказал Россию») выступает с тенденциозной критикой революционной традиции в России, включая большевизм. Одновременно в своих книгах «Шерше ля нефть» и «Кризис. Как это делается» тот же

Стариков под видом консерватизма по сути дела излагает прописные истины марксизма. Рассматривая вопрос о национализации нефтяных отраслей, западном кризисе или американской денежной системе, он по сути дела повторяет то, что говорили на эти темы еще советские учебники. Так, критикуя нынешнюю ситуацию в России с нефтяной отраслью («Шерше ля нефть»), Стариков почему-то не упоминает, что она возникла в результате денационализации нефтяной отрасли, проводившейся не только ельцинистами, но и консервативными силовиками в противовес советской национализации этой отрасли. Тезисы Старикова, однако, подаются от имени «консерватизма» с одновременным поношением большевизма и восхвалением дореволюционной Российской империи или шовинистической диктатуры.

13. Альтернатива консерватизму – не правый (оранжевый) либерализм, но современная левая идеология. Выход современной левой идеологии за пределы консервативного либерализма и левоцентристская альтернатива. Три цвета времени – красный, оранжевый и коричневый.

Есть ли в России современная левая идеология и реальная левая партия?

Левая теория в КПРФ существует до сих пор в консервативных рамках. Партия Г.Зюганова – КПРФ – сохраняет существенные элементы сталинизма (советского традиционализма) и даже правого национализма. Зюганизм дает критику Нового российского порядка, но в качестве основы принимает «хорошую» доперестроечную систему, не понимая необходимость реформ таковой. Перестройка и ее инициаторы критикуются зюганизмом с национал-коммунистических и национал-сталинистских позиций. Идеология нынешней КПРФ резко осуждает не только результат перестроечных перемен – приход к власти «либералов» (реально консервативных либералов – то есть либералов правых), оценивая его как национальную катастрофу, но и сами горбачевские реформы с самого их начала.

На консервативную эклектику КПРФ указывает то, что в данную партию входят (отчасти до сих пор) фактически пронацистские (национал-революционные) фигуры типа А.Макашова и Н.Кондратенко. Вместе с тем одно дело Зюганов в 1996 году, другое – в 2011–2015. Сегодня на фоне правого и консервативного российского истеблишмента, при общем правом контроле в России и всем постсоветском пространстве партия Зюганова выглядит все лучше – почти как оппозиция. Таким образом, отношение современной левой теории к КПРФ следующее – следует поддерживать элементы левой теории и политики у КПРФ, критикуя элементы русского консерватизма (шовинизма и проч.) у данной партии.

Современный русский консерватизм с его апологией дореволюционной империи и доперестроечной советской системы не в состоянии помочь России решить ее национальные задачи. Восстановление роли России в современном мире возможно лишь как восстановление ее как центра «посткоммунизма» и мирового левого центра. Только левоцентристская политика в России

может решить ее внутренние и внешнеполитические проблемы. Только она даст возможность восстановить российское государство и позволит России содействовать позитивному развитию постсоветского пространства.

С точки зрения современной левой теории:

1. Точкой отсчета для строительства постсоветской России следует считать не дореволюционную Россию, не мифический национал-революционный «русский порядок» — аналог правонациональных диктатур 1930–60-х гг. в Европе, но систему «реального социализма» — то есть советскую систему. При этом в отличие от сталинизма (идеологии нереформированной командной системы) современная левая теория дает критический анализ реального социализма, утверждая не только ограниченность этого общества, но и его позитивность как в историческом плане, так и в качестве основы «будущего социализма».

2. Необходимо признание положительной мировой роли реального социализма (не только в СССР, но и за его пределами), несмотря на противоречивость этой системы. Признание положительности и мирового значения Русской революции, включая Октябрь 1917 и большевизм. Левый подход отрицает все теории однозначной негативности и катастрофичности (прежде всего для России) Октября 1917 г., как и всего этапа реального социализма. Необходимо изучение сложившегося в СССР общества реального социализма не с позиций правой идеологии (как либеральной, так и консервативной), но с точки зрения Новой левой — современной марксистской теории.

3. Левая теория демистифицирует правую идеологию как в варианте оранжевого либерализма, так и правонационального консерватизма. Она отрицает как традиционно либеральную, так и консервативную (в русском варианте) мифологию о причинах развалов и провалов России — в первую очередь советской системы. Реальные причины краха реального социализма (как и краха Российской империи в 1917 г.) она видит не в происках интеллигенции и демократов, а в провальной политике люмпен-бюрократии и ее идеологов, в том числе и прикрывающихся идеологией консерватизма, в особенности теорией «национальной революции». Современная левая теория показывает подрывную роль в России как советской, так и нынешней правой идеологии — не только старого («оранжевого») либерализма, но не в меньшей мере (а то и в первую очередь) правого консерватизма (правого национализма). То есть деструктивную роль консерватизма как в процессе реформ реального социализма и перестройки, так и постсоветского развития стран так называемого посткоммунизма. А также его роль в провалах Нового (консервативного) порядка в России, включая сдачу советского влияния в ближнем российском зарубежье — Прибалтике, Грузии, Украине.

4. Левая теория говорит о необходимости «положительного» преобразования реального социализма, предполагающего как рыночные реформы в экономике, так и переход от авторитаризма к плюралистическому, но осно-

ванному на левом контроле, обществу — «новому социализму». В отличие от идеологии советских традиционалистов (первой формы российского консерватизма наряду с правым национализмом) она отстаивает тезис о неизбежности преобразований реального социализма — как экономических (рыночных), так и политических. Она говорит об «опоздании» советской перестройки, в первую очередь рыночных реформ административно-командной системы, временем которых в СССР должны были бы быть если не 1950-е гг., то во всяком случае 1960-е гг. В отличие от советского традиционализма левая теория доказывает также необходимость политической реформы реального социализма — перехода от советского авторитаризма к плюралистическим политическим формам. При этом в отличие от официальных правых — консервативно-либеральных теорий, современная левая теория говорит о таком переходе не в правом, а в левом варианте. Речь идет о *левом контроле* — власти левоцентристских сил, существенно отличающейся от повсеместного в условиях Нового мирового порядка правого контроля — власти правых партий, как либеральных, так и консервативных.

Левая теория противостоит негативным правым вариантам преобразования реального социализма — концепциям «очистки площадки» и возвращения к дореволюционным общественным формам. В основу новой общественной системы стран «посткоммунизма» должен быть положен ряд важных компонентов реального социализма. Правые теории — как либеральные, так и консервативные — суть идеологии разрушения и катастрофы так называемого посткоммунистического пространства. (Пример Эстонии см. в кн. «Эстония до и после»...) Этим теориям *реставрации* традиционного общества на данном пространстве должна быть противопоставлена теория положительного развития этого пространства (то есть «революции» в нем) в направлении «нового социализма».

5. Левая теория отвергает консервативные концепции, выдвигающие взамен бывшего советского («старого» левого) порядка теории некоего Русского порядка и Пятой империи (М.Калашников, А.Петухов, А.Проханов и проч.). Все теории так называемого «русского контроля», которые предполагают фактический подрыв бывших советских сфер влияния России в ближнем зарубежье, представляют собой консервативный блеф. Они так же несостоятельны, как обличаемые консерваторами праволиберальные (оранжевые) теории преобразования системы реального социализма в некую идеальную демократию западного образца, результатом внедрения которой, однако (как в Прибалтике или на Украине), оказывается правый национализм и едва ли не правая диктатура.

6. Выход из кризиса Нового мирового порядка в Восточной Европе и России состоит в преодолении этого порядка и переходе к левой идеологии и левому контролю. Речь идет о возвращении от разных вариантов правой идеологии — как консервативных, так и либеральных — к левой идеологии и

марксизму, разумеется, не в старом варианте сталинизированного марксизма, но в варианте современной левой теории. Антиинтеллигентности консерватизма и бюрократическому оплевыванию интеллигенции левая идеология должна противопоставить понимание важности культурного слоя в обществе как важнейшей опоры перемен.

С другой стороны необходима «смена вех» и для интеллигенции постсоветской России. Таковая предполагает разрыв со старым (оранжевым) правым либерализмом — идеологией реставрации в мире бывшего реального социализма и переход на позиции нового либерализма — современной левой идеологии. А также изменение отношения к нынешней силовой элите в России: поддержке прогосударственных силовиков и противостояние силовикам «внешнего контроля», идеологией которых выступает не только правый либерализм, но и правый консерватизм, в первую очередь радикальный.

Можно говорить о «трех цветах нынешнего времени» — «постсоветской» и «посткоммунистической» эпохи. Первый цвет — красный, старый советский — символизирует неререформированную советскую командно-административную систему и старую советскую идеологию, идеологию советского традиционализма. Однако значение красного цвета выходит за рамки реального социализма, это — цвет государственного сектора (государственного Синдиката), положительная роль которого должна быть осознана и в посткоммунистическом мире. Второй важный цвет постсоветской политики — оранжевый, символизирующий идеологию правого либерализма (по названию украинской «оранжевой революции» 2004 г.), либерализма скорее традиционного, чем нового (левого). Правый либерализм выступал как первая оппозиция советскому консерватизму (советскому традиционализму, сталинизму), но также и как реальный союзник правого консерватизма (национализма). Третий цвет современной политики в посткоммунистическом регионе — коричневый, классический цвет радикального консерватизма (правого национализма).

Эти три основные цвета дают смешанные сочетания. Российский консерватизм 1990-х действительно выступал как «красно-коричневый», соединяя в национал-патриотическом блоке два вида консерватизма — советский и радикально-шовинистический. После 2004 г. этот консерватизм (в том числе и под активным внешним давлением) в духе европейского правого национализма становится все более коричневым, хотя, как показывают, например, Проханов и прочие, с «красными вкраплениями». Реальность Нового российского порядка — не только либерального, но и консервативного — это реальность желто-коричневой культуры (желто-коричневое и есть оранжевое).

Современная левая идеология соединяет красный цвет с национальными цветами бывших государств реального социализма. Это российский триколор, цвет новой российской демократии, с красным бантом — символом левой идеи. Аналогично во все странах бывшего реального социализма левую идею представляют национальные цвета плюс красный цвет — цвет «нового социализма».

Глава 2.

КОНСЕРВАТИЗМ КАК ОФИЦИАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ КОНСЕРВАТИЗМОВ И ИХ ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

1. Есть ли у правящей элиты современной («путинской») России идеология? О консерватизме как основе данной идеологии. О понятии консерватизма в России начала XXI века, в том числе у партия «Единая Россия».

Часто говорится об «отсутствии идеологии» в современной России. Действительно ли это так?

Как мы стремимся показать в данной работе, преобладающей в современной России идеологией — то есть идеологией ее политической элиты — является «консерватизм».

Этот факт признается далеко не всегда и часто требует доказательства. Даже достаточно известные идеологи в России иногда заявляют, что у правящей элиты России нет некоей единой идеологии, или отрицают, что такой идеологией следует считать идеологию консерватизма. Сложности вызывает также определение содержания данного понятия. Однако для того, чтобы считать консерватизм главной идеологией современной России — России начала второго десятилетия XXI века — есть серьезные основания.

Весьма важны идеологические самооценки партии Единая Россия — правящей партии современной (путинской) России начала второго десятилетия XXI века, имеющей большинство в главном исполнительном органе России — Государственной Думе, а также реально контролирующей и исполнительную власть страны.

Партия Единая Россия в своих документах прямо определяет свою идеологию как *«правую и консервативную»* (<http://ria.ru/politics/20091121/194856090.html>).

Вполне ясные определения идеологии Единой России как «консерватизма» даются с 2005 г., когда В.Путин поставил перед единосроссами задачу сделать выбор между идеологией консерватизма и либерализма. «Либо вы консерваторы и отстаиваете консервативную платформу, либо либералы: нужна четкая политическая и идеологическая платформа» (об этом: Д.Витушкин. Перспективы правоконсервативной идеологии в современной России, <http://politanaliz.land.ru/right-conservatism1.htm>). В результате Единая Россия в 2005 г. определила себя как правоконсервативную партию. По словам

первого замглавы кремлевской администрации Владислава Суркова в интервью 2005 г. журналу «Шпигель» — «Мы ее (партию) относим к правоконсервативной части спектра и стараемся эту позицию укреплять. На левом крыле и без того уже тесно. В Думе три партии из четырех — левопатриотические. Если так смотреть, то Единая Россия представляет либеральные и консервативные ценности в специфическом российском их понимании» (<http://www.voltairenet.org/article60048.html> — об этом см. также Главу 8).

Еще более ясно идеология единороссов была определена как консервативная в 2009 г., после осетинского конфликта 2008 г. Как заявил в феврале 2009 г. один из известных идеологов партии Андрей Исаев: «Минувший год стал годом окончательного идеологического самоопределения партии „Единая Россия”, не случайно именно в прошлом году партия вступила в Консервативный интернационал. Сегодня мы можем говорить об идеологии „Единой России”, как об идеологии русского консерватизма. Еще совсем недавно... мы предпочитали употреблять другое слово — центризм... Сейчас же после удачной путинской восьмилетки, мы понимаем, что нам есть что терять — у нас есть традиции и государство, которое мы обязаны защитить и хранить. В этом смысле идеология „Единой России” является охранительной, защищающей интересы государства и народа» (Молодая Россия, 2.02.09, <http://www.molgvardia.ru/nextday2009/02/02/4186>).

По словам известного единоросса (экс-анархиста) А.Исаева, «победу» России в осетинском конфликте 2008 г. обеспечила именно консервативная идеология: — «Сработала идеология, имеющаяся сегодня в стране». Как подчеркнул Исаев: — «в России, которая после падения СССР выбрала либеральный путь развития, победила именно консервативная идеология. Сейчас мы можем сказать: мы консервативная партия! Это наша идеология, которую сформулировал Солженицын!» (http://www.ng.ru/politics/2008-08-15/3_edro.html).

С таким же пафосом А.Исаев выступал в этом заявлении против того распространенного, заметим, еще тогда мнения, что президент Медведев является «либералом». «Сто дней президента Дмитрия Медведева показали, что он не либерал. Он такой же консерватор, как Путин» (там же).

Как мы видим, определение идеологии Единой России как правой и консервативной подтверждено многократными заявлениями ее представителей и внесено в программные документы Единой России.

Именно консервативная платформа по сути оказалась главной из трех, формально заявленных Единой Россией в частности в 2012 г. после выборов в Госдуму. Помимо консервативной платформы Единой Россией объявлялась также платформа праволиберальная» во главе с В.Н. Плигиным и «левосоциальная» во главе с тем же А.К. Исаевым (см. 4.04.12, <http://dailynewslight.ru/ru/?r=ZG9xaVhtWEduLVdhOWNNWV80Y0Q4SnRXSV9sa00=>).

Эти три единороссовские платформы заявлялись до этого и ранее: фактически с 2005 г. См. <http://www.newizv.ru/politics/2006-06-14/48155-zakaz-na-ideju>.

[html](http://www.psdp.ru/questions/84656966), 17.11.2009, <http://www.psdp.ru/questions/84656966>). Консервативная платформа при этом всегда позиционировалась как «основная» (соображения В.Суркова и ряда др.). Само появление платформ не без основания трактовалось как попытки Единой России уйти от четкой формулировки своей идеологии.

Понятие консерватизма лежало в основе ряда других известных идеологических заявлений в России последних лет, например, Манифеста просвещенного консерватизма Н.Михалкова 2010 г. (<http://www.polit.ru/kino/2010/10/26/manifest.html>).

Что же собой представляет идеология консерватизма?

История данного понятия в постсоветской России восходит к началу 1990-х гг.

Одним из первых этот термин в 1993 г. использовали известные в дальнейшем российские политики Вячеслав Никонов и Сергей Шахрай в «Консервативном Манифесте», сформулировавшем программу «консервативной» партии Единства и согласия ПРЕС, прошедшей в российскую Госдуму в 1993 г. (Об этом – пятая глава настоящей книги, также *Д.А. Витушкин. Перспективы правоконсервативной идеологии в современной России. – М., 2006, <http://politanaliz.land.ru/right-conservatism1.htm>*). Этот же термин применялся в книге Вячеслава Никонова «1990-е гг. глазами консерватора (М., Языки русской культуры, 1999)». Нельзя обойти в этой связи и Александра Дугина с его книгой «Консервативная Революция» (М.: Арктогея, 1994).

С началом второго президентского срока В.Путина – после 2005 г. и в особенности после 2008 г. – понятие консерватизма стало использоваться весьма широко. В современной России есть целые институты, занимающиеся разработкой теории консерватизма, например, Институт «динамического консерватизма» (http://www.dynacon.ru/arh/?SHOWALL_1=1).

Среди трудов института есть в том числе и масштабные идеологические проекты вроде «Русской доктрины» (www.rusdoctrina.ru/page95564.html), основой которого по определению его участников также является идеология консерватизма. По заявлению участников проекта «этот труд вышел в 2005 году и выдержал несколько тиражей. Доктрина стала поводом для *сплочения нового поколения консервативных интеллектуалов в России*» (<http://www.dynacon.ru/>). В рамках института действуют известные консерваторы – А.Фурсов, М.Демурин и др., которые прямо называют свой подход и исторические сочинения консервативными.

В современной России действуют и многочисленные информационные ресурсы, идеологией которых выступает консерватизм.

Представители консерватизма от А.Дугина до К.Крылова часто подают консерватизм как найденную, наконец, правильную идеологию для современной России. (Например, трактовка консерватизма как русской идеи и «русской вещи» у А.Дугина.)

Многие представители консервативного течения не осознают полностью, что являются «консерваторами». Их можно сравнить в этом смысле с известным героем Мольера, который не знал, что всю жизнь «говорил прозой». При этом реальную принадлежность указанных представителей и идеологов к данному направлению можно определить по ряду характерных для этого направления признаков, немаловажным в числе которых выступает «антилиберализм» (в котором либерализм трактуется максимально широко).

2. О необходимости критического анализа консерватизма. О содержании понятия консерватизма у ряда известных идеологов современной России (в частности у единокороссов). Современный русский консерватизм и европейская сетка политических направлений.

Необходим анализ идеологии консерватизма и консервативного дискурса. Этот анализ — шаг к демистификации указанной идеологии, рассматриваемой ее представителями от А.Дугина до Ю.Шувалова как адекватное (в том числе и оборонное) политическое сознание для современной России.

Реальный современный русский консерватизм (которому и посвящен наш анализ) отличается от консерватизма идеального, который приписывает себе положительные качества «правильной» идеологии России. (Манифест просвещенного консерватизма Н.Михалкова или сборник Современный российский консерватизм. — М., 2011).

Наша позиция — критический анализ консерватизма. Таковой требует выхода за рамки данной идеологии (в идеале — за пределы консервативно-либерального сознания в целом).

Анализ русского консерватизма должен быть *типологическим*, то есть русский консерватизм надо анализировать в контексте других постсоветских консерватизмов (от прибалтийского до украинского или кавказского). Постсоветские консерватизмы следует рассматривать как широкое и типичное идеологическое течение в мире посткоммунизма — именно течение эпохи *рестаурации* в мире бывшего реального социализма традиционного западного общества.

Мы попытаемся применить к анализу консерватизма известные категории политического анализа, в том числе понятие правого и левого.

Лучше, чем современный русский консерватизм, изучен русский консерватизм дореволюционный. (Можно назвать, в частности, книгу А.В. Репникова «Консервативные представления о переустройстве России». — М., 2007, а также работы В.Я. Гросула и многих других.)

В советский период в России изучался и консерватизм западный, включая консерватизм радикальный. (Например, А.А. Галкин, П.Ю. Рахшмир. Консерватизм в прошлом и настоящем. — Л.: Наука, 1987, http://propagandahistory.ru/books/Galkin-A-A-Rakhshmir_PYU_Konservativizm_v_proshlom_i_nastoyashchem/, <http://propagandahistory.ru>, а также А.Галкин. Германский фашизм. —

М.: Наука, 1989.) Положительной особенностью анализа консерватизма в рамках советского дискурса, утраченной в рамках дискурса постсоветского (как правило, правого), является дистанцирование этого анализа от его объекта и критичность данного анализа. Эту положительную особенность советских исследований консерватизма объективный подход к данному течению мог бы сохранить и развить.

В постсоветской российской политологии есть ряд работ, в которых дается критический анализ современного русского консерватизма. Среди них например, работа Николая Митрохина «Русская партия в СССР» (М., 2003), а также сборники: «Русский национализм. Идеология и настроение» (сост. А.Верховский. – М., 2006), «Русский национализм и социальный и культурный контекст» (М., НЛО, 2008) и др. К указанным работам отчасти примыкают и общетеоретические исследования «национализмов». (Напр., Малахов В. Национализм как политическая идеология. – М.: Книжный дом «Университет», 2005.)

Каково содержание понятия консерватизма (в применении к соответствующей идеологии и политической деятельности), что стоит за данным понятием – прежде всего в европейском его значении?

Как известно, понятие консерватизма применяется в Европе с начала XIX века. Исторически первым и классическим консерватизмом был консерватизм английских тори, обоснованный Э.Берком, с аналогичными французскими вариантами – Жозефа де Местра и др. Первыми «консерваторами» в Англии и Франции были сторонники традиционной конституционной монархии, боровшиеся против более радикальных антироялистов – либералов и социалистов (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Консерватизм>).

То есть, используя европейские политические понятия, в том числе и противопоставление правого и левого, консерваторами в начале XIX века назывались «респектабельные» – прежде всего английские, а затем также французские, конституционные монархисты, противостоявшие более радикальным («левым») антимонархистам – либералам (вигам) и в дальнейшем социалистам.

С понятием консерватизма часто связывается значение «сохранения» некоей общественной формы. Такое значение не является содержательным, поскольку та форма, которую пытаются «сохранить», меняется. Так, консерваторы начала XIX века – в первую очередь английские тори – пытались сохранить конституционную монархию – прежде всего английскую, но также и французскую. Во второй половине XIX века и в XX веке объект «сохранения» консервативных группировок изменился: им стал традиционный капитализм XIX – начала XX века. Это же западное общество стремилось сохранить и послевоенный западный консерватизм – в основном в противостоянии «реальному социализму». (См. работы П.Рахшмира и др.)

Аналогом торийских правых в XX веке можно считать республиканцев США, а также многочисленных европейских консерваторов – в частности,

немецкую партию ХДС-ХСС. В целом, используя шкалу правого и левого, можно утверждать, что «консерваторами» в западном политическом спектре, как правило, оказываются «те, кто правее либералов». В советской историографии консервативные партии рассматривались как «правые партии крупного капитала».

Как соотносятся с этим традиционным для западного общества «торийским» типом консерватизма консерватизмы постсоветские (посткоммунистические)?

Можно заметить, что консерватизмы в странах «посткоммунизма» — явление явно иного типа, чем консерватизм «торийского» образца. Респектабельная «торийская» модель консерватизма, о попытке внедрения которой в России начала 1990-х гг. заявили В.Никонов и С.Шахрай, а также идеологи единокороссов после 2000-х гг., для посткоммунистических стран явно не типична.

В мире современного посткоммунизма, как мы попробуем показать, «консерватизмы» выступают в первую очередь как «национализмы». «Консервативными» в мире современного посткоммунизма называются как правило правонационалистические — прибалтийские, украинские или кавказские группировки и партии «отечественной» фразеологии, например, эстонская партия «Отечество». А также иные постсоветские партии, обычно ставящие своей задачей «очистку площадки» от советских и «коммунистических» пережитков и возвращения к досоветским государствам (если таковые были — как в Прибалтике и Восточной Европе).

Отличия данных течений и партий от «торийской» модели очевидны. Хотя представители постсоветских консерватизмов так же, как и британские Тори, «правее либералов», они отличаются от консерваторов «торийского» образца явно более выраженным национальным аспектом. (Заметим, что в Британии в 1930—1940-х гг. были свои «неторийские» правые — националисты Освальда Мосли.)

3. Типологический подход к «консерватизмам». Особенности посткоммунистических консерватизмов, в том числе и русского. Консерватизм как «патриотизм» и правый национализм. Правизна как важная составляющая консерватизма.

Какое место занимает в числе указанных идеологий консерватизм русский?

Критический анализ современного русского консерватизма должен строиться на *типологическом* анализе данного типа консерватизма в ряду других типов посткоммунистических (постсоветских) консерватизмов.

Первоначальным предметом нашего анализа был эстонский консерватизм. («Эстония до и после Бронзовой ночи», 2009). Очевидно, что другие постсоветские (посткоммунистические) консерватизмы — не только прибалтийские, но также и украинский, кавказские, среднеазиатские (а также по видимому и русский) — являются не отдельными идеологическими явлениями, но явлениями, типологически сходными с данным консерватизмом.

Как показывает анализ программ и реальной политики консервативных группировок в мире посткоммунизма, вопреки маскирующим построениям главным содержанием этих группировок оказывается *национализм*, причем национализм *правый*.

Несмотря на трудности осознания данного факта для ряда российских идеологов, современный российский консерватизм в реальности также выступает как *правый национализм*. Правонационалистическая основа видна во многих построениях русского консерватизма, в том числе в политических взглядах официально признанного в путинской России Ивана Ильина. По словам последнего «в противоположность всякому интернационализму – как сентиментальному, так и свирепому; в противовес всякой денационализации, бытовой и политической – мы утверждаем русский национализм, инстинктивный и духовный, исповедуем его и возводим его к Богу» (О Русском национализме, <http://www.rus-sky.com/gosudarstvo/ilin/ilin3.htm>).

Это важное положение разделяют и иные идеологи русского консерватизма. Как заявляет один из классиков русского консерватизма А.Дугин, «этническая (или расовая) интерпретация событий всегда была одной из самых действенных, самых гипнотических, самых захватывающих» («Мистерии Евразии»). Согласно радикальному консерватору Егору Холмогорову «субъектом истории являются именно нации». «Современный национализм, – считает он, – это осознавшая себя и задокументированная (что особенно важно) идеология национальной мобилизации» (Е.Холмогоров. Русский националист. – М.: Европа, 2005, с. 113). Также согласно громко названной «Русской доктрине», подготовленной коллективом «динамических консерваторов» (под редакцией А.Кобякова и В.Аверьянова, 2005), «нации – силовое поле истории» (www.rusdoctrina.ru/page95564.html).

Национализм для постсоветских консерватизмов, включая русский – это некоторое естественное и нормальное миропонимание, «простое, как мычание», это очевидность и «здравомыслие» (Иван Ильин. «Путь к очевидности», также – его современные последователи типа Егора Холмогорова или Константина Крылова – например, предисловие К.Крылова в книге Е.Холмогорова Русский националист. – М.: Европа, 2005, с. 3). Характерно, что подход Холмогорова определяется его единомышленником К.Крыловым как «консервативный русский национализм» (там же).

Основной постулат консервативного сознания – все люди суть националисты (в своем варианте), и это правильно и естественно.

Национальный подход для представителей консервативного сознания первичен. Социальный подход, важный для идеологий иного – отчасти либерального, но в особенности левого направления – отбрасывается. Основные категории и противопоставления находятся в национальной плоскости. Хороший национализм – наш, плохой – чужой. Еще более ясно эти положения развивает консерватизм радикальный, о котором подробнее мы будем говорить далее.

Национализм часто связывается с понятием патриотизма (естественно оценочно). «Патриотизм» — это «внутреннее» («свое») обозначение правильного (естественно своего) национализма. Патриотизм понимается как «правильный национализм» и отождествляется с консерватизмом.

По словам одного из консервативных идеологов Юрия Шувалова — *«К концу 90-х годов в общественной дискуссии удалось отделить патриотизм от политической и идеологической левизны, а правоконсервативные позиции очистить от западнических иллюзий»*. (Современный российский консерватизм. — М., 2011, с. 5.)

Как видно из данного высказывания Ю.Шувалова, современный консерватизм в России понимается его идеологами как «патриотизм» (то есть национализм) правого толка.

Определение отстаиваемой известным единокоросом версии консерватизма как «правой» весьма важно. Связь консерватизма с «правизной» (как и трактовка правой версии консерватизма как истинного патриотизма) характерна для большинства представителей данного течения, в том числе и единокоросовской. «Патриотизмом» считают правый консерватизм (правый национализм) и другие идеологи — от А.Ципко и С.Кургина до Г.Павловского и Е.Холмогорова. Свою «правизну» в постсоветской России декларировали многочисленные течения как традиционных, так и новых консерваторов — «новых правых», а также информационные ресурсы правого и одновременно «антилиберального» направления.

Очевидно, что правый русский консерватизм образца А.Дугина, А.Ципко или Н.Старикова отличается от консерватизма советского, например, в варианте Нины Андреевой или Егора Лигачева. Советский консерватизм лигачевского образца, отстаивавший старую систему реального социализма (командно-административную систему), выступал как консерватизм «левый». Постсоветский консерватизм, как например, в варианте Ю.Шувалова или иных авторов дугинского образца, является «правым». Он берет за основу не советскую систему, а дореволюционную российскую империю, пытаюсь строить себя по аналогии с консерватизмом западным и другими постсоветскими консерватизмами.

Указанные черты русского консерватизма, отождествляемого с патриотизмом — его «правизна» и национализм — показывают очевидную связь постсоветского русского консерватизма с консерватизмом дореволюционным. Последний в настоящее время изучен лучше современного (например, А.В. Репников. Консервативные представления о переустройстве России. — М., 2007). Консерваторы в дореволюционной России — феодальные монархисты и сторонники правонационалистической диктатуры (цезаризма), тем более радикалы Черной сотни — находились, как и в европейском политическом спектре, в целом «правее» либералов, не говоря уже о левых течениях. Известно выражение В.Пуришкевича: «Правее меня — только стенка» (эта

же фраза приписывалась и английским консерваторам, enc-dic.com/winged/Pravee-menja-tolko-stenka-1328.html).

Как современный, так и исторический (дореволюционный) русский консерватизм очевидно связан с аналогичными европейскими и мировыми правыми течениями. Он, в частности, сходен с другими правым национализмами (консерватизмами) – итальянским, испанским, немецким и проч. между двумя мировыми войнами, а также с посткоммунистическими «консерватизмами» (правыми национализмами) стран бывшего реального социализма. Эти сходства современный русский консерватизм или отрицает, или признает весьма неохотно.

4. Трудности анализа «своего» консерватизма. Консерватизмы как «этноцентризмы». Базисные противопоставления консерватизма. Дихотомия «свой-чужой» и образ национального врага.

Главным содержанием посткоммунистических консерватизмов, в том числе и русского, оказываются таким образом не параметры вроде «сохранения» чего-либо или «поддержка сильной руки», но правый национализм. Посткоммунистические консерватизмы (в том числе и русский) тем самым очевидно оказываются *этноцентризмами*, а консерваторы – *этнократами*. Типичная особенность всех консерватизмов – критика с этнических позиций своих зарубежных оппонентов.

Это в полной мере относится и к русскому консерватизму, представители которого, критикуя зарубежные консерватизмы как этнократические, часто (и даже – как правило) пытаются отрицать этнократический характер своего собственного консерватизма. На этом строится шумная «антиэтнократическая» риторика представителей русского консерватизма и критика ими «чужих» этнократов (например, прибалтийских), с возмущением ими именно как «этнократами» (например, сборник под редакцией М. Демурина, <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=2484354>). Возмущаясь зарубежными этнократами, русский консерватор обычно оказывается не в курсе, что является таким же этнократом, как украинские, прибалтийские и все прочие консерваторы.

«Чужой патриотизм», например, белорусский или украинский, с точки зрения русского консерватизма осознается как национализм. «Свой» национализм не осознается как национализм и понимается как «патриотизм вообще».

Здесь обнаруживаются сложности анализа консерватизма. «Изнутри» консервативного сознания – в том числе и в России – такой анализ затруднен. «Свой» национализм трудно анализировать именно в силу его «интимности» («внутренней» его трактовки как патриотизма). Более понятен анализ «чужого» национализма – со стороны российских идеологов – иных посткоммунистических консерватизмов, являющихся обычно (чего не понимают данные

идеологи) зеркальным отражением российского. Поэтому анализ консерватизма в конечном счете требует выхода за рамки консервативного сознания.

Консерватизм (правый национализм) в различных его национальных вариантах, во-первых, как правило, о других консерватизмах не знает. Во-вторых, оценивает их как плохие, поскольку «не свои» (в случае русского консерватизма определяя их как «антирусские»). Со своим национализмом (в случае русского – русским или, скажем украинским) все иначе. Он, напротив, кажется его сторонникам вполне хорошим. Ведь он же наш – хороший национализм, тот, которого не хватает, который и есть «спасение». (Байгушев, Демулин и др.) Свой национализм трактуется как форма правильной «национальной мобилизации», спасения нации и проч.

Некоторые консерваторы при этом осознают свое сходство с «одноклубниками» – другими консерваторами, и даже выражают радость по этому поводу по формуле – «вы националисты и мы националисты, и это хорошо», поскольку хороший человек в консервативном понимании – это и есть националист. Подобное соображение, типичное, в частности, для эстонского консерватизма, повторяют и русские национал-патриоты.

Возмущение начинается при столкновении консерватизмов – когда выясняется их взаимная нелюбовь – например, тот факт, что хорошие (например, в понимании Ципко) прибалтийские консерваторы, так же как украинские или немецкие, никогда не любили (и не собирались любить) своих русских единомышленников. Большинство восточноевропейских консерватизмов строится на критике консерватизма русского (имперского и советского). Для русского консерватизма столь же характерна критика зарубежных этноцентристских консерватизмов. Результатом данных «взаимоконсервативных» отношений является многолетняя (и используемая внешними силами) *этническая перебранка* между постсоветскими государствами, препятствующая осознанию их единства и решению совместных проблем.

Основой «консерватизмов» является ряд базисных противопоставлений.

Первое и видимо наиболее существенное среди них – противопоставление «свой-чужой» по национальной (а иногда и расовой) основе. «Своим» (в русском консерватизме также) является представитель своей нации. «Чужим» – инородец.

Для консерватизма характерно специфическое понимание «любви» или «нелюбви» к собственной нации. Нелюбовь к таковой трактуется как прописка некоторых предателей внутри собственной нации, а также злокозненных инородцев. Интересна, например, концепция «русофобии» известного консерватора Игоря Шафаревича («Русофобия»). В качестве источника «русофобии» Шафаревичем в стиле радикального правого национализма называется некий «малый народ». На эзоповом языке русского консерватизма советского периода данное понятие означает «либералов», «интеллигентов» и, понятно, также инородцев (в первую очередь, конечно, «евреев»).

Что следует, согласно консерватизму, вкладывать в противоположное «руссофобии» понятие «руссофилии»? «Руссофилия» фактически определяется русским консерватизмом как принятие идеологии русского консерватизма. Такой подход характерен также для иных видов данной идеологии, в частности, консерватизма прибалтийского (эстонский, например, оперирует понятием «эстонство» – «eestlus» и «эстофилия» – «eestimeelsus»). В консервативном (шовинистическом) понимании любить некую нацию значит принимать соответствующий консерватизм – прибалтийский, украинский или русский (подробнее об основах консервативного дискурса см. также гл. 9).

5. Консерватизм радикальный и умеренный. Радикальный консерватизм и Третий рейх.

В консерватизме (в том числе и русском) следует, как мы стремимся показать, различать консерватизм *умеренный и радикальный*.

Умеренным русским консерватизмом (он же консерватизм «просвещенный») можно считать консерватизм единороссовский. К радикальному русскому консерватизму следует отнести сочинения И. Шафаревича, А. Байгушева, Е. Холмогорова, К. Крылова, отчасти А. Ципко и ряда других. Деятельность радикального консерватизма находит проявление в деятельности соответствующих политических группировок от консерватизма Русской партии в СССР, Памяти и РНЕ до движения Русского марша.

Согласно некоторым идеологам русского консерватизма, в частности, известному политологу Сергею Маркову, Россия нуждается в национализме, каковой «не радикален», но является реакцией на «ненациональную» советскую идеологию (*В. Максимов. Заказ на идею. В России, как никогда, востребован просвещенный национализм. Новые известия*, 14 июня 2006 г., <http://www.newizv.ru/politics/2006-06-14/48155-zakaz-na-ideju.html>).

Консерватизм (даже радикальный) таким образом обычно заявляет о себе как умеренном и ограничивающемся лишь почвенничеством. По словам идеолога «Русской партии в СССР» и радикального националиста А. Байгушева «мы не националисты, мы просто почвенники» (Русская партия внутри КПСС. – М.: Алгоритм, 2005, с. 448). Однако в определении границ «просвещенности» национализма часто возникает путаница, а то и явная подмена понятий.

Заявлявший о себе как «простом почвеннике» А. Байгушев, как видно из его реальной деятельности, является явным радикальным националистом и сторонником восстановления в качестве правильных – партий черносотенного образца. (В последующих главах мы попытаемся рассмотреть его подход и деятельность более подробно.) Существенные элементы радикального консерватизма можно обнаружить также у считающихся умеренными консерваторами А. Дугина и А. Ципко. Явным представителем радикального консерватизма является также упоминавшийся Егор Холмогоров, книгу которого его соратник К. Крылов объявил «первым (?) изложением

консервативного русского национализма» (предисловие в кн. Русский националист. — М.: Европа, 2005, с. 3).

Главной целью радикального консерватизма является *консервативная*, она же *национальная революция*. Необходимость таковой обычно обосновывается тем, что существующая власть — «недостаточно национальная», то есть в русском варианте — «недостаточно русская». Подобный упрек предъявлялся радикальными русскими националистами весьма многим властям — и власти царской империи, и большевикам, и властям СССР, и ельцинским «либералам». Постепенно сходный упрек начинает предъявляться и Путину. (К.Крылов. Русские вопреки Путину. — М.: Алгоритм, 2012.)

Еще в советский период идеологию радикального консерватизма поддерживали представители так называемой Русской партии, попытавшиеся, уже начиная с перестроечных 1980-х гг., провести восстановление шовинистических группировок типа Союза русского народа (об этом подробнее в четвертой главе).

Открыто радикальный консерватизм в России заявил о себе в период перестройки и особенно активизировался в 1990-х гг. Ельцинизм трактовался радикальным консерватизмом как «оккупационная» власть. (Таковой им считалась, заметим, также и власть в СССР, а также все типы власти, отличные от власти радикальных националистов.) В 1990-х гг. идею «национальной революции» выдвигал В.В. Жириновский, объявивший национализм «единственным путем к свободе» (цит. по: *Русский национализм. Идеология и настроение*. — М., 2006, с. 250).

Пиком развития радикального консерватизма в постсоветской России стали первые годы президентства Владимира Путина — с 2002 по 2006 г. Уже в эти начальные послеельцинские годы к национальной революции призвал один из известных идеологов консерватизма и борец с коммунизмом Александр Ципко (*Ждет ли Россию национальная революция?* 28.02.2003, <http://kp.ru/daily/22983/2037/>). Со сходными идеями «национальной революции» или «русского переворота» выступил и ряд идеологов радикального консерватизма из партии Родина, а также других, заявивших о себе, например, в движении Русского марша в 2005—2006 гг. В эти годы, как мы в дальнейшем покажем более подробно, произошел конфликт умеренного (единороссовского) консерватизма и консерватизма радикального, результатом чего стал, в частности, распад партии «Родина».

Постсоветские консерваторы — в особенности радикальные — как правило, забывают об исторической преемственности своей идеологии и отмеченного лозунга национальной революции. Данный лозунг был характерен для радикальных национализмов еще 1930—1940-х гг. Так, живший в Харбине радикальный русский националист К.Родзаевский в духе своих немецких единомышленников призвал ко «всесветному оздоровлению» — «новой национальной революции» (*К.Родзаевский. Завещание русского фашиста*. — М., 2001, с. 22).

Ряд консервативных идеологов относят радикальный национализм к «патриотизму». По характерному заявлению консервативного долгожителя Александра Ципко «наряду с черносотенным, мы имели широкий спектр цивилизованных форм патриотизма» (А.Ципко. *Россию пора доверить русским.* – М.: Алгоритм, 2003, с. 188; *Почему я не демократ.* – Изд. 2-е – М.: Алгоритм, 2005). А.Ципко, таким образом, относит черносотенство к формам «патриотизма» – пусть и определяя его как форму патриотизма «не слишком цивилизованную».

Основные ходы радикального постсоветского консерватизма в России имеют дореволюционные аналоги. Характерный для радикальных вариантов консерватизма лозунг «Россия для русских» идет от Александра III, названного М.Ковалевским «царем-националистом» (см. А.Репников. *Консервативные представления*, с. 187). Так же мыслили и хорошие по В.Кожину, А.Байгушеву и О.Платонову сторонники черносотенного движения.

Связь с радикальным консерватизмом характерна для эмигрантского русского консерватизма с его ориентацией на авторитарные формы правления (от монархизма до цезаризма) и ксенофобией.

Влияние радикального консерватизма, в том числе дореволюционного, можно усмотреть в политической доктрине А.И. Солженицына. Так, книга А.Солженицына «Двести лет вместе» во многом отразила понимание еврейского вопроса, свойственное дореволюционному радикальному консерватизму. (*Об этом см.* С.Резник. *Вместе врозь. Судьба евреев в России. Заметки на полях диалогии А.И. Солженицына.* – М., 2005.)

Очевидна прямая идейная связь радикального русского консерватизма (включая идеологию белой эмиграции) с идеологией европейских правых 1920–1930-х гг., в том числе и немецкого национал-социализма. Консервативные идеологемы последних активно цитируют радикальные русские национал-патриоты от А.Дугина до Е.Холмогорова.

Весьма активный с начала 1990-х г. консервативный идеолог Александр Дугин воспроизводит весь набор раннего немецкого национал-социализма – от геополитики Хаусхофера до понятия консервативной (она же национальная) революции. Как обратил внимание А.Умланд, в первом издании своей основополагающей книги «Консервативная Революция» (М.: Арктогея, 1994) А.Дугин представлял немецкий Третий рейх как одно из воплощений предпочитаемого им так называемого «Третьего Пути». Он жалел о том, что «поражение Германии во Второй мировой войне было сокрушительным поражением всей идеологии «Третьего Пути». Он отождествлял идеологию фашизма с пропагандируемой им «консервативной революцией» и сделал целый ряд аналогичных заявлений, утверждая, например, что «в рамках национал-социалистического режима существовал некий интеллектуальный оазис, в котором концепции Консервативной Революции продолжали развиваться [...]». *Мы имеем в виду организацию Ваффен-СС в ее интеллектуально-научном,*

а не военно-политическом аспекте» (<http://www.inosmi.ru/politic/20120622/193954633.html>, см. текст Дугина, <http://www.my.arcto.ru/public/konsrev/3way.htm>).

Активно используют идеологемы Третьего рейха и авторы типа Егора Холмогорова («Русский националист», «Русский проект. Реставрация будущего» и др.). Почитаемый уважаемыми консерваторами, например, Г.Павловским и единосроссами, Е.Холмогоров, как уже замечалось, активно применяет концепцию национальной мобилизации немецкого национал-социалиста Э.Юнгера (Е.Холмогоров. Русский проект. Реставрация будущего. — М., 2005, с. 350–351).

На цитировании германских оригиналов 1930-х гг. строятся и расовые теории радикального русского консерватизма, в частности, «Расология» В.Авдеева.

Несмотря на камуфлирование аналогий классического немецкого консерватизма с современным русским, сходство этих течений вполне очевидно. Очевидно, что русский радикальный консерватизм вполне аналогичен описываемому правому национализму немецкому. На это указывают как идеологические сходства, так и союзнические отношения русских правых националистов (а также многих деятелей правой эмиграции) 1930–40-х гг. с Третьим рейхом. Целый ряд крайне правых русских эмигрантов — П.О. Гусак-ков, герцог Г.Н. Лихтенбургский, барон П.Г. Кеппен, генерал-майор Василий Бискупский, П.Шабельский-Борк, полковник И.Полтавец-Острица примкнули к движению немецкого национал-социализма и в дальнейшем — к партии Гитлера в Германии (<http://werzilla.ru/history/65-nsdap-i-russkaya-yemigraciya-v-germanii-chast-4.html>).

Как европейские правые национализмы, так и русский возникли в сходных обстоятельствах. Основой межвоенного правого русского национализма был старый дореволюционный консерватизм, включая радикальный, игравший роль защиты феодальной монархии (черносотенство).

Радикальный русский консерватизм в СССР (Русская партия) и пост-советской России с 1980-х гг. также пытался реабилитировать черносотенство (В.Кожин, А.Байгушев), и даже реально восстановить правонационалистические (черносотенные) партии — Союз русского народа (Русская партия, А.Байгушев) в 1988 г., С.Бабурин и партия «Родина» в 2005–2006 гг.

5. Соотношение умеренного и радикального консерватизма в современной России. Консерватизм и враждебные инородцы.

Вопреки отрицаниям консервативных идеологов, между умеренным и радикальным консерватизмом (правым национализмом) существует очевидная связь. Эту связь и зыбкость грани между консерватизмом радикальным и умеренным следует констатировать вопреки риторике самого консерватизма, который часто камуфлирует свои реальные идеологические основы.

Респектабельный консерватизм (от С.Кургиняна до В.Суркова) пытается дистанцироваться от крайних форм национализма (радикального консерватизма) и делать ставку на национализм «просвещенный». Такие попытки (в частности, попытки С.Кургиняна противостоять «вирусу фашизма») следует приветствовать, указывая, однако, на их ограниченность. Попытки «цивилизовать» консерватизм и смягчить его радикальные варианты до сих пор особым успехом не увенчались. Радикальный консерватизм до сего дня остается важнейшей составляющей (если не лидером) данного направления, оставаясь активным критиком консерватизма официального (например, А.Шутов или К.Крылов о В.Путине).

В качестве примера связи умеренного (например, единороссовского) консерватизма с радикальным можно привести построения радикального консерватора (правого националиста) Егора Холмогорова. Его книга «Русский националист» (с подачи Глеба Павловского) была опубликована в официальном единороссовском издательстве «Европа» (М., 2005). Как указал сам автор, книга активно рекомендовалась Г.Павловским – официальным идеологом консерватизма начала 2000-х гг. (первого президентского срока В.Путина). По словам Холмогорова, идея «собрать и систематизировать» его материалы по национализму исходила именно от идеолога «новых правых» Глеба Павловского (Русский националист, с. 29).

Можно утверждать также, что ряд основных идей Е.Холмогорова по сути дела цитировался с середины 2000-х гг. известным кремлевским деятелем и идеологом Владиславом Сурковым, участником разработки программных документов партии Единая Россия. Цитаты из работ Е.Холмогорова (как замечалось ниже) можно обнаружить как в текстах В.Суркова, (например, в известной статье «Национализация будущего», 2006 г., http://expert.ru/expert/2006/43/nacionalizaciya_buduschego/), так и даже в программных документах Единой России. Этот факт следует подчеркнуть, имея в виду также и то, что в последнее время (с 2012 г., а возможно и ранее) у единороссов проявилась тенденция скрывать старые заявления, явно близкие радикальному консерватизму. Таким образом, чтобы понять, как на самом деле рассуждают идеологи консервативной элиты России, то есть консерваторы в умеренном и «просвещенном» варианте Г.Павловского или В.Суркова, надо почитать Егора Холмогорова.

Базисным противопоставлением консерватизма, как уже отмечалось, является противопоставление «свой-чужой» по национальному признаку – в отличие от социальных концепций. В радикальных вариантах консерватизма очевидно формируется национальный «образ врага», стимулирующий ксенофобию и «антиинородчество». Идеологи консерватизма рассматривают Россию как окруженную национальными врагами, в числе которых оказываются все периферийные националисты, начиная с белорусских (к «белорусским националистам» русскими консерваторами относится даже постоянно стремящийся дружить с Россией Александр Лукашенко).

При этом среди плохих инородцев выделяются и «особо плохие». Классические примеры консервативного (а фактически — радикально-консервативного) подхода к вопросу об «инородцах» дают весьма популярные в консервативных кругах России работы О.Платонова, А.Байгушева, С.Семанова и проч. идеологов, так называемой, «Русской партии», начавшей действовать еще в СССР. Указанный подход строится, как правило, как теория 500 (и 1000)-летней войны с «жестоковейшим Сионом», а также масонством и тому подобном (А.Байгушев, О.Платонов). Эту линию продолжили авторы издательства Алгоритм — В.Филатов («Новые иудейские войны»), Т.Грачева («Внутренняя Хазария») и проч.

Речь идет, понятно, о теории мирового еврейского заговора. Подобный подход развивался дореволюционным радикальным консерватизмом С.Шарапова, В.Строганова, у которых излагался взгляд на евреев «не как на нацию, но как на зловредную с государственной точки зрения секту». (Об этом Репников, цит. соч., с. 191.) В советский период данная доктрина активно развивалась так называемой «Русской партией» (см. исследование Н.Митрохина «Русская партия в СССР») и поддерживалась рядом радикально-консервативных (правонационалистических) советских и постсоветских группировок в России.

6. Консерватизм и либерализм. Либерализм как метафизический враг консерватизма. Консерватизм против либералов и интеллигентов.

Помимо противопоставления «свой-чужой» по национальному признаку одним из важнейших противопоставлений современного русского консерватизма является противопоставление консерваторов и либералов.

Консерватизм в России (в особенности радикальный) выступает как активный *«антилиберализм»*. Антилиберализм — одна из важнейших составных частей современного российского консервативного дискурса, как и консервативного дискурса как такового. Консервативный дискурс строится на острой критике либерализма и противопоставлении ему правильного консерватизма. Образ либерала как врага особенно ярок в радикальном консерватизме и у фигур близких к нему, напр., И.Шафаревич, Е.Холмогоров, М.Шевченко.

Критика либерализма и противостояние ему составляет важную сторону современного русского консерватизма. Очевидна оценочность этого подхода: консерватизм рассматривается как правильная идеология, либерализм — плохая и вредная. Как предостерегал в 2010 г. в статье с характерным названием *«Либерализм — смерть России»* уже упоминавшийся радикальный консерватор Егор Холмогоров «сегодня наша страна стоит перед странной и парадоксальной угрозой «второго издания» (хорошо еще, что не «третьего срока») либерализма образца начала девяностых» (03.2009, <http://www.rus-obr.ru/day-comment/2067>).

Здесь Холмогоров излагает весьма популярную в консервативных кругах современной России версию о том, что недостатки путинской элиты кроются в ее остаточном «либерализме», который грозит вот-вот возродиться. Критика

«либерализма» путинской элиты предлагается многими консервативными идеологами как рецепт выхода из начавшегося в 2011 г. в России политического и идеологического кризиса.

Можно заметить, однако, что в полемике со своим «метафизическим» врагом – либерализмом – консерватизм использует ряд терминологических фокусов.

Следует прежде всего указать на многозначность значения понятия «либерализм» в современном русском консерватизме. «Либералами» современные консерваторы называют, во-первых, классических западных либералов, в том числе дореволюционных российских – от Б.Чичерина до П.Милюкова, а также оппозиционных советских и постсоветских демократов (включая «ельцинистов»), то есть либералов правых. Во-вторых, либералами русские консерваторы считают демократов левых, то есть советских шестидесятников, «перестройщиков» – М.Горбачева и др.

Кроме того, идеологи консерватизма в странном значении используют понятие «неолиберального». Говорится, например, о «неолиберальной экономической модели Пиночета» или эстонского национал-патриота М.Лаара. Такое определение использует даже сторонник левой идеологии Б.Кагарлицкий. Подобное излишне широкое понимание либерализма можно заметить также у известного и популярного у современных российских консерваторов критика либерализма И.Валлерстайна (После либерализма – Рус. перевод. – М., 2003).

«Либерализм» в широком смысле понимается, таким образом, как идеология Западной («капиталистической») цивилизации, включающей также и «консерватизм». Такое значение понятия «либерализма» не может не вести к путанице. Например, при таком значении «либерализма» консерватизм (в том числе немецкий национал-социализм) оказывается не отдельной идеологией, но видом либерализма, а в «либералы» попадают фигуры типа Франко или Пиночета.

Такой подход вызывает вопросы: почему, например, Пиночета или эстонского консерватора Марта Лаара следует включать в «либералы»? Ведь известный диктатор – вовсе не либерал, но чилийский консерватор, хороший человек по М.Леонтьеву, аналог Столыпина, культовой фигуры русского консерватизма. Также и М.Лаар вовсе не либерал, но такой же хороший эстонский консерватор, как и его русские единомышленники. (См. «Эстония до и после Бронзовой ночи».)

В данном случае, как мы видим, понятие «либерализма» в расширенном значении оказывается аналогом понятия консервативно-либеральной идеологии в целом.

Логика использования излишне широкого понятия либерализма часто имеет чисто оценочные основы: она исходит из предпосылки об отрицательности «либерализма» и, напротив, положительности консерватизма и

консерваторов. Когда консерватор совершает что-то нехорошее, он (на это время во всяком случае) перестает быть хорошим консерватором и становится «плохим человеком» — то есть либералом. Таков же по сути дела смысл «консервативных» (то есть выдвигаемых с позиций правильного консерватизма) упреков Холмогорова (и многих других консерваторов) путинской элите.

Согласно консерватизму либерал — это противник и злейший враг правильного консерватора. В число либералов обычно попадают также интеллигенты (в радикальном консерватизме они же — инородцы, в особенности понятное дело, «евреи»). Либерализму и либералам (как и прочим неконсерваторам) присваивается ряд негативных характеристик.

В частности, в рамках консерватизма декларируется «непатриотизм» (точнее, антипатриотизм) либералов и либерализма, а также их «отщепенство». Консерватор же, напротив, «органичен» и «принадлежит народу» (см., напр., Захар Прилепин и третья волна «антилиберализма» в России, <http://kripta.ee/rosenfeld/2013/12/11/zaxar-prilepin-i-tretya-volna-antiliberalizma-v-rossii/>).

Характерный ход консерватизма — обвинение либерализма, а также его «носителя» — интеллигенции — в антигосударственности и «распространении нестабильности». Стабильность понимается как детище консерваторов и бюрократии; либералы же (а с ними и интеллигенция) рисуются как поборники «потрясений» или хуже того — революций. Данный идеологический ход был характерен уже для консерватизма дореволюционного («Вехи») и дожил до сего дня. Пример — очерк известного идеолога Натальи Нарочницкой «Революция — духовное детище интеллигенции» (<http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=7498&issue=205>).

Либерализму приписывается также и «социал-дарвинизм». Как заявляют идеологи динамического консерватизма «либерализм — социал-дарвинизм. Либерализм не печется о ценностях...» (Д.Седов, http://www.rusk.ru/monitoring_smi/2007/05/03/dinamicheskij_konservativizm/). Сходную логику демонстрирует и Холмогоров в статье «Либерализм — смерть России», 03. 2009, <http://www.rus-odr/day-comment/2067>).

Для данного тезиса консерватизма характерно непонимание того, что социал-дарвинизм — свойство Западного общества, «капитализма» (Расчлененного общества), единой консервативно-либеральной идеологией которого выступает также и консерватизм. Сам консерватизм (в правом варианте) — динамический и проч. — есть такой же спутник консервативно-либерального социал-дарвинизма, как и либерализм. О «ценностях» (подчас вполне желтокоричневых) он печется точно так же, как и правый либерализм. В отношении восточноевропейских консерватизмов, например, прибалтийского или украинского, консерваторам в России это вполне понятно, в отношении «своего» консерватизма — не очень.

Несмотря на то, что официальной идеологией путинского периода в России выступает консерватизм, а основным объектом критики — либерализм,

некоторые заявления высших должностных лиц в России противоречат этой схеме. В частности в январе 2014 г. президент В.Путин заявил, что является «либералом». Такие заявления безусловно ставят официальных российских пропагандистов в сложное положение (см. Объявление В.Путиным себя «либералом» и идеологическая путаница в России, <http://kripta.ee/rosenfeld/2014/01/20/obyavlenie-v-putinym-sebya-liberalom-i-ideologicheskaya-putanica-v-rossii/>).

Либерализм и интеллигенция оказываются согласно консерватизму не только поборниками антинациональной политики, но и источником «антирусскости» и «русофобии». Как уже отмечалось, у «русского экстремиста» (по собственному определению, то есть правильного консерватора) И.Шафаревича источником русофобии выступает некий «малый народ» – то есть либералы и интеллигенты, а также соответственно инородцы, в первую очередь «евреи» («Русофобия»).

В рамках консерватизма, таким образом, конструируется особая концепция интеллигенции. Интеллигенции приписывается антигосударственность и сочувствие «подрывным» идеям, каковым противодействует правильный консерватизм. Данную концепцию развивал еще консерватизм дореволюционный, начиная с М.Каткова («наше варварство в нашей интеллигенции») и К.Победоносцева, а также сборника «Вехи». «Самые злодеи... – писал Победоносцев 15 февраля 1880 г., суть не что иное, как крайнее искажение того же обезьянского образа, который приняла в последние годы вся наша интеллигенция. После этого – какого же ждать разума и какой воли от этой самой интеллигенции» (цитата по: А.Репников, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1191414000>).

От консерватизма XIX, начала XX века (Каткова, Победоносцева, авторов сборника «Вехи») антиинтеллигентская риторика тянется к современным консерваторам. Современный русский консерватизм и его представители не только строят «негативную» концепцию роли интеллигенции в России, но и занимаются систематическими доносами и нажимом на интеллигенцию, если не прямыми репрессиями против нее. Радикальный консерватизм несет ответственность за прямое истребление интеллигенции, которому консерватизм «респектабельный» если не прямо сочувствует, то неэффективно противодействует. Консерватизм подводит под террор против «антиправославной» и «антирусской» интеллигенции идеологическую базу. От консерваторов (не всегда только радикальных) бюрократия получает идеологический мандат как на продолжение своей часто неэффективной (а иногда и прямо коррупционной) деятельности, так и на шельмование и истребление интеллигенции.

Даже как будто объективный и эрудированный исследователь дореволюционного консерватизма А.В. Репников назвал свою статью: «Мозг нации» или пятая колонна? Интеллигенция в России» (3.10.2007, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1191414000>). Исследователь консерватизма здесь сам очевидно выступил в качестве активного представителя консервативного сознания.

7. Об основах противопоставления либералов и консерваторов в современной России и мире посткоммунизма в целом. Консерватизм «советский» и «антисоветский». О различии политического спектра западного общества и общества бывшего «реального социализма». Их зеркальные отношения. Является ли правый консерватизм «новой» и положительной идеологией постсоветской России? Консерватизм и Новый мировой порядок. Консерватизм как идеология «суверенитета» России.

Имеет смысл более внимательно разобраться в основах противопоставления либералов и консерваторов в современной России (как и в целом мире посткоммунизма) и определить основы этого противопоставления, которое кажется его идеологам чуть ли не «метафизическим».

В своих постоянных спорах обе стороны приводят свои аргументы — по-видимости, не лишённые справедливости. Либералы отстаивают права и свободы (права человека) против авторитаризма и бюрократии, обвиняя консерваторов в пренебрежении этими свободами. Консерваторы говорят о защите государства, обвиняя либералов в непонимании важности государственного подхода. Либералы в постсоветской России являются, как правило, сторонниками времени правления Ельцина и его достижений в развитии гражданского общества и проч. Консерваторы же обычно поносят время ельцинского «либерального» правления, хваля путинские реформы и часто даже радикальные виды консерватизма.

Очевидно, что идеологии как правых либералов (например, ельцинистов), так и консерваторов правого толка в современной России имеют не только различия, но и некоторые существенные сходства. Оба данных течения в постсоветском варианте выступают как критики бывшего советского реального социализма, пытаясь противопоставить ему правильную дореволюционную систему — либеральную или консервативную.

То есть, заметим — дореволюционную систему для современной России отстаивают вовсе не только современные российские либералы, упрекающие большевизм в авторитаризме и нарушении прав человека (за которые боролись, например, российские либералы XIX и XX века), но и правые российские консерваторы.

Типичный постсоветский русский консерватизм, например, в варианте Н.Старикова или идеологов «Русской партии» советской эпохи, рассматривает в качестве идеала дореволюционную царскую империю, критикуя систему реального социализма и советский период в России как «разрушение» ее. Такой подход (связанный с отрицательной оценкой советского периода в истории России) объединяет оба варианта российской правой идеологии — как консерватизм, так и либерализм. Он же соответствует и взглядам на так называемый «посткоммунизм» (и реальный социализм) современного Запада.

Следует подчеркнуть важный тезис, непонятный идеологам консерватизма: *как правый либерализм, так и правый консерватизм представляют собой равноправные компоненты общей правой консервативно-либеральной идеологии – реально официальной идеологии современного Западного общества.*

Говоря о различии западной (консервативно-либеральной) идеологии и идеологии мира посткоммунизма следует еще раз подчеркнуть важное отличие политических спектров западного мира и мира бывшего «реального социализма». Это отличие, как можно утверждать, и лежит в основе различия как двух консерватизмов, так и двух либерализмов – левого (старого советского) и правого («антисоветского» и проимперского). Можно заметить, что советский политический спектр периода СССР (когда Советская Россия являлась мировым левым центром) представлял собой не прямое, а *перевернутое* отражение западного политического спектра (политического спектра традиционного западного образца).

Так, в советском политическом спектре начала 1980-х гг. (конца советского периода) в «центре» стояли умеренные сталинисты брежневского образца, правее их были «жесткие» сталинисты – консерваторы сусловского типа. Левее советских консерваторов были советские (что важно подчеркнуть, то есть «левые») либералы, например, шестидесятники – антисталинисты и сторонники социализма с человеческим лицом. Более радикальную позицию на как бы «левом» (оппозиционном) крыле советской политики занимали диссиденты – реальные правые по европейской шкале – правые либералы и правые консерваторы от Синявского до Солженицына и Шафаревича. Перевернутость и зеркальность советского политического спектра по сравнению с политическим спектром западным ярко отражает феномен советских диссидентств – «левых, которые правые» – фактически правых либералов и правых консерваторов.

Оба правых течения – как правый либерализм, так и правый консерватизм – следует рассматривать как идеологии консервативно-либеральной реставрации в мире традиционного западного общества, поддерживаемые в этом качестве извне мировым правым истеблишментом. Идеологическая сторона эпохи «реставрации» в постсоветской России состоит именно в замене (при помощи западного общества и при его непосредственном воздействии) советских консерваторов и советских либералов на консерваторов и либералов западного (правого) образца. Другими словами, в эпоху «реставрации» в мире реального социализма традиционного западного общества в идеологии стран этого мира «советские» варианты консерватизма и либерализма меняются на их правые западные («антисоветские») аналоги. То есть в период реставрации в мире реального социализма (посткоммунизма) в целом и в России в частности, в результате активной идеологической и политической деятельности Запада оба левых идеологических направления – левый либерализм и левый консерватизм – подавляются их правыми отражениями.

Это позволяет говорить о том, что идеологией «реставрации» в мире реального социализма является не только правый либерализм (как это постоянно повторяют «антилибералы»), но также и считаемый ими некоторой «отдельной» идеологией правый консерватизм, то есть все постсоветские правые национализмы («консерватизмы»), включая и консерватизм русский. Это очевидно на примере постсоветской периферии от Хорватии и Прибалтики до Кавказа и Средней Азии, где главной правой идеологией, поддерживавшейся мировым правым истеблишментом, были и остаются именно национальные консерватизмы. Факты поддержки Западом (в первую очередь США и Англией) постсоветских консерватизмов – прибалтийских, украинского и всех других, включая русский – как в советский, так и постсоветский период – (например, в варианте оказавшегося на Западе с 1945 г. «радикального патриота» Григория Климова) постепенно становятся все более известными.

Идеологи русского консерватизма с начала 1990-х гг. (и официально с 2000 г.) доказывают (якобы вопреки «либерализму»), что их идеология есть едва ли не новая, а также наконец-то найденная положительная идеология развития постсоветской России. Однако это утверждение следует признать несостоятельным. Русский консерватизм, как и иные восточноевропейские посткоммунистические и постсоветские консерватизмы – польский, прибалтийский, украинский или кавказский – во-первых, не является новой идеологией. Как и эти идеологические течения, русский консерватизм продолжает (наряду с правым либерализмом) линию соответствующих течений дореволюционной России, являясь, как и в других странах посткоммунизма, идеологией восстановления в ней дореволюционного имперского или правонационального (в духе европейских диктатур) правого режима.

Во-вторых, можно утверждать, что будучи идеологией реставрации в России общества западного образца – Расчлененного общества, русский консерватизм (как и иные посткоммунистические консерватизмы в отношении соответствующих стран) не является идеологией положительного развития России. Таким положительным развитием следует считать развитие в России системы реального социализма, а не разрушения этой системы, как этого требует не только праволиберальная, но и правоконсервативная идеология. Поэтому русский правый консерватизм силового путинского периода в России является не преодолением (как надеялось население постсоветской России) недостатков праволиберального «ельцинского» периода, но продолжением его «правой» линии.

Следует признать несостоятельным также утверждение консерватизмом самого себя (например, в концепции суверенной демократии В.Суркова, а также в иных версиях консерватизма) идеологией «суверенной» России, то есть России, независимой от современного западного общества. Будучи вариантом правой идеологии, русский консерватизм является не столько идеологией

«суверенной» России, сколько (а по сути в первую очередь) – идеологией вписывания России в Новый мировой порядок, что означает среди прочего весьма существенную зависимость России от этого Нового мирового порядка.

Сопротивляется ли силовая элита современной России давлению Нового мирового порядка и его главных игроков, или подыгрывает этому порядку и его главным игрокам? Нельзя отрицать отдельных попыток сопротивления путинской силовой элиты Новому мировому порядку. Однако не меньше (а иногда и больше) многочисленных фактов подыгрывания этой элиты данному порядку. Причем в период 2010–2015 гг. данная «соглашательская» тенденция – в особенности во внешней политике – становится все более очевидной.

Правые консерваторы – как старые (типа И.Шафаревича), так и «новые» (Г.Павловский, А.Чадаев, М.Леонтьев), а также все сорта «динамических» и прочих консерваторов суть идеологи и практики как Нового российского, так и Нового мирового порядка. Поэтому российскими государственниками и идеологами суверенного развития России они (за редким исключением) могут называться лишь с весьма серьезными оговорками.

Это подтверждают многочисленные факты странностей политики консервативной элиты России последнего десятилетия в так называемом ближнем зарубежье, где указанные консерваторы часто оказываются или прямыми союзниками консерваторов постсоветских государств, или же показывают явную неспособность организовать таковым эффективное сопротивление.

Антикоммунистические русские консерваторы, типа бывшего работника ЦК КПСС А.Ципко, начиная с советской перестройки (сваливаемой на «либералов»), а фактически еще в советский период, были реальными союзниками консерваторов восточноевропейских, проявляя полное понимание их позиции.

«Во всех странах Восточной Европы, – заявлял Ципко, – *борьба с коммунизмом за демократию* была органично связана с национальной идеей, со стремлением восстановить утраченную в результате *советской оккупации* подлинную государственную самостоятельность, восстановить утраченное национальное достоинство, право народа самому определять свою судьбу». (А.Ципко. Пора доверить Россию русским. – М., 2003, с. 116).

Таким образом, вовсе не плохой либерал, но хороший антикоммунистический русский консерватор и долголетний идеолог правого национализма А.Ципко выражает полное понимание позиции своих единомышленников – восточноевропейских консерваторов в вопросе «советской оккупации», чему вполне ясно соответствует если не поддержка русским консерватизмом этих группировок, то по крайней мере лояльное к ним отношение.

Об особой группировке консерваторов – «консерваторов-сопротивленцев» (в отличие от «консерваторов-конформистов») – следует говорить отдельно. Как мы попытаемся показать, таковые уже не являются консерваторами в прямом смысле этого слова и представляют некоторую иную (видимо, выходящую за рамки правой и консервативной) идеологию.

8. Консервативный тезис о «либералах» как «ставленниках Запада» и реальность. О внешней поддержке консерватизма в России. Источники и социальная база консерватизма. Бюрократия как субъект консервативной идеологии. Интеллигенция и бюрократия.

Отсюда понятна ложность (недостаточность) известного тезиса консерватизма, что «ставленниками Запада» в постсоветской России являются лишь либералы — причем либералы «вообще» — как правые, так и левые. В данном утверждении игнорируется факт поддержки Западом в странах посткоммунизма также (а иногда и в первую очередь) не только правых либералов, но и правых консерваторов — как отдельных консервативных фигур и партий, так и целых постсоветских консервативных течений.

Следует еще раз подчеркнуть отрицаемую русскими консерваторами истину: освоение мировым правым истеблишментом (мировым англо-американским центром) посткоммунистического пространства — в том числе и бывшего СССР (особенно активно с начала 1990-х гг.), строилось на распространении единой правой консервативно-либеральной идеологии и состояло в поддержке против левых течений вовсе не только правых либералов, но также и (а иногда и преимущественно) *правых консерваторов*.

Так, вполне очевидна западная поддержка начиная с конца 1980-х гг. многочисленных восточноевропейских консерватизмов от хорватских до среднеазиатских — в частности, прибалтийских, например, эстонской партии Отечество М.Лаара. Восточноевропейские евродепутаты-консерваторы (правые националисты) от Польши до Прибалтики с 1990-х гг. представляли в Европарламенте как правило позицию США в Европе по важным политическим вопросам — в первую очередь касающимся России. Консерваторы (национал-патриоты) стран бывшего реального социализма (в частности, тот же эстонский консерватор М.Лаар) часто использовались как советники целого ряда политиков правых постсоветских режимов от Украины до Грузии. Это же можно сказать о главных представителях почти всех консервативных группировок Восточной Европы от польских до грузинских (М.Саакашвили).

Утверждение русских национал-патриотов, что русский консерватизм представляет в этом вопросе (поддержки Западом консервативных восточноевропейских течений) некое «патриотическое» исключение, можно опровергнуть, показав, что «консерваторы-сопротивленцы» Новому мировому порядку в числе русских консерваторов являются скорее меньшинством. Оба правых идеологических течения — как и русский правый либерализм, так и русский правый (антисоветский) консерватизм — являются равноправными вариантами поддерживаемой Западом правой консервативно-либеральной идеологии, идеологии западного освоения постсоветского и посткоммунистического пространства Восточной Европы, в том числе (а возможно и в первую очередь) России.

Вопреки мифологии русского консерватизма, Запад еще с эпохи СССР (а возможно и раньше) поддерживал в России не только правых либералов, но и правых консерваторов – например, антисоветских русских националистов НТС и Русской партии. Это подтверждают многочисленные факты, приводимые, в частности, в книге Н.Митрохина «Русская партия в СССР», которые мы подробно рассмотрим далее.

В особенности это касается правоконсервативных группировок русской эмиграции 1920–1940-х гг. и далее до 1990-х гг. (так называемые «нацмальчики»), которые, как было хорошо известно в СССР, в 1920–1930-х гг. курировались английской, а после 1945 г. американской разведками (Н.Яковлев. *ЦРУ против СССР*. – М.: Правда, 1985, с. 117–121).

Аналоги указанных группировок действовали в СССР под названием «Русской партии внутри СССР». С конца 1990-х гг. они стали играть активную роль в формировании постсоветской системы в России, а с начала «нулевых» стали важной частью консервативного истеблишмента, активно влияя на его идеологию.

Наиболее активные издательства России, например, «Алгоритм», стали активно распространять работы консервативных идеологов как прошлых (с XIX века), так и современных, включая радикальных.

Стремясь представить себя альтернативой «ошибочному и злополучному» правому либерализму в качестве положительной программы независимого развития России, русский консерватизм Дугина, Ципко, Старикова и проч. скрывает свое сходство с обличаемыми им этнократическими правыми национализмами как 1930–1940-х гг., так и современными антирусскими консерватизмами Восточной Европы.

Следует (в традиционном марксистском ключе) определить социальную базу идеологии современного российского консерватизма. Эту идеологию можно связать с определенным классом – *постсоветской номенклатурой (партийной бюрократией)*, каковую можно считать «гегемоном» постсоветского развития и главным субъектом присвоения собственности бывшего реального социализма. В путинский период произошло выдвижение консервативной *бюрократии* в качестве главной опоры государства (с соответствующими привилегиями и проч.). За этой бюрократией – особенно силовой – закрепляется право на присвоение существенной доли национального богатства. Проведя мобилизацию бюрократии, путинская группировка завершила начатое праволиберальной ельцинской элитой встраивание России в Новый мировой порядок – со всеми плюсами и минусами этого результата. Надежды правых либералов (Э.Памфилова) на «завершение» ими «буржуазной революции» в России следует считать наивными. В этом деле консерваторы вполне обойдутся и без правых либералов, выборочно включая их в свои структуры.

Идеологией новой силовой бюрократии и является современный российский консерватизм, основанный на критике либерализма и левой идеологии

в России. Ряд критиков консерватизма еще в начале 2000-х гг. указал на связь данного течения с властными структурами. (Например, А.Галкин, О.Кишенкова. Консерватизм как «идеологическая подкладка под власть», 2000.)

Что касается тезиса консерватизма о «негосударственности» интеллигенции и «прогосударственности» бюрократии, то он явно тенденциозен. Консервативная риторика об интеллигенции как «пятой колонне» Запада (например, А.Репников), представляющая идеологию бюрократии и люмпен-бюрократии не учитывает серьезных проблем правления самой бюрократии. Есть многочисленные факты вовсе не идеального «государственничества» бюрократии, но ее коррумпированности — как в дореволюционном, так и советском и в особенности постсоветском варианте. (Этот факт признают и сами консерваторы, например в консервативном Русском проекте.)

Ответ на вопрос, кто присвоил больше советской собственности — либералы (и интеллигенция), или консерваторы — идеологи и представители постсоветской номенклатуры (бюрократии) — Коржаковы, С.Пугачевы, Брынцаловы и проч., будет в явно в пользу бюрократии и ее идеологов — консерваторов.

Задачей идеологов консерватизма с их доктринерским антилиберализмом является не столько решение государственных задач, сколько идеологическая защита власти бюрократии, включая и коррупционный вариант этой власти, с оттеснением от государственного управления небюрократических, в том числе и интеллигентских, группировок.

Объективный государственный подход (строящийся не на консервативных основаниях) реально должен примирять антибюрократические устремления интеллигенции и государственный стремления бюрократии (см. «Интеллигенция и бюрократия», в рукописи). Такой государственный подход требует отказа от стереотипов с обеих сторон — как со стороны бюрократии (руководствующейся правоконсервативными — в том числе и антиинтеллигентскими — мифами), так и со стороны интеллигенции, от которой потребуется преодоление праволиберальных стереотипов.

9. Мифология и реальность в противостоянии правых либералов и консерваторов. Борьба и единство двух правых группировок. Схема управляемого конфликта. Вопрос о «скрытых либералах»

Отношения консерватизма и либерализма в консервативном сознании России существенно мифологизированы и часто противоречат реальности. Либерализм представляется консерватору как его главный и «метафизический» противник. Консервативная пропаганда подвергает либералов постоянному шумному обличению и шельмованию. При этом в реальности между правыми либералами и правыми консерваторами оказывается весьма много сходств, если не сказать — единства. Правые консерваторы «дугинского» (и холмогоровского) образца фактически состоят с правыми либералами в союзных отношениях. Кроме того, сама консервативная элита — например,

современная путинская – при всей своей жестко консервативной риторике оказывается самым странным образом «частично либеральной». Это делает необходимым неконсервативный анализ темы «либералы при консерваторах и консерваторы при либералах» в современной России.

Одно из таинств современного российского консерватизма проявляется, например, в постоянном весьма странном появлении среди «сплошь консервативного» российского начальства либералов. Вопрос – откуда берутся либералы в консервативной элите при консервативном вроде бы правлении?

Создается впечатление, что находящиеся у власти консерваторы сами создают либералов, с которыми затем начинают бороться. (По старой советской шутке о создании трудностей, а затем преодолении их.) Либералы и консерваторы меняются, как танцевальные партнеры. Либералы появляются едва ли не из среды самих консерваторов – в первую очередь, вероятно, для последующей эффективной консервативной борьбы с ними.

Мы исходим из того, что противостояние либералов и консерваторов (в первую очередь правого толка) вероятнее всего навязывается постсоветской России мировым правым истеблишментом с целью втягивания ее в Новый мировой порядок. Сходным образом, можно сказать, производится «работа» и с другими странами так называемого «посткоммунизма» – в частности, прибалтийскими. (Подробнее «Эстония до и после Бронзовой ночи», 2009, а также предшествующая глава данной работы.)

Можно заметить, что деление на консерваторов и либералов в России наблюдалось еще в период СССР и относилось к консерваторам и либералам в рамках советской идеологии (см. А.Байгушев. Русская партия внутри КПСС. – М.: Алгоритм, 2005). В постсоветский период это разделение изменяется – переводится в правый формат. Кем? Вероятно, мировым правым истеблишментом.

Есть основания считать, что схема консервативно-либерального противостояния представляет собой схему «управляемого конфликта», навязываемого мировым правым истеблишментом странам бывшего реального социализма, и в первую очередь России. В несколько модифицированном виде эта схема начала действовать уже в советский период (см. анализ упомянутой книги А.Байгушева в след. главах), то есть, видимо, была создана Западом еще в 1960-х гг. для борьбы с СССР того периода. Целью указанного управляемого конфликта, по-видимому, была дестабилизация указанных стран, а также насаждение и продвижение во власть подконтрольных Западу (мировому правому истеблишменту) группировок – как праволиберальных, так и правоконсервативных.

В советский период борьба правых и левых течений шла как внутри советского либерализма, так и советского консерватизма. «Левым» либерализмом было советское шестидесятничество, идеология чехословацкий Пражской весны («социализма с человеческим лицом») и «горбачевизм».

Левому либерализму противостоял правый либерализм советских диссидентов и затем — идеология правых «демократов» (ельцинизм). Что касается консерватизма, то проникновение его правых форм (правого национализма) в левую советскую идеологию началось еще с 1920-х гг. — с национал-большевизма Устрялова. В дальнейшем правый национализм дал о себе знать в сталинизме и деятельности, так называемой, Русской партии в СССР.

В поздний советский и перестроечный период «консервативное» направление в России было представлено блоком консерваторов как советских (лигачевцев или зюгановцев), так и дореволюционных — правых националистов Русской партии. Противостоявшее ему направление демократов было представлено блоком советских левых либералов — шестидесятников и либералов правого толка — дореволюционного милюковского и постсоветского ельцинского образца.

Одним из важных проявлений и результатом Реставрации в мире посткоммунизма и стал переход (или «перевод» — под внешним влиянием мирового правого истеблишмента) бывших левых либералов и левых консерваторов в «правый» формат. В период «перестройки» и постсоветский период (не без явной поддержки Запада) правые аналоги соответствующих течений вытеснили левые («советские») аналоги.

Так, в 1990-е гг. («ельцинский период») правым либералам (пользовавшимся внешней поддержкой) удалось подавить либералов левого и левоцентристского направления. Им на смену в конце 1990-х попыталась прийти левоцентристская группировка Е.Примакова (имевшая, как известно, и свою силовую составляющую). Однако правые либералы, вероятно, не без помощи внешних сил, смогли не допустить в России указанную группировку к власти, каковую они передали правым консерваторам путинской элиты.

С начала 2000 г. пришедшие к власти с В.Путиным правоконсервативные группировки силовиков, оттеснившие силовые группировки иных направлений, продолжили вслед за правыми либералами и вместе с ними формировать Новый российский порядок, достигший зрелости к настоящему времени.

Основным содержанием путинского периода является власть правоконсервативной — в том числе и силовой группировки. В российской Госдуме двух последних сроков главным течением является правоконсервативная Единая Россия, поддерживаемая также правоконсервативными либерал-демократами. Правые либералы — прежняя СПС, как и либералы иного (отчасти левого) толка — (Яблоко) с 2003 г. оказались вытесненными из Госдумы. В последние годы они пытаются политически организовать, хотя до сих пор малоэффективно.

Победивший в путинской России умеренный русский консерватизм правого (антисоветского и имперского) толка не отменяет сохранения в оппозиции (и памяти народа) консерватизма «советского» — левого. Этот советский консерватизм составляет основу российской КПРФ Г.Зюганова.

Идеология таковой имеет национал-большевистский (национал-сталинистский) характер, связанный с серьезным влиянием на идеологию этой партии идеологии консерватизма (правого национализма). Зюганизм есть соединение консерватизма с советским (сталинизированным) марксизмом. При этом остатки «большевизма» в КПРФ позволяют ей быть справедливым критиком политики современной консервативной элиты России.

Предпринимались – правда, пока недостаточно убедительно – и попытки создания «неконсервативной» левой партии «социал-демократического» направления, в частности, Справедливой Россией.

10. Два консерватизма в России. Вытеснение советского консерватизма и замена его на правый национализм. Особенности «консервативного текста» в России.

Консерватизм в современной России таким образом отличается от других постсоветских консерватизмов – в первую очередь сохранением немалых элементов консерватизма советского. Другое важное отличие – зеркальность «центростремительного» русского консерватизма по сравнению с «центробежными» консерватизмами постсоветских республик.

Характерным для России фактом, заметным еще с периода перестройки (а возможно и ранее), является странное подчас соединение обоих – правого и левого течений консерватизма в общем национал-патриотическом блоке. При этом правый – правонационалистический – консерватизм все более явно вытесняет «левый» (советский традиционализм, сталинизм). Можно говорить таким образом о постоянном сдвиге (дрейфе) постсоветского российского консерватизма вправо, превращении его в аналог соответствующих европейских консерватизмов.

Смещение в современном русском консерватизме двух консерватизмов – «советского» и «антисоветского» – определяет ряд особенностей этого идеологического течения – в том числе его многочисленные логические нестыковки и противоречия. Но почти по Шекспиру в этих противоречиях (и своего рода «безумии» консерватизма) «есть логика». Это логика противоречивого соединения реально несоединимых идеологий – апологетики советской командной системы и восстановления некоей по мнению консерватизма хорошей «досоветской» системы – именно «дофевральской» (1917 г.) царской империи, или русского аналога межвоенных (1920–1940 гг.) европейских правонационалистических диктатур.

Соединение в русском консерватизме двух консерватизмов порождает в нем многочисленные противоречивые проявления – попытки обвинения либералов в «развале СССР» с одновременным признанием советского периода «убиением России» (книги Н.Старикова), белогвардейского гэкачепизма (С.Кургинян, А.Ципко, В.Жириновский). А также псевдоимперские теории «русского контроля» и Пятой империи (Русская доктрина и проч.),

прикрывающие политику развала и подрыва правыми русскими националистами советских сфер влияния России.

Говоря об особенностях *консервативного текста* в современной России, можно заметить, что целью такового является перевод «советского» идеологического текста (советской идеологии) в текст правонационалистический. Поэтому современный «правоконсервативный» текст (идеологии консерватизма) строится как имитация текста советского традиционализма, соединяемого с правонационалистическими пассажами. Пример такового дают писания А.Байгушева, Н.Старикова, Т.Грачевой. Песни о проигранной холодной войне и ностальгия по советскому прошлому соединяются в работах данных авторов с поношением большевистской революции. Архетипом данного двойного текста является российская военная фуражка со звездой и двуглавым орлом (причем второй оказывается выше первой).

Эти противоречия, как и странности постоянного появления либералов в сплошь консервативной путинской элите подчеркивают мифологизм современного российского консерватизма.

11. Кризис в России как кризис правого контроля. Альтернатива консерватизму — не правый либерализм, но современная левая идеология.

С осени 2001 г. в России можно констатировать политический (а также по видимому и идеологический) кризис, ставший заметным в связи с ноябрьскими (2011 г.) выборами в Госдуму (см. Выборный кризис в России, <http://www.dzd.ee/691096/poslevybornyj-krizis-v-rossii-oranzhevaja-alternativa-konservativnoj-politike/>). С нашей точки зрения этот кризис не есть кризис некоего остаточного «либерализма» консервативной элиты, как это пытаются представить консервативные идеологи, и не кризис остаточных «советских пережитков», как это хотят доказать идеологи правого либерализма. Это кризис правоконсервативного бюрократического правления, представленного не только правыми либералами, но и правыми консерваторами, то *есть кризис в России правого контроля в целом*.

Правая (правоконсервативная) бюрократическая власть в современной России критикуется с разных сторон в зависимости от оппозиционной платформы. На Западе наиболее известна праволиберальная оппозиция бюрократическому консерватизму, а также праволиберальная критика путинской элиты в России (Новая газета, Эхо Москвы и проч.). Как представляется, однако, праволиберальная критика фиксирует лишь часть проблем правобюрократической власти. Положительная программа праволиберальной оппозиции ограничена горизонтом постсоветских ельцинских 1990-х годов с их серьезными проблемами. Эта праволиберальная программа, хотя и поддерживается Западом, имеет, как кажется, весьма малую надежду на поддержку российского населения. Положительный ресурс правого либерализма в России в основном исчерпан. Новая праволиберальная («оранжевая») революция в

России не пройдет. Дело не только в том, что над ее дискредитацией активно работает и консервативная пропагандистская машина. Все больше ясно, что за правыми либералами, поддерживаемыми Западом, реально идут – как на бывшей «оранжевой» Украине и нынешней Украине Евромайдана – правые консерваторы – правые националисты.

При этом критика праволиберальной оппозиции с позиций консерватизма (правого национализма) также не является адекватной.

Консервативные идеологи как правило не понимают, что Запад (часто скрытно для общественного мнения и прессы своих стран, но от этого не менее реально) поддерживает в странах посткоммунистической периферии, включая и Россию, вовсе не только правых либералов, но и консерваторов (правых националистов).

Отсюда ошибочность положительной программы «антипутинского» консерватизма с ее лозунгом «больше консерватизма». Лозунг «больше консерватизма» реально работает на усиление радикального русского консерватизма с его национал-революционными лозунгами. Что значит – больше консерватизма – больше политики «национальной революции», больше консерваторов-радикалов в стиле Русского марша 2005–2006 гг.?

Говоря о реформах реального социализма – как в Восточной Европе, так и в России 1980-х гг., мы утверждаем, что положительной (конструктивной) идеологией таковых следует считать не правый консерватизм (как и правый либерализм), но современную левую идеологию – «третий» марксизм. Таковую можно рассматривать как «либерализм» реального социализма, начальной формой которого выступало советское шестидесятничество – теория социализма с человеческим лицом.

Этот «левый» либерализм лишь по некоторым внешним параметрам сходен с либерализмом правым, который (наряду с правым консерватизмом) является идеологией реставрации в мире посткоммунизма современного западного общества. В реальности он является зеркальным аналогом правого либерализма – идеологией, указывающей перспективу преодоления миром «посткоммунизма» периода реставрации в нем западного общества и перехода к положительному развитию стран этого мира. Лишь на основе этого левого либерализма, который реально содержит и приписываемые консерватизму государственнические черты, возможен новый подъем этого мира – и в первую очередь России. Это определяет оппозицию левой идеологии как правому либерализму, так и правому консерватизму в мире реального социализма.

Одна из важнейших задач современной левой идеологии – преодоление Нового российского порядка и периода реставрации в России общества западного образца (вместе с соответствующей ему консервативной идеологией). То есть преодоление в России правого (он же внешний) контроля и переход к постсоветскому развитию, в ряде важных моментов продолжающему положительные стороны развития России советского периода.

Глава 3.

КОНСЕРВАТИВНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ: ПЛОХИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ И ХОРОШИЕ ОХРАНИТЕЛИ. ИНОРОДЧЕСКИЕ ЗАГОВОРЫ И ИНОРОДЧЕСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

1. Взгляды русского консерватизма на историю. Российская история справа. От Грозного до Пиночета. 500-летняя война с «жестоковейшим Сионом».

Важной составной частью современного русского консерватизма является взгляд на историю России и мира. Именно история, как российская (прежде всего последних двух веков), но также и мировая является главным полем применения консервативного дискурса. В данном изложении мы ограничимся лишь кратким (более подробный требует отдельной работы) его анализом.

Основным в подходе русского консерватизма к истории России оказывается поношение идеологами консерватизма революционной традиции и доказательство ими правоты представителей антиреформаторских течений. Консервативными авторами продуцируется целая серия текстов о продажных революционерах и хороших охранителях. Доказывается, что российские революционеры не имели корней в самой России и насаждались в основном извне. Указанные революционеры, начиная с декабристов, объявляются заговорщиками не просто против царя и самодержавия, а против России как таковой. (Например, А.Щербаков. Декабристы. Заговор против России. — СПб.-М., 2005; Н.Стариков. Кто финансирует развал России. От декабристов до моджахедов. — СПб., 2010.)

Второй особенностью консервативного подхода к истории является подчеркивание русско-инородческого — в частности, русско-немецкого, русско-польского и в особенности русско-еврейского противостояния. Активно разрабатывается консервативная концепция «500-летней» (а то и тысячелетней) войны с «жестоковейшим Сионом» (А.Байгушев, О.Платонов), она же тема мирового «еврейско-масонского заговора» и «хазарская» тема (от Л.Гумилева до «Внутренней Хазарии» Т.Грачевой). Данный подход особенно активен в радикальном консерватизме, в рамках которого развивается также концепция хорошего черносотенства (В.Кожин, О.Платонов, А.Байгушев).

Радикальный консерватизм строит историю России последнего века как сагу о трех (как минимум) инородческих — в основном «еврейских» революциях и соответствующих трех «еврейских оккупациях». Консерватизм респектабельный несколько более осторожен, делая упор скорее на антипатриотизм революционеров и якобы патриотизм защитников старого режима (А.Фурсов, Н.Стариков и др.)

Соответствуют ли данные консервативные построения реальности?

На самом деле взгляды резко критикуемых (если не сказать оплевываемых) «консерватизмом» революционеров и революционных демократов (линия Радищев – декабристы – народники) были важной частью русской общественной мысли. Эти взгляды возникли не из бессмысленной «жажды разрушения» и антипатриотизма, но были реакцией на недостатки и неадекватность государственного устройства и действия охранительной – консервативной – бюрократии. Русских демократов и революционеров, в том числе многочисленных деятелей культуры, вряд ли следует считать ниже бюрократических консерваторов (Победоносцевых и проч.) и их трубадуров.

Что касается «инородческих» корней всех проблем России, то подобный подход реально пытается лишить (и лишает) Россию и русских собственной истории и отрицает их способность действовать самостоятельно. Активно распространяемой радикальным консерватизмом теории «еврейского (он же масонский и пр.) заговора» в истории России мы ниже коснемся подробнее. В частности, на примере исторических взглядов откровенного радикального консерватора А.Байгушева, а также других представителей так называемой Русской партии в бывшем СССР (Русская партия внутри КПСС. – М.: Алгоритм, 2005). Речь идет об активной консервативной (правонационалистической) группировке советского периода, деятельность которой начиная с 1940-х гг. мы рассмотрим более подробно в следующей главе.

2. Древняя Россия глазами консерватизма. Арийские истоки. «Русский порядок» в Египте. «Гиперболоид инженера Грозного»: хороший Иван Грозный, плохие бояре и народ. Русская монархия и империя. Иван Сусанин как зеркало русской реставрации.

Активно вторгаясь в древнюю историю, консерватизм продуцирует многочисленные сочинения на тему «арийской» Руси. Этому, в частности, посвящены работы А.Буровского (например, Арийская Русь. – М.: Эксмо, 2007), А.Петухова и др.

В.Г. Манягин в книге «История русского народа от Потопа до Рюрика», высказал мнение, что «истинными арийцами» являются русские, тогда как, например, германцы не имеют к таковым никакого отношения (22.09.11, <http://www.manjagin.ru/content/view/158/34/>). В.Манягин озвучил мнение многих национал-патриотов (консерваторов) – В.Авдеева и многих других, считающих то же самое. В 2014 г. с заявлением, что русские являются «ветвью арийского племени», опубликованном на сайте Госдумы, выступил также известный политический деятель и депутат Госдумы РФ Вячеслав Никонов (см., <http://www.duma.gov.ru/news/273/646438/>).

С арийской и одновременно неоязыческой концепцией русской истории еще в советский период выступил скандальный консервативный радикал В.Емельянов (Десионизация, 1979). По его словам «в 988 году международному

Сиону удалось сокрушить главный, и практически уже последний, в то время центр арийской идеологии, заменив его реформированным, вернее, осперантизированным иудаизмом в форме восточной ветви христианства, то есть православия. Тем самым самый крупный автохтонный народ Европы был поставлен на рельсы массового тиражирования иудофильства при одновременном оплевывании всей своей прежней арийской истории, идеологии и культуры».

Указанные идеологи трактуют арийцев не как ранних индоевропейцев и предков как славянских народов, так и, например, скандинавско-германских, а как непосредственно русских. Патриотических мифологов не волнует тот признанный учеными факт, что древнерусская народность сформировалась около XII века, а великорусская – в XIV–XVII вв.

Характерно творчество писателя-фантаста и исторического публициста А. Петухова («Тайны древних Руссов», «Русский порядок»...). По Петухову Русы (Руссы) оказываются едва ли не коренным населением Древнего Египта.

«Сейчас ни один ученый, ни один исследователь не сможет с полной уверенностью сказать, когда русские люди пришли в долины Нила, на плодородные земли солнечной реки Ра. Может, десять тысячелетий назад, может, двенадцать... Но одно можно сказать наверняка, без тени сомнений – в основе древнеегипетской мифологии, культуры и самой цивилизации лежат мифология, культура, цивилизация древних русов. Все прочее, все напластования, наносы, «культурные слои» лишь прячут под собой первозданное историческое ядро – древнейшую на планете Земля, изумительную и таинственную цивилизацию русов-праиндоевропейцев» (А. Петухов. Тайны древних Руссов», <http://www.litmir.net/br/?b=135910&p=53>).

Праиндоевропейцы – то есть предки целой группы индоевропейских народов – в данном изложении оказываются непосредственно «руссами». Средиземное море в Древности и Средние века Петухов также трактует как «Русское Срединное море, заселенное по берегам руссами». «Все „древние греки“, „древние евреи“, „персы“, „римляне“ – по его словам – появятся позже, много позже, потихоньку заслоняя, затирая старших братьев, отцов русов, присваивая их культуру, их ремесла, часть их языка, вытесняя из Европы» (А. Петухов., там же, <http://www.litmir.net/br/?b=135910&p=53>).

Тему русских и славянских корней в Средневековой Европе А. Петухов развивает в книге «Новый русский порядок». Тут и Лютеция (Париж) от слова «лютичи» и проч. Можно сказать при этом, что научная фантастика Петухова на исторические темы – вещь относительно безобидная, во всяком случае более безобидная, чем измышления радикальных национал-патриотов – Байгушевых, Платоновых, Грачевых и др.

Культурная тема последних – тема хазар и Хазарии. Эта тема активно разрабатывалась Русской партией (русским правым национализмом) еще в советский период. Активно используется данная тема вплоть до настоящего времени. Специфически препарированные соображения об исторической

Хазарии свойственны консервативным авторам от Л.Гумилева («Зигзаг истории») до Т.Грачевой, автора книг *Невидимая Хазария* и *Святая Русь против Хазарии*. — Рязань: Зерна, 2009.

Соображения на хазарскую тему — развитие консервативной концепции 500-летней войны России с «жестоковыйным Сионом», центральной для русского радикального консерватизма (О.Платонов и пр.). Отсюда активная «раскрутка» данной темы консервативными авторами и структурами поддержки консерватизма в средствах массовой информации России.

Как сообщалось, например, осенью 2005 г. «в Белгороде состоялось торжественное открытие скульптуры князю Святославу, посвященное 1040-летию разгрома Хазарского каганата. Автор памятника — известный скульптор Вячеслав Клыков. На тринадцатиметровом монументе Святослав изображен на коне, топчущем поверженного хазарина», в руки которого «вложен щит с крупным рельефным изображением звезды Давида».

Скульптор В.Клыков являлся активным представителем радикального русского консерватизма. В 1980-х гг. он состоял в объединении «Память», в 1990-х — в ряде других радикальных организаций, а в 2005 г. был одним из главных организаторов так называемого «восстановительного» съезда радикально-консервативного (черносотенного) «Союза русского народа» и избран его председателем. Споры вызвала звезда Давида на изготовленном Клыковым памятнике князю Святославу. По мнению белгородского краеведа Константина Битюгина, «звезда Давида стала общепринятым символом иудаизма лишь в XIV веке и не могла входить в государственную символику каганата» (http://www.paskha_3rima.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=51%3A779&catid=34%3A2008-&Itemid=53&limitstart=). Однако благодаря усилиям национал-патриотов Святославу как борцу с хазарами поставили памятник также на Украине.

Нельзя не сказать о таком активном продолжателе «хазарской» темы в классическом радикально-консервативном варианте, как Татьяна Грачева — автор книги «Невидимая Хазария» (Рязань: Зерна, 2009). Как выясняется из аннотации к книге, разработчик указанного сюжета Т.В. Грачева — обладатель высоких званий и чинов. Она — полковник, доцент, кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ, в течение ряда лет — ведущий сотрудник Центра военно-стратегических исследований Генштаба ВС РФ. Окончила высшие курсы Военной Академии Генштаба по специальности «Национальная безопасность», является автором «многочисленных статей по национальной безопасности России», книг: «Мифы патриотов», «Невидимая Хазария», «Святая Русь против Хазарии», «Когда власть не от Бога».

История «Невидимой Хазарии» оказывается у полковника Грачевой выходящей далеко за рамки Хазарии исторической. Следуя за Львом Гумилевым («Зигзаг истории»), Грачева описывает, как после принятия в конце

VIII — начале IX века хазарами иудаизма власть в исторической Хазарии, населенной тюркскими народами, «захватили», понятное дело, евреи.

«Л.Гумилев в своей работе „Зигзаг истории“, — пишет генштабист Грачева, — назвал это событие государственным переворотом, в результате которого все государственные должности были распределены между евреями». Грачева цитирует известного национал-патриота Олега Платонова, по словам которого «под водительством иудейской религии Хазарский каганат превратился в военно-разбойничье и торгово-паразитическое государство, занимавшееся сбором грабительских даней, посреднической торговлей, сбором пошлин с купцов (больше напоминающим современный рэкет). Торговля в Хазарии находилась исключительно в руках иудеев, главным источником дохода которых была торговля рабами из славянских земель».

«Хазария была не только государственной химерой, но и этнической химерой, которая по Л.Гумилеву, складывается вследствие вторжения представителей одного суперэтнуса в области проживания другого, несовместимого с ним, суперэтнуса». (Т.В. Грачева. Невидимая Хазария. Алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. — Рязань: Зерна, 2009, с. 145).

Такова консервативная картинка Хазарии, на противостоянии которой автором строится история Древней Руси. «Киевская Русь оказалась самым могучим и последовательным врагом иудейского Хазарского каганата. Почти полторастолетняя освободительная война восточных славян против Хазарского каганата была завершена походом князя Святослава» (там же, с. 152).

Однако, по мнению Грачевой, поражением исторической Хазарии в X веке «хазарское дело» не закончилось. Хазария не исчезла, но «ушла в подполье», став «невидимой», но не менее злокозненной. В своей книге Т.Грачева развертывает целую сагу о борьбе «Невидимой Хазарии» против России, со ссылками на Олега Платонова и проч. Не удивляет, что в начале своей книги рядом с громогласными пассажами о «разрушении СССР новейшими технологиями ЦРУ» защитник советского социализма Т.Грачева заявляет, что сама большевистская революция была также... продуктом «невидимой Хазарии».

Соображения Грачевой вызвали критику правозащитников — «плохих либералов». По мнению московского центра по правам человека «весь этот бред совсем не безобиден и подпадает под целый ряд статей УК и Закона о противодействии экстремизму... Но еще более удивительно и тревожно другое: Т.Грачева представлена как „полковник, доцент, заведующая кафедрой Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ. В течение ряда лет была ведущим сотрудником Центра военно-стратегических исследований Генштаба ВС РФ“. Если это все правда, то чему Т.Грачева учит студентов?! Какое образование они получают в одном из главных высших военных учебных заведений? И как осуществляется наше военно-стратегическое планирование, если в нем участвуют такие персоны, как Т.Грачева?!» (Хроника

Московского бюро по правам человека: июль 2009 г., http://sartraccc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/mbhr0709.htm).

Удивительно ли присутствие фигур типа доцента-полковника Т.Грачевой на самых верхах политических институтов РФ? Ниже мы рассмотрим открытия деятеля советских спецслужб А.Байгушева о масштабах активности консервативной так называемой Русской партии в СССР и постсоветской России (Русская партия внутри КПСС, 2005). Борец с хазарами Татьяна Грачева – очевидный продвинутый представитель радикально-консервативных группировок в современной России, проникновение которых во влиятельные сначала советские, а затем российские структуры зашло, как мы видим, весьма далеко. Это проникновение, как мы стремимся показать в данной работе, несомненно – важная часть большой игры покровителей консерватизма в РФ, описанной самой Грачевой в начальных пассажах ее книги.

В рамках радикального консерватизма очевидно противостояние двух группировок – радикальных консерваторов православного направления и консерваторов направления языческого и *неоязыческого*.

Неоязычество (в частности, упоминавшийся В.Емельянов) действовало в России еще в советский период в рамках так называемой Русской партии. Активно возрождаться в России данное направление радикального консерватизма стало в начале 1990-х гг. В 1996 г. была зарегистрирована Московская региональная организация «Синергия: совместные действия». В руководство вошли: известный правый публицист, корреспондент «Наследия предков» Анатолий Иванов (председатель), известный неоязычник, член редколлекции «Наследия предков» Владимир Авдеев, член ЛДПР Сергей Жариков, а также неоязычник Александр Белов, издатель журнала «Атака» и тренер по славяно-горицкой борьбе. (Русская тема в «Европейской Синергии»//Наследие предков, 1999, № 6, с. 35, 37.) Сергей Жариков вскоре вышел из этой организации (Неоязычество: Русские «Новые Правые», http://realis.org/index.php?option=com_content&task=view&id=129&Itemid=&lang=en).

Один из активных представителей неоязыческого направления – Владимир Авдеев – автор книг «Кастовая этнократия» (Наследие предков, 1996, № 2), «Свобода личности и расовая гигиена» (Наследие предков, 1997, № 3), «Право руля!» (Наследие предков, 1998, № 5) и «Интегральный национализм» (За правое дело, 1996, № 11).

Под термином «кастовая этнократия» Авдеев подразумевает, во-первых, безраздельное господство одного этноса на территории, где существуют другие этносы. Во-вторых, он сторонник жесткой социальной иерархии. Монотеизм, утверждает Авдеев, стал смертельным врагом кастовой этнократии, потому что Единый Бог обращается ко всем людям, нарушая их разделение. Мораль воина смешивается с моралью жреца или производителя. Наконец, разрушается принцип «свой-чужой», отделяющий один этнос от другого, ибо перед универсальным Богом этносы нет «ни эллина, ни иудея». «Нордиче-

ские ценности древней прародине ариев, — по словам Авдеева, — являются нашим абсолютным центром, а все синтетические, чужеродные элементы устраняются раз и навсегда. Торжество ценностей белого человека и его безграничное могущество является вектором нашего стремления вперед» (Неоязычество: Русские «Новые Правые»).

Отсюда соображения радикального консерватизма о столицах России. Петербург, как правило, критикуется за «нерусскость», западничество и «космополитизм». Москва же понимается как центр исконно русский. Но иногда достается и ей. С критикой «расовой распущенности» православной России и Москвы выступил, например, радикальный консерватор А. Широпаев. «Именно с Москвы, — по его словам, — началась наша расовая распущенность, преступное равнодушие русских к чистоте своей Крови. Именно Москва, продавшая за ханскую милость свое северно-арийское первородство, повернула Россию к Азии, сделала русских терпимыми и даже лояльными к межрасовой содомии... Москва, вот уж воистину евразийский „плавающий котел“! В столице почти невозможно следовать голосу русской Крови, не рискуя при этом „обидеть“ кого-нибудь из друзей или знакомых. Целенаправленно выводя „советский народ“, а про сути евразийскую антирасу, коммунисты во многом достигли цели — всмотритесь в смазанные, беспородные чернявые лица, заполняющие московские улицы. Современная Москва — это антипод древнего Киева, пуповина оккультной анти-Руси, бродилище апокалиптической антирасы». (А. Широпаев. Русь: аристократическое начало. — Русская перспектива, 1996, с. 6.)

Консерватизм активно строит свою концепцию истории России как древней, так, например и XVI века, в частности правления Ивана Грозного. Для данного течения, как и для сталинистской традиции, характерна концепция Ивана Грозного как хорошего, но «оболганного демократами» царя.

Согласно известному историку Андрею Фурсову, сотруднику московского института «динамического консерватизма», Иван Грозный «перевернул Россию» в хорошем смысле — в отличие от двух негативных фигур русской истории — Петра I и Ленина. Грозный создал «новую властную, а затем социальную систему (самодержавие). Но сделал это без иностранной помощи, чем отличается от двух „антихристов“ русской истории — Петра I и Ленина. Грозненский самодержавный каркас не позволил распасться обществу, получившему бифуркационный толчок в самодержавном направлении». Отсюда «гиперболоид инженера Грозного» и положительная оценка консервативным историком как самого царя, так и продолжателей его дела (Фурсов А. Причина в русской истории, <http://www.dynacon.ru/content/articles/381/>).

Понятно, что критический анализ правления Грозного и опричнины — например, у Н. Карамзина, В. Ключевского и ряда других известных историков А. Фурсовым даже не упоминаются, по-видимому, как «либеральный». Не восстанавливается ли тем самым известным историком сталинская концепция

«прогрессивного войска опричников», которых некоторые «неправильные» режиссеры типа Эйзенштейна пытались изображать едва ли не в виде «шайки дегенератов» (см. известное сталинское постановление 1946 г. о фильме «Иван Грозный»)?

Важным событием (и памятной датой) для современной России является русско-польская война начала XVII века. С 2004 г. отмечается праздник День Народного единства, отсылающий к событиям 1612 г. – освобождения Москвы от польских войск народным ополчением К.Минина и Д.Пожарского. Праздник был введен вместо праздника 7 ноября и «Дня примирения и согласия» ельцинского периода. В радикальном консерватизме (Байгушев. Русская партия, с. 87) Минин и Пожарский и вовсе оказываются «хорошими черносотенцами».

3. История России XVIII – первой половины XIX века. Критика революционной традиции. Декабристы: «заговор против России»?

Центральным моментом консервативной концепции истории является, как уже отмечалось, критика революционной традиции в России.

Революционеры, начиная с декабристов, объявляются консерватизмом заговорщиками не просто против царя и самодержавия, а против России как таковой (напр., А.Ю. Щербаков. *Декабристы. Заговор против России*. СПб.-М., 2005). Это же доказывает и известный консервативный «конспиролог» Николай Стариков, написавший целый ряд книг с разоблачением русских революционеров, в том числе книгу с характерным названием – «Кто финансирует развал России. От декабристов до моджахедов» (СПб., 2010). Понятно, что линия от плохих декабристов тянется к плохим большевикам.

Объявляя революционеров заговорщиками, консерватизм ставит их на одну доску с «масонством», которое, согласно консервативным авторам, уже начиная с декабристов оказывается едва ли не синонимом революционной традиции в России. Как заявляет радикально-консервативный идеолог Александр Байгушев, «*после первой неудачной попытки взять власть восстанием декабристов масонство вынуждено было уйти в подполье*» (Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 90).

Консерватизм уделяет главное внимание теме «коррупционности» революционеров, их внешней зависимости, «засланности» и проч. Доказательству этого тезиса посвящены основные писания консервативных историков – Н.Старикова, А.Буровского и многих других.

Однако, критикуя плохих революционеров и противников самодержавия, указанные авторы (тот же Н.Стариков) во-первых, весьма мало говорят о негативных сторонах деятельности официальных властей и официальных «консерваторов». Ничего не говорится о коррупционности (возможно и иными государствами) царской полиции, а также бюрократии – как царской, так советской и постсоветской.

Во-вторых, действительно ли основные цели русских революционеров не соответствовали интересам тогдашнего развития страны? Следует ли,

как это делает консерватизм, в том числе и современный, идеализировать самодержавный строй в России, который с XVIII века (с Н.Радищева и др.) критиковали российские оппозиционеры?

Как известно, значительная часть русских критиков самодержавия, например, декабристы – была не социалистами, но сторонниками конституционной монархии и отмены крепостного права. Так ли уж неправы были поборники данных перемен в России начиная с XVIII–XIX века?

Заметим, что главным объектом критики русского консерватизма является «октябрьский переворот» 1917 г. Однако, какой строй в России мог быть альтернативой русскому социализму и коммунизму? Конечно, не феодализм и монархия, но лишь российский капитализм и «буржуазные» – то есть конституционные и экономические (аграрные, в духе столыпинских) реформы. В случае успеха таковых Россия могла пойти по «западному» пути, в результате чего плохой с точки зрения консервативно-либеральной идеологии Октябрь был бы явно менее вероятен.

Кто же был сторонником этого «нормального» с точки зрения правой политической мысли – как либеральной, так и консервативной – то есть западного пути, кто добивался конституционных и проч. («буржуазных») реформ в России? Их добивались русские конституционалисты и демократы, начиная с декабристов, а также большинство революционеров XIX и начала XX века. Кто мешал этому варианту? Ему более всего мешал именно русский (абсолютистский и феодальный) консерватизм с начала XIX века и все активно рекламируемые данным течением фигуры, включая М.Каткова и К.Победоносцева. Деятели консерватизма делали все, чтобы провалить конституционные реформы, к каковым мог вести успех революционеров – декабристов, петрашевцев, народников и так далее.

Русские революционеры XIX – начала XX века по сути дела пытались спасти «эволюционное» развитие России в традиционном западном русле. Чем раньше победили бы сторонники конституционных реформ, тем раньше Россия могла бы начать развиваться «эволюционным» путем капитализма. Если бы сторонники конституционной монархии (например, те же декабристы) победили в 1825 г., то «великая» аграрная реформа и отмена крепостного права в России произошли бы не в начале 1860-х гг., а почти на полвека раньше.

Таким образом, блокируя эволюционное и «западное» развитие в России, консерваторы, в первую очередь радикальные (например, черносотенцы начала XX века), вели дело к взрыву империи в наиболее радикальном – то есть большевистском варианте.

4. История России второй половины XIX века. Народничество. «Орлиные крыла» Победоносцева над Россией. Ф.Достоевский.

Рассматривая развитие России в XIX веке, консерватизм с особым пинетом относится к противникам перемен и таким поборникам монархического строя в России, как Константин Победоносцев или Михаил Катков, извест-

ный своими антиинтеллигентскими настроениями с классическим «наше варварство в нашей интеллигенции». К ним примыкает и Федор Достоевский.

В Достоевском консерватизму нравится именно критика знаменитым писателем революционной традиции в России. То есть «антинигилистическая» политическая концепция «Преступления и наказания» и «Бесов» с их критикой революционеров «нечаевского» образца, которая расширяется до критики революционной традиции в России как таковой.

Консерватизму импонируют также иные многочисленные консерваторы XIX и начала XX века, включая К.Леонтьева, А.Суворина, Л.Тихомирова, С.Шарапова, М.Меньшикова и др. (Подробнее, например, А.Репников. Консервативные представления о переустройстве России. Конец XIX – начало XX веков. – М.: Готика, 2006.)

Что касается правильного охранителя Константина Победоносцева, то согласно исследователю русского консерватизма Р.Пайпсу, продолжателем его дела был и А.И. Солженицын. По словам Пайпса «Солженицын принадлежит к ...поколению славянофилов 70-х годов XIX века – представлявшего реакцию на возникновение в России революционного радикализма, его пафос – „в антибесовщине“... Представителями этой разновидности консервативного национализма были Ф.Достоевский и его друг К.Победоносцев, серый кардинал позднеимперской России. Чтобы убедиться в их близости, достаточно взять в руки работу Победоносцева «Размышления о русском государственном муже» (1869 г.). И по стилю, и по ходу рассуждений Гарвардская речь Солженицына настолько напоминает эту работу, что ее целые законченные отрывки спокойно могут быть включены в текст Победоносцева...». «Сходство между Солженицыным и его предшественниками времен правления сверхконсервативного Александра III, – продолжает Пайпс, – становится ясным, если сравнить его высказывания о западном законе и прессе с соответствующими высказываниями из книги Победоносцева. Вновь и вновь Солженицын возвращается к критике западной законности, как пустого бесчеловечного формализма, системы, позволяющей преступнику оставаться на свободе... и постоянному обогащению адвокатов» (http://berkovich-zametki.com/Nomer_33/Snitkovsky1.htm).

Идеологи консерватизма умалчивают о том, что далеко не все представители образованного слоя России XIX – начала XX вв. рассматривали консерваторов своего времени (например, тех же К.Победоносцева или М.Каткова) как сугубо положительные фигуры. Александр Блок называл К.Победоносцева «упырем» (статья «Солнце над Россией. О Л.Толстом»). Однако данные «упыри» оказываются светочем нынешнего русского консерватизма.

Своеобразной реинкарнацией Победоносцева в советском варианте стал серый кардинал брежневизма Сулов, которого приближенный к нему «контрпропагандист» и идеолог Русской партии Байгушев (такой же консерватор, как и его патрон) называл «Кашеем» и «калошей».

Реальная роль консерваторов во второй половине XIX века была вовсе не столь благостной, как ее изображает консерватизм. Наносившийся консерваторами удар по реформаторским группировкам начиная с периода великих реформ (убийство Александра I — как будто руками революционеров) затормозил процесс этих реформ и способствовал взрывным революциям начала XX века. Поэтому результатом многолетней деятельности русских консерваторов (в первую очередь правых националистов конца XIX — начала XX века) стало вовсе не эволюционное развитие дореволюционной России, но именно революция — причем революция явно более радикальная, чем пресекавшиеся ими революции «буржуазные» — то есть революция большевистская. Именно имперский феодальный консерватизм, включая радикальный — черносотенство, а вовсе не революционеры, несет главную ответственность за подрыв российской империи и за наиболее радикальный вариант революции, которая произошла в 1917 г.

5. Об основах подхода русского консерватизма и «консервативного дискурса» в целом к истории. Инородческие и антипатриотические основы революций. Русский консерватизм и еврейский вопрос. «Отмстить неразумным хазарам». «500-летняя война с Сионом».

Попытки строить исторические представления не на социальных, а в первую очередь на ациональных основах ведут консервативную историографию в направлении, особенности которого ярко показывает радикальный консерватизм.

Как мы видели в концепции Т.Грачевой и других, весьма активную роль в исторических представлениях русского консерватизма играет теория «инородческого заговора». Для русского консерватизма, в особенности радикального, характерно представление инородцев (в частности «еврейства») в качестве главного виновника как «руссофобии», так и различных российских бедствий в течение длительного периода истории. Известный и активный до сего дня консерватор («русский экстремист» по его собственному определению) математик Игорь Шафаревич заявлял о связи «руссофобии», а также социализма и его идеологии с «малым народом» (Руссофобия, 1982). Под последним автор, понятно, имел в виду как «интеллигентов» (и либералов), так и «евреев», сливающихся в сознании консерватора в некое единое целое.

На этой основе строятся многочисленные радикально-консервативные теории, например, «мирового правительства», о котором еще в 1912 г. сообщала книга консервативного радикала Юрия Шмакова, а также «масонского и еврейского» заговоров» (Олег Платонов и многие др.). Отсюда «500-летняя» и даже «тысячелетняя» война с «Сионом» (Платонов, Байгушев), она же растянувшаяся до настоящего времени борьба с «хазарами» (Т.Грачева). «Мы, — заявляет консервативный пиит Александр Байгушев, — закалялись и крепили русским духом в нашей тысячелетней всемирной эсхатологической и

духовной войне с жестоковейным Сионом» (Русская партия внутри КПСС. — М.: Алгоритм, 2005, с. 39).

На основе базисной для радикального консерватизма русско-еврейской оппозиции формируются исторические взгляды русского консерватизма — в частности, оценка революции 1917 г., как Февральской, так и Октябрьской (она же «Октябрьский переворот»). Приход к власти партии большевиков в октябре 1917 г. консерватизм трактует как ненациональную и в первую очередь как «еврейскую» революцию. «О том, — заявляет Байгушев, якобы „защитник СССР” и доносчик на демократов как его „разрушителей”, — что Октябрьский переворот жестоко делался преимущественно руками евреев, написано так много, что тайн вроде уже нет. Это уже давно аксиома» (А.Байгушев. Русская партия, с. 156). В качестве второй активной «инородческой» группы в революции называются латыши и так далее.

Таким образом, в центр своей концепции истории России и ее проблем правый русский консерватизм (национализм) ставит не социальные причины событий, но действия «инородцев» (чаще всего евреев, как «универсальных инородцев»), каковых обвиняет во всех бедах как дореволюционной, так и советской России. Внедрение подобного понимания сути событий российской и мировой истории последних столетий и составляет основную задачу «радикального» консерватизма, а также в конечном счете и консерватизма в целом, представленного такими авторами, как Григорий Климов, Вадим Кожинов, Олег Платонов, Николай Стариков, Борис Миронов, Сергей Семанов и проч. Литература соответствующего направления в течение двух постсоветских десятилетий в необъятных количествах издавалась правильными «антилиберальными» (они же «патриотическими») издательствами России во главе с «Алгоритмом». Последний до настоящего времени выступает консервативным Политиздатом, занявшим в качестве идеологического лидера место бывших советских издательств.

Основные положения и структура русского консерватизма копируют таковые же всех этнократических идеологий, в том числе и антироссийских. Утверждая (как это вполне очевидно в радикальном консерватизме О.Платонова, А.Байгушева, Т.Грачевой) в качестве главного «русско-еврейское» противостояние, консерваторы (как правило — правые националисты) пытаются навязать России строящийся на этом противопоставлении (оппозиции) консервативный национальный идентитет по схеме «свой-чужой». Таковой по сути копирует — в перевернутом виде — идентитет правых националистов в ряде постсоветских республик — например, прибалтийских, где в качестве «чужих» выступают, однако, сами русские.

Насколько «лучше» указанных внешних (и антирусских) консерватизмов консерватизм (правый национализм) русский, реально являющийся зеркальным аналогом указанных консерватизмов? Для некоторых — лучше,

поскольку «свой». Вместе с тем есть основания считать, что русский правый национализм (как и иные постсоветские национализмы) не может быть адекватной идеологией для постсоветской России, способной дать позитивный ответ на внешние посткоммунистические национализмы и иные стоящие перед Россией вызовы.

Каково соотношение исторических теорий консерватизма (в особенности радикального) с реальностью? Очевидно, что списывая все негативные события в истории России на счет евреев и «сионизма», русские правые националисты вкладывают в понятие сионизма свое содержание, фактически подменяя смысл указанного понятия. Реальный (а не мифический) сионизм есть традиционный еврейский национализм — аналог всех прочих правых национализмов от русского до прибалтийских, теория «крови и почвы», возвращения на «историческую родину». Ему нельзя приписать идеи мирового, но лишь «локального» господства на исторической территории ближневосточного еврейского государства. Нечто совсем иное — «сионизм» в рамках русского консерватизма. Байгушев и иже с ними строят свою концепцию сионизма, рассматривая таковой как теорию и практику «мирового еврейского заговора».

Для радикального консерватизма Русской партии характерна также и концепция «троцкизма», которому в радикальном консерватизме приписывается такое же значение, как понятию «сионизма», то есть значение «инородческого заговора» против российской империи. Поэтому под «троцкизмом» в русском консерватизме фактически понимается весь большевизм, точнее досталинская и послесталинская советская идеология, например, хрущевского периода, включая шестидесятничество. «Троцкистскими» представители Русской партии называли, например, попытки Хрущева расширить советское влияние, «шестидесятнические» пьесы М. Шатрова (А. Байгушев. Русская партия внутри КПСС. — М.: Алгоритм, 2005, с. 220) и так далее.

Немалое влияние консерватизма можно отметить в понимании еврейского вопроса у А. Солженицына («Двести лет вместе»). Для более радикальных сортов правого национализма при этом подход Солженицына считается недостаточно обличительным и даже оказывается объектом иронии. Назовем, например, книгу некоего В. Дрожжина «Распад СССР и сионизм», с ироническим подзаголовком «200 лет вместе» (М.: Алгоритм, 2010). Как видно уже по заголовку данной книги, автор пытается убедить читателей, что виновником распада СССР является некий «сионизм», а вовсе не сам консерватизм и стоящие за ним Западное (Расчлененное) общество. Вообще под иронической рубрикой «200 лет вместе» издательство «Алгоритм» опубликовало не менее десятка соответствующих произведений, включая «Евреи и социализм» «как бы левого» С. Кара-Мурзы (М., 1999).

6. Концепция «еврейского вопроса» в радикальном консерватизме и современная левая теория. О подмене понятия «сионизма» в современном русском консерватизме. О внешних корнях посткоммунистических консерватизмов, включая русский. Диверсионная роль правого национализма в СССР, постсоветской России и других странах посткоммунизма.

Прежде чем разбирать теории радикального консерватизма по существу, важно выяснить, зачем консерватизм пришел в Россию и другие постсоветские страны, кем он навязывается и что он несет России и тем государствам, в которых его активно распространяют.

Есть основания считать отцом всех постсоветских консерватизмов (от прибалтийских и украинского до русского) Западное (Расчлененное) общество с его идеологией консервативного либерализма. В рамках распространения этой идеологии в посткоммунистическом мире, в том числе и постсоветских странах от Прибалтики до Украины и Грузии, внедряется не только витринный либерализм, но и радикальный консерватизм с его очевидными мифологическими проявлениями. Внедрение консерватизма (включая радикальный) в мире реального социализма и посткоммунизма имеет целью разрушение идеологии стран бывшего реального социализма и втягивание этих стран в Западное общество.

Подобно иным посткоммунистическим консерватизмам, современный русский консерватизм имеет очевидное типологическое сходство с восточно-европейскими «антикоммунистическими» консерватизмами с начала XX века, а также соответствующими правонационалистическими течениями в Европе (от Италии и Испании до Германии) между двумя войнами. В этот период на старом континенте фактически шла гражданская война между защитниками традиционного капитализма и левыми течениями. В этой войне указанные защитники в лице консервативных сил западных демократий опирались на правых националистов для борьбы с социалистами и коммунистами, стремясь «выбить» «социализм» национализмом.

В рамках консервативной идеологии (консервативного дискурса) рубежа и начала XX века (в первую очередь радикального) на Западе и в России возникла концепция мирового еврейского заговора. «Эталонным» в этом отношении были как русское черносотенство, так и в дальнейшем немецкий национал-социализм 1920–40-х гг. На сходных основаниях строился и радикальный правый национализм русской эмиграции. (См. уже цитированная книга К.Родзаевского *Завещание русского фашиста*. — Харбин, 1943; 2 изд. — М., 2001.)

Разумеется, у идеологов консерватизма, тем более радикального, напрасно искать реального понимания еврейского вопроса и проблемы «сионизма». Те, кто принимают писания консерваторов, в особенности радикальных — Г.Климова, О.Платонова, Б.Миронова и проч. за чистую монету в изложении «еврейского вопроса» и попытку реально разобраться в сути

дела, рискуют принять грубо сфабрикованную мифологию за научный анализ. Как уже отмечалось, понятие «сионизма» в работах радикального русского консерватизма, как и других сходных идеологических течений, является специфической конструкцией, не имеющей отношения к обычной (и тем более сколько-нибудь научной) логике. Консерватизм заменяет реальное содержание этого понятия своим, связанным с мифологией всеохватывающего «русско-еврейского» противостояния и мирового еврейского заговора.

Изложение еврейского вопроса в современной левой идеологии требует отдельной работы (см. *Современная левая теория и еврейский вопрос*, в рукописи). Говоря коротко: евреи – разделенная нация. В последние столетия европейской и мировой истории данная нация (как и целый ряд иных) являлась не субъектом, но скорее объектом «борьбы цивилизаций», предметом игры и манипуляций для крупных государств и общественных систем. Активная манипуляция еврейским вопросом в Европе началась во второй половине XIX века и резко обострилась в XX веке, с образованием реального социализма и борьбой между ним и традиционным западным обществом. С начала XX века еврейский вопрос в Европе разыгрывал правый национализм не только русский, но и европейский во главе с немецким национал-социализмом 1920–40-х гг. Реальный социализм с его интернациональной идеологией марксизма-ленинизма выступал как жесткая, и, заметим, скорее справедливая альтернатива последнему. Однако в результате усиления правого национализма (в форме сталинизма) в самом СССР второй половины 1930-х гг., реальный социализм постепенно все более явно проигрывал в решении еврейского вопроса западному обществу. Окончательно проиграла этот вопрос уже постсоветская Россия.

Серьезно на территории России еврейский вопрос оказался поставлен к концу XVIII века – после раздела Польши в 1795 г. Тогда в результате военного захвата (силового присоединения) этой территории к Российской империи под ее власть и перешла основная масса российских евреев. В ряде европейских стран до этого, в том числе и польско-литовском государстве, евреи селились сами, как правило, ввиду религиозной терпимости тогдашних властей этого государства (например, законы Витовта).

Являлись ли российские евреи «антирусской» группировкой? Наряду с многими другими нациями тогдашнего российского государства, российские евреи участвовали в экономической и политической жизни этого государства и его укреплении. Вместе с тем они, понятно, были сторонниками не шовинистического и тоталитарного, но демократического российского государства.

Наряду с иными нациями России, русские евреи испытывали давление имперского консерватизма (шовинизма), зачастую прямо стимулировавшего внутринациональные конфликты. Это объясняет оппозиционность немалой части евреев (как и русской интеллигенции и иных слоев общества) дореволюционной монархической власти в России и их поддержка оппозиции,

в том числе и революционной (ср. обвинение А.Солженицыным евреев в «революционности» — «200 лет вместе»). Разумеется, российские евреи не могли принять идеологии черносотенства, начавшей развиваться в России в конце XIX — начале XX века и прямо обвинявшей евреев во всех бедах российского государства. Аналогичным было и отношение евреев к советскому и постсоветскому консерватизму — правому национализму, радикальный вариант которого был возрождением в новых условиях русского черносотенного консерватизма. Как в традиционном (дореволюционном), так и в последующих вариантах русского радикального консерватизма евреи являются главным объектом идеологической атаки как «универсальные инородцы».

Постсоветский русский консерватизм (в особенности радикальный) обвиняет евреев одновременно в нескольких противоположных вещах: например, как в том, что они способствовали созданию СССР и развалу хорошей дореволюционной империи, так и в том, что они же, по аналогии с дореволюционной империей, якобы «развалили» также и СССР. Далее эта схема переносится и на постсоветскую Россию.

Вместе с тем реальные факты говорят прежде всего о катастрофическом сокращении еврейского населения советской и постсоветской России, которое в Российской империи 1917 г. составляло пять миллионов, в СССР конца 1980-х — 2,5 миллиона. К началу XXI века в результате общественной нестабильности, а также консервативной пропаганды и соответствующей деятельности Россия потеряла основную часть еврейского населения XX века. Реальное количество евреев в России (в том числе и в результате деятельности русского консерватизма) сократилось с отмеченных 2,5 миллионов в конце 1980-х гг. до 250—300 тысяч к началу XXI века (Рывкина В. Как живут евреи в России. Социологический анализ перемен. — М., 2005), то есть уменьшилось приблизительно на два и более миллиона. Потеря Россией еврейского населения стала одним из результатов общей постсоветской катастрофы «реального социализма» в России, результате которой территорию бывшего СССР к 2011 г. покинуло более 22 миллионов человек, в том числе и коренных русских.

Нельзя не подчеркнуть, что существенной причиной отъезда евреев из России являются не только противоречия советского и постсоветского развития, но во многом также неутрачиваемая ксенофобская пропаганда и политическая активность того же консерватизма, в особенности радикального (а ля Байгушев, Платонов и др.), то есть правого русского национализма. В рамках такового евреи оказываются главным виновником российских бедствий XX века, и едва ли не всех прочих. Евреев в России вроде фактически нет, но пропаганда радикального консерватизма (после ослабления и отмены цензуры в России и других странах бывшего СССР) и различные акции их представителей активно продолжают уже более двух десятилетий.

Таковую пропаганду активно ведет, например, уже упоминавшееся консервативное издательство «Алгоритм», а также целая плеяда консервативных

и околоконсервативных авторов от Г.Климова, И.Шафаревича, А.Буровского («Вся правда о евреях») до «как бы левого» консерватора С.Кара-Мурзы (например, «Диссиденты, евреи и еврокоммунизм»). Они продолжают накачку патриотической ксенофобии – по еврейскому, кавказскому и проч. вопросам. Ответственность за данную ксенофобию несут вовсе не виновные во всем либералы (они же демократы), которые стремились отмежеваться от радикального национализма, но тот же консерватизм и его пропаганда, стимулирующая национальные конфликты внутри России. А также, вероятно, и внешние силы, стоящие за этой пропагандой.

Важен вопрос, имеет ли консерватизм (консервативная ксенофобия, правый национализм и шовинизм в России, в том числе и антисемитизм) только «внутренние» источники? Очевидно, что противники реального социализма (в первую очередь внешние) стремились использовать национальные противоречия как в СССР, так и внутри правящей большевистской элиты для ослабления реального социализма и этой элиты. Радикальный национализм был весьма важным средством для достижения этой цели. Западные демократии с начала XX века и затем в 1920–1930 гг. очевидно манипулировали радикальным национализмом в Европе – в первую очередь в находящихся под их влиянием правых диктатурах от Муссолини и Франко до Гитлера, стремясь использовать последние для борьбы с левыми политическими течениями. Лидеры западного мира во главе с Англией и США, например, вели явно двойственную политику по отношению к германскому национал-социализму, скрыто поддерживая его и далеко не всегда помогая жертвам указанного режима (см. Г.-Д. Препарата. *Как Англия и США создавали гитлеровскую Германию*. – М.: Поколение, 2007. Ранее, например, А.Некрич. *Политика английского империализма в Европе. Октябрь 1938 – сентябрь 1939*. – М., 1955).

Еврейскую тему в межгосударственной борьбе в Европе определенные западные силы использовали уже с XIX века. В частности, главной задачей начатого во Франции в 1894 г. «дела Дрейфуса» было прикрытие крупного скандала вокруг немецкого шпионажа во французском Генштабе.

После Второй мировой войны англо-американцы смогли «решить» еврейский вопрос, создав государство Израиль. Сталинский СССР участвовал в этом создании и стремился к своему влиянию в данном государстве, но на своей территории сделать этого не смог по причине провальной (а то и прямо террористической в 1930-е и 1940-е гг.) политики по отношению к евреям. Эта провальность соответствовала другим провалам сталинской национальной политики – по отношению ко многим так называемым «наказанным народам».

Можно утверждать, что в ряде случаев прямо провокационная политика сталинизма в национальном вопросе была следствием активного влияния на данную политику консерватизма – правого русского национализма, то есть идеологии так называемой Русской партии в СССР, описываемой, в частности А.Байгушевым (более детально об этом – в следующей главе).

Это вполне ясно говорит о «патриотизме» радикально-консервативной Русской партии и ее идеологов как в советской, так и постсоветской России.

Закономерен вопрос – не оказывалась ли поддержка радикальному национализму в СССР (по немецкому сценарию 1930-х гг.) некими внешними игроками? Нельзя не обратить внимание на то, что «антикосмополитическая» кампания в СССР конца 1940-х гг. (которая также вполне соответствует идеологии байгушевской Русской партии) совпадала по времени с образованием государства Израиль и прямо наносила удар по советскому влиянию в этом государстве, позволяя «отрезать» от него СССР. Такая кампания играла на руку «западному проекту» Израиля и могла поддерживаться его главными организаторами. Удар по «космополитам» внутри тогдашнего СССР наносила именно Русская партия, которой вполне могли манипулировать извне – поскольку это соответствовало целям подрыва советского влияния на еврейские организации в мире.

Другими словами, как ни может показаться парадоксальным с внешней стороны, в период холодной войны Западное (Расчлененное) общество оказывалось прямо заинтересованным в антисемитизме консервативных группировок в СССР как одном из факторов развала советского государства и реального социализма. Для того, чтобы евреи появились на Западе (в Израиле, США или др.), у них должны были быть причины уехать из СССР и России (как и других стран бывшего реального социализма). Поэтому тем государствам, которые были заинтересованы как в получении новых эмигрантов, так и в ослаблении стратегических конкурентов, имело прямой смысл поддерживать в СССР группировки радикального консерватизма, к числу каковых и относилась и поэтизируемая консервативными идеологами «сугубо патриотичная» Русская партия. Ниже мы коснемся темы внешней поддержки радикального русского консерватизма подробнее.

7. Консерватизм о революциях в Российской империи начала XX века. Революции (в начиная с 1905 г.) как «бунт инородцев». О «трех еврейских революциях» и «трех еврейских оккупациях». Хорошие черносотенцы – главные защитники империи? Черносотенство как противник «капиталистических» реформ. За что черносотенцы не любили «нашего Пиночета» П.Столыпина.

Рассмотрим взгляды консерватизма на историю России начала XX века, прежде всего историю революции 1905 г.

Важный момент в консервативной (как и в целом правой) концепции дореволюционной России – представление о ее небывалом росте. Оно активно поддерживалось еще правыми оппозиционерами в СССР, включая Русскую партию и А.Солженицына в рамках концепции «России, которую мы потеряли» (С.Говорухин).

«Россия, – пишет А.Байгушев, – семимильными шагами рванула вперед в экономическом развитии... По темпам роста и экономической мощи Россия

стала резко опережать западную Европу, золотой русский рубль общепризнанно стал самой стабильной валютой, Россия грозилась в самые ближайшие годы выйти на первое место в мире, опередив даже Соединенные штаты» (А.Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 135).

Также по словам «главного консерватора» Генштаба РФ Т.Грачевой: «При Николае II Россия переживала небывалый период материального расцвета. Накануне Первой мировой войны ее экономика процветала и с 1894 по 1914 год росла самыми быстрыми темпами в мире» (Невидимая Хазария, с. 239).

Согласно консерватизму важную роль в расцвете предреволюционной России играли консервативные и радикально-консервативные группировки типа Союза русского народа. Концепция хорошего черносотенства является своего рода центром исторической концепции Русской партии в варианте А.Байгушева. Эту же концепцию активно развивали и другие консерваторы — например, Вадим Кожин (Черносотенцы и революция. Загадочные страницы истории XX века. — М., 1998).

«До сих пор народ, — пишет Байгушев, — у нас практически не знает о Союзе русского народа — об этом замечательном политическом движении, со всеми его недостатками и ошибками явившем *бесценный опыт русской национальной самоорганизации*» (Русская партия внутри КПСС. — М., 2005, с. 98). «Но и мы, русские, сами виноваты, что до сих пор не можем гордо реабилитировать исконно народное имя: мы — черная сотня»... «Что мы, русские, противопоставляем циничной клевете на Союз русского народа, на выдвинутую Союзом русского народа исполинскую фигуру П.Столыпина?» (там же, с. 102).

Консерватизм доказывает, что именно его представители с начала XX века были главными защитниками положительного развития России, тогда как либералы и тем более революционеры выступали как разрушители государства. Революции в России трактуются консерватизмом как «антирусские» и в основном инородческие. Отсюда, в частности, и риторика о революциях в России как «масонских» или «еврейских».

Первой «еврейской» (она же масонская) революцией в России оказывается революция 1905 г., с ее либеральными требованиями конституционной реформы и аграрных преобразований. По мнению Байгушева в 1905 г. «Союз русского народа остановил первую «попытку *еврейской революции*» (там же, с. 97). Второй еврейской революцией оказываются революции 1917 г. — как Февральская, так и Октябрьская. Забегая вперед заметим, что согласно радикальному консерватизму была и «третья еврейская революция» — она якобы произошла в 1991 г. с приходом к власти ельцинских «демократов». Помимо Байгушева и иных представителей Русской партии эту точку зрения на 1990-е годы в России отстаивал известный консерватор А.Ципко (например, в статье о необходимой России национальной революции и книге «Пора доверить Россию русским», 2003 г., 2 изд. «Почему я не демократ», 2005 г.).

Из такого подхода к указанным революциям следует, кроме прочего, и то, что трем «еврейским революциям» в России XX века соответствовали (что подтверждают, например, Байгушев и Ципко) также и «три еврейских оккупации». Как мы видим, «еврейскими» согласно радикальному консерватизму являются все революции в России. «Русским» же в «консервативном» смысле оказывается любой контрреволюционный переворот.

Очевидно, что рисуя радужную картину развития дореволюционной России начала XX века консерватизм часто манипулирует фактами, искажая реальные основы этого развития. Мифологизирует он и роль консерваторов (в том числе и радикальных вроде черносотенцев) в российской политике этого времени.

Относительно «небывалого роста» России начала XX века следует заметить, что этот достаточно высокий рост давал *вовсе не российский феодализм, который явно сковывал развитие России того периода, а российский капитализм*. При этом капитализм в России развивался с большим трудом, поскольку, как это понимали многие мыслители тогдашней России (а также, кстати, и советская историография), его развитию мешала феодальная монархия и феодальное помещичье землевладение. Противоречие между более динамичным капитализмом («индустриальным обществом») и феодально-монархическими структурами и было, как известно, причиной революций 1905 и 1917 гг.

Для того, чтобы преодолеть сковывающий капитализм абсолютизм и соответствующие ему политические (феодальная монархия) и экономические (в первую очередь земельные) структуры, в России требовались «либеральные» политические и экономические реформы. В частности, реформа политическая (конституционная) и аграрная, которую в начале века решил ускорить Петр Столыпин.

Какую же позицию занимал по отношению к русскому капитализму и его основным реформам предреволюционный русский консерватизм (правый национализм и то же черносотенство) начала XX века? Представители такового во главе с черносотенством были ожесточенными противниками этих важнейших для «капиталистического» развития России реформ — конституционной и реформы аграрной, которые отстаивали русские либералы и социалисты.

Русские консерваторы, в особенности радикальные — Союз русского народа — активно боролся с парламентаризмом — он же «гидра иудо-масонской революции» (А.Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 117). Консервативные и черносотенные (правомонархические) группировки постоянно атаковали либералов и либеральные правительства от Витте до Миллюкова, пытавшихся провести в жизнь антифеодальные аграрные и политические преобразования — элементы конституции, парламентаризма и политических свобод. Спасение страны консерваторы видели в сохранении феодальной и черносотенной монархии. Они всячески порицали отстаивавшиеся «плохими либералами» «буржуазные» реформы феодально-

самодержавной системы. Консерваторами был отстранен от власти либерал С.Ю. Витте, ими постоянно наносились удары и по другим реформаторам, не исключая П.А. Столыпина.

Консервативная риторика черносотенства и критика либерализма при этом строилась на жесткой ксенофобии и антисемитизме. Либералов – сторонников конституционной реформы и парламентаризма в России – от Витте до Милюкова, а также «почти своего» Столыпина – черносотенные монархисты обличали как «жидовствующих» (А.Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 112). Конституция приравнивалась ими к «сдаче страны евреям». Накануне принятия Манифеста 17 октября 1905 г. черносотенцы собрались в церквях, вопия: «*граф полусахалинский*» (С.Витте) «*завтра сдаст страну евреям*» (там же, с. 118).

Противоречивым было отношение консерватизма к аграрной реформе и ассоциировавшейся с ней фигурой П.А. Столыпина. Столыпин с одной стороны оказывается важнейшей предреволюционной фигурой. «*Мы, русские националисты, – пишет Байгушев, – в советское время сделали из Столыпина для себя идеал*». (Байгушев, с. 135). С другой стороны, с позиций «последовательного» консерватизма у Столыпина было правильно далеко не все. «Я бы, – сообщает Байгушев, – не стал однако сейчас совсем уж идеализировать Столыпина. Фигура эта, повторяюсь, конечно, в русской истории уровня Петра Первого и Сталина, но, как и они, далеко не однозначная»...

Что же не нравится консерваторам в Столыпине, который, по словам Байгушева, «был ставленником Союза русского народа»? С одной стороны, Столыпин был правильным консерватором и опирался якобы на «черносотенные миллионы». «Он, – воодушевленно повествует Байгушев, – создал карманную партию русских националистов во главе с богачейшим помещиком Подольской Губернии Балашовым», чьим «главным программным лозунгом был лозунг «Россия для русских» и «Отпор инородческому засилью». В общем-то, – по Байгушеву, – эта программа «не сильно отличалась от программы Союза русского народа. Но во всем умереннее, мягче» (Байгушев, с. 137).

Однако вопреки правильному черносотенству Столыпин после революции 1905 года проявил склонность к либерализму и конституции. Ради «успешной думской деятельности» он «пытался заигрывать и с кадетами». А в какой-то момент «даже испугался Союза русского народа». Со своей стороны последний «очень болезненно» воспринял конституционные симпатии Столыпина, в частности пункт о «фальшивом единении царя с законодательным народным представительством – понимай с ненавистной думой» (там же, с. 137).

Итак, отношение радикального консерватизма к «либеральным» конституционным реформам русского самодержавия было отрицательным. Каково было его отношение к экономическим начинаниям Столыпина?

Важнейшая часть столыпинской программы – аграрная реформа – радикальному консерватизму (в черносотенном варианте) явно не нравилась. Союз русского народа выступил с критикой «хищного союза власти с разрушителями общины» и «правил 9 ноября», как «*подрывающих сами устои традиционной русской крестьянской „соборной” общины и насаждающей, вместо национального русского общинного земледелия, кулачские хутора*» (А. Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 139–140). По мнению крайне правых «в сознании народа царь не может быть царем кулаков».

Итак, радикальных консерваторов – черносотенцев – не устраивало развитие капитализма в русской деревне, что и составляло суть столыпинской реформы, а также – основу столь желательного правым капиталистического развития России с ее «особым» ростом. Столыпин хотел сделать безземельных крестьян собственниками – перетащить их в «буржуазию». Правильное же черносотенство, которое усиленно пропагандируют как Байгушев, так и В. Кожин и прочие деятели консервативной Русской партии, этого вовсе не хотело. Чего же хотели «хорошие черносотенцы»? Они стремились к сохранению в России начала XX века помещичьего землевладения и традиционной общины. Их не беспокоило, что община использовалась противниками реформ для удержания крестьян в рамках старой дореформенной системы, то есть в качестве средства патриархального (феодално-помещичьего) контроля над крестьянством.

То есть реально правый национализм, он же консерватизм, вел (как это понимала левая и советская историография) профеодалную и пропомещичью политику. Крестьяне по этой программе должны были оставаться без земли и по-прежнему под помещичьим контролем. Критикуя столыпинскую программу, Байгушев, по сути дела, отстаивает для русского крестьянства его феодально-безземельное статус-кво. «*Допустим, что этот план удастся. Но к какой партии примкнут 90 миллионов обезземельных крестьян? Также к октябристам и националистам? Нет, это будущие социал-демократы или социалисты-революционеры*» (публикация в журнале «Вече», 1911 г., – Байгушев, с. 140).

Так выясняется, что Союз русского народа был вовсе не партией «черносотенных миллионов», о которых заявлял Байгушев (там же, с. 138, 140), но партией помещичьей верхушки, стремившейся удержать данные 90 миллионов русских крестьян в безземельном и общинном состоянии.

Могли ли эти 90 безземельных миллионов поддерживать черносотенцев? никоим образом. Интересы этих крестьян отражали лишь партии земельной реформы, по меньшей мере типа столыпинской, а по большому счету и вовсе партии радикального земельного передела – социалистов – эсеров и большевиков. То есть вопреки Байгушеву, крестьянское большинство России являлось не будущими, а «нынешними» (на 1911 г.) социалистами-революционерами или же социал-демократами-большевиками. 90 миллионов безземельных крестьян стали и будущей поддержкой революции – Красной Армии против Белой.

8. Отрицательное отношение черносотенства к «капиталистическим» реформам. Отход Столыпина от черносотенцев и его убийство. Реальная роль консервативных группировок в провале империи. Хорошие русские черносотенцы и европейский правый национализм. Внешняя манипуляция черносотенством.

Чем же занимался в этой ситуации реальный, а не мифический Союз русского народа (СРН)? Он всячески препятствовал капиталистической реформе Столыпина, поскольку согласно реальным, а не мифическим радикальным консерваторам начала XX века, плох не только социализм, но и капитализм, с его сторонниками — либералами — «омасоненными личностями». Единственным выходом, который оставлял России радикальный консерватизм, оставалась *феодално-черносотенная автаркия*. Правые националисты стремились сохранить Россию как феодално-черносотенный остров, ни о каком реальном «развитии» которого говорить не приходилось.

В этом, по-видимому, и заключалась главная причина отхода Столыпина от крайне правых и попытка его частично опереться на сторонников «либеральных» реформ. Столыпин начал критиковать «прямолинейность» СРН, в том числе в нападки последнего (например, Илиодора) на «жидовствующую» интеллигенцию (А. Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 140), стремившуюся к конституционным реформам. По Столыпину с интеллигенцией надо было обращаться «не так». В целом Столыпин «начал уже всячески третировать свою опору,.. стремясь умерить ее влияние». Этим он сам себе рыл могилу» (там же). «С согласия Столыпина, — жалуется „советский контрпропагандист” Байгушев, — черносотенцам учинили гонение, стали запрещать их боевые организации» (там же, с.138, 141). То есть Столыпин «перестал опираться на Союз Русского народа и с этого дня был обречен». Говоря об обреченности Столыпина, радикальный патриот Байгушев сравнивает эту обреченность с «обреченностью» Сталина конца 1940-х гг. (там же, с.142), что следует принять во внимание.

Убийство Столыпина в сентябре 1911 г. тот же автор валит на главу полиции «омасоненного» генерала П.Г. Курлова. «Курлов практически не скрывает, на кого работал и почему Столыпина полиция дала возможность убить еврейскому террористу» (Байгушев, с. 142). Выражение «дала возможность убить» в данном случае верно. Действительно, очевидно, что без поддержки на самых верхах Охранного отделения теракт против Столыпина был невозможен. Террориста Богрова, агента данного отделения и еврея по национальности пропустили через всю полицейскую суперохрану в зал киевской оперы, где находился и сам царь Николай II.

Нельзя не заметить, что выпячивание «еврейской руки» в покушении на Столыпина очевидно было сознательной провокацией. Если бы покушение реально делали «евреи», зачем им было строить «еврейскую картинку» — оформлять убийство именно как «еврейское», натравливая общество на евреев же?

Это почему-то осталось непонятным и для такого автора, как Александр Солженицын, который (например, в книге «200 лет вместе») возлагал ответственность за убийство Столыпина на «евреев». (См. критику его концепции убийства Столыпина. — С.Резник. Вместе или врозь? Судьба евреев в России. Заметки на полях диалогии А.И. Солженицына. — М.: Захаров, 2005.)

Байгушев признает, что царская полиция «дала убить» Столыпина. Но кто манипулировал полицейской верхушкой? Консерваторы признают эту манипуляцию, хотя «для народа» утверждают, что манипулируемой стороной были только революционеры. Очевидно, однако, что полицейской верхушкой манипулировали вовсе не «либералы» и «омасоненные личности», но скорее всего радикальные консерваторы при монархической власти, которых и следует считать реальными организаторами убийства Столыпина.

Таким образом, деятельность радикального (черносотенного) консерватизма в России накануне первой русской революции (а, также, как мы увидим далее, и накануне революции 1917 г.) следует рассматривать вовсе не как «положительную», но скорее как подрывную.

Правый национализм, в особенности радикальный, выступал как очевидный тормоз развития страны и инструмент подрыва империи. Отстаивая неререформированный вариант царской монархии, консерватизм вел Россию не к «экономическому чуду», которое можно связать лишь с русским капитализмом, но к взрыву 1917 г. в его наиболее резких и разрушительных формах.

Между тем определенными силами (только ли внутренними?) радикально-консервативное черносотенство перед первой русской революцией продавливалось в российскую политику весьма активно. В том числе и в среде православного духовенства, глава которого санкт-петербургский митрополит Антоний осуществил «публичное лобзание» с черносотенцами. Вначале высшее православное духовенство от союза с Черной сотней открещивалось. Митрополит санкт-петербургский и ладожский Антоний попытался запретить священникам вступать в черные сотни. Но Союз русского народа потребовал от главы Синода «либо встать на сторону Союза русского народа, либо уйти со своего поста». Митрополит Антоний поддался давлению: «на съезде Союза после этого письма произошло публичное лобзание митрополита Антония с главой СРН (Союза русского народа) Дубровиным и всему русскому православному духовенству было дано открытое и официальное разрешение на *безбоязненное служение в составе Союза русского народа*» (А.Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 110).

Кстати, заметим, кое-кто из консервативного православного духовенства производит подобное же «лобзание» с черносотенцами и до сих пор. Например, заявление дьякона Андрея Кураева об истоках праздника 8 марта «в еврейском празднике Пурим» по почину якобы «еврейской» революционерки Клары Цеткин. («Как делают антисемитом», см. также *Белостокское*

поклонение патриарха Кирилла и радикальный консерватизм в РПЦ. [Slavia.ee](http://slavia.ee), 4.09.12, http://slavia.ee/index.php?option=com_content&view=article&id=9840:2-&catid=142:2010-05-13-12-53-37&Itemid=222).

Русскому радикальному консерватизму вполне импонирует подход его предшественников начала XX века к различным вопросам – в том числе и национальному, включая еврейский. «Советский контрпропагандист» Байгушев выступает против замены характерных для черносотенцев *«открытых противоиудо-масонских лозунгов на абстрактно-смазанный „отпор инородческому засилью“*». (А.Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 137). С этой «последовательной» точки зрения даже книга В.Кожина о черносотенцах рассматривается как «половинчатая» (там же, с. 102).

Очевидно сходство в национальном вопросе черносотенства с европейским радикальным консерватизмом 1930-х гг., в том числе и немецким национал-социализмом, на что указывала советская историография. В рамках консерватизма данное сходство в основном отрицается. А.Байгушев, в частности, полемизирует с историком С.А. Степановым, сравнившим в своей книге 1992 г. русских черносотенцев с итальянскими фашистами. «Параллели между черносотенством, то есть благородным Союзом русского народа и итальянским фашизмом» отводятся Байгушевым как «грязные» и трактуется как наследие иудо-советской историософии» (Байгушев, с. 101). Отрицается также и *«абсурдный гитлеровский унисон»*. Однако так ли уж данный «гитлеровский унисон» (то есть сходство черносотенства и немецкого национал-социализма) абсурден? Грязны ли «параллели» или же сами объекты, очевидно сходные?

«В марксистской литературе, – обижается Байгушев, – утвердилось понимание фашизма как диктатуры наиболее реакционных кругов монополистической буржуазии. Это нельзя отнести к российским крайне правым». Одновременно по Байгушеву *«можно констатировать, что арсенал средств, использованных черносотенцами, во многом совпадал с приемами фашистской пропаганды... Черносотенная идеология предвосхищала фашизм в том, что делала ставку на широкие социальные слои, возбуждаемые шовинистическими и демагогическими лозунгами»* (Байгушев, с. 101).

После такой цитаты Байгушева хоть в марксисты бери! Национал-патриот еще раз подтвердил то, что давно было ясно сторонникам демократической и левой традиции в России. Именно, что русское черносотенство есть бесспорный аналог итальянского и немецкого фашизма, а также ряда иных правых национализмов (они же «консерватизмы») в Европе. Как традиционный европейский нацизм, так и русский правый национализм вели борьбу с мировым еврейским заговором и революциями – естественно в основном «еврейскими». Аналогии между данными течениями вполне заметны и у современных консервативных авторов – от О.Платонова до С.Семанова и прочих.

Консерватизм строится на постоянной критике внешней зависимости революционеров, доказывая свое собственное государственничество. Действительно ли, однако, революционеры больше зависели от «внешних сил», чем консерваторы (в частности, правые националисты)?

Уже говорилось о внешней поддержке русского радикального консерватизма в советский период. Сергей Кургинян — более умный среди консерваторов (пытавшийся, в частности, хотя и безуспешно, бороться против «вируса фашизма в патриотическом движении») — признавал важную роль дореволюционного черносотенства в разрушении дореволюционной империи, провокации в ней конфликтов и революции. За этими провокациями могли угадываться как внутренние консервативные силы, так и, возможно, внешняя рука. Чья?

Ряд консервативных авторов — в частности конспиролог Н.Стариков и М.Леонтьев указывают на роль в происходивших в России событиях Англии (Великобритании), имевшей до Второй мировой войны особое европейское и мировое влияние — в частности, обладавшей вплоть до 1940-х гг. и наиболее эффективной в мире разведкой. Результатом английского влияния (которое описывает, например, Н.Стариков в книге «1917. Разгадка „русской“ революции». — СПб, 2012), можно считать и вступление России в совершенно не нужную ей Первую мировую войну. Таковое реально и привело к катастрофе Российской империи в 1917 г.

Отношение Англии (Великобритании) к тогдашней Российской империи было специфическим. С одной стороны Англия являлась как будто сторонником перехода России на рельсы «демократии» и «нормального капитализма». С другой стороны, такой переход был для Англии менее желателен, чем крах российского государства, поскольку потенциально усиливал или воссоздавал государство-конкурента. Можно увидеть здесь аналогию отношения Британии с Францией XIX века, в которой как ни странно, «капиталистическая и конституционная» Англия поддерживала вовсе не революцию, а реставрацию (в ходе наполеоновских войн и после поражения Наполеона I).

Какую роль во вступлении России в Первую мировую войну и в целом провале империи играл русский консерватизм, в особенности радикальный? Русское черносотенство (правый национализм) играло в поддержке такого вступления самую непосредственную роль. В частности в 2003–2004 гг. стали известны факты об участии в убийстве выступавшего против войны с Германией и ее продолжения Григория Распутина не только известного черносотенца Пуришкевича (автора известного афоризма — «правее нас — только стенка»), но и агента английской разведки Освальда Рейнера (см. *Эндрю Кук. Убить Распутина. Жизнь и смерть Григория Распутина.* — М.: Омега, 2007, также <http://archive.svoboda.org/ll/world/0904/ll.092204-1.asp>).

Есть основания утверждать, что манипуляция радикальным консерватизмом (в частности, черносотенством) была, вероятно, одним из весьма

В
поддер
ров —
стреми
Париж
вых си
kripta.e
sharl-d
soproti

важных аспектов английской манипуляции российской политикой уже в начале XX века, а вероятно и ранее.

Особенностью «работы» английской разведки — наиболее сильной и непревзойденной в первой половине XX века, было умение внедряться весьма глубоко — даже в глубинные политические структуры (как государственные, так и полицейские) «обрабатываемых» государств. Английские спецслужбы еще в начале XX века были способны на высший пилотаж политической манипуляции — умение манипулировать двумя противоположными лагерями противника одновременно, причем иногда — искусственно создавая эти лагерь. Есть основания усматривать внешнюю (вероятно, английскую) руку в деятельности черносотенных группировок в Охранном отделении российской империи. Черносотенные группировки в Охранке, похоже, работали в том же направлении, что и черносотенные партии, о чем говорит, например, их роль в убийстве Столыпина.

Очевидно, что важную роль в подрыве Российской империи играло раздувание в ней национальных конфликтов, в частности русско-еврейского. Помимо серьезного удара по империи-конкуренту целью этого конфликта для Великобритании могло быть направление эмиграции (в том числе и еврейской) в Англию и Америку. Активным организатором и «толкачом» «русско-еврейского» конфликта в первую очередь внутри России и был радикальный консерватизм — черносотенство.

Для раздувания национальных конфликтов в Российской империи, в частности активизации антисемитских настроений, английская разведка располагала активной агентурой в различных кругах — как еврейских, так и одновременно антисемитских. (О действии этой агентуры рассказывает, например, фильм о Троцком «Тайна мировой революции», показанный по ОРТ в 2007 г.) Английская разведка, по-видимому, вплоть до 1917 г. активно манипулировала как теми, так и другими.

Во время гражданской войны 1918–1922 гг. англичанам и американцам также удавалось манипулировать одновременно как белыми, так и красными (см. Г. Саттон. Уолл стрит и большевистская революция. — М.: Русская идея, 1998. Изд. 2-е, 2005). Английская поддержка Белого движения (например, Северно-Западной армии Юденича) в период гражданской войны в России была достаточно странной. Она проводилась как будто против «красных», но не настолько, чтобы «дать победить „белым“», и наоборот.

Раздувание в России начала XX века антисемитских настроений было, по-видимому, одним из важных направлений британской политики этого времени. Таким раздуванием занимался в 1920-х гг., в частности, и такой известный английский эмиссар (кстати, сам еврейского происхождения), как Сидней Рейли. В этой связи интересен и вопрос о появлении в России в 1905 г. сфальсифицированных во Франции начала 1890-х гг. «Протоколов

сионских мудрецов», в распространении которых помимо Сергея Нилуса был замешан и видный полицейский деятель Петр Рачковский.

Поэтому закономерен вопрос: кто же подложил сугубо патриотическую «черносотенную грибницу» под царскую империю перед 1905 и 1917 гг.? Не те ли силы, которые подложили такую же грибницу (в виде «русских клубов» Байгушева и Семанова) под реальный социализм 1960-х гг.?

9. Русский консерватизм и русская революция 1917 г. Крах империи и дореволюционные консерваторы. Кто провалил империю – реформаторы или ретрограды? О «трех еврейских революциях» и «трех еврейских оккупациях». Политическая борьба перед революцией черносотенцев и либералов. Февральская и Октябрьская революции. Оплевывание правым национализмом как либералов («февралистов»), так и большевиков.

Рассмотрим отношение современного русского консерватизма к Русской революции 1917 – в первую очередь Февральской.

Февральская революция 1917 г., по-видимому, сделала то, что русские консерваторы мешали сделать антисамодержавной оппозиции в XIX веке и во время революции 1905 г. Она устранила самодержавие, узаконила политическую демократию, создав условия для развития в России правового государства и, казалось бы, традиционного западного («капиталистического») общества.

При этом если «так называемые демократы» (либералы) считали, что Февральская революция создала важные основы для развития демократической России, русский консерватизм (в особенности радикальный) оценивает эту революцию вовсе не положительно и подвергает ее всяческой критике. Критика русским консерватизмом Февральской (не говоря уже об Октябрьской) революции направлена, как обычно, против плохих «либералов». Странники конституционных реформ обличаются как «масоны» и «омасоненные личности» (включая начальника царской полиции Курлова). Февральская революция в целом трактуется как «масонский переворот».

«В августе 1915 г., – пишет А.Байгушев, – масоны объединили все антиправительственные силы в Прогрессивный блок из отечественных „младотурок“. В ответ состоялось представительное совещание черносотенцев в Саратове, потребовавшее роспуска Госдумы, а также широкое совещание в Петрограде, на которое прибыли высшее духовенство, члены госсовета и государственной думы, сенаторы. Совещание выступило с критикой „министров и придворных чинов, которые вступили в соглашение с прогрессивным парламентским блоком“, а также „жидовствующей распутинщины“ либерального блока как „наивысшей опасности для существования России“» (А.Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 146).

Обличая Февральскую революцию, радикальные «масноборцы» указывают на роль в ее разворачивании либеральной (и потому «инородческой») печати. По словам «советского контрпропагандиста» Байгушева «после того,

как Союз русского народа был загнан в подполье „*печатать — еврейская четвертая власть — и подвела Россию к пропасти 1917 года*”» (А.Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 144).

По Байгушеву события февраля 1917 г. определялись якобы печальной слабостью Союза русского народа. «Где были в это время русские националисты? В бездействии» (там же, с. 145). Черносотенцы среднего звена «в массовом порядке добровольцами ушли на фронт» (?) Большинство же крупных активистов Союза, начиная с того же Пуришкевича, «переключились с политической деятельности на хозяйственную рутину — по обеспечению снабжения и всемерной поддержке воюющей армии» (там же, с. 147). Выходит, крупные черносотенные активисты во время войны 1914 г. переключились... на интендантское воровство, вполне совместимое у них с критикой «масонских и жидовствующих» капиталистов? (Так же, как и бизнес вокруг черносотенной символики, которой приторговывали «борцы с капитализмом».)

Правда «загнанный в подполье» Союз русского народа «смог поставить своего министра внутренних дел Хвостова», который в Думе «настойчиво и последовательно продолжал бороться с чужеродными элементами. Все видели в нем нового Столыпина. Но став министром внутренних дел, Хвостов, как и Столыпин, не решился на чистку полиции от масонских ставленников». А может «дело уже слишком далеко зашло». «Такие, как Лопухин и Курлов, обступили его и нейтрализовали». «Хвостов, не встречая поддержки в своем требовании разрешить ему почистить промасоненную и прикрывающую революционеров полицию, вынужден был подать в отставку. Путь к масонскому перевороту был открыт» (Байгушев, с. 145). Во время отречения царя и великого князя Михаила «формально Союзу русского народа не за что было зацепиться, чтобы вывести народ на улицы». Да и силы у Союза «были уже не те». Вот по Байгушеву и «вышло, что сброд, финансируемый предателями Родины, высыпал на улицы Петрограда». Гучков и Родзянко способствовали отречению царя. Потом «рвали на себе волосы» (там же, с. 147).

Итак, отрицательно относясь не только к Октябрьской, но и к Февральской революции 1917 г., консерватизм приравнивает их между собой и всячески поэтизирует дофевральскую самодержавную систему в России. Консервативные построения затемняют реальную объективную сторону революции 1917 г. и ее серьезные социально-экономические причины. Не понимая причин кризиса феодально-монархической России, данное течение подобно своему историческому предшественнику — русскому черносотенству — пытается до сих пор критиковать любые, даже «капиталистические» перемены в Российской империи.

Результатом этих действий дореволюционных русских консерваторов (мифологизируемых их современными последователями) мог быть лишь мощный взрыв всей системы и катастрофа империи. Если консервативные российские группировки XIX — начала XX вв. (и в первую очередь черносотенные

радикалы) в течение полувека тормозили реформы в России — неужели результатом этого не должен был быть социальный взрыв особой силы? Вопреки мифологии современного российского консерватизма следует утверждать: *дореволюционный правый национализм (консерватизм) являлся вовсе не главным защитником дореволюционной российской империи, а главным виновником ее провала*. Революцию Октября 1917 г. поэтому нельзя не рассматривать как *результат антиреформаторской деятельности русского консерватизма*, в особенности радикального. Консервативная элита России не справилась с «капиталистическими» (антикрепостническими) реформами еще во второй половине XIX века, втянула страну в Первую мировую войну, в результате чего в конечном счете сама «провалила империю».

Вполне понятно, что мощная революция в России 1917 г., вскоре получившая аналоги и в других европейских империях — Германской и Австро-венгерской, не могла не сбросить самодержавие. При этом эта накопившая мощный потенциал революция не могла остановиться на февральском этапе и должна была получить свое радикальное продолжение.

Как относится русский консерватизм к Октябрьской революции 1917 г.?

Таковая приравнивается им к февральской и так же активно обличается. Но, разумеется не без известных консервативных странностей. С одной стороны приход к власти большевиков трактуется как «катастрофа». О хорошем «докатастрофном» состоянии России рассуждает основная часть консервативных авторов от М.Соколова и Н.Старикова до Т.Грачевой. Критика Октября и большевизма — общее место современного русского консерватизма, как и апология «белогвардейщины» (термин известного консерватора В.Шамбарова). Однако, как важно заметить, указанная критика вполне сочетается с шумным возмущением консерватизма (не лицемерным ли?) распадом реального социализма (в 1988—1991 гг.) и утверждением в качестве главных виновников этого распада «либералов». «Советский» контрпропагандист и «контрразведчик» Байгушев заявляет о «сатанинском шабаше» и «пропасти» 1917 года» (А.Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 548), представляя в качестве хорошей России дореволюционную монархию. Ему вторит целая плеяда консерваторов — С.Говорухин («Россия, которую мы потеряли»), Н.Стариков («Ликвидация России» и проч.). Полковник Татьяна Грачева рассматривает Октябрьскую революцию» и падение Российской империи «как реванш невидимой Хазарии». «Революция 1917 года была, несомненно, самой трагической и разрушительной для России попыткой реванша Хазарии и порожденной ею хазарской антисистемы» (Невидимая Хазария, с. 234).

Типичная тема, постоянно муссируемая правой идеологией (как либерализмом, так и консерватизмом) в отношении «октябрьского переворота» — тема внешней поддержки революционеров. Революционеры — в первую очередь большевики — представляются консервативными историками как

иностранный агентура. Тут и Англия, и Германия (немецкие деньги Ленину). О данной поддержке громогласно твердит современный консерватизм — в том числе и в конспирологических вариантах, например Николая Старикова, который заявляет о «заказе» России внешними силами, а также либералами и революционерами. (Например, название «Кто заказал Россию?» как один из вариантов книг Н. Старикова о 1917 г.) Просится добавка: «и в землю закопал и адрес написал»...

Общим местом является доказательство «нерусскости» Октября и реального социализма. Эту теорию активно развивают радикальные консерваторы уже третьего поколения — после курировавшихся внешними для реального социализма силами нацмальчиков 1920–1930-х гг. Одновременно те же самые национал-патриоты (от Байгушева до Грачевой) не устают лить крокодильи слезы о распаде СССР, в каком-то обвиняют «либералов» (в широком смысле этого слова). Последних консерваторы обвиняют таким образом в двух прямо противоположных вещах — с одной стороны, в распаде СССР, с другой стороны — в распаде царской империи и приходе к власти большевиков, создавших СССР.

Представляя себя защитниками реального социализма и «советской власти», правые русские националисты отрицают национальный характер как Февральской, так и Октябрьской революции 1917 г. Они, как уже отмечалось, считают ее инородческой, например, организованной латышскими или евреями, то есть «оккупационной еврейской властью» (А. Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 194). Революция 1917 г. (как Февральская, так и Октябрьская) оказывается с точки зрения радикального консерватизма «второй еврейской» революцией после революции 1905 г.

Можно заметить сразу, используя консервативную же риторику, что концепция «еврейской революции non stop» в России является, собственно говоря «руссофобской», поскольку лишает Россию и ее русское население собственной истории и какой-либо самостоятельной роли. Кроме того, оплевывание консерватизмом большевизма и Октябрьской революции весьма странно на фоне плача того же консерватизма о загубленном либералами («демократами») советском социализме. Если консерватизм рассматривает приход к власти большевиков как зло, то соответственно он должен рассматривать как зло и начатое большевиками строительство «социализма» и радоваться его разрушению. (Что на самом деле часто и происходит у таких фигур, как Байгушев или Ципко.) В свете антиинородческой риторики по поводу Октября попытки консерватизма (в особенности радикального) представить себя «защитниками СССР» должны быть отвергнуты как обычное консервативное лицемерие.

Современная левая теория должна (в продолжение позиции советской историографии) говорить об объективности революции 1917 г. — как Февральской, так и Октябрьской, зревшей почти целое столетие. Важной причиной

этой революции нельзя не признать провал давно назревших реформ феодально-самодержавной системы хорошим (по мнению национал-патриотической историографии) консервативным имперским руководством и столь же хорошим консервативным (по преимуществу черносотенным) «охранительством». При этом следует отметить, что реальную ответственность за революцию 1917 г. (как позже и провал СССР) несут не только «либералы» и большевики, но в первую очередь именно «консервативное» (в особенности черносотенное) дореволюционное руководство — дореволюционная монархическая элита и бюрократия, а также управляющие ими внешние силы.

Концепция «инородческих» основ Русской революции 1917 г. в целом и Октябрьской в частности является консервативным абсурдом. Очевидно, что удержать власть после «октябрьского переворота» и победить в Гражданской войне 1918—1922 гг. большевики не смогли бы без поддержки основной части коренного русского населения. Откуда взялась пятимиллионная Красная Армия? Неужто все это были «инородцы» (евреи и др.)? Костяк Красной Армии составляли те самые 90 миллионов безземельных русских крестьян, о которых Байгушев писал сам (но затем подзабыл). В Красную Армию пошла служить и немалая часть царского офицерства (едва ли не половина).

Только «инородцами» — без коренного населения не могла обойтись ни одна из великих революций, включая английскую революцию XVI века или французскую XVIII века. Более того, все эти революции — и русская в том числе — были глубоко национальными, причем великими национальными революциями. Это относится и к русской революции 1917 г., что понимали даже наиболее известные противники этой революции.

Попытки консерватизма, в том числе новейших «историков эпохи реставрации» — Н.Старикова, А.Буровского и проч., представить большевизм как антинациональное (антирусское) течение следует отвергнуть. Революционное течение большевизма (как и построенный на его основании советский марксизм) значительно полнее и глубже представляло «русскую идею» своего времени, чем их оппоненты (не только либералы, но и консерваторы — правые националисты). Целый ряд крупных русских мыслителей XX века ясно говорил о русских корнях большевистской революции. Среди них Н.Бердяев. («Истоки и смысл русского коммунизма»), А.Блок, Н.Устрялов («Смена вех») и многие другие.

Наряду с консервативной критикой революционной традиции («Вехи»), за которыми шли поздние советские консерваторы (А.Солженицын, И.Шафаревич и др.) была и иная, демократическая линия — например, А.Блок, «Интеллигенция и революция», за которой следовала советская традиция (и должна, по-видимому, идти также современная левая идеология).

Современная левая теория в отличие от правых теорий — как праволиберальных, так и правоконсервативных — должна исходить из позитивности реального социализма (несмотря на многие его несообразности). Несмотря

на его противоречия и трагизм, реальный социализм следует рассматривать не как антинациональный период «ликвидированной» России (Н.Стариков), а как великий исторический прорыв России и всех стран, вовлеченных в орбиту русской революции.

К настоящему времени идеологи консерватизма отказываются от наиболее прямолинейных концепций революции 1917 г. (Платонов, Байгушев, Стариков), пытаясь дать более объективную картину «октябрьского переворота». Однако и в своих «новых подходах» консерватизм часто оказывается верен своим мифологическим традициям.

С оригинальной версией Октябрьских событий выступил, например осенью 2013 г., автор книги «Вперед к победе», консервативный историк Андрей Фурсов. По его мнению (со ссылкой на сходные выкладки Олега Стрижака, 2007 г.), восстанием Октября 1917 г. руководили не большевики, и не масоны (что уже является шагом вперед по сравнению с радикалами типа О.Платонова), а... царские генералы. Красногвардейцы, мол, были ни к чему не способными бандитами, тогда как для захвата власти требовались специалисты, каковыми могли быть только генералы Генштаба. Восстанием якобы руководил... Сталин, за которым и стояли данные генералы. Затем, когда Троцкий «санкционировал интервенцию», эти же таинственные генералы (а вовсе не большевики) организовали и Красную Армию. Наконец, к 1930-м годам, манипулируя Сталиным, они наконец избавились от большевиков и получили всю полноту власти... Такая вот смелая консервативная легенда известного российского историка (см. <http://kripta.ee/rosenfeld/2014/01/23/a-fursov-i-o-strizhak-o-zagovore-generalov-v-oktyabre-1917-g/>).

10. Консерватизм о большевиках Ленине и Троцком. О якобы «троцкизме» раннего большевизма.

Остро спорным вопросом историографии начала XX века является проблема трактовки фигуры лидера большевиков В.И. Ленина. Понятно, что 90 лет спустя после его смерти (и более 20 лет после гибели реального социализма) должны и могут быть показаны не только сильные стороны, но также недостатки и противоречия этой безусловно выдающейся фигуры. Однако отказываясь от старых советских (наивно-апологетических) трактовок Ленина и ленинизма, не следует переходить при этом на консервативно-либеральную позицию — чисто негативную в его отношении.

Правая (консервативно-либеральная) теория трактует Ленина если не как прямого злоумышленника и агента внешних сил, то как третьестепенного политика, уступающего правым деятелям. Реально Ленин — фигура первого ряда, явно выделяющаяся и среди российских политических фигур, и среди революционных деятелей европейских государств начала XX века. По сравнению с правыми — как либералами, так и консерваторами (правыми националистами) того времени (не говоря о черносотенцах) Ленин и большевики

выглядят не в пример значительнее. Ленин был выдающийся (по меньшей мере, а можно сказать и великий) русский революционный мыслитель, один из наиболее крупных интеллектуалов своей эпохи, создатель новой ветви марксизма и не менее выдающийся (великий) практик — революционер и организатор нового общества — будущего реального социализма.

Консервативная критика Ленина в обычном для данного направления этническом стиле состоит, во-первых, в обличении Ленина как «нерусского» деятеля. Попытка вычеркнуть Ленина из русских — обычный прием консервативной пропаганды. По словам питерского национал-патриота Виктора Правдюка (чего стоит одна фамилия автора), заявленным, в частности, по РТВ, — «Ленин в детстве любил бить русских детей» (!) Концепция «нерусского Ленина» есть характерный пропагандистский ход правого национализма. Наибольшим криминалом (под влиянием все того же правого национализма) оказывается, естественно, еврейская кровь. Приложив с 1960-х гг. много усилий для выявления этой стороны биографии вождя большевиков («Ленин-Бланк»), национал-патриоты от Палиевского до Байгушева, однако, не смогли обнаружить у вождя «по максимуму» более четверти еврейской крови. Это маловато даже по Нюрнбергским законам Третьего рейха, понятиями которых в постсоветской России мыслят многие консерваторы от Байгушева до «как бы левого» Сергея Кара-Мурзы. Выйти из положения идеологи типа Байгушева пытались, придумывая Ленину неких «хазарских» предков (Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 22).

Откровенно свое реальное отношение к Ленину консервативные «защитники СССР от либералов» начали излагать в период «плохой» советской перестройки 1980-х гг. Тогда своим оплевыванием Ленина они удивили даже вроде «своего» — антиельцинского патриота И.Полозкова (Байгушев, с. 462). Однако как сообщает сам «советский контрпропагандист» А.Байгушев, в 1988 г. начавший воссоздавать Союз русского народа, в 1967 г. он написал для известного главы ленинградского обкома Г.Романова книгу «Ленин в революции» (там же, с. 269). Чем не реальное двурушничество консерватизма и псевдосоветской «как бы большевистской» консервативной элиты!

Кстати, если копнуть главных русских националистов и обличителей «неарийских либералов» по столь любезной им этнической линии, получится картина весьма далекая от идеальной. Основные борцы за русскую национальную чистоту оказываются сплошь из «обрусевших инородцев». Известный национал-революционер А.Ципко — наполовину украинец. «Как бы левый» борец с большевизмом и марксизмом (а заодно и борец с «евреями») Сергей Кара-Мурза, — очевидный потомок ордынцев. Да и сам певец русского черносотенства Байгушев явно происходит от «байгуш», что по словарю Даля означает — «бедный киргиз». Являются ли указанные факты проблемой для каких-либо идеологий, помимо консервативной? Они являются

проблемой только для самого консерватизма — в рамках его собственной «истинно-русской» идеологии.

«Русскость» Ленина, как и русскость большевизма, течения, которое основал и оформил В.И. Ленин, не ставилась под сомнение даже его противниками (Бердяев, Устрялов и проч.). Ленин был безусловно первой фигурой этого течения, что признавали все крупные деятели большевизма. (Например, Троцкий. «Моя жизнь».)

В связи со сказанным коснемся и консервативной концепции «троцкизма» как якобы главного содержания большевизма.

Правый русский национализм строит теорию большевизма как «троцкизма», изображая известного большевика Льва Троцкого в качестве главного «демона революции» (Д.Волкогонов) и представителя «антинационального» большевизма (Байгушев), к которому относит и «плохих» старых большевиков 1920-х гг.

«Полезно знать, — доносит «поборник СССР» и одновременно идейный борец с большевизмом Байгушев, — что в кампаниях «шестидесятников» периода хрущевской оттепели, среди которых большим влиянием пользовались возвращенные Хрущевым и его главным идеологическим советником Куусиненом из концлагерей и реабилитированные троцкисты упорно еще ходила версия, что будто Троцкий, а не Ленин был в революцию первой фигурой» (А.Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с.116).

Обвинение большевиков (то есть соратников того же Ленина, уцелевших после консервативного сталинского террора) в принижении Ленина за счет Троцкого — характерный демагогический прием радикально-консервативной (реально нацистской) закулисы в СССР. Он восходит к деятельности «Русской партии в КПСС» еще в 1920–1930-х гг.

Цель попыток консерватизма (правого национализма) выдвинуть на первый план большевистского течения именно Троцкого — представить большевизм «троцкизмом». А также опорочить большевизм утверждением его якобы «ненациональных» корней и навязать теорию «инородческих» корней большевизма. В этом же русле идет попытка подсунуть большевикам (они же якобы «троцкисты») возвеличивание Троцкого в противовес Ленину. Поэтому данная теория активно проводится в целом ряде консервативных материалов, включая (теле) фильмы, показывающиеся по главным российским телеканалам (вплоть до ноября 2014 г.). Критика «троцкизма» у националистов типа Байгушева — это всегда критика красной, интернациональной стороны большевизма и попытка выпятить «национальную» (у авторов байгушевского образца «коричневую») привеску, весьма явную у Сталина.

Нельзя не заметить, что фразеология критики «троцкизма» активно применялась сталинистами уже в борьбе против «оппозиций» 1930-х гг., а также во время сталинского террора 1930–1940-х гг., реально проводимого против большевиков руками Сталина. Как мы видели, доносами на «троцкистов»

представители Русской партии в ВКПб (КПСС) байгушевского образца активно занимались еще во время хрущевской оттепели. Очевидно, что этим же русский консерватизм занимался и ранее — например, в 1930-х гг., особенно активно в период сталинского террора. Выступая от имени «советской власти», его представители фактически ненавидели Ленина ничуть не меньше, чем Троцкого. Однако доносили на оппозиционеров — как якобы «антиленинцев» для подрыва большевизма, чтобы разделаться с его течениями порознь.

Не принимая консервативной демонизации фигуры Льва Троцкого, следует тем не менее признать главной фигурой большевизма именно В.И. Ленина. Ленин создал новое революционное течение (марксизм-ленинизм, второй марксизм) как теоретически, так и практически, а затем «призвал в большевики» ряд интеллектуалов и функционеров — в том числе Троцкого и Сталина. При этом роль Троцкого в русской революции 1917 г. и после нее — вплоть до 1940 г. следует анализировать вне консервативных (фактически нацистских) штампов, то есть вне доносительской фразеологии провокаторов из Русской партии — противников большевизма как такового.

Реальный (а не мифологический) Троцкий (в особенности поздний) с позиции современной левой теории — фигура достаточно интересная и вовсе не лишь негативная, как стремится нас уверить правый национализм. Традиционная советская концепция «троцкизма» оказывается специфической конструкцией консерватизма (Русской партии и ее спонсоров), с точки зрения которой троцкизм оказывается неким аналогом так называемого «сионизма».

Как уже отмечалось, русский радикальный консерватизм еще со сталинских 1940-х гг. организовавший мощную шумиху вокруг «сионизма», подменял это понятие, вкладывая в него другое — свое — содержание. Реальные сионисты — правые еврейские националисты первой четверти XX века (деятели Бунда или В.Жаботинский) — были сторонники еврейской идеи в правом варианте: они добивались неучастия евреев в делах России и переселения их в Палестину. Иное дело евреи-большевики, которые «имели неосторожность» выступить в поддержку русской революции. Они-то и получили от «советских контрпропагандистов» байгушевского образца обвинение в космополитизме, который приписывается «троцкизму» одновременно с «сионизмом». «Талмудист, космополит и сионист» на консервативном языке Русской партии означает «плохого» человека (например Троцкого или Л.Фейхтвангера), который не является хорошим правым националистом ни в русском, ни в еврейском варианте (А.Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 12, 25).

Как ни парадоксально, основным объектом критики у русских радикальных консерваторов оказывается таким образом не еврейский правый национализм, но как раз *ненационализм* большевиков еврейской национальности и советских евреев. Русские национал-патриоты (как Байгушев, так, например, и Ципко в книге «Пора доверить Россию русским») обвиняют

советских евреев в «космополитизме» (и сионизме) именно за то, что эти евреи... не являются правыми националистами в еврейском варианте!

С точки зрения нормальной логики — абсурд. Однако — реальный факт консерватизма и его идеологии. Националистов и национал-патриотов байгушевского образца (включая также и Ципко) больше всего раздражает ненационализм и интернационализм большевиков (в том числе и большевиков-евреев), который трактуется правыми русскими националистами как космополитизм и «замаскированный» еврейский (почему не иной?) национализм.

Аналогично (что может показаться забавным) строится критика правым националистом Байгушевым КПРФ и Г.Зюганова: вроде националист (наш, хороший), но с красным элементом. Значит — не вполне хороший национал-патриот (в идеале черносотенец), а «космополит», то есть в понимании Байгушева — «талмудист».

11. Апология консерватизмом сталинского социализма. Консерватизм и национал-большевизм. «Если социализм, то сталинский».

Поэтому критикуя большевизм 1920-х гг. и Ленина, идеологи консерватизма почти во всех основных вопросах симпатизируют «не большевику», но правильному национал-патриоту Сталину — причем именно потому, что последний, по мнению консерваторов, большевиком на самом деле не являлся.

Согласно консервативным авторам — например, А.Байгушеву или А.Буровскому — есть будто бы два большевизма: плохой (ленинский) и хороший сталинский — он же национал-большевизм. Консерватизм естественным образом выступает на стороне сталинизма. *«Если социализм, то сталинский, а уж никак не истребительный к русской нации еврейский ленинский»* (А.Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 161).

Сходным образом рассуждают и иные консерваторы (правые националисты), например известный историк-«консерватор» Андрей Буровский. Описывая 1920-е гг. в своей книге «1937 г. Контрреволюция Сталина» (М.: Эксмо, 2009), консервативный историк не обнаруживает в них ничего, кроме террора. Сталинские же 1930-е гг. с их реально всеобъемлющим террором, как и брежневский период, Буровскому, напротив, весьма нравятся.

Таков характерный «консервативный» ход мысли. «Ленинский» социализм — с сохранением рыночных отношений, относительной демократией, свободой передвижения — согласно консерватизму (а также черносотенцу Байгушеву) — «истребительный для русской нации» и инородческий (в основном «еврейский»). Сталинский же социализм с его широкомасштабным террором и Гулагом, истребительным «для русской нации» (как и для прочих наций СССР) не считается! Защита сталинского социализма 1930-х гг. легко сочетается у консерваторов (например, Байгушева) с защитой дореволюционной империи. Разницы между ними они как будто не видят.

Тут встает характерная для русского консерватизма проблема «хорошего сталинизма». Сталинизм трактуется идеологами консервативной Русской партией в КПСС как венец национальной русской идеологии в советских рамках (В.Шамбаров, А.Байгушев и др.). Однако все ли в советском реальном социализме следует считать результатом деятельности лично Сталина и так ли был хорош сталинизм 1930-х да и 1940-х гг. с его явными террористическими чертами?

Вопреки национал-патриотам, успехи СССР 1930-х гг. связаны вовсе не только с личностью Сталина, но с идеологией и политикой «восходящего» большевизма в интернационалистском варианте. (Понятие «интернационализма» просуществовало в СССР вплоть до афганских событий 1979 г., но все больше теряло свое реальное содержание.) Интернациональный вариант большевизма лежал в основе не только позитивного советского развития, но в основе объединения наций бывшего СССР. Именно он обусловил поддержку идеологии и политики СССР представителями различных наций за его пределами.

Сталинская же система 1930-х гг. имела очевидную шовинистическую и террористическую изнанку (большого террора и Гулага), которая заставляет рассматривать национал-сталинизм не как высшую точку и главное достижение советского развития, а как идеологию упадка советской бюрократии и административно-командной системы. Репрессивно-шовинистические черты сталинизма (очевидно связанные и с правым национализмом-консерватизмом) стали воспроизводиться в СССР и позднее — в брежневский период, сыграв немаловажную роль в падении СССР.

Советский большевизм в сталинском варианте — это национал-большевизм. К красной линии классического (интернационального) большевизма у Сталина добавляется не просто национальное, но явно шовинистическое (коричневое) начало в варианте радикального русского национализма. Пример — деятельность Сталина конца 1930-х, в период пакта с Гитлером и выдачи ему антифашистов (с консервативной точки зрения видимо вполне правильные), а также кампании конца 1940-х гг. эпохи борьбы с «космополитами».

12. Борьба консерватизма с советскими сферами влияния. Обвинение сторонников расширения этих сфер в «троцкизме». О «пиночетовщине» русского консерватизма.

Интересной особенностью русского консерватизма (правого национализма) является соединение громогласной имперской риторики с критикой политики расширения сфер влияния реального социализма и сторонников такой политики — в частности, как «троцкистов».

Такого сорта обвинения постоянно выдвигаются консерватизмом против большевиков 1920-х гг., а также Н.Хрущева, который стремился (впрочем, явно продолжая политику в этом вопросе «хорошего» с точки зрения национал-патриотов Сталина) к расширению и укреплению советских сфер влияния.

Несмотря на имперскую риторику, правый консерватизм реально выступал за подрыв советских сфер влияния – в том числе и в период горбачевской перестройки и странных советских акций 1989 г. (подробнее – в следующих главах). Сходным образом консерватизм – правые национал-патриоты – проявили себя в украинском кризисе конца 2013 г., фактически выступая против поддержки Россией Украины (<http://kripta.ee/rosenfeld/2013/12/29/chem-chem-pravye-russkie-patrioty-v-ukrainskom-voprose-otlichayutsya-ot-gorbacheva/>).

Активная деятельность по подрыву советских сфер влияния, каковой советские консерваторы внутри СССР (в частности, представители так называемой Русской партии) занимались еще с хрущевского периода, не мешала им навязывать СССР сомнительные имперские мероприятия, которые реально ослабляли его. Таковым было, например, введение советских войск в Афганистан в 1979 г., в поддержке которого роль советников указанной группировки была весьма велика. Брежнев вначале «сомневался» в необходимости ввода войск в Афганистан, но представители Русской партии, по Байгушеву, его убедили (Русская партия внутри КПСС, с. 574). Итак, логика Русской партии: советское влияние – от лукавого, а вот псевдоимперские провокации – сколько угодно! Разве это не логика провокаторских группировок? Более благоприятным для СССР вариантом очевидно было не военное вторжение в Афганистан, но политическое решение вопроса.

Вполне вероятно, что указанные консервативные группировки (возможно, в тех же целях) способствовали и советскому вторжению в Чехословакию в августе 1968 г., подавив там левый плюралистический эксперимент.

Эту линию подрыва советской (и постсоветской) внешней политики России активно продолжают постсоветские консерваторы с 1990-х гг. до настоящего времени. Например, известный телеведущий первого канала (и передачи «Однако») Михаил Леонтьев. С одной стороны указанный «антилиберал» выступает с «правильной» как будто критикой роли Англии в геополитическом противостоянии с Россией в XIX веке («Большая игра»). С другой стороны – является апологетом таких политических фигур, как Пиночет, считая последнего (но никак не Альенде) «мудрым человеком», который «остановил гражданскую войну» в Чили (<http://www.24news.ru/news/world/1430833182s.html>). Правильный консерватор М.Леонтьев ставит Пиночета в пример российскому правительству, видя его заслугу в «свержении коммунизма» и отрицая американское влияние на него (то есть тот общеизвестный факт, что к власти в 1973 г. генерала привели именно США (<http://www.vlasti.net/index.php?Screen=news®ion=main&id=185496>)).

Характерно, что в своей симпатии к фигурам типа Пиночета правые русские консерваторы вроде Михаила Леонтьева ничем не отличаются от постоянно критикуемых ими сторонников правого либерализма, в частности, Ю.Латыниной (см. «*Пиночетовщина*» Юлии Латыниной и кризис правой идеологии в

России, Slavia, 25.07.2012, http://slavia.ee/index.php?option=com_content&view=article&id=9702:2-&catid=151:2010-09-22-11-19-53&Itemid=222).

Из взглядов консерваторов и антилибералов – как представителей Русской партии, так и например, идеологов типа М.Леонтьева, – видно, что вовсе не только правые либералы, но в первую очередь именно правые «консерваторы» уже с советского периода боролись с идеологией и политикой реального социализма в СССР, выступая по сути дела в качестве идеологической «пятой колонны» внутри реального социализма. То есть, выходит – в качестве сторонников «Большой игры» на стороне Запада.

13. Выводы. Консерватизм и история России.

Взгляды современного Русского консерватизма на историю России вполне соответствуют правым (консервативно-либеральным) схемам. Для них характерно полное переверачивание российской и в первую очередь советской истории XX века. Изложение таковой в консервативном варианте полно мифологии и подтасовок. По степени искажения реальных фактов консервативные концепции вполне могут быть направлены в известную комиссию по фальсификации истории. (Но увы – консерватор у консерватора, что называется, «глаз не выключет».)

Речь идет прежде всего о резкой критике представителей демократических и левых сил в истории России и обелении сил ретроградных, стремившихся сохранить в России отсталые, в первую очередь феодально-монархические, общественные формы.

Что касается истории XX века, то русский консерватизм (правый национализм) особенно в радикальном варианте, во-первых, ложно трактует причины падения русской монархии и царской империи, отрицая какую-либо положительность Февральской и тем более Октябрьской революций 1917 г. (Последнее особенно забавно в устах консервативных «защитников СССР», подобных А.Байгушеву, Н.Старикову и проч.)

Концепция консерватизма в отношении революций начала XX века представляет собой или прямую мифологию инородческого заговора (радикальный консерватизм) или вариант полуправды у сторонников умеренного консерватизма (Н.Стариков, А.Фурсов и проч.). Представители последнего как будто верно указывают на роль внешних геополитических игроков в поддержке отдельных сторонников революций. Однако причины этих революций ими не понимаются. Не понимается ни необходимость конституционных перемен в монархическо-феодальной системе России, ни положительные стороны и энергия большевизма, которые позволили ему создать советскую систему. Большевизм берется только в отрицательном аспекте. Положительный период большевизма (например, административно-командный подъем 1930-х гг.) отрывается от большевизма как такового и приписывается некоему «правильному национализму» – в основном лично Сталина. Поэтому

консерватизм насильственно разрывает большевизм на две части — плохую (раннюю — ленинскую) и хорошую (позднюю — сталинскую), которые оказываются никак не связаны между собой.

Консервативные историки типа А.Буровского и А.Фурсова рассказывают российскому обывателю о создании СССР вовсе не большевиками, которые якобы лишь разрушали хорошую дореволюционную империю, а некими хорошими сталинскими консерваторами, читай — правыми националистами, в лучшем случае национал-большевиками. Большевики же указанным консерваторам все время мешали, что и потребовало террора, чтобы избавиться от них.

Выступая под видом защитника (реально псевдозащитника) советского проекта, русский консерватизм устами историков эпохи реставрации Старикова, Буровского и многих других обличает большевизм во всех его проявлениях. Большевизм плох, так же как плох и Ленин. Плохи и «несталинские», но большевистские (и по этой причине «троцкистские») 1920-е годы. Однако после плохого Ленина и большевиков в советской России согласно русским правым националистам вдруг, откуда ни возьмись, является хороший Сталин — вовсе не большевик и не могильщик «хорошей царской империи», а правильный консерватор, хороший русский царь и «русский националист». Он ставит все «на свои места». Только с него в 1930-х годах согласно консерваторам и начинается «хорошее» советское время, которое возглавляют новые сталинские выдвигенцы, имеющие (чему радуются консерваторы) весьма малое отношения к раннему большевизму (да и к большевизму вообще). Ни о сталинском терроре, ни о Гулаге не говорится ни слова. Для консерватизма типична негативная оценка хрущевских реформ, советского шестидесятилетия и едва ли не всего послесталинского советского развития.

Таким представлениям соответствуют также и консервативные взгляды на внешнюю политику России и СССР. Декларируя имперство и шовинизм во внешней политике, консерваторы одновременно выступают (под видом критики «троцкизма») за провал бывших советских сфер влияния. Будучи противниками большевизма и реального социализма в целом, они оказываются, подобно М.Леонтьеву, сторонниками таких фигур, как чилийский диктатор Пиночет. Другими словами, громко рассуждая (как тот же М.Леонтьев) о «Большой игре» и постоянно обвиняя в «предательстве» либералов, русские правые консерваторы фактически оказываются участниками этой игры на стороне противников как бывшего СССР, так и современной России.

Глава 4.

КАК РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ И «РУССКАЯ ПАРТИЯ» ПРОВАЛИВАЛИ РЕАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ И СССР. РЕАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ И РУССКИЙ ПРАВЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ 1917–1987

1. Риторика русского консерватизма (правого национализма) о реальном социализме и его падении в России и других странах. Действительная роль консерватизма в данных событиях.

Данная глава посвящена теме «русский консерватизм и реальный социализм в СССР». Эта тема важна по многим причинам. Во-первых, важно сопоставить с реальными фактами риторику современного русского консерватизма, объявляющего себя «защитниками СССР» и реального социализма.

«Назад в СССР!», — зовет поборник «Пятой империи» Максим Калашников (В.Кучеренко) и многие иные национал-патриоты (консерваторы). Одновременно представители данного течения активно стремятся доказать, что реальный социализм в СССР и других странах проваливали главным образом «либералы» от Горбачева до Ельцина. Сами же консерваторы, по их мнению, СССР «пытались спасти». (См. Е.Лигачев. *Кто предал СССР*. — М.: Алгоритм-Эксмо, 2010; А.Уткин. *Измена генсека*. — М.: Алгоритм-Эксмо, 2009.) и проч.

Риторика современного консерватизма о падении реального социализма и СССР строится по нескольким основным направлениям. Во-первых, доказываемость виновность в этом падении «либералов» и «либерализма». Во-вторых, утверждается, что сам консерватизм и его представители этот реальный социализм защищали. Даже разочаровавшегося в собственном антисоветизме А.Зиновьева околопрохановские идеологи убедили в том, что консервативная идеология могла де «спасти СССР» (см. Интервью А.Зиновьева для альманаха «Восток» [часть 1], 08.2003, http://situation.ru/app_j_in_12.htm).

В-третьих, падение СССР часто сопоставляется консервативными историками (Н.Стариков, А.Байгушев и др.) с падением царской империи в 1917 г., каковое также сваливается на «либералов» и левых. В 2012–2013 гг. «антилибералы» едва ли не инициировали «суд» над Горбачевым и «либералами» (И.Панарин и др.). Консерваторы же рисуются защитниками царской империи по аналогии с защитой СССР.

Государственным и патриотическим течением в России консерваторами считается лишь сам русский консерватизм, чья идеология представляется единственно верной на протяжении последних как минимум двух веков российской истории — как в досоветский, так и в советский период.

Доказательству указанных тезисов посвящена обширная консервативная пропагандистская литература.

В этой связи важно рассмотреть реальную роль русского консерватизма (правого национализма) в развитии и падении реального социализма как в СССР, так и вне его.

Встает вопрос: не лукавят ли в указанной риторике поборники консерватизма, в том числе правонационалистической Русской партии, говоря о своей любви к СССР? А также доказывая, что его представители защищали как реальный социализм, так и дореволюционную империю, тогда как основная вина за провал обоих данных образований ложится на российских «либералов»?

Прежде всего, следует указать еще раз на многозначность значения понятия либерализма в современном русском консерватизме. «Либералами» современные консерваторы называют, во-первых, классических западных (правых) либералов, в том числе дореволюционных российских – от Чичерина до Милюкова, а также оппозиционных советских и постсоветских демократов (включая «ельцинистов»). Во-вторых, либералами русские консерваторы считают демократов левых, то есть советских шестидесятников, «перестройщиков» – Горбачева и др. Все эти «либеральные» течения критикуются современным русским консерватизмом как «антигосударственные».

Насколько верны эти соображения консерватизма прежде всего в отношении советского периода? Есть целый ряд фактов, опровергающих тезис о якобы «защите» российским консерватизмом советской системы и ее идеологии. Есть также основания усомниться в справедливости консервативных обвинений исключительно «либералов» в том, что они работают на некие внешние силы. Хотя бы в силу многочисленных фактов того, что на эти «внешние силы» как до 1917 г., так и в особенности после него в не меньшей (если не в большей мере) работали также... консервативные группировки.

Как уже указывалось, консервативное идеологическое направление в современной России является блоком двух идеологических течений (двух консерватизмов) – советского традиционализма (сталинизма) и русского правого национализма.

Что касается первого «советского» консерватизма – сталинизма, то можно утверждать его достаточно противоречивую роль (как и роль культовой фигуры данной идеологии И.Сталина) в развитии реального социализма. Второй же консерватизм по своей сути и вовсе никогда не был идеологией «защиты СССР», но являлся «антисоветской» идеологией – так же, как консерватизм (правый национализм) ряда бывших советских республик, например, в Прибалтике, на Украине или на Кавказе. Как мы попытаемся показать в данной главе, русский консерватизм – он же «антисоветский» правый русский национализм – был теорией и практикой развала СССР и реального социализма вовсе не в меньшей, а по-видимому и в большей степени, чем

пресловутый «либерализм» или упомянутые республиканские «консерватизмы» — правые национализмы.

Есть много фактов (которые предоставляет сам консерватизм), подтверждающих связь данного течения (в особенности в правом его варианте) как СССР, так и России с внешними силами.

Для анализа роли русского консерватизма в падении реального социализма немаловажен вопрос о деятельности в СССР, так называемой, Русской партии, которую описывает ряд исследователей. Среди них можно выделить книгу Николая Митрохина. *Русская партия. Движение русских националистов в СССР 1953–1985 годы.* — М.: НЛО, 2003, а также уже рассматривавшуюся нами в прошлой главе книгу Александра Байгушева «*Русская партия внутри КПСС*». — М.: Алгоритм, 2005.

2. Как правые националисты разрушали СССР. «Русская партия внутри КПСС» Байгушева: признания пропагандиста нацистской закулисы в Советском Союзе. Правый национализм против советского марксизма и советского проекта в целом.

Книга Александра Байгушева «*Русская партия внутри КПСС*» (М., 2005) кажется особенно интересной в связи с нашей темой — во-первых, как свидетельство очевидца и непосредственного участника движения русского консерватизма советской эпохи (эпохи так называемых «русских катакомб»). Во-вторых, ввиду откровенности автора и доведения им консервативной доктрины до логического конца. Книга «свидетеля века» Байгушева — своего рода национал-патриотическая классика, достойная внимательного изучения. Приводя многие факты, советский номенклатурный «контрпропагандист» подробно описывает становление и полувековую деятельность в СССР влиятельной правонациональной группировки Русской партии, в которой с 1950-х он сам активно участвовал.

Какой была идеология радикального консерватора Байгушева и описываемой им консервативной Русской партии?

Общая концепция Советского Союза, которую «защитник СССР» Байгушев пронес через полвека «контрпропаганды» на советских идеологических верхах такова: СССР был «иудейская империя». «Евреями» и «жидовствующими» по Байгушеву следует считать сторонников как февральской 1917 г. (не имевшей реальных оснований и инспирированной якобы «масонами»), так и Октябрьской революций. Октябрь 1917 г. с точки зрения «советского контрпропагандиста» не что иное, как «еврейская революция», «иудобольшевистский переворот». (А. Байгушев. *Русская партия внутри КПСС*, с. 148.) Партия ВКПб (КПСС) с самого 1917 г. и до 1991 г. согласно советскому «контрпропагандисту» являлась якобы «еврейской» партией, а также партией «жидовствующих» (сторонников демократизации советской системы).

Общая концепция мировых противоречий в доктрине Байгушева — это русско-еврейское противостояние, продолжающееся и по сей день. «Много-

вековое русско-еврейское противостояние, — читаем в аннотации к книге А. Байгушева, — в начале третьего тысячелетия достигло совершенно нового уровня, можно сказать даже, что достигло своего апогея» (А. Байгушев. Русская партия внутри КПСС. — М.: Алгоритм-книга, 2005, с. 4). Как уверяет Байгушев, евреи в СССР были везде у власти, главное — борьба с ними. «Социализм с человеческим лицом» — ложь. «Если социализм, то сталинский». Демократы — сторонники демократизации — «жидовствующие». Правильная идеология — русский национализм. Байгушев именно так и определяет свою позицию: «мы — русские националисты». Православие, самодержавие, народность — непреходящие лозунги (там же, с. 162).

Наилучшее правление — дореволюционная монархия или правая национальная диктатура. Наиболее последовательной антилиберальной и антилевой русской партией следует считать партию дореволюционного монархического черносотенства. Ее же нужно противопоставить и власти КПСС. Наиболее близкой к своему идеалу Байгушев считает «Память» С. Карпова и Русское Национальное единство А. Баркашова (РНЕ), которое входило на правах «головной» организации в первую созданную в 1988 г. (с началом перестройки) при участии Русской партии правильную «национальную русскую партию» Славянский Собор. Вначале название партии было Союз русского народа. По словам А. Байгушева, она была призвана объединить «православных, последовательно антижидовствующих черно-злато-белых правых» (Байгушев, с. 503). Символом этой партии по Байгушеву был черно-злато-белый флаг, как подчеркивает автор, «черносотенный Имперский флаг России». «Империя! Возрождение могущественной России. И главное — прекрасное воспоминание о Союзе русского народа. О его бесстрашных русских „черных сотнях“!» (там же, с. 480).

Поскольку горбачевцы «не разрешили» (не зря ли?) единомышленникам Байгушева и «защитникам СССР» назвать свою партию Союзом русского народа, в 1988 г. она получила название Русский Славянский собор. В указанный период к собору примыкал ряд в дальнейшем известных консервативных деятелей, в частности Наталья Нарочницкая (Байгушев, с. 501). Создаваемые правыми консерваторами (а значит и стоящими за ними силами) политические группировки как внутри советской системы, так и в период ее «перестройки» таким образом открыто строились как аналоги радикально-консервативных (правонациональных) партий начала XX века. В перестроенном процессе Славянский собор Байгушева и ее «головная организация» — РНЕ Баркашова оказываются правее ГКЧП, по мнению Байгушева, — слишком «красного» и «нерусского».

Важной задачей «истинно русской» (то есть черносотенной), по сути, партии являлась борьба с «жидовствующими», то есть, по Байгушеву, «либералами» в широком смысле этого слова, сторонниками как демократизации советской системы, так и конституционных реформ в дореволюционной

России. Нечего, считает Байгушев, играть в «показной большевистский интернационализм». (Байгушев, с. 480.) Ленинизм (он же большевизм) согласно «контрпропагандисту» — троцкизм и по сути «сионизм». Не хорош и сталинизм — именно в силу частичной «советскости». «Ни в коем случае не допустим реставрации единовластия прогнившего Меченосного ордена, провознявшего большевизмом» (там же, с. 480). В этой связи плох также и национал-большевизм в зюгановском варианте — поскольку таковой есть не полный правый национализм и коллаборационизм с «красными».

Отношение к советской идеологии у советского контрпропагандиста и работника главных советских идеологических органов (АПН и др.) Байгушева также вполне четкое: советскую идеологию он трактует как «иудо-марксизм». «Уже в конце правления тов. Сталина всем было не до иудо-марксизма. Все уже тогда прозрели, что это нам, русским, была хитро навязана закамouflированная под классовую борьбу сугубо иудейская идеология, ловко придуманная сыном раввина Марксом. Замени в трудах Маркса и Энгельса термин пролетариат на его любимое *judentum*, и сразу вся подоплека обнажается» (Байгушев, с. 187).

Не комментируя пока эти соображения, отметим, что данную же цитату Маркса насчет *judentuma* сам «контрпропагандист» Байгушев может использовать в той же самой книге совершенно в другом контексте и прямо противоположном смысле. «Маркс, — пишет тот же автор, — только что сообщавший нам о «еврейских корнях» марксизма, громил *judentum* — еврейство за дух торгашества» (там же, с. 164). Данное значение цитаты раннего Маркса по «еврейскому вопросу» очевидно ближе к существу дела (именно критике Марксом «торгашества») и существенно отличается от первой версии национал-патриота. Впрочем, Байгушев прекрасно знает это значение, но в первом случае сознательно «подзабывает» его и ловко перекручивает цитату в другую сторону.

Сам у себя Байгушев признает особые способности «наперсточника с цитатами». «Каюсь, меня в МГУ профессора особо приметили за такой талант „наперсточника с цитатами“, что предопределило мою специализацию по профессиональной контрпропаганде» (там же, с. 188). Заметим, что трактовка марксизма как «еврейской» и «космополитической» идеологии (как и темы «Маркс и евреи») весьма характерна как для правого национализма 1920–30-х гг., так и для современного российского консерватизма.

Как оценить взгляды Байгушева и соответствующей «Русской партии» в КПСС? Эти взгляды следует определить как идеологию правого русского национализма — радикального консерватизма. Таковые не следует путать с советским консерватизмом (традиционализмом) — идеологией советской командно-административной системы (например, в варианте Егора Лигачева, Нины Андреевой или ГКЧП). Это другой вариант современного российского консерватизма: у советских традиционалистов консерватизм советский, у правых националистов — досоветский (имперский) и антисоветский в смысле

правых идеологов — И.Солоневича, И.Ильина и проч. Поборники первого («советского») консерватизма с точки зрения Байгушева — это социалистические «тюфяки», причем, конечно, «не вполне русские», поскольку «русскими» у правых националистов считаются только они сами — сторонники «дореволюционной» правошовинистической идеологии.

Как ясно видно из книги Байгушева, черносотенство Русской партии в КПСС — вовсе не «обманный ярлык» гнусных демократов. Это многократно подтвержденная самими участниками данного движения русских радикальных консерваторов реальность его идеологии и политики. Байгушев сочувственно цитирует харбинца 1930-х гг. Ф.Горячкина, автора книги о Столыпине: *«Фашисты русские — это истинные охранители своих исторических национальных святынь... Да, только один религиозно-нравственный фашизм сотрет с лица земли этот кровавый, звериный материалистический интернационализм с возглавляющим его жидо-масонством».* (Байгушев, с. 99–100.)

Подчеркнем еще раз: приведенную оценку советской идеологии дает не некий диссидент, но *представитель высшей советской номенклатуры, «контрпропагандист», сотрудник неких высоких идеологических отделов спецслужб и проч.* Причем представляет он не только свои взгляды, но взгляды так называемой «Русской партии» — влиятельной и многочисленной группировки в тогдашнем СССР, имевшей, как показывает сам Байгушев, широкую поддержку среди политической советской элиты, слоев интеллигенции. Не только литераторов, журналистов и писателей, но различных советников высших лиц, включая даже деятелей Лубянки.

Иррациональность ситуации состоит также в том, что высказывающий подобные соображения советский идеологический начальник совмещает указанные соображения с постоянными доносами на «демократов» (либералов), стремившихся-де «развалить» советскую систему, тогда как хорошие русские патриоты (вроде самого Байгушева или Шафаревича) эту систему, мол, пытались спасти. При этом заметим, термины «кровавый и звериный» «советский (!) контрразведчик» Байгушев относит вовсе не к фашизму, но к советской стороне... Что пытались «спасти» номенклатурщики байгушевского образца под видом СССР — вполне понятно.

Байгушев приводит многочисленные факты значительного влияния правонациональной Русской партии в СССР 1950–80-х гг. обстоятельно рассказывает, как в течение нескольких десятилетий данная группировка укрепляла ряды своих сторонников, пользуясь высоким покровительством ряда крупных советских деятелей. Среди близких по идеологии Русской партии фигур (она же «русские клубы» и «русские катакомбы») автор называет И.Шафаревича, С.Семанова, И. Глазунова и многих других.

Байгушев вполне откровенно (если не сказать намеренно) жонглирует прямыми идеологемами в стиле классического немецкого образца вроде «Моя борьба» и соответствующей символикой — черным обмундированием и черно-

желто-белым российским флагом. В черном прикиде а ля Баркашов Байгушев появился и сам — на еще советской политической сцене конца 1980-х гг., возглавив в 1988 г. черносотенный Славянский собор (вначале называвшийся, как мы помним, Союз русского народа).

Сам Байгушев, по его собственным воспоминаниям, примкнул к «русским катакомбам» во второй половине 1950-х гг. Уже в МГУ (с 1956 г.) обнаружил свои взгляды («вылез из окопа»), написав работу о Гейне, который в 1950-х «стал знаменем современного воинствующего иудаизма» (Байгушев, с. 183). Одновременно Байгушев начал «сотрудничать с органами» (или начал сотрудничать, а там и взгляды насчет «воинствующего иудаизма» появились?). Среди привлечших Байгушева к сотрудничеству в тогдашнем КГБ оказались его полные единомышленники — представители так называемой «Русской партии» («Русского ордена»), очевидно уже существовавшего в этот период.

На роль данного *Русского Ордена* как в КГБ (учитывая важную роль спецслужб в формировании общественных институтов), так и в бывшем СССР в целом следует обратить особое внимание. Под указанным Орденом Байгушев очевидно понимает консервативную (правонационалистическую) группировку критиков советской власти — с позиций черносотенного монархизма. Как следует из приводимых Байгушевым фактов, указанный консервативный Русский Орден с соответствующими «патриотическими» (реально, как вполне ясно — вовсе не советскими, но консервативными, то есть правонационалистическими) взглядами существовал внутри советских спецслужб (на Лубянке) не только в середине 1950-х гг., когда к ней присоединился сам будущий контрпропагандист Байгушев, но с конца 1940-х, а фактически и раньше (вероятно, еще с 1920–30-х гг.).

Несмотря на постоянные разговоры о «катакомбах» (то есть якобы подполье и гонимости), представители Русской партии вовсе не были в советской системе маргиналами. Как видно из писаний Байгушева, указанные представители везде выступали «от лица СССР», занимая важное место в советской пропаганде, спецслужбах, даже заграничных разведовательных формированиях СССР. Сам Байгушев называет себя «контрпропагандистом». Этот термин обозначает достаточно высокопоставленных сотрудников бывшего советского КГБ, занимавшихся идеологической работой, важной стороной которой была также и борьба с так называемым «сионизмом». С 1950-х борец с «иудейской империей» был активным представителем важных идеологических структур тогдашнего СССР — работником АПН, референтом у Е.Фурцевой и даже едва ли не сотрудником аппарата многолетнего члена Политбюро и «серого кардинала» М.Суслова. То есть вращался на самых идеологических верхах тогдашнего СССР, а также — и верхах спецслужб. Недаром тот же А.Байгушев с «полным знанием дела» пишет работу «*Партийная разведка*» (Алгоритм, 2007), поскольку еще с 1960-х годов являлся важным функционером таковой. Открыто свои реальные (то есть черносотенные)

взгляды «контрразведчики» байгушевского образца стали заявлять лишь в период «ужасной» перестройки, начатой активно оплевываемыми ими сторонниками реформ в СССР.

«Признательные показания» Байгушева, подробно развернутые в его книге о деятельности правых националистов (консерваторов) в СССР, требуют серьезного осмысления. Они подтверждают, что уже по крайней мере с 1950-х гг. (а на самом деле и ранее) в *непосредственной близости от самых верхов власти «первой страны социализма»* оказалась группировка, взгляды которой без всяких кавычек нельзя определить иначе, как черносотенные и нацистские. Такое определение взглядов Байгушева и его единомышленников не является (как это утверждает сам борец с «иудейской империей СССР») злонамеренными происками неких «либералов» и русофобов. Это – собственное определение самого советского контрпропагандиста и констатация реальных черт программы так называемой «Русской партии» в СССР.

В своих свидетельствах Байгушев по сути дела описывает правоконсервативную группировку, активную на всех этапах советской системы, в которую входили и радикально-шовинистические силы, которые можно обозначить как *«нацистскую закулису» в СССР*. Как показывает Байгушев. Русская партия в СССР представляла собой разветвленную организацию, ставившую своей задачей проникновения во все сферы общества – от спецслужб до писательских организаций и круга советников высших лиц СССР. Ориентировочно время ее активного проникновения во власть в СССР приходится на поздний сталинский период 1940–50х гг., хотя реально начало ее формирования, согласно ряду приводимых Байгушевым фактов, восходит к 1920-м годам.

Деятельность данной радикально-консервативной группировки по «защите» реального социализма – в том числе от «либералов» – и следует проанализировать.

3. Когда и при чьей поддержке возникла в СССР правоконсервативная Русская партия? Какую роль играли Русская партия и сходные радикально консервативные группировки в СССР? Внешняя манипуляция радиальным русским национализмом.

Когда, как и при чьей поддержке образовалась Русская партия (она же Русский орден) в Советской России? Возникновение «Русской партии» в КПСС (и СССР) ее певец Александр Байгушев связывает прежде всего с 1940-ми годами – в частности с постановлением А.Жданова августа 1946 г., которое, по его мнению, стало сигналом образования данной группировки в Ленинграде и других городах (А.Байгушев. Русская Партия внутри КПСС, с. 170). Сам Байгушев (по его словам) начал участвовать в деятельности «Русской партии» с 1950-х гг. Главой указанной структуры в 1946–1948 гг. «контрпропагандист» считает А.Жданова. Однако корни «Русской партии», по изложению самого Байгушева, обнаруживаются в значительно более ранний советский период – еще в 1930-е, и даже 1920-е годы.

Например, едва ли не ставленником «Русского ордена» Байгушев считает самого Сталина. На данный орден, по словам контрпропагандиста, вождь «опирался» едва ли не до последних лет жизни. Даже причину смерти Сталина тот же автор видит в том, что он «перестал опираться» на «Русский орден» (Байгушев, с. 142–143). Значит, выходит до этого опирался? С какого времени? Очевидно, что представителем «Русского ордена» Сталин должен был стать значительно ранее 1930-е — возможно еще в 1920-е годы. Такой вывод позволяют сделать высказывания самого Байгушева. Представителем «Русского ордена» он называет, например, также и жену Хрущева Нину Петровну Кухарчук (там же, с. 167), с которой будущий советский лидер познакомился в 1922–23 гг. Начало деятельности указанных фигур относится еще к началу 1920-х годов, что позволяет говорить о действиях указанного Ордена уже в первые послереволюционные годы в СССР.

Неминуем вопрос — что представлял собой «Русский орден»? Откуда взялась данная организация и что она собой представляла в советской России 1920–1930-х гг. и позже? Кем контролировалась? Очевидно, что речь идет об антибольшевистской (консервативной, то есть правонационалистической) организации. Весьма вероятно, по своему происхождению — законспирированной «белой» и «контрреволюционной». Была ли она чисто внутренней? Вряд ли. Можно утверждать обратное — именно то, что группировки правого национализма в советской России начиная с 1920-х гг. имели *внешние корни*, то есть поддержку главных западных демократий того времени, прежде всего, по-видимому, Англии, затем — США.

Вопреки мифологии русского консерватизма о его «самостоятельности» и патриотичности, есть достаточно фактов о поддержке Западом консервативных (правонационалистических) течений во всем постсоветском и посткоммунистическом пространстве от Прибалтики до Украины. Отмечая факты такой поддержки в постсоветских странах, консервативные авторы типа Н.Старикова, громко обличающие якобы оплаченных извне либералов и революционеров, не спешат задуматься о внешних корнях идеологически близкого им консерватизма (правого национализма) в России.

Правый национализм (консерватизм) во всех странах посткоммунизма является идеологией, при поддержке которой осуществлялся переход целого ряда бывших государств реального социализма под западный — точнее, англо-американский контроль. В Прибалтике (например, Эстонии) партии правого национализма (в частности, эстонское «Отечество») поддерживаемые Западом, ставили памятники эсэсовцам, были замешаны во многих пронацистских эпизодах. (См. «Эстония до и после Бронзовой ночи», 2009.) Аналогично вели себя (и ведут вплоть до февральского переворота 2014 г. и последовавшей гражданской войны) на Украине также поддерживавшиеся западными игроками «оранжевые», в период правления которых очевидно активизировались группировки украинских националистов (консерваторов)

с их отработанной уже в годы Второй мировой войны нацистской идеологией и атрибутикой. Лидеры современного Запада США и Великобритания могли с одной стороны внедрять нацизм в указанных странах, с другой же — возмущаться его наличием. (Впрочем, сходным образом ведет себя и русский консерватизм, возмущающийся на национальных радикалов извне, но закрывающий глаза на своих собственных.)

Бывшие участники Второй мировой войны (включая войну против СССР) на стороне Третьего рейха (не исключая и СС) и их потомки присылались структурами Запада (в первую очередь США и Великобританией) в страны бывшего реального социализма — например, в ту же Прибалтику и продвигались на ведущие посты в этих странах. В случае смерти — торжественно хоронились (например, похороны «последнего ССовца» Нугисекса в Эстонии). До этого времени с 1940-х гг. эти деятели, в том числе участники формирований СС, спокойно жили на Западе и, вероятно, использовались западными структурами в своих целях.

Представители русского консерватизма, остающиеся до сих пор наиболее активными идеологами России, часто используют эти факты для критики постсоветских, например, Прибалтийских государств. Они понимают, что указанные консервативные и как правило радикально антироссийские группировки ряда постсоветских стран с 1940-х гг. поддерживались внешними силами, в первую очередь Великобританией и США. Однако эти же идеологи в России не спешат сделать из этого выводы относительно русского консерватизма. То есть признать, что *такую же внешнюю поддержку может иметь (и реально имеет) не только консерватизм постсоветских и посткоммунистических бывших республик СССР, но и консерватизм русский.*

Однако есть немало фактов, подтверждающих, что консерватизм в России XIX — начала XX века, как и затем в СССР, в особенности радикальный, также распространялся не без поддержки указанных стран Запада.

Что касается дореволюционной России, то можно утверждать (о чем мы также говорили в предшествующей главе), что в ней манипуляция правым национализмом (он же основа идеологии Русской партии) активно велась Великобританией. В этой же главе приводились факты поддержки английскими структурами радикального консерватизма (черносотенства) в Российской империи, в том числе в ее важных государственных структурах (например, тайной полиции), а также в организации политических убийств (в частности, Распутина). Сходный с черносотенным взгляд на еврейский вопрос высказывал, например, участвовавший в российских событиях 1918 г. корреспондент британской «Модерн пост» Виктор Марсен, в дальнейшем — переводчик на английский «Протоколов сионских мудрецов».

Русский консерватизм (а вовсе не плохой либерализм) был весьма важным (если не главным) фактором падения дореволюционной Российской империи в 1917 г. и разрушении многих структур на ее территории. Особенно

велика роль в этом падении радикального русского консерватизма — черносотенства, которая признавалась рядом национал-патриотов, например, еще с 1990-х гг. С.Кургиняном (*Россия: власть и оппозиция.* — М., 1993).

Правоконсервативные группировки в России, в первую очередь радикальные, поддерживались западными демократиями (например, той же Великобританией) и в период Гражданской войны в России, в том числе и в рамках общей поддержки Белого движения. Сходным образом главные западные демократии поддерживали правых националистов и во многих других странах тогдашней Европы, например, франкистов в период гражданской войны в Испании или когуляров во Франции 1930–40-х гг (<http://kripta.ee/rosenfeld/2015/07/26/andre-vyurmser-sharl-de-goll-i-kagulyary-vzglyad-uchastnika-soprotivleniya/>). Консерваторы (правые националисты) в Белом движении активно проповедовали правонационалистическую идеологию, включая и «Протоколы сионских мудрецов». Из России участниками Белого движения «Протоколы» были вывезены на Запад, в первую очередь в Германию и Францию, где стали основой идеологии правонационалистических группировок, например, гитлеровской Германии, а также правой русской эмиграции. На идеологии консерватизма (правого национализма), в том числе радикального, во многом строилась идеология правой русской эмиграции, а также идеология Третьего рейха и многих других правых режимов межвоенной Европы.

Вполне понятно поэтому, что белая русская эмиграция в 1920–1930 гг., как признает А.Байгушев, «засимпатизировала фашизму»: «Родзянко был в восторге от Муссолини, а Гучков даже стал советником Гитлера» (Байгушев, с. 99). При этом радикально консервативная гитлеровская идеология, по Байгушеву, не так уж плоха. «Белая эмиграция, — сообщает он с явным сочувствием, — приветствовала оборонительный от талмудического яда европейский крутой национализм в лике фашизма в мягкой муссолиниевской форме — разумеется, без Освенцима для евреев и без того гитлеровского безумного расизма, который вслед за евреями отнес и славян к неполноценной расе» (там же, с. 99).

Итак, многое, если не все в немецком национал-социализме правильно — за исключением «славянского вопроса». Какой удар русским консерваторам со стороны единомышленника-арийца Адольфа Алоизовича!

Русский радикальный консерватизм 1920–30-х гг., как известно, активно развивался в главных центрах русской эмиграции, например Берлине, Париже или Харбине, где публиковались и действовали как цитируемый Байгушевым Ф.Т. Горячкин, так и не цитируемый (но подразумеваемый) им же К.Родзаевский (Завещание русского фашиста. — Харбин, 1943. — Изд. 2-е. — М., 2001).

В русском консерватизме этого периода можно обнаружить все идеологемы и термины постсоветского русского консерватизма — и «мировой еврейский заговор» (Платонов), и национальную революцию (Жириновский, Ципко) и проч. Сказанное объясняет, почему попытки «просвещенных» консерваторов вроде С.Кургиняна бороться с «вирусом фашизма в патриотическом движении»

результата не дали и дать не могли. Именно потому, что радикальные разновидности консерватизма (этнократического по своим принципам) и фашизм по сути дела являются... одним и тем же течением.

Очевидно также, что радикальных консерваторов русской эмиграции и их идеологию стали использовать в своих целях западные демократии, начавшие борьбу с большевизмом с самого начала его прихода к власти в 1917 г. У советской историографии не вызывала сомнения внешняя (вероятно, английская) рука в целом комплексе акций по дестабилизации советской России, таких как эсеровский мятеж в июле 1918 г., «заговор послов» и убийство 6 июля 1918 г. немецкого посла Мирбаха.

Государством, наиболее заинтересованном в указанных акциях против Советской России, по-видимому следует в первую очередь считать Великобританию, для которой был наиболее опасен начатый большевиками выход России из войны с Германией в рамках Брестского мира. Британия, как видно не без оснований считали в СССР, стояла и за самим заговором эсеров, который включал целый ряд акций и покушений, в том числе и покушение на Ленина в августе 1918 г. (Gordon Brook-Shepherd. Iron Maze: The Western Secret Services and the Bolsheviks, Pan, 1999. См. также, Э. Хардинг, Заговор с целью убийства Ленина был спланирован Британией, <http://rus.ruvr.ru/2011/03/22/47809399>, Репников А., Рейли, <http://suzhdenia.ruspole.info/node/3064>).

Интересно идеологическое оформление (интерпретация) убийства Мирбаха в сталинской историографии — именно акцент на участии в нем эсера (позже большевика) Якова Блюмкина, в то время как реальным убийцей посла, как известно сейчас, был действовавший вместе с Блюмкиным эсер Николай Андреев. Такое идеологическое оформление убийства Мирбаха показывает явное сходство с внешним оформлением убийства Столыпина в 1911 г. (при участии агента охраны Богрова). Оба покушения строятся на «еврейской картинке», которая, похоже, умышленно создавалась некоторыми серьезными силами.

Сходным образом, вероятно, следует подходить и к покушению на Ленина на заводе Михельсона 30 августа 1918 г. «Почерк» данного наиболее серьезного покушения на Ленина, совершенного руками эсеров (с выдвижением на первый план Фанни Каплан) вполне соответствует оформлению (при помощи той же «еврейской картинки») покушений на Столыпина и Мирбаха. Реальных доказательств вины Ф. Каплан (в частности, из-за плохого зрения) до сих пор недостаточно. В покушении участвовало несколько человек, в числе которых назывался ряд эсеровских боевиков: А. Протопопов, В. Новиков, З. Коноплева, Л. Легоньякая (см. Дело Фанни Каплан или кто стрелял в Ленина. — Изд. 2-е. — М., 2003, с. 21). Однако именно Каплан, как и Блюмкин в убийстве Мирбаха, была сделана (очевидно не без усилий определенных сил) главной фигурой покушения. Не готовилась ли такая версия организаторами намеренно?

Таким образом в действиях по дестабилизации большевистского руководства и реального социализма в России с первых лет его создания активно

использовались консервативные (черносотенные) модели – и очевидно сами представители радикально-консервативных группировок.

Гражданская война в России была одним из проявлений широко развернувшейся после Первой мировой войны в Европе острой борьбы сторонников традиционного общества («капитализма») и левых течений. Примерами такой борьбы были революции в Германии и Австро-Венгрии, гражданская война в Испании и многие другие события. В этой борьбе лидеры западных демократий того времени во главе с Британией и США активно опирались на консервативные (и радикально-консервативные) силы во всех основных европейских странах, начиная с Германии, Франции и Польши.

Есть все основания считать, что помимо поддержки правых национализмов в Европе между двумя войнами, эти же силы уже с 1920-х гг. начали сходную деятельность и в Советской России. То есть замаскированную, но весьма активную работу по поддержке в СССР русского правого национализма, имевшую целью ослабление этого государства. Одним из ранних эпизодов такой работы можно считать, например, активность в советской России известного британского разведчика Сиднея Рейли, попавшего в руки ГПУ в ходе операции «Трест». Одним из направлений деятельности С.Рейли была стимуляция в СССР антисемитизма вплоть до «еврейских погромов».

Не вызывает сомнения, что уже в первые годы «советской власти» западные разведки, в первую очередь особенно эффективная – английская, начала активное проникновение в советские структуры – включая и ВЧК. Начавшая свою деятельность в СССР 1920-х гг. правонационалистическая группировка «Русский орден», из которой в дальнейшем выросла «Русская партия» в СССР, имела по сути ту же идеологию, что и правая (Белая) русская эмиграция. Радикальные консерваторы Русской партии («байгушевского» образца) прямо ориентировались как на черносотенные, так и национал-социалистические образцы первой половины XX века. А.Байгушев прямо говорит о сходствах представляемой им Русской партии с правоконсервативной Белой эмиграцией 1920–30-х гг., включавшей такие фигуры, как Ф.Горячкин, И.Ильин, И.Шаховской, И.Солоневич.

Идеологические модели русского консерватизма этого периода стали основой формирования данной идеологии в России как в советский, так и постсоветский период.

В период Второй мировой войны русские национал-радикалы в основном воевали против СССР – в том числе в составе армий Гитлера (в частности, в формированиях Власова), разделяя и идеологию национал-социализма, включая еврейский вопрос. Несмотря на попытки доказать, что генерал Власов был «чужд антисемитизма», известно, что реально он, в особенности до 1944 г., вполне следовал в этом вопросе в русле традиционной гитлеровской пропаганды (<http://www.diletant.ru/blogs/38975/5938/>, С.Наймов, <http://elan-kazak.ru/oldforum/t458-topic.html>). Еще более резкую позицию занимал, например,

генерал Краснов (С.Наумов, там же). Риторика указанных «антисоветских» фигур по еврейскому вопросу в точности соответствует риторике Русской партии, активно заявившей о себе в СССР 1940-х гг.

Представители правого русского национализма поддерживались Западом и его структурами и после 1945 г. Характерна (уже упоминавшаяся) история русского радикального консерватора Григория Климова, автора книги «Красная каббала» и ряда других, с начала 1990-х активно издававшихся в России. После 1945 г. Г.Климов стал невозвращенцем и все главные книги на «еврейскую тему» писал в США. Климов был активным участником так называемого «гарвардского проекта» в рамках идеологической борьбы с СССР, который очевидно поддерживался также и американскими спецслужбами. Это не мешало деятелям прохановского круга весьма высоко оценивать Г. Климова и лично контактировать с ним (В.Бондаренко).

Известна связь с определенными кругами США также и радикального патриота Олега Платонова, автора многотомной радикально-консервативной версии истории России и активного участника проекта так называемого «динамического консерватизма». Печатная продукция с 1945 г. жившего на Западе Г.Климова, О.Платонова и других сходных авторов с начала 1990-х составляет важную часть продукции консервативных издательств («Алгоритм» и других).

Как уже отмечалось и как было хорошо известно в Советском Союзе, правонациональные белогвардейские организации — «нацмальчики» в Европе (а также, видимо, и в советской России) курировались прежде всего английскими (а после войны американскими) спецслужбами. (Н.Яковлев. ЦРУ против СССР, с. 117–121). Понятно, что белые правоконсервативные организации поддерживались стратегическими конкурентами СССР вовсе не с целью укрепления большевизма и советского «социализма», но с целью манипулирования им и развала его. С этой точки зрения, как представляется, и следует рассматривать и проект «Русская партия» в КПСС и СССР.

4. «Контрпропагандист» А.Байгушев о своей карьере в советской номенклатуре. Роль радикально-консервативных группировок в СССР 1950–80 гг. «Сатанинские признания закулисного человека». Как черносотенная группировка оказалась у верхов власти в СССР.

Как строилась официальная карьера «советского контрпропагандиста» А.Байгушева в 1950–70-х гг.? Несмотря на «антисоветизм» его взглядов, эта карьера с 1950-х гг. складывалась удивительно гладко. Сразу же после окончания МГУ несмотря на вполне «антисоветские» (но правильные, то есть черносотенные взгляды — а может, и благодаря им) Байгушев получил хорошее место в органах «контрпропаганды». Имел, как он сам подробно пишет, высокопоставленные знакомства — в лице не более и не менее как зятя Хрущева Алексея Аджубея, министра культуры СССР Екатерины Фурцевой,

дочери самого Брежнева — Галины Брежневой и целого круга иных высокопоставленных советских чиновников и их родственников.

Как сообщает о себе Байгушев, он, хотя и примкнул к «русским катакомбам» уже в 1950-х, по работе вращался в кругу «демократов» — «аджубеевцев» и через них сделал карьеру. «Варился в их среде и через них попал в АПН». (А.Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 195.) При этом аджубеевцев считал «младотурками», то есть «заговорщиками», поскольку они были антисталинистами и сторонниками реформ советской системы. Чтобы войти в доверие к этой «неблагонадежной», с его точки зрения, публике, Байгушев написал «положительную статью о еврее Брехте», хотя еще в университете, как мы видели, критиковал «воинствующего иудаиста» Гейне.

Зачем черносотенный контрпропагандист полез к «младотуркам» (почти масонам) аджубеевцам? На этом этапе он, очевидно, маскировался под «демократа» — то ли в карьерных целях, но скорее «по заданию», чтобы на «костях демократов» (они же, конечно «дерьмократы») сделать карьеру с целью впоследствии «заложить» демократов как можно более основательно. Позже (по-видимому, по такому же «катакомбному» заданию) указанный боец оказался главным редактором на перестроечном телевидении. (Оно же, естественно, «Тель Авидение».)

Войдя (или «втершись») в круг советских демократов, Байгушев занимался в нем «патриотической» деятельностью: борьбой с указанными демократами («либералами», они же «жидовствующие») вплоть до высших лиц государства — например, Н.Хрущевым, а позже со сторонником демократизации СССР А.Яковлевым. Дорос едва ли не до советника М.Суслова, все время занимая немалые посты в «контрпропаганде» (идеологических отделах спецслужб). Специализировался на борьбе с «сионизмом», под которым реально понимал идеологию мирового еврейского заговора. Имел единомышленников в самых разных кругах.

В конце 1960-х А.Байгушев даже оказался на ведущих должностях в «партийной разведке», едва ли не заняв там место И.Эренбурга (См. А.Байгушев. «Партийная разведка». — М.: Алгоритм, 2007). Какую партию представляли в этой разведке фигуры типа Байгушева? Уж конечно не большевиков и не КПСС...

Все это эти действия Байгушев предпринимал как активный представитель правонационалистической Русской партии («Русского Ордена»), объединявшего, как он описывает, немалое число крупных советских фигур. Вместе со своими — заметим, весьма влиятельными — единомышленниками «советский контрпропагандист» несколько десятилетий работал над расширением влияния этой группировки и многого добился.

Зачем, можно задать вопрос, «стойкий черносотенец» (он же «консерватор») вступал в «иудейскую» КПСС? Ответ понятен — чтобы разлагать эту партию изнутри, превращая ее в правильную «русскую» (то есть право-

национальную и черносотенную) партию. Для этого он участвовал в создании сети «русских клубов», напоминавших, по его собственному сравнению, крайне правые дореволюционные клубы, ожесточенно боролся с «живодствующими» (демократами и либералами) внутри КПСС.

Заявляли ли идеологи байгушевского образца в советское время о своей реальной программе и какие позиции защищали? Открыто не заявляли — то есть заявляли «с учетом ситуации». Говорили о себе как о «Русской партии в КПСС». Однако, как четко формулирует Байгушев, добавку «в КПСС» всерьез не воспринимали. Это была явная «деза» и липа — для отвода глаз, игра в условиях «чужой» («иудейской» по их мнению, то есть ненационалистической, не консервативной) советской власти 1960–80-х гг. Сам конспиролог рассказывает о «вынужденности советского конформизма» русских клубов 1960-х гг., то есть заявлений типа: «Мы за советскую власть, а только хотим, чтобы она была нашей, русской» (А. Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 527). Это, по Байгушеву, был «конформизм» «необходимый», отличный, по мнению того же автора, от конформизма типа зюгановского, прикрывающего «сатанинский шабаш 1917 года» (там же, с. 548).

Консервативная и по сути «антисоветская» Русская партия и создаваемые ею «русские клубы» — была вовсе не маргинальной, но весьма влиятельной группировкой, всегда имевшей поддержку «наверху» — среди высшей партийной номенклатуры. «Но слава богу, Брежнев, и Черненко, и даже серый кардинал Суслов, которому персонально поручили „бдить и опекать” нас, хоть и негласно, всегда тихо против „них” таки поддерживали» (там же, с. 242).

При этом сами советники байгушевского пошиба цену своему руководству хорошо знали. Кличка патрона Байгушева, всесильного в те времена Михаила Суслова, по его словам, была «кащей» и «калоша». «Саратовского мужичонку» Суслова по Байгушеву вытащил именно Берия, и «подложил» (как выражается специалист по подобным делам Байгушев) его под Жданова в 1947 г. (Байгушев, с. 171). В течение долгого времени 1950–80-х гг. как сам Байгушев, так и его единомышленниками из правонационалистической «Русской партии» «вели работу» с известными деятелями культуры, например, М. Шолоховым, которому «подсадили» впоследствии уехавшего в брюссельский центр Белой эмиграции национал-патриота Федора Шамагонова.

Не только горбачевские перестройщики, но и советские традиционалисты (поборники советской административно-командной системы) трактуются правыми националистами как «тюфяки» — причем, естественно «нерусские». К советским «тюфякам» Байгушев относит сторонников реального социализма и его «социалистических (левых) реформ, включая таких советских консерваторов, как Е. Лигачев, Н. Рыжков, министр обороны СССР Д. Язов, глава управления КГБ генерал Ф. Бобков, а также глава КПРФ Г. Зюганов, которого русские правые националисты (в лице Байгушева, например) считают «соглашателем» и «политическим Чичиковым» (там же, с. 525).

Можно ли найти сходство подхода Русской партии по Байгушеву с другими правонациональными идеологиями?

Как в идеологии, так и реальной политике (с конца 1980-х) Русская партия сознательно ориентировалась на модели правого национализма (консерватизма) — как дореволюционного черносотенного в России, так и заграничного (в частности, национал-социализма). Прямая связь идеологии Русской партии с идеологией группировок типа Союза русского народа выражается в целом ряде особенностей, начиная с терминологии — понятиях типа «космополитизм» и «отщепенство» (термины «Вех»), до реальной политики. Очевидны также сходства идеологии Русской партии в байгушевском варианте с идеологиями всех постсоветских партий правого национализма от Прибалтики до Украины и Кавказа. Этот пункт следует подчеркнуть еще раз, так как иные российские критики «этнократий», например, в Прибалтике (как уже упоминалось), свои собственные (русские) правонациональные (консервативные) группировки «этнократией» не считают (см. сб. Современная европейская этнократия. — М., 2009, <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=2484354>).

Своей политической целью байгушевская группировка ставила вовсе не реформирование советской системы (и системы реального социализма), но некий «русский переворот» — то есть подрыв «советской власти» как «нерусской» и переход власти к группировками типа Союза русского народа. Советская фразеология, как признает сам «защитник СССР» Байгушев, использовалась «Русской партией» для обмана официальных советских деятелей, по определению правого консерватора — «русских тюфяков», которые были у власти, но не являлись в понимании «русской партии» носителями настоящей «русской идеи».

Очевидные связи Русской партии и ее фигур с внешними силами показывает деятельность такой организации, как правоконсервативный Народно-Трудовой Союз (НТС) 1960—1980-х гг. Советские историки и идеологи были в курсе, что данная организация курировалась стратегическими конкурентами СССР и их спецслужбами. Однако с НТС активно контактировали многие русские консерваторы, входившие в Русскую партию, влияние на которую НТС было весьма значительным. По словам Н. Митрохина целому ряду известных правых националистов Русской партии инкриминировался советским КГБ «не только самиздат, но и получение денег от эмигрантской организации НТС». Вместе с тем, по словам историка, «на наш взгляд, существует достаточно свидетельств того, что высшее руководство КГБ благожелательно относилось к Русской партии» (Н. Митрохин. Русская партия в СССР, с. 548).

Таким образом, есть все основания указать на связь русского консерватизма (в первую очередь радикального) не только с внутренними противоречиями российского общества, но и с политическими машинами Запада — прежде всего англо-американского неоконсерватизма.

Начатая еще в сталинскую эпоху (если не с начала 1920-х гг.) деятельность радикальных русских консерваторов в России завершилась после 2000 г. едва ли не полной победой этой группировки. В период правления путинской силовой элиты радикальный консерватизм стал частью официальной идеологии этой элиты. Идеологи типа поборника «национальной революции» Александра Ципко с начала «нулевых» годов стали новыми (консервативными) номенклатурщиками и с 2003 г. активно заговорили о «национальной революции» в России со страниц газет типа «Комсомольская правда» и «Литературная газета». Пик подъема радикального национализма в стране приходится на 2005–2006 гг. (тогда же появилась и книга А. Байгушева). В постсоветской России возникли целые силовые и бюрократические кланы, использующие консерватизм, в том числе и радикальный, как свою идеологию.

Кем поддерживались данные кланы? Не теми ли внешними силами, которые внедряли радикальный консерватизм (включая правый русский национализм) в СССР с 1920–1930х гг.? Таким образом начатая в 1920-е годы внешними силами операция «Русская партия в СССР» (она же «Русский консерватизм») по подрыву советского большевизма правым национализмом успешно завершилась после распада СССР. В 1990-х, а фактически к середине 2000-х годов консервативные кланы в спецслужбах, игравшие в советский период немаловажную роль в подрыве СССР, оказались значительной частью «силовой элиты», начавшей с 2000 гг. «антилиберальные» действия.

О своей деятельности Байгушев, по его словам, «писал в своем злободневном романе „Сатанинские признания закулисного человека“» (Молодая Гвардия, 1995–1996). Однако, разве книга Байгушева «Русская партия в КПСС» — не реальные и «злободневные» сатанинские признания псевдо-защитника и консервативного подрывателя реального социализма?

5. Консерватизм (правый национализм) о большевистской революции и первых годах СССР. Двадцатые советские годы глазами консерватизма. Национал-большевизм. Плохой Ленин и хороший Сталин. История консервативной «Русской партии» в СССР 1920–30-х гг.

Став с начала „нулевых“ годов главным идеологическим течением постсоветской России, консерватизм начал активно формировать взгляды на историю России — как досоветской, так и советской.

В прошлой главе мы рассмотрели отношение русского консерватизма к русской революции 1917 года — как «либеральной» Февральской, так и Октябрьской. Как мы видели, представляющий себя защитником реального социализма, консерватизм фактически выступает как ожесточенный критик обеих данных революций. Обвиняя «либералов» в нелюбви к СССР и пытаясь представить себя его защитниками, поборники консерватизма (как умеренного — Н. Стариков, А. Фурсов, так и радикального — О. Платонов, А. Байгушев и проч.) рассматривают революцию 1917 г. как иностранную или «инородче-

скую», направляемую некими силами извне и «антипатриотами» изнутри. В радикальном варианте, например, О. Платонова или А. Байгушева, речь идет о «масонско-еврейском» заговоре. В умеренном — Н. Стариков — о влиянии иностранных государств и их спецслужб (в первую очередь Великобритании). Поскольку инородческая версия революции становится все более сомнительной, консерватизм пытается искать иные версии и иные главные движущие силы, например «генеральского закулисья» в Октябрьской революции (А. Фурцев, О. Стрижак (см., <http://kripta.ee/rosenfeld/2014/01/23/a-fursov-i-o-strizhak-o-zagovore-generalov-v-oktyabre-1917-g/>, а также предшествующую главу).

Мифологическая критика революции 1917 г. еще более увеличивает сомнения в искренности консервативных «защитников» социализма и СССР.

Эта же модель (поиск внешних и инородческих корней) применяется и в трактовке Гражданской войны в России — в основном по отношению к большевизму (например, Н. Стариков, Ликвидация России). В качестве положительной силы рассматривается в основном Белое движение, внешняя поддержка которого тем же Западом замалчивается.

Началом развития СССР стали 1920-е годы.

Рассматривая отношение к ним русского консерватизма, можно заметить (как уже отмечалось в прошлой главе), что это отношение — весьма отрицательное. «Плохие» 1920-е годы противопоставляются консерваторами (А. Буровским и проч.) «хорошим» сталинским 1930-м как и дореволюционному времени хорошей монархии. Еще более резок радикальный консерватизм, считая 1920-е гг. «космополитическими» и «истребительными для русской нации» (Байгушев). С этой точки зрения рассматривается строительство советского «государственного социализма», начавшееся после окончания Гражданской войны (а отчасти уже и в ее ходе — с 1918 г.).

Между тем советские 1920-е гг. достойны иного подхода по многим причинам. В частности потому, что в этот период — в рамках НЭПа была сделана важная попытка соединения «социализма» с рынком, что имело серьезное значение и для поздних советских и «перестроечных» перемен, а также различных моделей социализма, не исключая и современный «социализм с китайской спецификой».

Первым опытом реального социализма был «военный коммунизм», на смену которому в 1921 г., как известно, пришла Новая экономическая политика (НЭП). Она включала себя существенные элементы «рыночной экономики», механизмы которой стали активно анализироваться в «перестроечный» период — в том числе проблемы конвертируемого советского червонца и многое другое.

В 1920-е гг., вопреки традиционной консервативно-либеральной критике, обвиняющей большевиков в обмане крестьян, но при этом ссылающейся на сталинский период, земля была у крестьян. (Хотя в основном речь шла не о частной собственности, но об аренде земли.)

«Вся земля, — пишет такой известный эмигрант и критик советской системы, как Роман Гуль, — была тогда в руках крестьянства, это было единственное время в российской истории, когда крестьяне обладали всей землей и были довольны своим положением» (Роман Гуль. Я унес Россию. Апология эмиграции. Т. 1. — М., 2001, с. 221).

В начале 1920-х гг. в руководстве советской элиты происходят драматические перемены. Уже в конце 1922 г. (в основном в результате покушения августа 1918 г.) теряет работоспособность и в январе 1924 г. уходит из жизни В. Ленин.

Смерть Ленина в далеко не преклонном — 54-летнем возрасте после исключительных успехов его партии — приходе большевизма к власти в 1917 г. и ее победе в тяжелейшей Гражданской войне выглядит достаточно странно. Эта смерть должна рассматриваться вовсе не как результат некоей «внутренней болезни» (что было отвергнуто реальными исследователями), но в первую очередь как результат покушений, которые проводились руками внутренних противников большевиков, но вероятно — не без участия и внешних сил. Как уже отмечалось, «главное» покушение на Ленина в августе 1918 г. (на заводе Михельсона), совершенное руками эсеров (в рамках эсеровского мятежа), очевидно было инсценировано более серьезными игроками. Это покушение (как и ряд других, связанных с Британией) имело специфическое «консервативное» идеологическое прикрытие — попытку перенести основную ответственность за него на фигуру Фанни Каплан.

Вследствие болезни и ранней смерти Ленина его место во главе советского государства занял Сталин, получивший, как считается, в начале 1930-х гг. всю полноту власти в СССР. Указанная перемена конечно, сыграла весьма существенную роль в курсе нового государства. Немаловажный вопрос, как и почему эта перемена (а вполне возможно и «подмена») произошла.

Очевидно, что на Сталина сделали ставку некоторые влиятельные силы, в том числе внешние противники большевизма и манипуляторы правым русским национализмом. Они считали Сталина более предпочтительной для них фигурой, чем Ленин. Во-первых, Сталин, хотя и имел явно незаурядные организаторские способности, не обладал интеллектуальным уровнем, соответствующим ленинскому. Во-вторых, он был «инородцем», что, как могли надеяться противники нового государства, должно было ослабить поддержку данной фигуры у русского населения. В-третьих, Сталин имел темное прошлое (вероятное сотрудничество с Охранным отделением царской полиции), что, как казалось организаторам подмены, давало шанс на манипуляцию данной фигурой.

О том, какие группировки оказывали влияние на Сталина с начала его выдвижения на главные посты в тогдашнем СССР, говорят сами консервативные историки. А. Фурсов и О. Стрижак отмечают влияние на Сталина некоего «генеральского закулисья». Идеологи Русской партии указывают, что в своей деятельности он опирался на некий «Русский орден» (А. Байгушев).

То есть речь идет о поддержке Сталина некими влиятельными правоконсервативными группировками.

Часть надежд на Сталина указанных правых группировок (а также, видимо, и внешних сил) оправдались, часть – нет. Сталин оказался более крепким орешком, чем предполагали выдвигавшие его силы. Во многих случаях он смог «переиграть» тех, кто стремился манипулировать им. Но также часто генсек был вынужден идти по предписанному ему извне пути (например, по видимому, в плане устранения революционной элиты), что весьма дорого обошлось советскому реальному социализму и в целом народам советской России.

Характерная особенность современного русского консерватизма (в том числе и правого национализма) в оценке Сталина – явная и грубая апологетика его, пиитет перед сталинизмом, стремление выделить И. Сталина из большевиков как вовсе не большевика, а «правильного националиста» и едва ли не «белого» восстановителя империи. Доказательству (возможно, в какой то мере и не лишённому оснований) «небольшевизма» и правого национализма Сталина посвящена многочисленная литература консервативных авторов от С. Дмитриевского (*Сталин – предтеча национальной революции*. – М.: Алгоритм, 2003. Первое изд. Берлин, 1931 г.) до историков «эпохи реставрации» в России – напр., А. Буровского. Консервативная пропаганда очевидно стремится представить Сталина не большевиком, но неким «хорошим консерватором», а то и аналогом правых диктаторов своего времени – Франко, Муссолини и Гитлера.

Сталинизм трактуется как хорошая правая (и антибольшевистская) диктатура, означавшая победу прикрывавшихся большевизмом реальных консерваторов (правых националистов) над большевиками, обвиняемыми в «космополитизме» и «троцкизме». Отсюда положительная оценка сталинского террора и утверждение сходства «вождя народов» с правыми диктаторами (не исключая и Гитлера), весьма радующее русских правых националистов как прошлых, так и нынешних.

В 1920–30-х гг. становились все более очевидными отличия сталинской интерпретации большевизма от официально декларируемой интернационалистской ленинской, трактуемой консерватизмом как «космополитическая». Здесь и концепция победы социализма «в одной стране», и начало использования элементов шовинизма в борьбе с оппозициями – прежде всего Троцкого и Зиновьева-Каменева.

Характерный эпизод в этом смысле – полемика Ленина и Сталина в период образования СССР в 1922 г., нашедшая отражение в известной статье Ленина «К вопросу о национальностях или об автономизации». Эта полемика по вопросу о формах будущего СССР означала борьбу двух тенденций в формировании советского государства – тенденции большей самостоятельности республик, впоследствии нашедшей свое выражение в югославском федеративном государстве, и тенденции централизма и сверхцентрализма, характерной для советско-сталинского варианта унитарного государства.

Сталинизм в национальном вопросе оказывается близок национал-большевизму Устрялова, что, очевидно, должно было активно приветствоваться консервативными группировками влияния на большевистское руководство.

С точки зрения последовательного (черносотенного) правого национализма сталинизм был шагом в правильном шовинистическом направлении, но шагом недостаточным. Сам русский радикальный консерватизм идет еще дальше в направлении теории «национальной революции», прямо сформулированной такими правыми эмигрантскими радикалами, как упоминавшийся К.Родзаевский или Ф.Горячкин.

Под этим углом зрения следует рассматривать и деятельность радикально-консервативной Русской партии в ВКПб-КПСС, которая, согласно ряду свидетельств (например, А.Байгушева), началась уже в 1920-х гг. и чья идеология являлась по сути дела аналогом идеологии правой Белой эмиграции. Может показаться, что создание Русской партии в КПСС и СССР (описываемое А.Байгушевым, а также Н.Митрохиным и др.) — не слишком важное событие. Однако его нельзя недооценивать, учитывая весьма значительную роль данной политической организации в разложении советской системы и ее идеологии, а также формировании консервативной политической элиты России после 2000 г.

Выдвижение сталинской группировки в 1920–30-х гг. постепенно ведет к отстранению от власти, очевидно насильственному, а зачастую прямо террористическому, представителей раннего большевизма — революционной элиты реального социализма.

Это очевидно соответствовало и интересам внешних сил, начавших активную борьбу с СССР всеми, в том числе и закулисными средствами. Важным способом разложения большевистской элиты был ее раскол на «русскую» и «национальную» (в частности, «еврейскую») группировки. Этот раскол нашел свое выражение в сталинской борьбе с так называемым «троцкизмом» и рядом «оппозиций» с 1926–27 гг. Вероятно, указанную борьбу внешние силы пытались использовать для ослабления большевизма в целом. Такому ослаблению (как и созданию внутренних конфликтов в партии) способствовали также шовинистические (консервативные) тенденции сталинского руководства ВКПб, все более противостоящие интернационалистскому большевизму. Эти шовинистические тенденции проявились и в указанной борьбе с оппозициями, в особенности с «троцкизмом». Русская партия (Русский орден), оказывавшая немалое влияние на сталинское руководство уже с 1930-х и особенно 1940-х гг., придавала понятию «троцкизма» (как, впрочем и большевизма в целом) свое значение, фактически совпадавшее со значением мирового еврейского заговора.

Были ли, однако, столь радующие консерваторов явные элементы «небольшевистского» правого национализма у Сталина и сталинистов явлением, положительным для тогдашнего СССР? По-видимому, ровно наоборот. Можно утверждать, что сталинский шовинизм подрывал идеологию СССР,

стимулировал замыкание Советской России на самой себе и вредил ее мировому имиджу. То есть реально содействовал поражению советской идеологии как внутри страны, так и за ее пределами.

Можно утверждать, что одной из существенных причин падения советского реального социализма стало проникновения в советские (вначале большевистские) государственные структуры, и прежде всего в спецслужбы, так называемых «консерваторов» — правых националистов. Таковые стали проникать в эти структуры под видом «Русского ордена» уже с 1920-х гг., а особенно активно в 1930-х гг., после террора и подмены революционеров сталинскими бюрократами — во многом и как правило — шовинистического толка.

Этот тезис следует особо отметить. Он крайне важен для понимания подлинных причин провала советского реального социализма и соответствующих систем в Восточной Европе. Очевидно, что русский консерватизм — правый национализм — 1920—30-х гг. был активным противником советской системы и в этом качестве мог поддерживаться (и очевидно поддерживался, как показывает, например, история НТС) стратегическими конкурентами тогдашнего СССР. Чья рука угадывается за данными операциями? Не английская ли, которая заметна уже в устранении (путем нескольких покушений) с политической арены Ленина и, вероятно, самой подмене Ленина на Сталина, с последующим постепенным устранением целого слоя революционной элиты?

Проект «русский консерватизм», делавший ставку на разложение советской элиты и раскол ее по национальному признаку, можно считать одним из наиболее успешных в подрыве СССР и установления контроля над его важными структурами. Как видно по деятельности современного консерватизма, данный проект успешно работает и до сего дня, являясь существенным компонентом внешнего контроля над постсоветской Россией.

6. Русский консерватизм о 1930-х годах в СССР. Апология Сталина и сталинского правления без учета его недостатков. Прославление шовинизма, включая сталинский. Консерватизм (и нацистская закулиса) в СССР и правый европейский национализм между двумя войнами. Почему Русская партия «засимпатизировала» фашизму. Сталинизм и подрыв реального социализма. Два лица сталинизма. Сталинизм и русский консерватизм. Какого Сталина превозносят консерваторы.

После укрепления власти Сталина сталинская линия превратилась в «генеральную линию» большевизма. С начала 1930-х гг. после свертывания НЭПа Советский союз начал административно-командный подъем. Переход к мобилизационной (административно-командной) экономике, по-видимому, был заложен в системе реального социализма. На основе этой системы СССР протянул до 1980-х гг. Становление административно-командной системы в 1930-е гг. было связано с масштабными общественными проектами

нового строя — индустриализацией, коллективизацией и проч. Однако это развитие имело и существенные оборотные стороны, включавшие развал НЭПа и отказ от рыночных механизмов.

Командная система обеспечила реальному социализму мощный подъем как до Второй мировой войны, так и после нее. Однако уже в начале 1930-х гг. в способах строительства этой системы проявилось не только «государственничество» сталинского правления, но и его оборотные стороны, то есть так называемые «перегибы» коллективизации и индустриализации, политические репрессии и лагерная система («ГУЛАГ» по определению А.Солженицына). На этих сторонах советского общества 1930-х гг. акцентирует внимание западная критика реального социализма.

Консервативные историки предпочитают закрывать глаза на данные проявления, подвергая все сталинское правление неумеренной идеализации и обвиняя «либералов» в ложной критике вождя (Н.Стариков, А.Мартиросян и проч.).

Свою роль в усилении крайних сторон правления большевиков 1930-х гг. сыграла и внешняя ситуация — глобальное противостояние СССР с западным «капитализмом» и агрессией правых диктатур, фактически поддерживавшихся в межвоенной Европе западными демократиями. В этот период Запад (Расчлененное общество) в противовес Советскому Союзу и левому развитию выдвинул в Европе правые диктатуры, опирающиеся на идеологии правого национализма (консерватизма).

Эта противостоявшая большевизму идеология имела и русские аналогии, распространившиеся в русской эмиграции перед войной. Белая эмиграция в это время, как уже упоминалось, явно симпатизирует Муссолини и Гитлеру, советником которого становится, например, П.Гучков.

Удивительно ли это? Ни в малой степени. Для многих представителей современного русского консерватизма (в особенности радикального) типологическое сходство его идеологии с соответствующими правонационалистическими течениями межвоенной Европы в варианте Франко, Муссолини или Гитлера до сих пор остается «большим секретом» и с негодованием отвергается. Однако идеология русских радикальных консерваторов, составлявших значительную часть белой эмиграции, реально была явным аналогом радикального национализма в Испании, Италии и Германии. В Харбине, например, движение русских правых националистов представлял К.Родзаевский, написавший уже упоминавшееся «Завещание русского фашиста» (Харбин, 1943, 2 изд. — М., 2001).

Близкие Родзаевскому взгляды разделяли и другие известные деятели русской эмиграции — Иван Шаховской и проч.

В 1930-е гг. идеология большевизма претерпела определенные изменения, по-видимому (как мы уже отмечали) не без влияния русского консерватизма, внедрение которого в СССР стало заметно именно в конце сталинских

1930-х гг. Под влиянием правого консерватизма идеология СССР двигалась от первоначального интернационального большевизма 1920-х гг. в сторону бюрократического шовинизма, точнее национал-большевизма (национал-сталинизма). Эта же идеология позже заявила о себе в неосталинистском брежневском варианте.

Уже в 1920-х гг. были сделаны попытки соединения большевизма с идеологией русского консерватизма. Одной из наиболее известных таких попыток можно считать, например, национал-большевизм Николая Устрялова и так называемое «сменовеховство» (по сборнику статей «Смена веков» 1921 г.), стремившееся создать некую «симбиозную» — большевистско-консервативную идеологию. Возникший в 1920-х гг. национал-большевизм безусловно оказал немалое (хотя и внешне вначале скрытое) влияние на идеологию и практику сталинизма и тем самым реального социализма в целом. Позднее варианты консервативно-большевистского симбиоза будут встречаться в истории СССР и постсоветской России неоднократно. Это и национал-большевизм Лимонова, и идеология зюгановской КПрФ. Сталинизм и национал-большевизм КПрФ (как подробнее будет рассмотрено далее) выражается в целом ряде особенностей — включая апологию Сталина, критику так называемых «либералов» (в излишне широком значении), осуждение оппозиционных течений большевизма и их лидеров — не только Троцкого, но и Бухарина, а также советских реформаторов от Хрущева до Горбачева.

Поскольку национал-большевизм попытался соединить два различных идеологических течения: консерватизм (правый национализм) и большевизм, он критиковался с обеих сторон. Со стороны ортодоксального большевизма (1920-х гг.) — за национализм, и с позиций зрения радикального консерватизма (Русской партии) — за сохранение остатков большевизма. Русская партия, чьим идеалом является открытое черносотенство — объединение «православных, последовательно антижидовствующих черно-злато-белых правых» (А.Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 503), критикует национал-большевизм (национал-коммунизм) зюгановской КПрФ справа — за недостаточный национализм. Вместе с тем возможна (и необходима) также критика национал-большевизма КПрФ и с другой стороны — с точки зрения «нормального» большевизма (марксизма-ленинизма, второго марксизма, а также, по-видимому, современной левой идеологии) за уступки консерватизму (правому национализму). С этой точки зрения национал-коммунизм уже 1920—1930-х гг., как и сталинизм, следует рассматривать как «шовинистический уклон» в ВКПб, регресс от большевизма к национализму. Сходным регрессом и компромиссом с правым национализмом можно в значительной мере считать и идеологию КПрФ Зюганова.

Понятно, что с точки зрения русского консерватизма, в первую очередь радикального, национал-большевистский вариант идеологии коммунизма рассматривается как более «правильная» советская идеология

в противовес «плохому» большевистскому интернационализму 1920-х гг. При этом, как можно заметить, именно с усилением влияния консерватизма связан целый ряд характерных элементов сталинского и неосталинистского режима, в частности – усиление бюрократических тенденций этого режима и прямой террор. Во время террора конца 1930-х и пакта с Гитлером Сталин фактически переходит на позиции правонационалистической Русской партии.

Новый всплеск сталинского консерватизма (правого национализма) приходится на конец 1940-х гг., одновременно с делами против космополитов, врачей и общим сталинским «репрессансом» 1948–1953 гг. Понятно, что такой вариант идеологии и практики, реализованной сталинским режимом, больше всего импонирует идеологам консерватизма, в особенности радикального. Критики указывают, однако, на реальные результаты применения консервативного сталинского варианта большевизма (национал-сталинизма) в СССР, его деформации и острые противоречия, включая (выражаясь языком советской оттепели) «необоснованные репрессии» и шовинистическую политическую демагогию.

Консервативный (шовинистический) уклон сталинизма в большевизме нашел проявление в ряде как идеологических, так и политических черт как во внутренней, так и внешней политике СССР 1930-х гг. Победа национал-большевизма во внешней политике СССР начала 1930-х гг. была связана не только с концепцией победы социализма «в одной стране» (понятной в сложившейся ситуации), но и так называемой «сектантской» политикой, которую отразил, например, VI конгресс Коминтерна (июль-август 1928 г.). Эта сектантская политика, продолжавшаяся до VII конгресса Коминтерна (июль-август 1935 г.), выразилась в том числе и в конфликте с некоммунистическими левыми рубежа 1930-х гг., в частности социал-демократами (концепция так называемого «социал-фашизма»), наносившем серьезный урон общей борьбе с европейским правым национализмом, в первую очередь немецким фашизмом. Результатом этой политики стал подрыв единого левого фронта против немецкого национал-социализма, что и стало одной из немаловажных причин прихода к власти Гитлера, которому фактически покровительствовал мировой правый истеблишмент.

В Гражданской войне в Испании 1936–39 гг. столкнулись интересы реального социализма и западного «капитализма» (Расчлененного общества). СССР сыграл важнейшую роль в поддержке Испанской республики; европейские и мировые правые (а также главные западные демократии) поддерживали Франко. При этом советской помощи Испанской республике мешали оборотные черты сталинской политики, в том числе и продолжение сталинского «сектанства», каковое вело к конфликту сталинизма со всеми отличными от него левыми течениями (троцкизм, анархизм и проч.) и грубому подавлению этих течений. Сталинистское сектантство стало одной из

важных причин провала республиканцев в Испании (см., например, Д.Оруэлл. «Памяти Каталонии»).

В конце 1930-х гг. национал-консервативная линия в сталинской политике приводит к подписанию Сталиным (пусть и под влиянием «мюнхенской» политики Запада) в августе 1939 г. пакта Молотова-Риббентропа, сдаче Гитлеру антифашистов, развалу Коминтерна и террористическому уничтожению его верхушки. Эти акции сталинизма в рамках контактов с гитлеровской Германией следует рассматривать как вовсе не большевистские, но очевидно консервативные (правонационалистические), что подтверждает и положительное отношение к данным сталинским акциям идеологов консерватизма.

7. Проблема сталинского террора и роль консерватизма в СССР. Сталинский террор как террор консервативный. Подрыв большевизма радикальным консерватизмом. Консерватизм и апология сталинского террора. Сталинский террор и образование консервативной (нацистской) закулисы на Лубянке.

Немаловажную проблему представляет сталинский террор, принявший невиданные масштабы в СССР конца 1930-х гг. Этот террор представляет собой не только трагическую веху в истории советского реального социализма, но и важный пункт полемики различных идеологий, исторический феномен, не получивший окончательного разрешения до настоящего времени.

Для консервативно-либерального подхода характерна концепция «коммунистической» (большевистской) природы сталинского террора. Такое понимание отразилось в ряде классических описаний и объяснений сталинского террора от Р.Конквеста до А.Сложеницына. Оно состоит в обвинении в данном терроре «коммунизма» как такового, его террористической природы и проч. Однако анализ темы «сталинизм и Русская партия в СССР» позволяет сделать иные выводы относительно причин сталинского террора.

Следует принять во внимание, во-первых, оценку сталинского террора современным русским консерватизмом. Позиция большинства современных консерваторов по поводу сталинского террора – не только не осуждение, но явная апология (положительная оценка) его, как и самой фигуры Сталина. Типична специфическая консервативная радость (едва ли не восторг) по поводу сталинского террора, примером каковой может служить уже упоминавшаяся книга историка А.Буровского «1937г. Контрреволюция Сталина» (М.: Яуза-Эксмо, 2009). Сталинский террор трактуется Буровским (как и иными консервативными авторами) как «хорошая сталинская контрреволюция» или «национальная революция», направленная против «плохого большевизма» и революционной элиты, но вовсе не против «широких слоев народа».

Такой подход является продолжением позиции консервативных радикалов (национальных революционеров) 1930-х гг. от С.Дмитриевского до К.Родзаевского. Консервативные историки, как и иные идеологи консерватизма (правого национализма), считают «антибольшевистский» террор вполне

положительным. Они едва не аплодируют этому террору, который уничтожил (наконец-то!) плохих революционеров и посадил на их место в сталинской элите, в том числе и в спецслужбах, «хороших правых националистов» — будущих покровителей Байгушевых и проч.

Консервативная апология сталинского террора позволяет внести существенную поправку в понимание его причин. Вопреки многим интерпретациям (в том числе и сложеницынской) следует усомниться в том, что сталинский террор был большевистским. В своей основе этот террор был, напротив, явно *антибольшевистским*, то есть, если угодно, *вполне консервативным*. Уже тот факт, что современным русским националистам (консерваторам) вроде Буровского нравится сталинский террор (как он без всякого сомнения нравился и русским правым 1930-х гг.), позволяет выявить связь этого террора с консерватизмом в Европе между двумя войнами. Есть все основания, таким образом, связать сталинский террор 1930-х гг. вовсе не с «коммунизмом» (большевизмом), но его антиподом — проникшим в СССР при сталинском руководстве правым национализмом (консерватизмом). Сталинский террор следует рассматривать не как большевистский, а как *террор правых националистов против большевизма*, а также и остального населения тогдашнего СССР. Во время «большого террора» правые националисты (они же Русская партия), замаскированные под сталинских следователей, уничтожали большевиков — революционеров-идеалистов и интернационалистов, а заодно и немало иного народа.

При Сталине место большевиков все шире начали занимать сталинские функционеры (если не сказать сталинистская агентура), существенно отличавшиеся от большевиков прежде всего идеологически. Благодаря усилиям радикально-консервативной Русской партии (а также не ее ли внешним покровителям?) сталинские функционеры все более очевидно стояли уже вовсе не на позициях большевизма, но на позициях консерватизма — правого национализма. Классические сталинские фигуры 1930–40-х гг. от Н.Ежова до следователя-нациста М.Рюмина вполне вписывались в рамки не только консерватизма, но по сути дела и национал-социализма.

Следует задать также вопрос — не были ли замешаны в сталинском терроре внешние силы? Вопрос о том, как был запущен механизм сталинского террора конца 1930-х гг. (в частности, «Большого террора») прояснен далеко не полностью и до сих пор. Есть основания считать, что террор имел причины как объективные и внутренние (конфликт Сталина со старой революционной большевистской элитой) так, по-видимому, и внешние — учитывая активность сил, заинтересованных в подрыве тогдашнего СССР.

Весьма существенную роль в «Большом терроре» сыграла история так называемого «заговора маршалов» 1936 г., связанная с темой «*Секретной папки Сталина*». По свидетельству ряда участников событий, едва ли не главным поводом заговора маршалов стала попавшая в их руки папка секретных

материалов о Сталине, которая содержала документы о сотрудничестве диктатора с Охранным отделением (Охраной, Охранкой) царской империи.

Информация о связи заговора маршалов с «секретной папкой Сталина» попала в мировую печать в 1956 г. после публикаций на эту тему бывшего генерала НКВД Александра Орлова (Фельдбина), автора воспоминаний «Тайная история сталинских преступлений» (М., 1991), в первую очередь статьи Орлова в журнале Лайф в апреле 1956 г. (см. А. Орлов. Сенсационная подоплека осуждения Сталина. — Был ли Сталин агентом Охранки? — М., 1999, с. 30).

Как показал в своих публикациях бывший генерал НКВД А. Орлов (Фельдбин) являвшийся одной из главных фигур советской разведки в Испании в 1936 г. и вынужденный стать невозвращенцем в результате начавшихся репрессий 1937 г., причиной «заговора маршалов» стало появление в 1936 г. в СССР так называемой секретной папки И. Сталина. Данная папка, содержащая недвусмысленные указания на сотрудничество Сталина с Охранным отделением царской империи, попала в руки (случайно ли?) группе маршалов во главе с М. Тухачевским и стала причиной заговора против Сталина. Разоблачение этого заговора Сталиным привело к беспрецедентной волне террора, приведшей к уничтожению верхушки Красной Армии и целых слоев советской элиты накануне тяжелой войны (см. Сталин и тайная полиция [Охрана] царской империи, <http://kripta.ee/rosenfeld/2005/07/31/stalin-i-tajnaya-policiya-oxrana-carskoj-rossii-dve-knigi-o-rannej-biografii-stalina/>).

В этой связи далеко не праздным, но весьма серьезным становится вопрос, насколько реальна информация о «секретной папке Сталина», а значит и факты сотрудничества Сталина с тайной полицией (Охраной) царской России? Вторым весьма важным вопросом в этой связи является вопрос, было ли случайностью само появление инспирировавшей «заговор маршалов» папки в СССР в 1936 г., или это появление было *намеренной провокацией*?

К настоящему времени литература на эту тему весьма обширна и требует отдельного анализа. По нашему мнению, свидетельство генерала НКВД А. Орлова (Фельдбина), лично знакомого с содержанием папки, а также анализ ряда фактов так называемого «заговора маршалов» 1936–37 гг. и иных реалий рассматриваемой эпохи, включая и биографию Сталина, позволяет считать «секретную папку Сталина» вполне реальной. А с нею реальным и факт сотрудничества Сталина с Охранным отделением (тайной полицией) царской империи до революции 1917 г.

Второй вопрос, было ли появление папки в СССР 1936 г. случайным, или же делом определенных сил, заинтересованных в дестабилизации тогдашнего советского руководства и режима в целом?

Мы отстаиваем мнение, что дело маршалов (оно же дело секретной папки Сталина) было хорошо продуманной *внешней провокацией (серией провокаций)* с целью эскалации широкомасштабного террора и подрыва советского государства. Первые данные о «секретных материалах» Охранного отделения

(Охраны, охранки) на Сталина («Секретная папка Сталина») попали в заграничную печать еще в 1926 г. (См. сб. *Был ли Сталин агентом Охранки?* – М.: Терра, 1999). Эта «утечка информации» о материалах «секретной папки» говорит о том, что указанные материалы уже в 1926 г. находились в руках серьезных политических игроков, которые готовы были «применить» (то есть обнародовать) имеющиеся у них сведения, о чем и предупреждали Сталина.

Что это были за игроки? Известно, что немецкая сторона в 1936–37 гг. об истории папки не знала и подготовила компромат на маршала М. Тухачевского по поручению самого Сталина (Е.Плимак, В.Антонов. *Тайна «заговора Тухачевского»*, 1998, http://www.fedy-diary.ru/?page_id=5876).

Имеющиеся факты позволяют считать вероятным организатором провокации с папкой английскую сторону. Вероятно английская разведка еще в начале XX века курировала группировки «русских националистов» в Охранном отделении – ср. убийство Столыпина и целый ряд иных полицейских акций в дореволюционной России. (См. Сталин и тайная полиция /Охрана/ царской империи). Вполне возможно, что она смогла получить от представителей царской тайной полиции и саму «секретную папку Сталина», информация о которой появилась в 1926 г., и которая была «пущена в ход» в 1936 г.

Факт провоцирования заговора маршалов внешними силами позволяет подкрепить мнение, что сталинский террор конца 1930-х имел не только внутренние причины и источники (конфликт Сталина с революционной элитой), но также и внешние – диверсионные. В этой связи указанный террор, в том числе и на Лубянке, может рассматриваться не только как результат внутреннего развития сталинского режима (и конфликта Сталина с революционной элитой), но и как удачная «антисоветская» *спецоперация*, то есть удачная внешняя диверсия против тогдашнего СССР.

Террор конца 1930-х гг. (в первую очередь 1937 г.) выглядит если не как прямо организованный, то как спровоцированный и усиленный стратегическими конкурентами советской России. Напрашивается также и точка зрения о поддержке этими же силами и террористической инфраструктуры, а возможно и ряда исполнителей террора. Понятно, что ликвидация «хорошими» сталинистами и иными консерваторами целого революционного слоя советской России (аресты, заключение и расстрел якобы «своими» известных большевиков и проч.) вполне соответствовала интересам противников тогдашней советской системы. Уничтожением большевистской верхушки в СССР убивалось сразу несколько зайцев – ликвидировались активные защитники СССР и пропагандисты его идей, плюс компрометировался режим, уничтожающий «своих».

Крайне негативными для реального социализма были и многие другие результаты «Большого террора». Речь шла о серьезных переменах политической элиты. В частности, замене (подмене) видных фигур Красной Армии, а также многих большевистских функционеров (в том числе и «красной» большевистской разведки) новой сталинской «как бы русской» (реально

правонационалистической) агентурой. В советской разведке ликвидировались фигуры типа А.Артузова, которые заменялись на правых националистов вроде откровенного нациста М.Рюмина, активной фигуры «дел» конца 1940 – начала 1950-х – против «космополитов», «врачей», а также дела против маршала Г.Жукова, каковым правые националисты (консерваторы) продолжили подрыв советской системы.

Результатом данных перемен в советских спецслужбах конца 1930-х гг. стало формирование на Лубянке не только консервативных, но и радикально-консервативных (фактически нацистских) группировок, то есть реально *нацистской закулисы*. С точки зрения советской России указанные консервативные группировки должны рассматриваться как диверсионные. Их важной задачей фактически являлся подрыв идеологии и всей системы реального социализма, с установлением в России радикально-шовинистического режима. Не являлись ли указанные группировки управляемыми извне? Весьма вероятно. В отличие от революционеров 1920-х гг. консервативная агентура байгушевского пошиба во многом уже выглядит как «двойная», то есть подчинявшаяся также *и внешним центрам*, которые контролировали правых русских эмигрантов. Примером таковой оказываются фигуры типа ставленника Русской партии Ф.Шахмагонова, выдвинувшегося в 1940–50-х гг. в кампании против космополитов, как признает его активный пропагандист Байгушев, связанный с *брюссельским центром белой эмиграции* (А.Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 181).

Создание радикальной консервативной группировки (нацистской закулисы) на Лубянке достигло явных результатов в конце 1930-х при Берии. Вполне вероятно, что именно Берия, который, как считали большевики, сотрудничал с мусаватистской и английской разведками еще с 1918 г., а также резко усилившиеся при Сталине радикально-консервативные (черносотенные) кланы на Лубянке стояли как за террором 1930–1940-х гг., так и за «консервативными делами» и операциями 1940-х гг. вроде ленинградского дела или дела «космополитов».

Напрашивается вывод о целом ряде деформаций («подмен») в системе СССР, инспирированных консерватизмом (правым национализмом) и поддерживавшими его силами. В том числе – подмене большевистских деятелей консервативными функционерами, а также подмене идеологии большевизма консервативной идеологией (включая радикальный национализм). Эти подмены фактически представляли собой поддержанную извне «консервативную» диверсию против тогдашней советской системы и ее идеологии, что явно показал и сталинский террор. Террор 1937–1939-х гг., второе издание которого пришлось на конец 1940-х – начало 1950-х, может считаться пиком *консервативного проникновения* в советские большевистские структуры.

Полностью совершить подмену советской идеологии правым национализмом Сталину (и заинтересованным внешним силам) не удалось. До

начала 1990-х гг. идеологией СССР оставался большевизм — второй марксизм. Однако правый национализм в различных формах стремился проникнуть в него, создавая различные полуконсервативные (симбиозные) национал-большевистские образования, похожие на тех, начало которым положил «национал-большевизм» Устрялова в рамках «сменовеховства» 1920-х гг. Очевидный консервативный (шовинистический) идеологический поворот сталинизма совпал с ударом сталинской бюрократии по Коминтерну, пактом Сталина с Гитлером 1939 г., выдачей Гитлеру антифашистов и террором 1937–1939 гг. В дальнейшем консервативные тенденции сталинского режима развивались — вплоть до борьбы с «космополитами» в 1940-х гг., за которой уже явно маячила тень Русской партии в ВКПб (КПСС).

8. Русский консерватизм СССР 1940-х годов. Сталинизм и война. Процессы 1940-х годов и появление Русской партии в ВКПб. Роль в процессах 1940-х годов консервативных группировок. Консерватизм и разложение советской идеологии. Чернотенные конвергентные и подрыв советского проекта.

В данном изложении нет возможности подробно рассмотреть все события советской истории, в том числе, например, события войны 1941–1945 гг., названной в советское время Великой Отечественной. В связи с нашей темой следует отметить характерную позицию консерватизма по отношению к данной войне — попытку подменить большевистскую революционную, интернационалистскую и антифашистскую идеологию этой войны на чисто национальную — антинемецкую. Консервативную концепцию войны 1941–1945 гг. в основном правонационального типа в последние годы в России развивал ряд авторов, выключая Н. Нарочницкую («За что и с кем мы воевали». — М.: Минувшее, 2007). Эта консервативная и «антибольшевистская» позиция фактически восходит к позиции Русской партии, существовавшей в СССР с 1940-х гг. Она была заметна и у самого Сталина, постоянно игравшего на идеологии шовинизма.

Вопрос стоит также о том, кто, собственно говоря, выиграл войну с Гитлером. Консерватизм выдвигает на первый план Сталина и правую «русскую идею», которая противопоставляется большевистской идее революции. Следует утверждать, что реально войну с гитлеровской Германией выиграл вовсе не лично «консерватор» Сталин и не консервативная (правая) русская идея (при которой Россия дореволюционная, например, проиграла «великую» войну 1914 г., как и русско-японскую войну). Войну выиграла «национальная» идея России и других народов тогдашнего СССР, соединенная с идеей революции, реального социализма, сохранявшейся вопреки сталинизму. Именно революционную Россию (и СССР), а не Россию правых националистов стремились поддержать в тот период многие нации тогдашней Европы.

Идеология консерватизма и консервативные историки не могут решить целого ряда вопросов, связанных с войной. Здесь и проблема начала войны, как и иных тяжелых поражений СССР, связанных с просчетами сталинской

верхушки, и проблема репрессий против своих (в частности, оказавшихся в плену), и проблема власовского движения.

В послевоенном сталинском СССР консерватизм продолжает свое развитие, приводя ко многим странностям и провалам советского реального социализма. Вторая половина 1940-х гг. с одной стороны ознаменовались активным подъемом командно-административной системы, восстановлением разрушенного войной хозяйства, распространением влияния СССР в Восточной Европе. С другой стороны – рядом репрессивных «дел», включая ленинградское дело, дело врачей, кампании против космополитов и прочее. В этих репрессивных делах очевидно проявили себя консервативные и радикально-консервативные группировки, действовавшие внутри советской системы, и заявившие о себе уже в 1930-х гг. после «большого террора».

Вопрос о том, когда начала действовать в СССР так называемая Русская партия, первоначально приводит к 1940-м годам. Идеолог и историк данной группировки Байгушев связывает начало ее деятельности с постановлением Жданова 1946 г., которое, по его мнению, стало сигналом для образования данной партии в Ленинграде (А. Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 170). Жданова Байгушев и считает главой Русской партии в 1946–1948 гг. При этом, как уже упоминалось, по словам того же Байгушева предшественник Русской партии – Русский орден существовал в советской России, вероятно, с 1920-х годов.

В конце 1940-х события, по мнению Байгушева, развивались следующим образом. «Враги», прежде всего, «грузинский еврей» (?) Берия не дремали. Берия (которого по Байгушеву якобы поддерживал и Хрущев) решил донести на Русскую партию Сталину и на «лукавом доносе выйти из опалы». В 1946 г. он «подсадил» к Жданову Сулова и инициировал историю с антицерковным постановлением (Байгушев, с. 172). Началось «выявление» и проч. В ходе ленинградского дела якобы засветили всю Русскую партию. В качестве главы определили Жданова. Более двух тысяч человек было расстреляно. Жданов умер, по Байгушеву якобы «сам». Так в целом хорошим, по мнению Байгушева, Сталиным был нанесен странный удар по Русской партии, возникшей в 1946–48 гг. В результате этого русские националисты ушли «в катакомбы».

Отметим, что логика событий того времени в этой байгушевской картине явно искажается. Во-первых, трактовать ленинградское дело как удар против «Русской партии» странно, поскольку, во-первых, «ленинградцы» 1940-х гг. начиная с Н. Вознесенского – в основном активные организаторы обороны Ленинграда – конечно и близко не могли быть правыми националистами и вряд ли могли принадлежать к группировке Русская партия. (Во всяком случае, свидетельств этого нет.) Удар, как это было и в 1930-х гг., наносился руками консерваторов (и соответствующими группировками в спецслужбах) по советским деятелям с целью подмены их на правых националистов.

Кроме того, с 1948 г. Сталин наносит удар и по партии якобы «еврейской» — совершая убийство Михоэлса, начиная антикосмополитическую эпопею и «дело врачей» вплоть до едва ли не высылки всех советских евреев в Сибирь. Попытки рассмотреть антикосмополитическую кампанию как «ответную» не подтверждаются фактами. Причины этой кампании были иными. Среди них можно отметить в частности разочарование Сталина в государстве Израиль, создававшемся при поддержке СССР, но выбравшего затем западную ориентацию. (См., например, Г.Костырченко. Тайная политика Сталина. — М.: Международн. отнош., 2001).

Известно, что в антикосмополитической и «врачебной» кампаниях участвовал ряд активистов Русской партии, в частности, тот же Федор Шахматов (Байгушев, с. 181). Основой обеих кампаний была характерная риторика указанной партии, которая активно использовалась ее представителями и в последующие десятилетия. Поэтому есть все основания считать, что антикосмополитическая и прочие кампании конца 1940-х — начала 1950-х гг. проводились при активном участии данной структуры и ее покровителей.

Не очень известно, что первый удар «дела врачей» пришелся на спецслужбы. В 1951 г. следователь МГБ по особо важным делам Михаил Рюмин написал донос о «сионистском заговоре» в органах госбезопасности. В результате был арестован целый ряд работников МГБ еврейской национальности, включая убийцу Троцкого Н.Эйтингона. Главой сионистского заговора по иронии обстоятельств был объявлен В.Абакумов, до этого активно занимавшийся репрессиями, в частности по ленинградскому делу. Показания из своего бывшего начальника выбивал сам М.Рюмин (см. И.Тельман. Дело о сионистском заговоре в МГБ, <http://www.jewish.ru/history/press/2009/07/news994276642.php>).

Дело о «сионистском заговоре» стало шагом к существенному усилению радикально-консервативных группировок в советских спецслужбах и верхах номенклатуры. Готовивший дело С.Д. Игнатьев расставил на важные посты целую группу своих сторонников, включая, например, Н.Месяцева, А.Епишева, В.Алидина и др., многие из которых досидели на своих постах до 1980-х гг. (Н.Митрохин. Русская партия в СССР, с. 102–106). Заигрывавший с правым национализмом, Сталин в конечном счете сам стал его жертвой, а также, возможно, жертвой тех внешних сил, задачей которых был подрыв СССР как политический, так и идеологический.

Как реально оценивать «кампании» конца 1940-х гг.? Видимо, обе операции — как ленинградское дело (ошибочно трактуемое как дело «русской партии»), так и кампания против «космополитов», «врачей» и так далее, суть удачные спецоперации неких сил, вполне вероятно в конечном счете внешних, для подрыва советской системы и насаждения манипулируемой консервативной агентуры. Обе операции имеют ряд черт, сходных с террористическими спецоперациями 1930-х гг., и в особенности 1937 г., проводившимися

созданными на Лубянке *диверсионными* (прежде всего правонационалистическими) группировками.

Репрессивные кампании рубежа 1940–50-х гг. наносили серьезный ущерб СССР в целом ряде аспектов. Что касается еврейского вопроса, то кампания против космополитов и «дело врачей» ясно знаменовали проигрыш СССР в идеологической полемике с Западом по этому вопросу, причем в весьма удачное время — время образования государства Израиль в 1948 г. В то время как Запад рекламировал новое еврейское государство, оказавшееся, понятно, под западным — англо-американском контролем — в СССР к 1953 г. сталинским руководством (с подачи консервативных группировок) планировалась едва ли не высылка всех советских евреев из больших городов — в Биробиджан, а также Казахстан. История «космополитов» и пр. наносила, таким образом, существенный урон СССР как в национальном вопросе в целом, так и в еврейском в частности, ясно показывая, что в СССР евреям «плохо» (тогда как на Западе, соответственно, им должно было быть — «хорошо»).

Это позволяет предположить, что *«антикосмополитическая» операция*, как и иные операции, соответствующие идеологии правонационалистической Русской партии в КПСС, и делавшиеся руками ряда ее функционеров, вполне могла иметь (и вероятно имела) *диверсионный характер*, поскольку была явно выгодна внешним силам, стремившимся устранить советского конкурента — в том числе в полемике по национальному и еврейскому вопросу. То есть кампания против космополитов вполне могла быть инспирирована внешними силами с целью подрыва советской системы и ее внутреннего и мирового престижа. Реально подрывалась и сталинская система власти: вся репрессивно-террористическая фантазмагория конца 1940-х — начала 50-х гг. закончилась среди прочего и смертью Сталина в 1953 г.

В таком ударе по СССР могли быть заинтересованы серьезные внешние игроки — противники СССР. Не их ли орудием выступали подпольные консервативные (и радикально-консервативные) группировки в СССР типа Русского ордена, Русской партии и проч.? Очевидно, что *внешние источники мог иметь (а видимо реально и имел) весь проект «русский консерватизм» (правый национализм) в СССР*. Внедрение в Советском Союзе правого русского национализма (в черносотенном варианте) было едва ли наиболее сильным ударом по советскому проекту, а также по тому самому СССР, по которому консерваторы — реальные союзники радикального национализма — и до сих пор проливают крокодильи слезы.

Одним из подтверждений этого является и то, что целый ряд активных деятелей Русской партии уже в 1940-х гг. выглядел как «двойная агентура». В этой связи нельзя не сказать о так называемых *черносотенных конвергентах*, активизировавшихся в рамках Русской партии в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Правый националист Байгушев резко нападал на теорию конвергенции Сахарова, определяя позиции демократов в КПСС — противников

сталинистов — как «образец двурушничества и ползучей конвергенции» (А.Байгушев. Русская партия, с. 303). Как и в случае с «сионизмом», термин конвергенция понимается правым национализмом по-своему — как ложные попытки объединить Святую Русь с «гнилым Западом» (по определению «сионистским»). Однако в Русской партии активно действовали свои «конвергенты», в числе которых можно назвать, например, активно рекламируемого Байгушевым Федора Шахмагонова.

Ф.Шахмагонов, которого по Байгушеву «русским надо знать», выдвинулся еще в начале 1950-х г. в период борьбы с «космополитами», выполняя в «Комсомольской правде» важное задание Берии — разоблачал еврейские (внешне как бы русские) фамилии (Байгушев, с. 181). Подобные разоблачения являются обычным идеологическим фокусом всей шовинистической и национал-патриотической литературы еще с «Завещания русского фашиста» К.Родзаевского. «Евреи» в ответ якобы «преследовали» Шахмагонова, но он «не сдавался». В «катакомбах» делал активную карьеру. Вскоре достиг больших успехов — был «подсажен» секретарем к М.Шолохову. Сильно — в том числе и через Шолохова — помогал Русской партии: в 1960–70-х. имел квартиру на Ленинском проспекте, бывшей важным «партийным» центром. В конечном счете оказался в Брюсселе — центре Белой эмиграции, с которой был связан как «предками», так и идейно (там же, с. 181).

Деятелей типа Шахмагонова можно определить как «черносотенных конвергентов». Аналогичной фигурой был видимо перешедший в 1945 г. на западную сторону и живший в США русский националист Григорий Климов. Невозвращенца Г.Климова (И.Калмыкова), книги которого до самого последнего времени невероятными тиражами печатали и распространяли в России консервативные издательства (как мы писали ниже), сильно любили и привечали в окружении А.Проханова. Оба русских националиста — как советский (Шахмагонов), так и американский (Климов) — похожи как две капли воды. Оба — хорошие черносотенцы, со сходными приемами разоблачения мирового еврейского заговора. Они-то и научили этим же приемам байгушевых, которые с 1950-х гг. повели нацистскую закулису в бой с «иудео-марксизмом» до полного развала СССР.

Итак, спросим прямо у консервативных пропагандистов и контрпропагандистов — разве Русская партия в КПСС (и СССР), как и советское черносотенство вместе с НТС — не была прямой *агентурой стратегических конкурентов тогдашнего СССР*? Если это так, то нечего консервативным пропагандистам обвинять в «предательстве» и работе на «иностранные разведки» неконсерваторов и «либералов» вроде А.Яковлева, не говоря о таких фигурах, как Ю.Андропов. Одним из наиболее серьезных ударов по СССР было создание внешними силами радикально-консервативной (правонационалистической) закулисы в СССР, причем — прежде всего в спецслужбах, а затем и в иных структурах. Это подтверждает, что вовсе не либерализм, а именно правый

национализм (консерватизм) был *главной ударной силой антисоветского проекта*, а значит и разведок «противника» в советский период.

Вывод: постоянно кричащим «держи вора» (в плане поисков внешних агентов — они же либералы и интеллигенты) русским правым националистам (консерваторам-черносотенцам в радикальном варианте) следует указать, что именно их и надо считать весьма важной (а может и «главной» агентурой антисоветских разведок в бывшем СССР, успешно осуществлявшей цели его идеологического и политического подрыва.

Это дает ответ на вопрос, можно ли считать идеологию консерватизма (в особенности в радикальном варианте) — идеологией защиты СССР, а действующие на ее основании политической группировки (в том числе и силовые) — продолжателями советского развития и самостоятельного развития России.

Эта идеология была явным регрессом от идеологии официального большевизма и не могла соответствовать целям его развития. Вначале воздействие правого национализма на большевизм приводило к его движению в сторону национал-большевизма, а затем и радикального консерватизма, образцы которого представила Русская партия. Национал-большевизм — это полуконсерватизм, соединение интернационального большевизма с русским правым национализмом. То есть в терминах «второго» марксизма (марксизма-ленинизма) — «шовинистический уклон» в ВКПб, в котором можно обвинить сталинизм как советский, так и постсоветский (не исключая и КПРФ). Кто стоял за идеологией радикального консерватизма Русской партии в СССР? За ней, очевидно, стояли в том числе и внешние силы, которые, вероятно, и манипулировали консервативными группировками.

9. Послесталинские реформы глазами русского консерватизма. «Троцкистско-космополитическая оттепель». Хороший Берия и «подлый вражина» Хрущев. Сталинисты против Хрущева. Провал реабилитации. «Русские катакомбы» 1950-х — 60-х. «Увлечательные окопные сражения на русско-еврейском фронте». Консервативный антисоветизм. Солженицын, Шафаревич.

После XX-го съезда началась хрущевская «оттепель». Ее, согласно «антилибералам» (консерваторам), конечно, придумали те же самые гнусные демократы (то есть по Байгушеву, «жидовствующие»), которые хотели демократизации партии и реформ в СССР. Не случайно правые националисты определяют послесталинские перемены как «троцкистско-космополитическую оттепель» (А. Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 6).

Как и на рубеже 1950–60-х гг. современный русский консерватизм (писания С.Семанова, А.Мартиросяна и проч.) до сих пор занимает активную «антихрущевскую» позицию. Патриоты из Русской партии не любили Хрущева уже в начале 1960-х гг., поскольку продолжали любить Сталина. Они также стремились препятствовать любым возможным реформам сталинской системы.

Для настоящих «щирых» черносотенцев байгушевского образца Сталин в конечном счете был «не слишком хорош», поскольку по сути был инородцем

(«тяжелая дубина с кавказским акцентом»), и не был, несмотря на шовинистические симпатии, прямым сторонником черносотенных партий. Вместе с тем из советских лидеров правые националисты предпочитали именно Сталина. «Если социализм, – заявлял (как уже отмечалось) Байгушев, – то сталинский». Для сторонника монархического черносотенства выбор вполне логичный. Консерватизм поет одну и ту же идеологическую песню о несчастном оболганном Сталине, замечательном Берии и плохом Хрущеве, который стал «разваливать» хорошую сталинскую систему.

«Полвека назад, – пишет А.Мартirosян, – ярый вражина СССР и России печальной памяти Н.С. Хрущев при сверхактивной поддержке маршала Г.К. Жукова и других развязал по сию же пору непрекращающуюся гнусную вакханалию подлого антисталинизма» (А.Мартirosян. Трагедия 22 июня: блицкриг или измена? <http://www.litmir.net/br/?b=178581>).

Важной частью борьбы с Хрущевым было желание национал-патриотов «окоротить» демократов, т.е. стремление к подрыву оттепели, проводимой шестидесятниками, яростно ненавидимыми байгушевскими консерваторами (правыми националистами). Последними приводится множество аргументов против Хрущева и его реформаторства – в большинстве демагогических. Черносотенец Байгушев (какой демократ, однако!) даже обвиняет Хрущева в «бытовом антисемитизме». Консерватизм не признает никаких достижений хрущевской эпохи. Не признаются ни советский подъем, связанный с оттепелью и разрывом со сталинизмом, ни достижения нового периода. Не нравились консерваторам Русской партии ни реабилитации послесталинской оттепели, ни укрепление влияния СССР в мире, ни сама идеология шестидесятничества, ориентированная на реформу социализма и отрицающая шовинистический консерватизм.

Что касается реабилитации многих незаконно репрессированных при Сталине людей, то после Хрущева этот процесс (например, комиссия Шатуновской) сворачивается.

Важной линией критики правым консерватизмом советского проекта была критика сфер влияния бывшего СССР и обвинение сторонников укрепления этих сфер в «троцкизме». В «троцкизме» Байгушев обвиняет, в частности, реабилитированных при Хрущеве старых большевиков. «Полезно знать, что в кампаниях „шестидесятников” периода хрущевской оттепели, среди которых большим влиянием пользовались возвращенные Хрущевым и его главным идеологическим советником Куусиненом из концлагерей и реабилитированные троцкисты, упорно еще ходила версия, что будто Троцкий, а не Ленин был в революцию первой фигурой» (Байгушев, с. 116).

«Реабilitированные троцкисты» на языке Байгушева, это «досталинские» (то есть реальные) большевики, замененные – в том числе и в результате прямого террора – на сталинских консерваторов. У Байгушева троцкизм – синоним большевизма вообще (об этом мы уже говорили в связи с

террором). Все советское влияние в мире согласно правому национализму — троцкизм, поскольку работает на «мировую революцию».

Важная причина критики Хрущева Русской партией — активная поддержка им советского влияния за границей. За это Хрущев, как и советские революционеры 1920-х гг. и старые большевики («троцкисты» согласно консерваторам), обвиняется в растрате советских ресурсов («профукал весь золотой запас»). Из этих обвинений становится понятно отношение радикального консерватизма к России как центру «коммунистического» и левого движения. Байгушевский правый национализм реально оказывается противником советских сфер влияния в мире и активным сторонником провала этих сфер.

Точно также консерватизм вел себя и в период перестройки. Важной составной частью тогдашней пропаганды радикально-консервативной группировки (а вовсе не «либералов») был отказ от советских сфер влияния даже в бывших советских республиках как «свобождения от присосков». В этом Байгушев отличался от сталинистских «имперцев» типа Проханова или Дугина, не говоря уже о сторонниках «либеральной империи» типа А. Чубайса. Байгушев и «Русская партия» (что вероятно, приветствовалось внешними покровителями этой группировки) всячески стремились подорвать влияние советской России в мире, поскольку это влияние, мол, создавалось «за счет России».

Этот факт интересно сопоставить с густой имперской риторикой консерватизма и его нескончаемым имперским плачем. Если вы якобы имперцы, то чего ноете по поводу советских сфер влияния, созданных реальным социализмом в XX веке, и тем более постоянно стремитесь подорвать эти сферы? Разве это противоречие — не свидетельство провокаторской роли консерватизма в СССР и постсоветской России?

В послесталинский — хрущевский и брежневский — периоды консерватизм (правый национализм) продолжил свою деятельность против советского проекта. По словам историков, движение русских националистов представляло собой «хорошо организованное сообщество». Идеологию данной группировки представляли «этнонационалистические мифы и ксенофобия», в частности, «жесткая антисемитская направленность» (Н. Митрохин. Русская партия в СССР, с. 8–9). «Протоколы сионских мудрецов» не публиковались, но подразумевались». Важную особенность движения составляла «правильная ориентировка по главному вопросу» — то есть поддержка характерной для правого национализма теории мирового еврейского заговора (там же, с. 366).

«Надзирающие» советские организации отмечали преемственность между довоенными правыми националистами и послевоенными консерваторами — в том числе в лагерях. «Среди сидевших „за войну“ было достаточно большое количество русских националистов: представители зарубежной русской интеллигенции, коллаборационисты (нередко идейные) периода ВОВ,

духовенство. Эти люди не только предавались воспоминаниям о былом, но и активно занимались вербовкой в свои ряды „студентов”, выступая, таким образом, не только в роли идеологов, но и в качестве организаторов русских националистических групп... Характерен в этом отношении процесс по делу организации НТС, созданной еще в начале 1950-х гг. в Ихтинских лагерях» (Н.Митрохин. Русская партия в СССР, с. 432). Среди активных участников правонационалистических группировок были действовавшие еще в 1930-е годы в эмиграции правые националисты, напр. Е.Дивнич и И.Ковальчук-Коваль.

Как и правые группировки 1920-х гг., послевоенные правонационалистические группировки поддерживались также и извне СССР. Ряд западных исследований русского консерватизма (например, Д.Данлопа – John V. Dunlop. *The Faces of Contemporary Russian Nationalism*. Princeton University Press, 1983) содержали «рекомендации по использованию русских националистов в интересах Запада» (Н.Митрохин, с. 17).

Важную роль в распространении правого национализма (консерватизма) в СССР играла организация *Народно-трудовой союз (НТС)*, с которой был связан целый ряд фигур «Русской партии». По словам Н.Митрохина, – «В глазах КГБ существенной виной членов движения русских националистов была связь с НТС. Все участники движения, арестованные в 1970–80-х гг. (кроме, возможно, Иванова – Скуратова) были связаны с этой организацией» (Н.Митрохин, с. 553). Правые националисты 1960–70-х гг. «были связаны с НТС, получали от этой организации литературу, передавали ее эмиссарам самиздат» (там же, с. 464). Журнал правого националиста (антисемита и православного монархиста) Владимира Осипова «Вече» прямо финансировался НТС (там же, с. 465–466).

Отцом известного лидера Русской партии Ильи Глазунова был купец из Царского села, сохранивший монархические взгляды, который написал самиздатскую работу о советской экономике. Один из дядей Глазунова (по линии матери – остзейские немцы, фамилия Флуг) ушел с немцами и работал в типографии НТС. (Н.Митрохин, с. 207–208.) И.Глазунов в 1960-х установил свои контакты с этой организацией. Причем «сотрудничал с наиболее ксенофобски настроенными членами НТС, как, например, А.П. Столыпным», который в обычном для консерватизма стиле трактовал большевизм и Октябрьскую революцию как «погром России тайными организованными силами, масонами». (Л.Колодный – Н.Митрохин, с. 208.)

Национал-патриоты из окружения И.Глазунова вступили в контакт с известным еще дореволюционным монархистом и сторонником радикального консерватизма В.Шульгиным. В начале 1980-х гг. помощник И.Глазунова Д.Васильев стал одним из организаторов и затем руководителем общества «Память», идеологией которого был все более явный радикальный правый национализм.

С начала 1960-х гг. представители радикально-консервативной Русской партии начинают активно проникать в советский государственный и партий-

ный аппарат, включая аппарат ВЛКСМ. Одним из первых активных поборников консерватизма в советском партаппарате был первый секретарь ЦК ВЛКСМ в 1959–68 гг. Сергей Павлов, который уже в начале 1960-х гг. создал в ЦК ВЛКСМ активную консервативную «группу Павлова». Представители этой группы «разделяли комплекс этнонационалистических мифов, существовавший в партийно-государственном аппарате». (Н.Митрохин, с. 248.)

С.Павлов одним из первых в хрущевский период начал обычную консервативную практику доноса на «либералов» (критиков сталинизма и сторонников реформ советской системы). Уже в 1961 г. он нападал на авторов «оттепели» как «жалкую группку морально уродливых авторов». В 1963–64 г. он же резко критиковал в «Комсомольской Правде» авторов, близких к «Новому миру», что вызвало протест А.Твардовского. Павлов нападал также на Солженицына, который якобы был осужден не по политическому, а по уголовному обвинению (Н.Митрохин, с. 257).

Важной темой консервативной группировки был антисемитизм, однако закамуфлированный под критику «троцкизма». В 1970 г. С.Семанов, относившийся к Ленину не лучше, чем к иным большевикам, выступил с лекцией «Борьба Ленина против троцкизма в области истории и культуры» (Н.Митрохин, с. 324). Он же в 1970-х гг. занимался снабжением шовинистическим самиздатом пятерых помощников членов Политбюро, что трактовал как «просвещение подверхов» (там же, с. 124).

В 1960–70-е гг. Русской партии по Байгушеву «приходилось действовать подтекстами, аллюзиями, иносказаниями» (Байгушев, с. 305). Ну как же без подтекстов! Октябрьская революция с точки зрения байгушевской русской партии – это «сатанинский шабаш», она же – «еврейская» революция. Ленин – «Бланк» (П.Палиевский и проч.). Доказывая все это в кулуарных беседах со «своими» и ненавидящий все советское, Байгушев одновременно в 1967 г., как уже отмечалось, писал для питерского главы Романова книгу «Ленин в революции» (там же, с. 269). Речь шла (выражаясь советским языком, до сих пор используемым Байгушевым) о реальном «двурушничестве» идеологии и практики так называемой Русской партии в КПСС.

Вся деятельность правых националистов в советских рамках отличалась постоянным лицемерием: свои реально черносотенно-имперские взгляды они пытались камуфлировать под марксизм. Среди национал-социалистических (часто и прямо черносотенных) псевдозащитников СССР уже в 1970-е гг. числились такие критики советской системы, как И.Шафаревич, В.Кожин, П.Палиевский (кстати, и в 2010 г. – член редколлегии «патриотического» издательства «Алгоритм») и многие другие.

Характерно описание одного из «Русских клубов» 1969–70 гг. будущего поклонника Брежнева Сергея Семанова. Как не без явного удовольствия сообщает Семанов, из 15 участников клуба (в числе которых был недавно освобожденный из заключения монархист Осипов) не было «ни одного

товарища с марксистскими убеждениями». В обсуждениях «не было ни одной марксистской формулировки, ни одного марксистского тезиса, будто марксизма не существует». (Н.Митрохин, с. 321.) Основное ядро клуба «было настроено антикоммунистически». На таких же позициях стояли и «участники группы Кожина-Палиевского – русские националисты, антикоммунисты и как правило монархисты» (там же, с. 323).

Несмотря на свою «антисоветскость» (резкую критику большевизма и превознесение дореволюционной монархии), главной своей задачей Русская партия в КПСС считала борьбу с советскими демократами – то есть сторонниками «демократического» реформирования советской системы. Эти битвы с демократами в партии вслед за Семановым Байгушев описывает как «увлекательные окопные сражения на нашем русско-еврейском фронте» (Русская партия внутри КПСС, с. 522). Нацистская закулиса вела указанные «окопные бои» со сторонниками реформ советской системы на самом веру советской партийной иерархии еще с хрущевского периода. Главной задачей была борьба с партийными демократами в окружении Хрущева – аджубеевцами, в дальнейшем сторонниками реформ советской системы, в том числе А.Яковлевым.

Конфликт «либералов» и «консерваторов» (правых националистов) был очевиден и в диссидентском движении. Отчетливым правым националистом, противником социализма и марксизма был автор известных и активно переиздаваемых ныне работ И.Шафаревич. К консерватизму склонялся и А.Солженицын (критиковавший «либералов», например, в известной статье «Образованщина»). Многочисленные признаки влияния консерватизма (правого национализма) на позицию Солженицына можно обнаружить вплоть до последних его работ (в частности, в книге «200 лет вместе»).

Разумеется, Русская партия (правые националисты) была активным инициатором отставки Хрущева, главным недостатком которого считалось его стремление к реформам, а также расширение советских сфер влияния. Байгушев описывает деятельное участие Русской партии в снятии Хрущева и приходе к власти Брежнева.

10. Брежневский период как «золотой век» СССР. Советский консерватизм и сторонники реформ. Борьба правых националистов с демократами в КПСС. Почему правые русские националисты не любили советских диссидентов и доносили на них. Антагонизм либералов и консерваторов. «Два крыла державного орла» и внешняя игра в две руки.

После отставки Хрущева, организованной при активной помощи консервативной Русской партии, в СССР начинается брежневский, говоря словами С.Семанова «золотой век». О «золотом веке советской власти, то есть брежневском времени, самом тихом и умеренном под большевиками» (один к одному с Семановым, как сговорившись) пишет и правый националист (он же по Байгушеву «контрпропагандист») Олег Платонов (Байгушев, с. 71).

Действительно, брежневский период на общем советском фоне выглядит достаточно умеренным и спокойным. При этом хвала Брежневу у правых националистов кажется явно лицемерной. Называемая у Семанова «золотым веком» брежневская власть согласно советнику Суслова Байгушеву (и на словах — единомышленнику Семанова) как и «советская власть» в целом — не что иное, как «оккупационная еврейская власть» (Байгушев, с. 194). Он же называет ее «полуиудейской», настаивая на необходимости «русского переворота». Какой уж тут «золотой век»? Кто из двух «наперсточников с цитатами» — «новый Столыпин» (по словам Байгушева) Семанов или сам черносотенный конвергент Байгушев — лжет, а кто вещает правду?

Кстати, поэтизируя семановскую книгу о Брежневе, Байгушев успел забыть, что сам называл Семанова образцовым патриотом и чуть ли не «Столыпинным» Русской партией («наш Столыпин» — Байгушев, с. 136). Выходит, у консерваторов — что Столыпин, что Брежнев — все едино?

Брежнев, как известно, начал свою деятельность на посту генсека КПСС с ряда действий по «нормализации» ситуации в СССР после якобы «хрущевского волюнтаризма», но перешел к сталинистским контрреформам. В 1969 г. под влиянием советских консерваторов (советских традиционалистов и правых националистов, маскировавшихся под марксизм) Брежнев делает попытку реабилитации Сталина. (Подробности — Р.Медведев, о Сталине и сталинизме.)

Разумеется брежневская рестаилинизация конца 1960-х гг. активно поддерживалась Русской партией в КПСС. Недаром сталинизм остается коньком русского консерватизма вплоть до настоящего времени.

Одним из прорывов Русской партии Байгушев считает «истинно русский манифест» Сергея Семанова 1960-х гг., каковой означал (по словам Солженицына) переход от «нечленораздельного русофильского мычания» к «открытым битвам» со сторонниками реформирования советской системы. То есть, согласно логике консервативной «контрпропаганды», изложению доктрин правого национализма в «советской» упаковке. К настоящему времени плодovitый консервативный автор С.Семанов выпустил ряд книг, включая книги «Брежнев — правитель золотого века», «Русско-еврейские разборки» и проч.

Важную роль в консервативном движении Русской партии продолжал играть аппарат ВЛКСМ, сориентированный в данном направлении еще первым секретарем ЦК ВЛКСМ С.Павловым. «Со второй половины 1960-х гг. несколько антикоммунистических и монархических по своему настрою групп нашли защиту, покровительство и работу под крышей ЦК ВЛКСМ.» (Н.Митрохин, Русская партия в СССР, с. 354) Наряду с монархизмом в их среде обычным был «этнонационалистический миф о злокозненности евреев» (там же, с. 358).

С ВЛКСМ была связана и, так называемая, группа А.Шелепина, в дальнейшем игравшая активную роль в смещении Хрущева, а в 1967 г. даже пытавшаяся сместить Брежнева (там же, с. 99).

Как сообщает в своих воспоминаниях об этом периоде будущий работник ЦК КПСС и одновременно активный борец с марксизмом и коммунизмом А. Ципко, уже в конце 1960-х гг. в аппарате ЦК ВЛКСМ широко велись «белые разговоры». (Н. Митрохин. Русская партия в СССР, с. 350–351). Многие аппаратчики «по своему отрицанию коммунизма были близки ко мне» (там же, с. 284). Сам аппаратчик Ципко был «*нормальным белым патриотом*», проходил за «белого специалиста» (там же, с. 351). Говорил о себе как «ренегате с партбилетом в кармане» («Почему я не демократ»).

Положительной идеологией подобных функционеров был православный монархизм. А. Ципко даже удивлялся на появление в Ставропольском крайкоме ВЛКСМ М. Горбачева. «Там днем с огнем нельзя было найти ни одного работника, который бы всерьез относился к марксистско-ленинской идеологии с ее социалистическим выбором». Горбачев был едва ли не «единственным представителем комсомольцев, который не переболел почвенничеством» (Н. Митрохин, с. 244).

Важную роль в движении Русской партии играли «патриотические» (консервативные) журналы — «Наш современник» и «Молодая гвардия», а также шовинистический самиздат. В «Молодой Гвардии» печаталась «антисионистская» литература, в том числе антисемитских публицистов Е. Бегуна и Е. Евсеева (Н. Митрохин, с. 267). Таков же был и самиздатский консервативный журнал «Вече» правого националиста Владимира Осипова. По словам Н. Митрохина, «первые номера Веча поразительно близки журналам „Наш Современник” и особенно „Молодая гвардия” (там же, с. 468). Больше половины объема журнала занимали псевдоисторические, публицистические и литературоведческие материалы, которые в немногим более благоприятных обстоятельствах вполне могли появиться на страницах „Молодой Гвардии” и „Нашего современника”» (там же, с. 470).

Партийный аппарат в целом «снисходительно относился к движению русских националистов» (Н. Митрохин, с. 358). Активная борьба Ю. Андропова с русскими националистами — (в короткий период его пребывания у власти: апрель 1982 — февр. 1983) была скорее исключением. В этой связи правые националисты обвиняли Андропова в «антирусской позиции». Дело в том, что Андропов, по словам Митрохина, «считал деятельность русских националистов одной из наиболее важных опасностей, грозивших внутренней стабильности в СССР» (там же, с. 550). Отсюда — резкая критика Андропова представителями Русской партии вплоть до последнего времени.

При этом жесткость властей по отношению к консервативным группировкам не следует преувеличивать. Как замечает Н. Митрохин, «вопреки мифу об „особой жестокости” властей по отношению к Русской партии, репрессии в отношении русских националистов применялись крайне скупом» (Н. Митрохин, с. 548). Консерваторы с одной стороны подвергались репрессиям вместе с другими диссидентами, например, осуждение ВСХСОН в 1967 г., В. Осипова

в 1975, Л.Бородин в 1982 гг. Однако им инкриминировался «не только самиздат, но и получение денег от эмигрантской организации НТС». Вместе с тем, по словам Н.Митрохина, — «На наш взгляд, существует достаточно свидетельств того, что высшее руководство КГБ благожелательно относилось к Русской партии» (Н.Митрохин. Русская партия в СССР, с. 548).

Интересны соображения Байгушева о так называемых «двух крыльях двухглавого орла» — то есть о своеобразном «распределении сфер влияния» между партийными либералами и консерваторами в СССР 1960–80-х гг. Байгушев говорит чуть ли не о «договорно закрепленном» равновесии между идеологическими крыльями консерваторов и либералов в тогдашнем СССР. Откуда взялось это распределение? Кто определил эти сферы влияния? Речь шла, заметим, уже о позднем СССР и советском (втором) марксизме, который вступил в стадию разложения. Признаком чего, по-видимому, и стало появление указанных «крыльев» — как либералов, так и консерваторов.

Образование в бывшем СССР данных двух политических крыльев — либералов и консерваторов — может быть следом внешнего идеологического влияния на СССР. Возможно перед нами классическая схема *управляемого конфликта*, который действует в постсоветской России и до настоящего времени. Есть основания считать, что данный конфликт стимулировался также и извне, что могло соответствовать и внешним задачам по разложению СССР.

Запад, по-видимому, ставил своей целью подмену «левых» вариантов либерализма (шестидесятничества) и советского консерватизма (сталинизма) на их правые аналоги. Именно, замену советского либерализма (теории социализма с человеческим лицом) на оранжевый (правый) либерализм для советских демократов и правый национализм для консерваторов.

Роль русского правого национализма в управляемом (возможно и извне) конфликте либерализма и консерватизма была специфической — именно, обычно прямо провокационной. Байгушев рассказывает о постоянных провокациях консерваторов Русской партии против «либералов» — то есть сторонников демократизации советской системы еще в рамках СССР.

Характерной особенностью «консерваторов» (правых националистов) в брежневский период была поддержка официальных репрессий против диссидентов — «либералов» — то есть систематические доносы на последних. С одной стороны Русская партия (в частности, Байгушев) выделяет среди диссидентов «своих» — например, правого христианина В.Осипова. Его якобы посадил Андропов, с точки зрения Байгушева — «ихний» (постоянно описываемый у «бедного киргиза» Байгушева как Андропов-Вайнштейн (по матери)). Критика Андропова — вплоть до обвинений в работе на стратегических конкурентов — обычная черта риторики правого национализма. Несмотря на обвинения Андропова и проч. в посадке национал-патриотов (в основном за связи с НТС) в первую очередь сажали все-таки диссидентов — «демократов».

Например, еще до Андропова, в 1966 г. с началом брежневского «золотого века» к семилетнему заключению были приговорены А. Синавский и Ю. Даниэль — не за политику, а за чисто литературные произведения (см. «Цена метафоры». — М., 1990). Об этом у «наперсточника» — ни слова, потому что «не свои», а таковых, по Байгушеву, сажали «за дело». Кстати, доносами занимался и правый самиздатский журнал В. Осипова «Вече», напечатанный, например, «разоблачительные» воспоминания Н. Решетовской против А. Солженицына. В обвинении осужденных на семь лет Синавского и Даниэля не сильно приглядную роль играл Михаил Шолохов. Кто тащил Шолохова в обвинители писателей? Не консервативные ли «контрпропагандисты» через хорошего черносотенно-белогвардейского секретаря — того же Федора Шамагонова, по признанию Байгушева, «подсаженного» к нему правыми националистами?

Характерно критическое отношение Байгушева и иже с ним к Александру Зиновьеву, в 1970-е уехавшему из СССР и выступавшему на Западе с острой критикой советской системы. Черносотенный номенклатурщик объявляет Зиновьева... «отщепенцем», что в тогдашней ситуации было явным доносом. Какая тут логика? Зиновьев — как будто «свой», вполне русский (не какой-нибудь инородец) и в 1980-х — антисоветчик. До начала 1990-х — острый критик СССР и социализма, как и консерваторы байгушевского образца, например, антисоциалист Шафаревич. Ан нет, Зиновьев у Русской партии Байгушева — не свой и «плохой». Дело просто: правые националисты чувствовали, что Зиновьев был все-таки скорее социалистом, чем правым националистом, что особенно ярко проявляется в его работах после 1993 г.

В результате с точки зрения правого национализма Зиновьев оказывается так же плох, как «национал-большевик» Зюганов. Последний хотя и «национал», но все же слишком большевик — то есть не последовательный националист, а потому «коллорационист» и «отщепенец» (от своей нации). Поэтому, подменяя советские штампы консервативными, сидящие на советской «контрпропаганде» правые националисты Байгушевы и Шамагоновы клеймят беглого Зиновьева за «отщепенство», как позже цэковца Александра Яковлева за якобы «двурушничество».

А разве не реальным двурушничеством поборников Русской партии байгушевского разлива является само сидение правых националистов (то есть монархистов и черносотенцев) на советских постах, лицемерные писания ими советских текстов (вроде Байгушева к 100-летию Ленина) и постоянное стремление уверить советских «тюфяков» (от «калоши» Сулова до маршала Язова), что они «защищают советскую власть»?

Интересен и сам консервативный термин «отщепенство». Нельзя не заметить, что указанный термин (как и иная терминология сталинского и неосталинистского репрессивного аппарата) прямо связан с дореволюционным консерватизмом, хотя и специфически перевернутым. Термин «отщепенство»

есть специфический повернутый термин «Вех», как и термин «космополитизм». Как будто сталинистские следователи 1940–70-х гг. (в том числе из числа байгушевской Русской партии) были дореволюционными «консерваторами» и читали Гершензона с Бердяевым. (Скорее иное – те, кто составлял их тексты, явно опирались на дореволюционную консервативную традицию.)

Донос Байгушева на «отщепенца» Зиновьева – не единственный. Правые националисты частенько подыгрывали советским, как бы «красным» – реально же по сути черносотенным репрессиям против «не своих» – как большевиков («троцкистов»), так и отщепенцев-диссидентов. Национал-патриоты написали донос на К.Симонова, якобы «организовавшего сбор денег в пользу Израиля». Рядом доносов прославился активный деятель Русской партии Станислав Куняев. Он, в частности, написал в 1978 г. обвинение (письмо в ЦК КПСС) против альманаха «Метрополь», в котором сообщал о «русофобских и сионистских» мотивах «Метрополя» (Н.Митрохин, с. 538–539). Куняев же выступил против В.Высоцкого, рок-музыки и проч. (там же, с. 563). Национал-патриоты написали донос на «Новый мир» и его главного редактора С.Наровчатова как «союзника сионистов» (там же, с. 539–540).

11. Борьба консервативных группировок против реформаторов реального социализма. Правые националисты и вторжение в Афганистан (также, вероятно, и в Чехословакию). Консерватизм и блокирование положительных реформ реального социализма. Русская партия в СССР 1960–80-х гг. Как русский консерватизм (правый национализм) подрывал брежневский «золотой век».

При Брежневе консерватизм (Русская партия в КПСС) продолжает яростную борьбу с партийными демократами и сторонниками реформ советской системы. А также занимается проваливанием указанных реформ, например, экономической косыгинской реформы, а также плюралистического и рыночного эксперимента в Чехословакии.

В 1967 г. консервативная группировка А.Шелепина предприняла атаку на Брежнева, но потерпела поражение. В то же время представители данной группировки сохраняли серьезное влияние в советской номенклатуре.

В 1968 г. правонациональные группировки выступили с критикой чехословацкого реформизма. Таковой, как и горбачевский реформизм в СССР, трактовался как попытки «развалить» реальный социализм.

Можно ли принимать обвинения консерваторов всерьез? Мы отстаиваем мнение, что при поддержке тогдашнего СССР в Чехословакии был возможен плюралистический левый эксперимент – плюралистическое общество «левого контроля» (см. Кризисы реального социализма: Венгрия, Чехословакия, СССР. Взгляд слева – <http://kripta/ee/rosenfeld/2009/11/05/krizisy-realnogo-socializma-vengriya-chexoslovakiya-sssr-i-vzgliad-sleva/>). Создание плюралистического левого анклава в Европе позволило бы реальному социализму начать реальное движение в направлении необходимых реформ и

нового развития. При этом очевидно, что консервативные (как сталинистские, так и правонационалистические) группировки тогдашнего СССР (в частности байгушевская Русская партия) были сторонниками подавления Чехословацкого эксперимента путем военного вторжения. С какими целями? Консерватизм Русской партии в КПСС и вне ее, очевидно, стимулировал сохранение в СССР наиболее отсталых форм реального социализма. Провал чехословацких реформ, как и других попыток положительных перемен системы советского образца, реально разворачивался по сценарию провала Российской империи. Отказываясь от реформ, консерваторы подталкивали СССР к наиболее разрушительному варианту развития событий — распаду СССР, который и реализовался на рубеже 1990-х гг.

Попыткам реформ от Хрущева до Дубчека правые националисты противопоставляли консервативные сталинистские контрреформы. Ими торпедировались как политические, так и экономические преобразования в СССР, в частности, рыночная (косыгинская) реформа. В противовес реформаторам правыми националистами поддерживались фигуры Сулова, Романова, Черненко, олицетворявшие загнивание советской бюрократии. Сталинистские (консервативные) тенденции в правящих группировках позднего советского периода безусловно вели к ослаблению и падению СССР и реального социализма в целом.

В результате подрыва консерватизмом даже тех реформ, которые были возможны в рамках советской системы, в СССР к началу перестройки сохранялся едва ли не наиболее отсталый вариант реального социализма. В этом заслуга сталинистской бюрократии и консерватизма, как советского традиционализма — сталинизма, так и в особенности правого (монархического и черносотенного) национализма. Оба идеологических течения действовали в едином антиреформаторском консервативном блоке. Перед реальным социализмом стояла дилемма — крах или реформы левого направления. Бюрократия предпочла крах.

Наряду с отказом от положительных реформ системы реального социализма в СССР консервативные группировки в тогдашнем СССР стимулировали сомнительные внешнеполитические акции, подрывавшие престиж СССР. Таковым, в частности, было вторжение в Афганистан в 1979 г. Втягивание национал-консерватизмом СССР в афганскую историю имеет двусмысленный характер. С одной стороны — влияние тогдашнего СССР в Афганистане надо было укреплять. Но следовало ли добиваться этого прямым вторжением, которое явно компрометировало СССР и втягивало его в сложную войну?

Как показывает Байгушев, роль консервативной (правонационалистической) закулисы в афганском вторжении была весьма велика. По его словам Брежнев «сомневался» в необходимости прямого военного вмешательства. *«Но мы, контрпропагандисты, нарисовали Брежневу истинную картину по-*

ложения в наших среднеазиатских республиках». В результате прошел вариант военного вмешательства (А.Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 574).

Как оценить роль «контрпропагандистов» байгушевского образца в тогдашней ситуации? Здесь, как и во многих других случаях, консервативные группировки реально добились не столько успеха, сколько громкого провала СССР (что может говорить и о возможной манипуляции советскими «консерваторами» извне). Данный провал был выгоден тем, кто стремился к подрыву влияния советской системы. Как стало известно позже, например, США сознательно проводили целый ряд акций по провоцированию советского вторжения в Афганистан. (Bonosky Phillip. Washington's Secret war against Afghanistan. — N. Y. 1985, Киран Р., Кенни Т. Продавшие социализм. — М.: Алгоритм, 2009, с. 116.)

Есть основание считать, что консервативные группировки могли сходным же образом (а, возможно, и под внешним влиянием) добиваться и вторжения СССР в Чехословакию в 1968 г., способствуя тем самым конфликту между союзниками «восточного блока», подавлению ростков реформаторского «нового социализма» и конечному поражению реального социализма в Европе.

В 1970-х годах правая Русская партия проявляет особенную активность, сосредотачиваясь в первую очередь на «захвате и укреплении позиций в литературной среде» (Н.Митрохин. Русская партия в СССР, с. 556). Какие идеологические позиции отстаивали правые националисты? Ю.Селезнев готовил сборник отрывков из произведений русских писателей, «объединенных, по-видимому, в первую очередь отношением к еврейскому вопросу». Литературоведа и национал-патриота Е.Вагина у Достоевского также «особое внимание привлекает «Дневник писателя», содержащий многочисленные этнонационалистические пассажи» (там же, с. 214, 215).

При участии фигур Русской партии уже с 1960-х гг. начались активные действия против «либералов», в частности атака на пленуме 1965 г. на журналы «Юность» и «Новый мир» Твардовского. В 1967 г. были сняты с постов заместители Твардовского, в 1970-м при участии этих же сил «Новый мир» был закрыт (Н.Митрохин, с. 112, 118).

Те, кто пытался противостоять давлению правого национализма, подвергались шельмованию, которое консервативной группировке удавалось осуществлять даже на самом верху партийной иерархии. Байгушев, в частности, описывает перипетии борьбы правых националистов с тогдашним членом ЦК Александром Яковлевым, которого данная группировка стремилась скомпрометировать и устранить из партийных верхов, обзывая его «хромым бесом» (А.Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 303). Как сообщает шовинистический акын Байгушев, от очередной «патриотической» выходки «хромого беса... аж передернуло». Однако, былинно повествует Байгушев, «Сергей Семанов, как князь Святослав иудейским хазарам, гордо и уверенно послал яковлевцам бересту — „Иду на вы”» (там же, с. 285).

Александр Яковлев пытался противостоять правым националистам (если не явным черносотенцам), выступая против инспирировавшегося ими шовинизма. В частности, в статье против «антиисторизма» в ноябре 1972 г. он подверг критике правонационалистические (под якобы большевистским соусом) трактовки российской истории. Данная публикация, определенная Байгушевым как «образец двурушничества и ползучей конвергенции», была использована национал-патриотами для выведения А.Яковлева из ЦК КПСС. Этого удалось добиться путем активных подковерных интриг с опорой на высшие фигуры партийной иерархии. «Опальный» Яковлев был отправлен послом в Канаду.

Таким образом, распространение шовинизма и разрушение не только советской идеологии, но и нормальных демократических ценностей в России (которыми группировка правых националистов занималась несколько десятков лет) представляется Байгушевыми чуть ли не как святое дело — как борьба за монархическую «святую Русь» против «бесовства» и «двурушничества» советских левых и «либералов».

Очевидно лицемерие подобного консервативного обвинения. На самом деле реальным двурушничеством и провокацией против реального социализма была деятельность Русской партии и нацистской закулисы в СССР, отстаивавших реальную «конвергенцию» с зарубежным правым национализмом (черносотенством), правой русской эмиграцией и НТС. Находясь в непосредственной близости к власти, консервативная Русская партия боролась с «нормальным» лицом советского реального социализма, создавая шовинистическую обстановку внутри страны и соответствующий имидж реальному социализму за границей. Кого в послевоенном мире (не говоря о странах реального социализма) могли привлечь пропагандируемые Байгушевым и иже с ним русская черносотенная монархия и святая Русь, ряженные баркашовские белогвардейцы, казаки (а заодно «бейтары») и проч.? Работая на сохранение наиболее отсталых черт командной системы, группировка правых националистов была партией провала реального социализма, да и самой России в тогдашнем мире. Можно утверждать, что советские партийные демократы, включая того же (разумеется, не лишнего правого либеральных иллюзий) А.Яковлева, пытались отстаивать «нормальное лицо» тогдашней советской России и «советские ценности» (как и реальные демократические ценности российской интеллигенции) в борьбе с черносотенной бесовщиной Байгушевых и проч.

Помимо действий против А.Яковлева, шовинистическая группировка предпринимала и иные акции против несогласных с их идеологией представителей партийных верхов. Так в доносе С.Куняева (письме в ЦК КПСС) 1979 г. высокопоставленные работники А.Беляев и В.Севрук были обвинены в «пособничестве сионизму», поскольку «вызвали недовольство националистов защитой либералов» (Н.Митрохин. Русская партия в СССР, с. 540).

Массированная национал-патриотическая атака даже вызвала негативную реакцию М.Суслова, что уже говорит само за себя (там же, с. 541).

В 1970–80х гг. консерваторы продолжали атаку на «либералов» во всех областях культуры, начиная с литературы. В.Бушин в журнале «Москва» резко выступил против «Путешествия дилетантов» Б.Окуджавы. Г.Гусев в 1979 г. не допустил к публикации роман А.Рыбакова «Тяжелый песок» (Н.Митрохин, с. 543–545). В апреле 1982 года был опубликован донос национал-патриотов – «деревенщиков» (в том числе В.Астафьева) на рок-музыку, в частности «Машину времени» («Рагу из Синей птицы»).

В целом, по замечанию Н.Митрохина, национал-патриоты как правило «занимались сами тем, что приписывали либералам» (Н.Митрохин, с. 528).

Такими методами консервативными сторонниками СССР, по словам национал-патриота Любомудрова, «совершалось *постепенное высвобождение Отчизны от плена вавилонского*» (там же, 528), то есть советской системы, которую байгушевские «контрпропагандисты» якобы защищали.

В 1982 г. возникло общество «Память» постепенно сдвигавшееся в направлении радикального консерватизма. С 1984 г. в его деятельности стал принимать участие помощник И.Глазунова Д.Васильев (1945 г. рожд.), который дальнейшем и возглавил организацию.

В период перестройки, по мнению Н.Митрохина, влияние правонационалистической Русской партии «упало». «Публичная поддержка Астафьевым общества „Память“, агрессивное морализаторство Распутина» и многое другое, по словам историка, «лишало движение русских националистов поддержки интеллигенции» (Н.Митрохин, с. 561–562).

12. Выводы. «Вирус консерватизма» в СССР и постсоветской России. Консерватизм, кризис доперестроечного СССР и крах реального социализма. На что они променяли советский марксизм?

Уже этот по необходимости краткий обзор идеологии и деятельности консерваторов (правых русских националистов) в СССР вполне ясно показывает, зачем пришел консерватизм (прежде всего радикальный правый национализм в варианте так называемой Русской партии внутри КПСС) в советскую Россию, а также Россию современную.

Попытки ряда идеологов консерватизма представить себя защитниками советского проекта (в том числе и «советской цивилизации» – С.Кара-Мурза) должны быть отвергнуты как лицемерные. Реально важнейшая группировка консерватизма – правые (черносотенно-монархические) националисты – была явным противником советского проекта, многократно подтвердившим свою ориентацию даже не на либеральную демократию февраля 1917 г., но на дореволюционную, причем явно черносотенную, монархию. Носитель данной правой идеологии в России – так называемая Русская партия в КПСС и СССР – с 1920 по 1990-е была по сути партией развала реального социализма.

Вся деятельность Русской партии в СССР была безусловным подрывом советского марксизма, советского социализма и всего советского проекта.

В этом русский правый национализм ничем не отличался от других восточноевропейских национализмов. Во всех странах бывшего реального социализма от Сербии до Грузии и Таджикистана консерватизм (правый национализм) всегда являлся жестким противником как реального социализма («коммунизма»), так всей левой революционной и просто демократической традиции в соответствующих государствах.

Взгляды консерватизма на историю России XX века (и в первую очередь советскую), как правило, являются мифологическими, зачастую полностью переворачивающими реальность. Как мы убедились, риторический «советизм» (защита советского проекта), как и витринная «русофилия» консерватизма (поддержка им идеи русской национальной революции, «русского переворота» и «русского контроля») есть консервативное лицемерие. На деле русский консерватизм (как и правый либерализм в единой теории консервативного либерализма) есть идеология реставрации «досоветской» системы, которая почти во всех странах посткоммунизма противостояла положительным реформам системы реального социализма и вела к ее разрушению — а, следовательно, разрушению и бывших сфер влияния советской России.

Лицемерно обвиняя либералов (они же так называемые «демократы») — не только правых, но и левых в «разрушении СССР», консерватизм (правый национализм), как мы видели, камуфлирует свою собственную прямую ответственность за разрушение как СССР, так и реального социализма в целом.

«На что мы променяли СССР?» — задавал один из своих риторических вопросов М.Калашников (В.Кучеренко). Вопрос может быть переформулирован так — на что «мы» (точнее «они», консерваторы) променяли идеологию реального социализма (советский марксизм)? Ответ: советский марксизм официальные российские консерваторы (национал-патриоты включая и М.Калашникова) променяли на консерватизм — правый национализм, то есть фактически в радикальном варианте, — на идеологию русской национальной революции — наиболее чистой формы консерватизма (правого национализма). Поэтому и СССР консерваторы променяли на Новый российский порядок, основанный на консервативно-либеральной (правой) идеологии.

Возможно ли было нормальное существование, развитие и реформирование (а не разрушение) системы реального социализма на основании консерватизма, без левой идеологии и марксизма? Как мы стремимся показать, это было невозможно. Консерватизм, до сих пор стремящийся представить себя идеологией развития социализма и его реформирования, был на деле теорией развала реального социализма, теорией террора против него. Консерватизм (правый национализм — так называемая Русская партия,

Русский орден) вел многолетнюю борьбу внутри СССР по подрыву данного государства.

Можно утверждать, что по своей разрушительности по отношению к обществам бывшего реального социализма консерватизм (правый национализм) играл весьма значительную роль, даже опережая по своей подрывной роли другую правую идеологию — правый либерализм, идеологию «демократической февральской революции». Как и другие консерватизмы, русский консерватизм (правый национализм так называемой Русской партии), был идеологией разрушения советской системы, а тем самым и подрыва советского (то есть «русского» на момент рубежа 1990-х гг.) контроля в Европе и мире.

Общее место консерватизма — критика «вируса либерализма» (напр., Л.Савин 4.03.10, <http://www.evrazia.tv/content/leonid-savin-virus-liberalizma>). Вопреки консервативному утверждению, что СССР «развалили» либералы (демократы) во главе с Горбачевым, следует указать со всей определенностью, что немаловажной (а может быть одной из серьезных) причин развала СССР являлся подрыв его идеологии и политики внутренними группировками консерватизма — правого национализма. Внедрение консервативной идеологии («вируса консерватизма»), стремление подменить ею левую и демократическую традиции было существенной причиной разрушения идеологической основы реального социализма, а, следовательно, и подрыва всего советского проекта. В этом смысле консерватизм (правый национализм) может рассматриваться как орудие стратегических конкурентов советской и постсоветской России, добивавшихся разрушения СССР.

Поэтому плач национал-патриотов по СССР и обвинение в его крушении «либералов» является консервативным лицемерием. Сделав максимум для развала реального социализма, консерваторы — Байгушевы (а с ними — Калашниковы и проч.) являются «все в белом», заявляя о своей советской ностальгии и призывая вернуться «назад в СССР». Эти попытки должны быть демистифицированы. Защита правым национализмом СССР не может не быть обманом. Во всех постсоветских странах левые идеологии и системы реального социализма подрывались консерватизмом (национализмом). А разве русский правый национализм не играл в России такую же роль?

Основным течением консерватизма является не советский традиционализм (в частности зюганизм), но правый национализм — аналог соответствующих консерватизмов в постсоветских республиках: Прибалтике, на Украине и проч. Этим и объясняется тот факт, что консерватизм (правый национализм — прежде всего в варианте так называемой Русской партии в СССР) в советский период поддерживался противниками бывшего СССР в холодной войне. (Например, в варианте НТС — английскими и американскими специальными службами.) Целью такой поддержки был подрыв идеологии реального социализма, а тем самым и «советского контроля» в СССР и Восточной Европе.

Можно утверждать, что консервативная (правонационалистическая) идеология в России и соответствующие группировки поддерживаются соперниками России по холодной войне вплоть до настоящего времени.

Здесь и ответ на вопрос — может ли консерватизм представлять идеологию современной «суверенной» России. Консерватизм способен на это только в представлении самих консерваторов. Русский правый национализм — основное течение консерватизма (как и консерватизмов ряда посткоммунистических стран) — отказывается от положительных реформ реального социализма и является идеологией «реставрации» в России традиционного западного общества, по сути — строительства России в соответствии с западным (англо-американским) проектом. Консерватизм (прежде всего правый национализм) — это идеология разрушения в России советского наследия и реставрации общества западного образца, идеология Нового мирового порядка. Отсюда и приверженность к данной идеологии нынешней российской силовой элиты — элиты вписывания России в Новый российский порядок.

Существуют варианты так называемого «оппозиционного» консерватизма, который представляют критики Нового мирового порядка А.Уткин, С.Кургинян, Н.Стариков, полуконсерватор С.Кара-Мурза и проч. Можно сказать, что критицизм данного течения консерватизма по отношению к Новому мировому порядку вовсе не является консервативным. Реально речь идет о заимствовании (а иногда прямой краже) консерватизмом фрагментов марксистского анализа и попытках представить таковые или в качестве некоей новой идеологии, или тезисов того же консерватизма (например, Н.Стариков о западном кризисе).

Современным левым незачем прикрывать свои взгляды правой (в том числе консервативной) оберткой. Для построения идеологии, в которой нуждаются страны так называемого посткоммунизма, в первую очередь Россия, следует разорвать с консерватизмом и возвратиться к левой идеологии и марксизму, но не в советском, а в современном варианте.

Глава 5.

РОЛЬ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА В ПРОВАЛЕ СОВЕТСКОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ И РЕФОРМ РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА В ЦЕЛОМ. КОНСЕРВАТИЗМ И РАСПАД СИСТЕМЫ РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА

Проблема оценки и анализа советской перестройки, как и в целом вопрос о положительных реформах реального социализма, остается серьезным и не решенным до сих пор вопросом – теоретическим и практическим. Во-первых, теоретическим, поскольку задачи позитивных постсоветских реформ в странах реального социализма не только не были решены, но не были также и поняты (осмыслены) в рамках обычных для современной России вариантов идеологий – как старого советского марксизма, так и правых течений либерализма и консерватизма. Во-вторых, также и потому, что эти вопросы весьма далеки от реального решения и в настоящее время. Но если основные вопросы (к которым относятся указанные) не решены, то к ним, как говорил один известный автор, придется возвращаться снова и снова. Вопросы об отношении к эпохе «социализма» остро стоят во всем пространстве посткоммунизма. Но особенно остро эти вопросы стоят в России – центре этого пространства.

1. Советская «Перестройка» 1987–1991 г. глазами русского консерватизма. Консервативная мифология о «либерализме» как виновнике провала реального социализма и попыток его перестройки. Можно ли считать консерватизм идеологией защиты реального социализма и его положительного развития? Различные концепции перестройки и критика консервативно-либеральной теории перемен в мире реального социализма. Консерватизм – правый национализм – как один из главных факторов перестроечной катастрофы.

Каков подход русского консерватизма к проблеме советской перестройки и в целом изменений системы «реального социализма»? Риторика (а как правило и мифология) современного русского консерватизма по вопросу о крахе реального социализма – распаде СССР и «восточного блока» – строится главным образом на критике «либерализма», а также «личного предательства», совершенного либералами. В первую очередь перестройщиками – Горбачевым и его командой, и далее ельцинскими «демократами», которые все «продали» и «развалили». Тут и теория «измены генсека» (напр., А.Уткин. Измена генсека. – М., 2009), с попыткой еще в 2013 г. организовать «суд» над Горбачевым (И.Панарин и др.). И концепция консервативного автора

А.Островского, строящаяся в основном на критике демонизированных по консервативному (байгушевскому и т.п.) образцу перестроечных «либералов», в первую очередь Александра Яковлева. (Глупость или измена? Исследование гибели СССР. — М.: Форум, 2011).

Самим себе консерваторы в процессе советской перестройки отводят роль защитников реального социализма. Согласно консервативным авторам от А.Проханова до А.Уткина и А.Островского представители консерватизма пытались «спасать» реальный социализм, тогда как «либералы» им в этом активно мешали. В период реформ конца 1980-х гг., как заявляют нам консерваторы, например, группирующиеся вокруг газеты «Завтра», была нужна не либеральная (практиковавшаяся Горбачевым и демократами), но некая «консервативная» политика, которая якобы могла бы «спасти СССР». Это мнение под влиянием прохановцев стал поддерживать даже поздний А.Зиновьев.

Можно ли согласиться с таким объяснением? Консервативное объяснение (как советским традиционализмом, так и правым русским национализмом) провала советской перестройки имеет ряд уязвимых мест. Консерваторам, стремящимся представить отдельных (понятное дело — «либеральных») деятелей главными виновниками краха СССР, не лишне напомнить старую традиционно-марксистскую («истматовскую») мысль о том, что отдельные личности и субъективные факторы систем не разрушают. Попытки свалить серьезные общественные перемены на отдельные личности представляют собой известный по истмату «субъективизм», которым страдала как народническая историография, так и советская — например, в отношении оценки так называемого «культа личности» Сталина. (О «субъективистском» подходе к анализу перестройки см. также С.Чешко. Роль этнонационализма в распаде СССР, http://scepsis.net/library/id_1763.html). За провалами крупных государств и общественных систем лежат серьезные исторические и социально-экономические причины.

В консервативных объяснениях провала перестройки, заведомой «купленности» перестройщиков и «подрывной роли» либералов отсутствует какой-либо анализ ситуации (кризиса) реального социализма накануне перестроечных реформ, не понимаются внутренние причины этого кризиса. Указанный кризис доперестроечной советской системы скорее отрицается, острых проблем реального социализма как бы не существует.

Во-вторых, ничего не говорится об ошибках не только реформаторской части советской элиты, но в первую очередь так называемых *консерваторов*, неспособных к проведению необходимого (как мы доказываем, левоцентристского) варианта реформ и реально стремившихся к подрыву СССР во имя мифической дореволюционной России и правонациональной диктатуры.

Как мы замечали, российский постсоветский консерватизм, в том числе и эпохи перестройки 1987–1991 гг. реально был соединением (блоком) двух идеологий — советского традиционализма (сталинизма) и правого

русского национализма — идеологии дореволюционной российской империи и русской национальной диктатуры. Первым и главным консервативным течением в тогдашнем СССР был советский традиционализм (сталинизм), который реально защищал (и защищает до сих пор) доперестроечную командную систему в СССР, отрицая необходимость каких-либо изменений в этой системе. Основная часть советских традиционалистов от А.Проханова до А.Мартиросяна до сего дня доказывают нам плохость не только горбачевских, на даже и хрущевских реформ. По их мнению перестройку придумали «либералы» (собирательное название всех демократов, как правых, так и левых — то есть как Ельцина, так и Горбачева) с целью развала СССР и мира реального социализма.

В качестве идеала советские традиционалисты (от Лигачева до Мартиросяна) отстаивают дохрущевскую командную систему. Одновременно консерваторы-сталинисты выступают апологетами наиболее одиозных черт сталинской диктатуры — шовинизма и даже террора. Такова, например, уже упоминавшаяся книга популярного историка-консерватора А.Буровского о хорошем и полезном сталинском терроре — «1937 г.» (М., 2009).

По мнению советских традиционалистов, начиная с письма Нины Андреевой, советскую систему брежневского типа (а едва ли и не сталинскую систему 1940-х гг.) реформировать (а тем более перестраивать) в общем-то и не следовало. Таков же был взгляд на реформы традиционных консервативно-советских (сталинистских) группировок в республиках — республиканских Интердвижений (например, в Эстонии). Идеологи КПРФ в зюгановском варианте до сих пор отрицают необходимость каких либо реформ реального социализма в целом.

Второй формой российского консерватизма уже в советский и перестроечный период было откровенно антикоммунистическое и «реставраторское» (монархическое и правонационалистическое) течение. Как мы видели в прошлой главе на примере А.Байгушева, А.Ципко, и др., представители указанного течения правого национализма (Русской партии), находившиеся у самых верхов власти в СССР, с 1960-х гг. прямо ставили своей задачей развал реального социализма. Главные идеологи консерватизма — И.Шафаревич, А.Солженицын, как и многочисленные представители Русской партии были резкими противниками социализма как такового, повторяя (а иногда и превосходя) всю риторику правого («оранжевого») либерализма об ужасном советском периоде, хорошей дореволюционной России с белогвардейщиной и проч. (См. работы И.Шафаревича, А.Байгушева, Н.Старикова и пр. или известную фразу М.Любомудрова об СССР как «вавилонском пленении» русского народа.)

Активным борцом против левых реформ СССР был вполне благополучный как в СССР, так и в современной России «антилиберал» и один из официальных идеологов консерватизма Александр Ципко. В качестве своей заслуги он до настоящего времени указывает инициацию «антикоммунисти-

ческой революции» в бывшем СССР (см. Delfi, 9.10.2010, <http://rus.delfi.ee/projects/opinion/rossijskij-politolog-strah-estoncev-pered-rossiej-neobosnovan.d?id=33736279>). Выступивший в перестроечный период в качестве критика марксизма и левых реформ, Ципко еще в период работы в аппарате ВЛКСМ в 1960-х гг. был, по его собственным словам, явным противником советского проекта в целом и «нормальным белым патриотом» (Н.Митрохин. Русская партия в СССР, с. 350–351). В 2003 г. А.Ципко призвал Россию к так называемой «национальной революции» (термин Третьего рейха). (Ждет ли Россию национальная революция? – Комсомольская Правда, 28.02.2003, <http://kp.ru/daily/22983/2037/>, книга «Пора доверить Россию русским». – М., 2004.)

При этом и в советский период критик советского проекта и левых реформ Ципко не отказывался от номенклатурных благ. Он успешно делал партийную карьеру, был работником ЦК КПСС, а с начала перестройки самым странным образом оказался... соратником М.Горбачева (впоследствии – сотрудником Горбачев Фонда). В 1988–90 гг. А.Ципко был помощником А.Яковлева, которого консерваторы (включая Островского) до сих пор считают «серым кардиналом» либералов в период перестройки. При этом у А.Островского и сходных историков напрасно искать критику авторов типа Ципко (как и упоминания его работы с А.Яковлевым). Такую критику отчасти дает левый консерватор С.Кара-Мурза, ошибочно при этом связывающий «антикоммунизм» Ципко с шестидесятиничеством (Великий поход против СССР, <http://sg-karamurza.livejournal.com/145448.html>).

Одновременно сам, «как бы левый», консерватор Сергей Кара-Мурза, выступающий как поборник «советской цивилизации» и критик оранжевых революций, оказывается в ряду многих национал-патриотов активным критиком марксизма как советского, так и классического (напр., С.Кара-Мурза. Маркс против русской революции. – М.: Яуза-эксмо, 2008). Марксизму Кара-Мурза противопоставляет некую «общинную» (реально «неонародническую» или «неоэсеровскую») трактовку реального социализма.

Как мы видели во второй главе, правоконсервативный конспиролог Николай Стариков до сих пор называет Октябрьскую революцию, а следовательно и советский период – «ликвидацией России» (Н.Стариков. Ликвидация России. – СПб, 2010), что вовсе не мешает ему конструировать теорию «хорошего Сталина».

Сами за себя говорят и созданные консерваторами организации, которые они в перестроечной политике хотели противопоставить КПСС. Обвинявшие «либералов» в попытках «развалить компартию», они создавали вовсе не левые и центристские партии, но группировки русского национализма – от Славянского собора Байгушева до общества «Память», которые были резкими противниками положительных реформ советской системы, выступая за реставрацию дореволюционной – как правило монархической – России. Созданный в 1988 г. Байгушевым и др. функционерами Русской партии

Славянский собор строился как прямой аналог черносотенного Союза русского народа (см. А.Байгушев. Русская партия в КПСС, с. 121). В данное объединение, которое вполне откровенно основывалось его организаторами «на принципах черносотенного движения», входили правонационалистические (реально полунацистские) формирования, типа РНЕ А.Баркашова. В дальнейшем Союз русского народа в 2005 г. «воссоздали» такие деятели, как В.Клыков и Сергей Бабурин.

О какой «защите СССР» данными фигурами может идти речь? Неужели историки типа А.Островского (или теоретики типа С.Кара-Мурзы) считают данных консерваторов защитниками реального социализма и сторонниками «правильной» перестройки? Чем указанные хорошие консерваторы лучше «плохих либералов» — например, того же А.Яковлева? Могли ли консерваторы — как советские традиционалисты, так и правые националисты — защищать реальный социализм или реформировать его?

Стремление свалить крах реального социализма на «либералов» (демократов), таким образом, является консервативной мифологией. Таковая камуфлирует роль самого консерватизма, его идеологии и поддерживавших его сил в указанном крахе. Консерватизм (в виде правого национализма в первую очередь) был вполне очевидной формой подрыва идеологии реального социализма и его положительной перестройки.

В целом, как можно заметить, теория причин краха реального социализма в рамках современного консерватизма (при котором виновниками всех как дореволюционных, так и советских бед выступают не сами консерваторы, но либералы и социалисты) страдает субъективизмом и теоретической слабостью. Консерватизм не в состоянии указать причины падения реального социализма, дать анализ его системы, тех острых проблем, которые, несмотря на достижения этого общества, привели его к краху.

Вопреки мифологическим, а то и прямо демагогическим построениям русского консерватизма, накануне перестройки имел место серьезный и глубокий кризис реального социализма, дать анализ которого консерватизм (часто заменяющий анализ исторических фактов набором мифологических конструкций) оказывается не в состоянии и до сих пор. О кризисе имевшейся модели реального социализма в СССР писал целый ряд авторов как на Западе, так и в России. (Например, Рой Медведев. Советский Союз. Последние годы жизни. — М.: АСТ Москва, 2010.)

Не считая действия Горбачева и его команды оптимальным способом решения имеющихся проблем, нельзя не отметить ряд преимуществ подхода горбачевцев к советской перестройке по сравнению с консерваторами. Консервативная оппозиция имела еще меньше внятных соображений о реформах советской системы, чем Горбачев, часто не выходя за пределы общего, выражаясь словами Солженицына, «русофильского мычания». Оба варианта консерватизма не собирались и не могли реформировать реальный социализм.

Советский традиционализм защищал едва ли не сталинскую командную систему, правый национализм — дореволюционную монархию или «цезаристскую» диктатуру. Не имея реальной альтернативы горбачевским реформам, могла ли консервативная идеология и консервативная политика «спасти СССР»? Да и вообще, следовало ли «спасать СССР» в доперестроечной (догорбачевской) форме? Что именно из системы тогдашнего СССР (и систем реального социализма того времени) можно и следовало сохранить?

2. Ответственность консерватизма за провал реформ (в частности рыночных) реального социализма до и во время перестройки. Возможна ли была «положительная» перестройка реального социализма? Леводемократический вариант перестроечных реформ и консерватизм. Рыночные и политические реформы. Фактор Запада и Реставрация в мире реального социализма традиционного западного общества. Правый консерватизм как идеология Реставрации.

Говоря о реформах бывшего реального социализма, включая СССР, надо прежде всего ответить на вопросы: во-первых, были ли нужны эти реформы и как следует понимать таковые? Был ли, во-вторых, произошедший крах реального социализма и «Реставрация» западного общества единственно возможным вариантом развития перемен в соответствующих странах? То есть была ли возможна «положительная» перестройка системы восточноевропейского «коммунизма», включая СССР? Наконец, в-третьих, какой была концепция перестройки у консерватизма, обвиняющего «либералов» в развале реального социализма?

Основной особенностью отношения консерватизма к системе реального социализма и перестройке ее было отрицание необходимости и возможности реформирования указанной системы. Первая группировка консерваторов — советские традиционалисты (сталинисты) — считала реформы советской системы «ревизионизмом» и «либерализмом». По мнению советского сталинизма, старая система реального социализма должна была или сохраниться в старом доперестроечном, а желательно и сталинском — дохрущевском виде (Е.Лигачев, Н.Андреева, А.Проханов), или погибнуть. Вторая группа консерваторов — правые националисты — И.Шафаревич, А.Байгушев, А.Ципко — настаивала на разрушении «коммунизма» и переходе обществ «реального социализма» к так называемой «нормальной», то есть западной системе — часто в виде традиционной монархии или правой диктатуры.

В своем отрицании возможности положительных перемен в «коммунистическом» мире оба крыла русского консерватизма (советские традиционалисты и правые националисты) вполне сходились с традиционным западным (консервативно-либеральным) подходом, согласно которому реформировать «коммунизм» (реальный социализм) было невозможно: коммунизм мог только развалиться.

Поэтому пока одна группа консерваторов отрицала вообще какие-либо реформы реального социализма, вторая их группа — монархисты и правые

националисты – вместе с западной консервативно-либеральной историографией и правыми либералами радовались «победоносным антикоммунистическим революциям» и ставили себе в заслугу участие в них (антимарксист Ципко). Правые националисты Русской партии – «защитники СССР от либералов» критиковали советскую систему как «красный экономический хаос» (Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 464). Одновременно перестройка характеризовалась ими как «двуличная и подлая» (там же, с. 537). Правда была якобы на стороне поборников восстановления дореволюционной России, желательно в черносотенном варианте.

Рассмотрим, например, позицию одного из наиболее теоретически подготовленных и как будто даже респектабельных консерваторов Александра Ципко, чьи аргументы характерны для идеологии консерватизма периода советской перестройки. В первые годы гласности консервативный долгожитель А.Ципко, остающийся активным обозревателем и до настоящего времени, начал атаковать перестроечное руководство «справа», доказывая ложность посылок марксизма и «социалистического выбора» как такового (например, его статьи 1980-х гг., а также книга «Насилие лжи или как заблудился призрак». – М., 1990). Интересно, что консервативный обличитель демократов А.Островский, строящий свою книгу на критике демонизированного национал-патриотами горбачевца и сторонника реформ Александра Яковлева, не только не критикует А.Ципко (бывшего, кстати, помощником Яковлева в 1988–1990 гг.), но и считает его едва ли не своим единомышленником. Он, например, сочувственно цитирует соображения А.Ципко о «горбачевской контрреволюции» (Глупость или измена. Расследование гибели СССР. – М., 2011, с. 664). Неизбежен вопрос: почему, собственно говоря, фигуры типа Ципко (и их соображения) оказываются у консерватора А.Островского положительными – лучше «плохого либерала» и едва ли не «Геббельса» Яковлева? (Глупость или измена, с. 670.) Если Островский ищет действительные причины и реальных (а не мнимых) виновников разрушения реального социализма, то описание таковых без консервативных критиков советской системы и поборников «контрреволюции» в СССР типа Ципко и многочисленной Русской партии не может быть полным.

Теоретические выступления антимарксиста А.Ципко в 1980-х гг. (как и ряда других представителей правого консерватизма) работали вовсе не на реформы тогдашней советской системы, но на подрыв «левой» составляющей горбачевских реформ и победу правых – то есть сторонников не реформ социализма, но его разрушения во имя (как правило мифологизированной) дореволюционной России или современной западной системы. Активную поддержку «антикоммунистических революций» в СССР тогдашний достаточно высокопоставленный номенклатурщик – эксперт ЦК КПСС и проч. считает, повторимся, своей большой заслугой вплоть до настоящего времени. При этом позиция Ципко по поводу перестройки показывает двойственность,

если не сказать «двоемыслие», характерное для многих представителей консервативного течения. Бывший работник ЦК КПСС с одной стороны резко критикует советский проект с самого его начала, с другой объявляет горбачевскую перестройку «контрреволюцией» (каковую выходит, инспирировал в том числе и он сам?), в связи с чем симпатизирует ГКЧП (Гэкачепистам не хватило лидера. 17.08.2001, <http://www.apn.ru/news/article13401.htm>). Эти пассажи вполне укладываются в противоречивые консервативные построения типа «антибольшевистского сталинизма» и «белогвардейского гэкачепизма», с которыми выступал, например, В.Жириновский и многие другие национал-патриотические авторы. С каким осуждением горбачевской якобы «контрреволюции» может выступать «белый патриот» Ципко, еще в 1960-х годах по его собственным словам разочаровавшийся в реальном социализме и удивлявшийся, откуда в комсомольском и партийном аппарате Ставрополя среди сплошных консервативных почвенников – правых националистов – мог появиться Михаил Горбачев с этим смешным «социалистическим выбором»? (Н.Митрохин. Русская партия в СССР, с. 284). Разве критик «горбачевской контрреволюции» «ренегат с партбилетом в кармане» Ципко сам не был «контрреволюционером»?

Перед нами обычное консервативное двоемыслие (если не «двурушничество»): активно занимаясь подрывом советской системы, противопоставляя ей хорошую дореволюционную монархию и правую столыпинско-пиночетовскую диктатуру, консерваторы одновременно сваливают «развал социализма и СССР» на «демократов». Вполне понятно, что в период подъема правого послеельцинского консерватизма в России тот же Александр Ципко (в 2003 г.) оказался не только активным «консерватором», но и глашатаем национальной революции в России. Не в этом ли секрет политического долгожительства маститого правого национал-патриота?

Строя традиционную мифологию вокруг «демократов» и А.Яковлева, критик «либеральной измены» А.Островский не в курсе, что ряд консерваторов – от Шафаревича до Байгушева и Ципко начали критиковать «социалистический выбор» еще в советский период, а в период перестройки делали это в массовом порядке. Можно заметить, что по сравнению с идеологией консерваторов, в особенности радикальных, например в варианте А.Байгушева или Н.Кондратенко, построения даже правых либералов с их критикой авторитаризма и надеждами на европейскую демократию можно рассматривать как «меньшее зло». Реальными сторонниками положительных (левых) реформ реального социализма были советские перестройщики – левая часть течения «плохих» (согласно консерватизму) «либералов». (Существовали и либералы правые – «оранжевые».) Левые реформаторы попытались начать анализ советской системы и предложить какие-то варианты возможных реформ. Несмотря на противоречия горбачевизма, его идеологию «социалистического выбора» следует рассматривать как пусть непоследова-

тельное, но левое реформаторство, более близкое современной левой теории, чем правые теории — как правого консерватизма, так и правого либерализма.

Горбачев и горбачевская группировка не справились с процессом реформ реального социализма, оказавшись не в состоянии довести этот процесс до положительного результата. Однако провал горбачевского реформаторства вовсе не значит, как демагогически утверждают консерваторы, что эти реформы не следовало начинать. Реформы были необходимы и существенно запоздали по вине не «либералов», но советских консерваторов — как правых националистов, так и сталинистов, идеологических предков Проханова, Мартиросяна и проч., до сих пор вопиющих о предательстве перестройщиков.

В отличие от советского традиционализма (сталинизма) левая теория подчеркивает саму необходимость реформ реального социализма — как *экономических (рыночных), так и политических (плюралистических)*. В первую очередь запоздали рыночные экономические реформы. Эти реформы, хотя бы в варианте, подобном югославскому или венгерскому, следовало осуществлять еще в 1950–60-х годах. Данные рыночные реформы, в частности известная и неосуществленная «косыгинская», могли бы существенно улучшить советскую ситуацию, а возможно и продлить существование советской командной системы. Необходимы были и политические реформы, реальный анализ которых консерватизм подменял разнообразной мифологией и шовинистической демагогией.

Однако, надо признать, сколько-нибудь внятной идеологии реформ в СССР и мире реального социализма, как и общего плана этих реформ у Горбачева и его команды не было. Отсутствие у горбачевских реформаторов идеологии, адекватной процессу и стало, по-видимому, важным фактором провала «положительной» перестройки. Горбачев по сути дела решил по старому наполеоновскому принципу (цитировавшемуся Лениным) «ввязаться в драку», надеясь, что верное направление определится. В действительности, хотя направление и определилось, действовать согласно нему последовательно последний советский генсек и его команда не смогли. По хаотической тактике горбачевцев в острый период реформ видно, что они не понимали особенностей протекания перестроечных перемен, которыми пытались управлять. Горбачев не знал, какой должна была быть система, идущая на смену старой советской. Не учитывал он и ограниченности времени решений и действий в условиях развязанных им бурных политических процессов — в том числе и в условиях мощного внешнего (консервативно-либерального) прессинга.

Современная левая (марксистская) теория кризисов реального социализма была в этот период разработана явно недостаточно. Причину этого можно усмотреть в прерванности по вине советского консерватизма (сталинизма) левой (марксистской) теоретической традиции в СССР. Подорванная в сталинский период, эта традиция продолжала разрушаться в период брежневского неосталинизма. Главную ответственность за это разрушение

(например, затрудненность, а фактически и запрет обсуждения коренных идеологических вопросов в догорбачевском СССР) несут консервативные обвинители либерализма – советские традиционалисты (сталинисты) и правые националисты Русской партии. Не была восстановлена левая (марксистская) теоретическая традиция и в перестроечный период, в немалой степени – по вине того же консерватизма. Так, например, несмотря на то, что Горбачев симпатизировал чехословацким реформаторам, до 1991 г. в СССР не были переведены даже основные тексты чешских (и других) левых сторонников реформ реального социализма. Они были опубликованы по-русски лишь после распада СССР. Это же можно сказать о работах многочисленных иных представителей левой традиции, прежде всего в Европе.

В отличие от советского традиционализма (сталинизма), критические левые авторы (которых официальные идеологи называли ревизионистами), уже с 1960–70-х гг. говорили о необходимости «позитивных» перемен в системе реального социализма. Таков был, например, анализ кризисов реального социализма 1956 и 1968 гг. у Дьердя (Георга) Лукача, чехословацких и югославских критических марксистов (напр., группа «Праксис»). Хотя можно заметить, что в целом левая теория кризисов системы советского образца к началу перестройки закончена не была.

Горбачевская команда не смогла выработать концепцию положительных реформ системы реального социализма и поэтому фактически опиралась на эклектическое сочетание элементов левой теории с обоими (левыми и правым) видами консерватизма, а также правым либерализмом. Этой противоречивой идеологической основе горбачевцев соответствовала и эклектическая политика. Отсутствие у горбачевской команды внятной положительной (левой) теории предпринятых им реформ стало одной из важных причин того, что идеологическая инициатива в перестроечный период перешла к правым консервативно-либеральным идеологам и политикам.

Левосторонний подход отвергает консервативную идеализацию как советской командной системы, так и дореволюционной монархии и правой диктатуры, типичной для современного русского консерватизма – правого национализма. В отличие от советского традиционализма, современная левая теория доказывает необходимость и неизбежность перемен в системе реального социализма (административно-командной системе). С другой стороны, в отличие от правых консерваторов – правых националистов (от Ципко до Байгушева), она не считает, что эти перемены должны были быть «реставрацией» дореволюционных систем в бывших странах реального социализма. В отличие от различных вариантов консерватизма, левая теория признает, что в середине 1980-х годов командно-административная система пережила острый кризис – причем кризис именно системный. В старом виде эта система существовать не могла. С другой стороны, в отличие от правоконсервативных (как и праволиберальных) концепций, левая теория говорит

не о реставрации в странах реального социализма традиционного дореволюционного западного общества, а о положительных реформах в этих странах — их переходе от старого советского к «новому социализму».

Оба варианта правой идеологии — не только правый либерализм, но и правый консерватизм были не идеологией положительных реформ реального социализма, но идеологией *реставрации* в данных странах традиционного западного общества. Эти формы идеологии поддерживал мировой правый истеблишмент — понятно, в своих интересах — с целью контроля над миром «посткоммунизма». Отсюда критика с позиций левой теории как правых — реставраторских вариантов указанных реформ, так и ошибок горбачевской команды, состоявших в непонимании и недостаточно последовательном проведении положительных — левоцентристских — реформ реального социализма.

Горбачевская команда недостаточно учитывала роль в перестройке в мире реального социализма фактор Запада, чье влияние на процесс перемен было весьма значительным, если не определяющим в силу преобладания ресурсов и идеологии этого общества. Противостояние мира реального социализма и Запада (Расчлененного общества в наших терминах) следует рассматривать не с так называемой «национальной» точки зрения (как это навязывает консерватизм со своей этнической трактовкой цивилизаций и государств), но с точки зрения борьбы социально-экономических систем. Запад очевидно рассматривал перестройку как продолжение холодной войны, как шанс ослабления глобального противника, которому следовало нанести максимальный урон. Западная (в первую очередь англо-американская группировка) стремилась любой ценой выиграть холодную войну, «добив коммунизм». Для этого предпринимался ряд мер, усиливающих кризис в СССР, например, опускание нефтяных цен. (В. Швейцер. Победа. Роль тайной стратегии США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. — Минск: Авест, 1995). Эта игра и это манипулирование должны были адекватно оцениваться сторонниками реформ реального социализма и иметь адекватный ответ. Такого ответа не было и не могло быть в рамках правой идеологии (включая консерватизм), что стало, видимо, одной из важнейших причин краха реального социализма.

Запад очевидно не был заинтересован в позитивных реформах реального социализма, которые бы усилили данную систему. Его задача состояла в том, чтобы отсечь левоцентристское направление положительных реформ реального социализма и в максимальной форме навязать именно *реставрационный (консервативно-либеральный) вариант реформ* данной системы. Можно говорить об активном вмешательстве западных (консервативно-либеральных) политических машин в реформы реального социализма (а фактически еще в предреформенное его развитие) с целью сорвать левоцентристские реформы в коммунистическом мире и направить перемены в направлении реставрации традиционного западного общества. Будучи заинтересованным

в реставрации в странах бывшего реального социализма общества западного типа, причем под западным контролем, Запад поддерживал и насаждал в этих странах сторонников указанной реставрации – не только праволиберальные, но и правоконсервативные группировки с соответствующей идеологией и версией реформ. Насаждение Западом этих группировок (в первую очередь правоконсервативных) и манипулирование ими началось еще в советский период; они же поддерживались Западом и далее.

Консерватизм мистифицирует и ложно трактует тему западного влияния на реформы Восточного блока, объявляя манипулируемыми извне группировками внутри СССР и других стран реального социализма только праволиберальные группировки демократов (первоначально – праволиберальных диссидентов). Такая «антилиберальная» позиция представляет собой консервативную мифологию. В данном изложении мы постоянно доказываем (подтверждая это известными фактами), что в числе манипулируемых извне правых группировок были также (а вероятно и в первую очередь) консервативные группировки, например, радикального правого национализма типа Русской партии. Вопреки консервативным идеологам, консервативную версию реформ в коммунистическом мире (как и теорию правых либералов) нельзя считать идеологией положительных реформ реального социализма. Консервативные группировки в СССР и постсоветской России, как советский традиционализм (сталинизм), так и правый национализм (Русской партии и др.) не поддерживали эти реформы и не могли быть идеологией таких реформ. Вопреки патриотической фразеологии, указанные консервативные группировки, в особенности правые, следует считать сторонниками западной версии реформ в мире реального социализма, то есть реставрации в нем западного «капиталистического» (Расчлененного) общества.

3. О возможности положительных реформ реального социализма. Левоцентристская концепция перестройки. Консерватизм и провал экономической и политической (в частности, партийной) реформы.

Существовала ли возможность «положительных» реформ советской системы в перестроечный период? Думается, что существовала, причем не только в китайском варианте, ограниченном в основном экономическими реформами и реально сохранившим советскую доперестроечную административно-командную систему. Такой вариант был возможен и в избранном горбачевским руководством более остром (и, конечно, более опасном с точки зрения возможности сохранить общественную стабильность) пути политических реформ – реформ перехода от авторитаризма к политическому плюрализму.

В отличие от варианта перемен, предлагаемого правой (как правоконсервативной, так и праволиберальной) идеологией, точкой отсчета реформ в «коммунистическом» мире следует считать не идеализированную дофевральскую (1917 г.) Россию, но советскую и восточноевропейскую систему реального социализма. Именно эту систему (а вовсе не канувшую в историю до-

революционную Россию) следовало «перестраивать», а не ломать во имя мифологизируемого правым национализмом дореволюционного идеала. Правые как праволиберальные, так и правоконсервативные теории реформ в мире реального социализма представляют собой концепции реставрации в этом мире систем дореволюционного (до 1917 г.) типа. Целью левой теории (и позитивных перемен реального социализма) было иное общество, положительно развивающее советское и выходящее за традиционные консервативно-либеральные рамки – общество «нового социализма».

Леводемократическая теория считает целью постсоветского развития общество, соединяющее активный и управляемый обществом государственный сектор (государственный Синдикат) с плюралистической политической надстройкой. Подобная надстройка выводит «новый социализм» за рамки доперестроечной (командной) системы. Для определения власти в новом рыночном и плюралистическом обществе можно использовать понятие *левого контроля*, то есть власти левых и левоцентристских группировок, в отличие от власти правых партий – правого контроля.

Положительная перестройка (а не провал реального социализма), как мы доказываем, была возможна в условиях многопартийности и рыночной экономики, именно при левом политическом контроле (в отличие от контроля правого), то есть при власти не правых, а левоцентристских сил и соответствующих партий. С точки зрения леводемократической идеологии целью перестройки было рыночно-плюралистическое преобразование коммунистических систем с сохранением левоцентристского характера перемен, а также сохранением России как мирового левого центра. Одной из важнейших целей положительной перестройки должна была бы стать также защита пространства бывшего реального социализма от внешних сил – мирового правого истеблишмента.

Борьба за такой вариант развития, однако, требовала, во-первых, осознания данных целей, то есть соответствующей идеологии, во-вторых, специальных усилий по их осуществлению. На это были неспособны ни прекраснородушные перестройщики, ни крепкие задним умом консерваторы.

«Ресурсные» возможности для положительной перестройки в СССР существовали. Советский центр, предпринявший в конце 1980-х гг. реформы советской системы «сверху», реально располагал значительными политическими и материальными ресурсами. Вместе с тем целый ряд особенностей советского общества и его правящих группировок препятствовал решению задачи «позитивного» преобразования его системы. В числе этих особенностей были косность правящей (консервативной) советской бюрократии и отсутствие у нее идеологии, адекватной начатому процессу.

Существенную роль сыграл и фактор западного влияния. Западу с его мощными идеологическими и политическими средствами воздействия удалось навязать реальному социализму свою – консервативно-либеральную,

идеологию реформ и направить развитие систем реального социализма в русло реставрации западного общества.

Каковыми могли быть отличные от правых (консервативно-либеральных) реформы систем реального социализма с точки зрения левой теории? Уже ранние сторонники перемен отмечали два важнейших компонента и направления этих перемен — *рыночные реформы и политическая демократия* (переход от авторитаризма к политическому плюрализму). Были возможны отсрочки в осуществлении этих направлений реформ — например, политических (китайский вариант реформ реального социализма). Но в целом, как представляется, избежать этих перемен было невозможно.

Речь идет прежде всего о необходимости и неизбежности *рыночных реформ* старой командной системы, каковую осуществил ряд стран «восточного блока» еще в рамках общества реального социализма — например, Венгрия и Югославия. Вопреки советскому традиционализму (консерватизму), отрицавшему необходимость экономических реформ и долгое время препятствовавшему им, следует утверждать, что рыночные реформы в СССР конца 1980-х гг. не только были необходимы, но и весьма запоздали. Советские попытки рыночной (той же косыгинской) реформы были провалены как в хрущевский, так и в брежневский период находившимися у власти в СССР консерваторами — блоком советских традиционалистов (сталинистов) и правых националистов, ныне стремящихся свалить крах реального социализма на «демократов». Эти же консервативные силы, усилившиеся после отставки Хрущева и в особенности после чехословацкого вторжения августа 1968 г., продолжали проваливать советские рыночные реформы вплоть до 1980-х гг., а также и в период советской перестройки.

Рыночную реформу, близкую к реформам (в основном восточноевропейских) стран «советского блока» 1960-х, смог провести и достаточно успешный к настоящему времени Китай. Не вызывает сомнения, что успехи китайской системы, фактически являющейся вариантом доперестроечного реального социализма, без рыночных реформ были бы невозможны. «Китайский» вариант реформ реального социализма не включал в себя изменений однопартийной системы, но предполагал весьма глубокие экономические — рыночные — реформы, с которыми не справились советские перестройщики и которым активно мешали не только правые либералы, но и консерваторы — советские традиционалисты и правые националисты.

Критикуя Горбачева, советский консерватизм в годы перестройки не имел внятной концепции экономических (рыночных) реформ в СССР и препятствовал тем, кто эти реформы пытался проводить. Поэтому данные реформы не состоялись ни в брежневский период, ни в перестроечные 1980-е годы, в связи с чем эти реформы пришлось проводить «плохим либералам» (реально — либералам правым) в начале 1990-х годов. Можно утверждать, что постоянное откладывание и блокирование консерватизмом рыночных

реформ в СССР вплоть до перестройки сыграло роковую роль в судьбе советского реального социализма, став по сути дела одной из важнейших причин его краха на рубеже 1990-х гг. Тогдашней московской бюрократией была провалена и концепция республиканского хозрасчета, предлагавшаяся в 1988—1991 гг. прибалтийскими сторонниками реформ, в том числе в рамках прибалтийских Народных фронтов.

Следует указать еще на один важный аспект экономической (рыночной) реформы в мире реального социализма — приватизацию. Таковую, как представляется, следовало проводить до прихода к власти правых. Прежде всего, правонациональной номенклатуры в нынешних постсоветских государствах (например, прибалтийских) — ныне активно антироссийской и противящейся левым реформам. Приватизация могла бы предотвратить ставший хаотическим после провала перестройки переход в руки правых огромной части бывшей советской собственности, контролировавшейся в конце советского периода в существенной мере левоцентристскими силами. Подрыв консерваторами (от Е.Лигачева до В.Павлова) системы приватизации играл на руку как внутренним, так и внешним поборникам разворовывания собственности реального социализма и их ставленникам — правым националистам — как в бывших советских республиках, так и в России. Если бы бывшая советская собственность (а также в целом собственность стран реального социализма) была приватизирована до прихода к власти правых — как либералов, так и консерваторов, ее разворовывание их представителями и (не столько либералами, сколько именно консерваторами) была бы затруднено.

Вторым направлением реформ советской командной системы была *политическая реформа*, о конкретных формах которой следует говорить отдельно. Советские традиционалисты до сих пор отстаивают мнение, что никаких реформ политической системы реального социализма не требовалось. Как известно, однако, доперестроечная советская система имела *авторитарный характер* (являлась однопартийной). В рамках этой системы жестко подавлялась оппозиция, не соблюдались известные политические свободы. Очевидна была устарелость и иных советских политических механизмов — излишне централистских, включая механизмы управления республиками. Вопреки консерватизму (советскому традиционализму), левая теория доказывает необходимость политических реформ системы советского образца — сначала децентрализации, затем — преодолении авторитаризма и переходе к политическому плюрализму.

Вместе с тем важнейшим был вопрос, как следовало переходить к политическому плюрализму, каким должен был быть указанный плюрализм? То есть главным был вопрос, когда и как в бывшем СССР и странах «восточного блока» можно было осуществить политическую реформу. Следовало продумать вопрос о соотношении рыночной и политической реформ. В горбачевском варианте они оказались смешаны, что было одной из важных

причин краха СССР и реального социализма в целом. Китай взялся сначала за реформу экономическую, и к настоящему времени добился в этой реформе немалых успехов. При этом политическую реформу после событий 1979 г. он затормозил, сохраняя авторитарно-командную систему. Горбачевская группировка в СССР 1980-х гг. схватилась за обе реформы – экономическую и политическую одновременно, в результате провалила обе.

Как следовало понимать политическую реформу в СССР? Мы доказываем, что положительная политическая реформа в обществах реального социализма должна была отличаться от «реставрации» в данных обществах традиционной западной системы. С левоцентристской точки зрения важен, как представляется, не только сам переход от советского авторитаризма к политической демократии, то есть переход от однопартийной к многопартийной системе (преодоление «авторитарного барьера»), но и содержание такого перехода. Именно, важно различие *правого и левого политического контроля* (см. «Эстония до и после...»).

Правые понимают политическую демократию (политический плюрализм) лишь как *правый политический контроль*. Скажем, прибалтийская (например, эстонская) демократия в правом варианте понимается как такая политическая демократия, при которой у власти находятся правонациональные (национал-радикальные) группировки. Левые же (и центристские) элементы загнаны в угол и подвергаются жесткому прессингу – от идеологического до силового (см. «Эстония до и после...»). Левый вариант политической демократии должен, видимо, наоборот, строиться по обратному принципу – как левый контроль при политической демократии и рыночной экономике.

По данному пути левых реформ в СССР во многом шла и горбачевская реформа, в том числе важный для демократизации советской системы съезд Народных депутатов СССР лета 1989 г., а также иные политические формы низовой политической активности периода перестройки, порицаемые консерваторами, например, Народные фронты. Таковые на своем начальном этапе имели не «националистический» (как доказывают консерваторы), но левоцентристский характер. Республиканские правые националисты – аналог российских правых консерваторов – были в этих организациях вначале в меньшинстве.

Какова была консервативная концепция политической реформы в СССР и существовала ли таковая вообще? Консерваторы в варианте советского традиционализма выступали за сохранение старой (командной) системы реального социализма с соответствующей ей авторитарной политической надстройкой. Русские консерваторы правого толка (правые националисты) предлагали в виде альтернативы КПСС правошовинистические («консервативные») группировки типа Славянского собора (он же Союз русского народа) Байгушева.

Российским консерватизмом до сих пор отрицается левоцентристский характер как Народных фронтов в республиках (например, в Прибалтике), так и ранних постсоветских режимов в прибалтийских странах. При этом

можно утверждать, что Эстония рубежа 1990-х гг. при правительстве Народного фронта, то есть после провозглашения независимости, но до прихода в 1992 г. к власти правых (в частности радикально-консервативной партии «Отечество») во многом представляла собой вариант левой демократии как в экономике, так и политике (см. «Эстония до и после...»). Уже в период советской перестройки и первые годы независимой Эстонии при правительстве Народного фронта фактически во многом были осуществлены рыночно-плюралистические идеалы в левом варианте. Начала развиваться рыночная экономика, существовала и свобода для оппозиции, то есть политическая свобода. Однако пришедшие к власти в 1992 г. эстонские консерваторы — правые националисты (прежде всего партия Отечество М.Лаара), поддерживаемые мировым правым истеблишментом, смогли отвергнуть лево-демократический вариант реформ и навязать правый вариант развития, который в настоящее время оказывается во все более очевидном кризисе.

Вероятно также, что выведение советских войск из Восточной Европы не следовало производить раньше, чем был бы обеспечен вариант политического развития, отличный от правого (именно, левоцентристский вариант). Однако и этот вопрос горбачевским руководством продуман не был. Точнее он был провален правыми (в первую очередь именно консервативными) группировками влияния на данное руководство в России.

Какую общественную систему отстаивал в переломный перестроечный период конца 1980-х гг. российский консерватизм? Первая группировка консерваторов — советские традиционалисты (сталинисты) стремились сохранить едва ли не дохрущевскую командную систему. Соответственно они поддерживали консервативную часть КПСС — в частности группу Е.Лигачева, затем компартию РФ И.Полозкова и Г.Зюганова. Вторая консервативная группировка — монархисты и правые националисты (Русская партия в СССР) стремились воссоздать дореволюционную Россию, но как правило не «либеральную» (республиканскую с Учредительным собранием), а монархическую или диктаторско-шовинистическую. В качестве альтернативы КПСС этой группой консерваторов — правыми националистами — поддерживались или создавались аналоги дореволюционных радикально-консервативных группировок. В 1988 г., как мы видели, ими был создан Славянский собор — аналог черносотенного Союза русского народа, «головной организацией» которого радикальные консерваторы считали РНЕ (Русское национальное единство) А.Баркашова. Фактически партией правого национализма (с момента ее создания консервативными силами еще советских спецслужб) была и ЛДПР В.Жириновского.

Тем самым группировка правых русских консерваторов (правых националистов), располагавшая особым влиянием в самых различных сферах советского общества, от союзов «творческой интеллигенции» до спецслужб, играла весьма сомнительную, если не провокаторскую, роль в деле реформ реального социализма. С начала «нулевых» годов — при Путине — эта груп-

пировка стала в России практически официальной, во всяком случае, максимально близкой официальному консерватизму «силовиков».

4. Реальный ход перестройки и ее провал. Как консерваторы (сталинисты и правые националисты) помогли проваливать советскую перестройку.

Ниже мы попытались опровергнуть тезис русского консерватизма о том, что реформы в мире реального социализма были не нужны и вредны. Теперь мы попытаемся опровергнуть консервативное положение о виновности в провале реального социализма в первую очередь так называемых «либералов» (демократов). Мы попробуем показать, как консерваторы – советские традиционалисты и правые националисты – проваливали перестройку, то есть как они мешали реформаторам осуществить «положительный» вариант реформ реального социализма. Рассмотрим кратко ход советских реформ и роль русского консерватизма в этом процессе.

В конце 1980-х гг. М.Горбачев фактически предпринял «революцию сверху» (Н.Эйдельман). Однако цели этой революции – то, чем следовало заменить старую административно-командную систему, – оставались начавшей перемены группировке неясными. Горбачевский тезис «больше социализма» повисал в воздухе в виду неопределенности самого термина социализма.

Первые шаги Горбачева – в отношении как экономических, так и политических перемен в СССР (лозунги так называемой «перестройки и гласности») – следует считать назревшими и необходимыми. Вне всякого сомнения, давно назрело и начатое обновление центрального руководства КПСС и компартий союзных республик. Горбачевым были убраны консервативные первые секретари республиканских компартий типа К.Вайно или Д.Кунаева и выдвинуты такие фигуры, как А.Бразаускас, Н.Назарбаев, В.Вяляс и ряд других, сыгравших, как представляется, положительную роль в реформах советской системы.

Консервативные критики Горбачева, как правило, критикуют этих новых лидеров, противопоставляя им руководителей предшествующих. Так Александр Островский критикует первого секретаря компартии Эстонии Вяйно Вяляса, выдвинутого Горбачевым вместо консервативного первого секретаря КПЭ Карла Вайно. (А.Островский. Глупость или измена, с. 262.) В своей критике автор ссылается на бывшего руководителя КГБ Эстонии К.Кортелайнена, заявлявшего о якобы имевших место связях В.Вяляса с ЦРУ (там же). Оставим данное обвинение на совести советского консерватора. Обвиняя Вяляса в «связях с ЦРУ» «бдительный» Кортелайнен (а с ним и Островский) не упоминают например, о «связях с ЦРУ» консервативных пропагандистов идеологии НТС из Русской партии, имевших серьезное влияние на перестроечные Интердвижения. (При этом рост влияния НТС в России периода перестройки Островский признает – Глупость или измена, с. 191.)

Защита консерватором А.Островским провальной политики в Эстонии Карла Вайно наглядно показывает неадекватность консервативного анализа

перестроечных реформ. Мнение, что такой руководитель, как К.Вайно, мог эффективно управлять Эстонией, тем более в обстановке острых перестроечных конфликтов и подъема правой оппозиции — совершенно несостоятельно. В.Вяляса можно критиковать, но не вызывает сомнения его значительно большая успешность как руководителя по сравнению с устарелым (консервативным) брежневистом К.Вайно. Выдвижение Горбачевым В.Вяляса как и других новых руководителей было вполне логичным. Проблемы (как и ошибки Горбачева) начались позже.

С самого начала перестройки М.Горбачев пытался лавировать между консерваторами и реформаторами. Однако это лавирование не было удачным ввиду преобладающего влияния консервативных сил. По свидетельству Байгушева «с начала перестройки ситуация для Русской партии была явно лучше, чем в начале 70-х». Их поддерживали не отдельные чиновники из аппарата ЦК КПСС, но «второй человек в Политбюро в 1986–89 гг. Е.К. Лигачев и члены высшего органа в стране В.Воротников и М.Зимьянин» (А.Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 556–557).

Влияние консерваторов выразилось, во-первых, в затягивании необходимых реформ. В первые два перестроечных года, по словам самого Горбачева, «ничего не делалось», и эти годы «были потеряны для перестройки». (Р.Медведев. СССР. Последние годы жизни, с. 318). По чьей вине — неужели «демократов»? Затем начались первые (достаточно странные) экономические реформы (предреформы), показывающие явное непонимание горбачевским руководством насущных экономических задач и целей реформ, шарханье этого руководства из стороны в сторону.

Одним из наиболее провальных мероприятий начального периода перестройки была, как признают многие историки, антиалкогольная кампания, в которой весьма значительную роль играли консерваторы (советские традиционалисты) во главе с Е.Лигачевым. Указанную реформу активно проталкивал сильно влиявший на Лигачева известный представитель Русской партии Ф.Углов (см. Н.Митрохин. Русская партия в СССР, с. 428).

Можно заметить, что инспирированная лигачевцами и представителями Русской партии антиалкогольная кампания имела не только провальный, но по сути дела *диверсионный* характер: она не только вела в сторону от реальных реформ, но настраивала население против власти и, что весьма немало важно, вела к подрыву госбюджета. В результате навязанной консерваторами-лигачевцами кампании госбюджет недосчитался 100 млрд. долларов. (Р.Медведев. СССР. Последние годы жизни. — М., 2009, с. 96, также Шахназаров, цит. А.Островский. Глупость или измена, с. 30).

Эта сумма была вполне сопоставима с нефтяными доходами СССР за несколько лет в наиболее удачные по нефтяным ценам годы. Согласно (цитируемым Р.Медведевым) данным известного экономиста Николая Шмелева за 10 лет с 1973 г. по 1983 г. за счет продажи нефти СССР получил 200–250 млрд.

долларов. В 1981–1983 гг. нефтяные доходы давали половину всех экспортных доходов СССР в твердой валюте (Р.Медведев, с. 97). Цены на нефть оставались высокими до 1983 г. и их падение, бывшее сознательной тактикой некоторых западных стран, создало для бюджета СССР серьезные проблемы (см. В.Швейцер. Победа. Роль тайной стратегии США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. – Минск: Авест, 1995). Цена нефти, в 1980 г. составлявшая 80 долларов за баррель, упала в 1983 г. до 30 долларов за баррель. В 1986 г. цены на нефть сократились еще больше – до 15 долларов за баррель. Рекордное падение было в 1987 г. – 12 долларов за баррель (там же, с. 97). В результате падения нефтяных доходов валютные поступления СССР сократились на 50%. В этой ситуации инспирированная консерваторами лигачевского образца антиалкогольная кампания с потерей 100 млрд. долларов была, выражаясь словами их защитника Островского, «не просто глупостью»...

Одновременно консервативные группировки блокировали необходимые экономические (рыночные) реформы реального социализма. Таковые (несмотря на разговоры о «новом НЭПе» и проч.) так и не были осуществлены Горбачевым, то есть были практически провалены. Результатом были упущенные возможности и время: проведение рыночной реформы пришлось уже на ельцинские 1990-е гг. В провале горбачевских экономических (рыночных) реформ уже в начальный период перестройки очевидна роль консервативных (сталинистских в первую очередь) группировок. А также в целом роль бюрократического и сталинистского «болота», сопротивлявшегося переменам.

Советскими консерваторами было провалено, например, предлагавшееся прибалтийскими реформаторами предложение республиканского «хозрасчета». С этим предложением в 1988 г. выступили прибалтийские Народные фронты, в частности, эстонский. Бывший аналитик КГБ Н.Леонов пишет, что после поездки в Прибалтику весной 1988 г., он отстаивал перед тогдашним председателем КНБ В.Чебриковым концепцию хозрасчета прибалтийских республик (Н.Леонов. Лихолетье. Записки главного аналитика Лубянки. – М.: Алгоритм, 2005, с. 493). Насколько это заявление соответствует действительности? Известно, что советское консервативное руководство концепцию хозрасчета не приняло, определив указанные предложения как «сепаратизм и авантюризм». Отличалась ли от такого подхода позиция Н.Леонова, оказавшегося в 2003–2005 гг. среди радикальных консерваторов «Родины»?

5. Политический процесс и политическая реформа в горбачевском СССР. Советский истеблишмент и оппозиция. Демократы и патриоты. Подрыв консерватизмом советской политической реформы.

С началом горбачевских реформ в СССР начался политический процесс, консервативное объяснение которого до настоящего времени имеет весьма малое отношения к реальности. В России – главном центре перемен реального социализма – противоречия сталинистского истеблишмента и оппозиции выражалось в противостоянии, так называемых, «патриотов» и «демократов».

Оба направления — и «так называемых демократов», и «так называемых патриотов» — были неоднородны. Течение российских «демократов» включало в себя как правых либералов — поборников традиционного западного пути развития и западной политической системы («оранжевых» либералов), так и левых демократов — сторонников «социалистических», «социал-демократических и просто «левых» перемен в СССР.

От имени «патриотов» вступало, во-первых, традиционное «ортодоксально-коммунистическое» (национал-сталинистское) течение сторонников доперестроечной советской системы (Егор Лигачев и сходные старые советские номенклатурщики, будущие сталинистские сторонники ГКЧП). Во-вторых, правые националисты (национал-консерваторы) правого толка — Русская партия Байгушева с ее авангардом — обществом «Память», РНЕ А.Баркашова и проч. — поборники дореволюционной имперской России или диктатуры правых националистов. Первое течение позже оформилось в идеологию КПРФ Г.Зюганова, из второго выросло национал-консервативное течение борцов за «национальную революцию» — от «Памяти» через РНЕ до современных российских участников Русских маршей.

Последнее радикально-консервативное течение — правый черносотенно-монархический национализм был наиболее опасен для реального социализма и его реформ, будучи (вопреки мифологии о якобы защите консерватизмом реального социализма) теорией не реформирования, а разрушения советской системы. Есть основания считать (мы пытаемся показать это на протяжении всего данного изложения), что консервативные группировки, в первую очередь радикальные, манипулировались также и тогдашними стратегическими противниками СССР.

Демократы ставили вопрос о более радикальном варианте реформ командной системы — в том числе отказе от авторитаризма и о рыночных преобразованиях. Консерватизм — в варианте советского традиционализма, начиная с письма Нины Андреевой («Нина-Андреевский флаг») в феврале 1988 г. настаивал на сохранении командной системы в нерезформированном виде. Эту же линию поддерживали (не лицемерно ли?) и правые националисты Русской партии, реальной программой которых было восстановление в России черносотенной монархии.

Интересна риторика правого национализма, выступавшего вначале как будто в качестве союзника советского традиционализма. Консервативная Русская партия — партия православных монархистов и черносотенцев, занималась критикой советских перестройщиков от «либералов» А.Яковлева и В.Коротича до сторонников социализма с человеческим лицом с позиции... защиты «советской власти». Тот же Байгушев доносил консервативному начальству, что «Московские новости» 1980-х, например, есть «наступление перестроечников на советскую власть» (Русская партия внутри КПСС, с. 389).

Интересна сама фразеология консервативных обличителей перестройщиков. А.Яковлев и Римма Казакова обличаются ими как «жидовствующие»

демократы, А. Приставкин характеризуется как «идеологический чеченец-вахабит» (Байгушев, с. 511). Съезд Народных депутатов СССР 1989 г., впервые за многие десятилетия создавший возможности влияния населения на власть, с байгушевских (якобы «русских») позиций — съезд «иудейских и жидовствующих выборщиков» (там же, с. 439). В сходном духе выступали консервативные издания национал-патриотов, включая «Наш Современник» и проч.

Во все перестроечное время консерваторы (правые националисты, в том числе Русская партия) вели активные действия против сторонников положительных реформ реального социализма. Находясь реально на самых верхах власти, в том числе и в спецслужбах, национал-патриоты стали накручивать Горбачева в так называемом «русском» духе, натравливая его в том числе и на собственных советников. «Даже Черняеву перестал доверять, поскольку у него пятый пункт не в порядке» (Байгушев, с. 441). Им удавался целый ряд акций по снятию с должностей сторонников реформ — например, В.Коротича (там же, с. 438), которые имели хотя бы то положительное отличие от «советских патриотов» типа Байгушева, что не были сторонниками реставрации дореволюционной монархии.

Наряду с «окопными» действиями против демократов (они же либералы) правые консерваторы постепенно все более усиливали действия и против советских традиционалистов — от Е.Лигачева до Н.Рыжкова и Д.Язова. Заявлявшие о себе как «защитниках советской власти», правые националисты фактически не сильно жаловали советских коммунистов, считая их «недостаточно русскими» или, пользуясь выражением Байгушева, «русскими тьюфяками». Указанные деятели («тьюфяк Егорушка» и проч.) согласно представителям Русской партии были плохи именно тем, что пытались защищать советское, которое правые националисты стремились всеми силами разваливать, не забывая при этом всячески поносить сторонников реформ советской системы — «либералов». Постепенно, однако, стало выясняться явное лицемерие риторики радикальных консерваторов. Оказалось, что эта правошовинистическая группировка, с пеной у рта нападавшая на «критиков советской власти», на самом деле эту самую советскую власть не сильно жалует, считая ее «полуиудейской» (см. Байгушев, с. 57 и др.). Идеалом перестройки данная группировка считала дореволюционную монархию или правую диктатуру в духе Франко и Муссолини.

Важным направлением обсуждения и полемики реформаторского и консервативного течений были вопросы *политической реформы* в СССР. Как мы уже отмечали, СССР мог ограничиться экономическими реформами «китайского» и белорусского образца, но не производить перехода от авторитаризма к политическому плюрализму. Вначале Горбачев действительно был как будто противником радикальной политической реформы, отстаивая тезис — «сначала экономика, потом политика». Однако вскоре, по-видимому, как обычно у последнего генсека, под давлением опережавших его планы обстоятельств, а

также ввиду активного сопротивления переменам консервативных группировок, Горбачев решился на политическую реформу. Идя на таковую, однако, инициатор перестройки явно не понимал всех сложностей начатого пути. Последовательность и сами принципы политической реформы оказались его элитой непродуманными.

Безусловна положительность первых политических шагов Горбачева — это освобождение находившихся под арестом диссидентов, возвращение из ссылки А.Сахарова и проч. Однако вскоре выяснилось, что организаторы перестройки все меньше были в состоянии управлять инициированными ими экономическими и в первую очередь политическими процессами как внутри СССР, так и в мире реального социализма. Объясняя позднее свой провал, Горбачев жаловался на развал и «расползание» старой системы в результате перемен: «все стало складываться». Серьезным политикам такой ход событий следовало предвидеть. Начав реформы, горбачевская группировка ослабила старый сталинистский, но скреплявший тогдашнюю систему реального социализма политический контроль, недостаточно заботясь (или не заботясь вовсе) о создании альтернативных (новых) механизмов политического контроля. То есть механизмов защиты обществ реального социализма и его положительных реформ — в том числе и от атаки со стороны внешних соперников. Горбачевская группировка не понимала, что такие новые механизмы не появятся сами собой и что их необходимо создать.

Какова могла быть положительная политическая реформа реального социализма?

Главной задачей политической реформы можно считать не только политический плюрализм сам по себе, но и предотвращение перехода власти в руки правых сил — как праволиберальных, так и правоконсервативных, то есть сохранение политической власти у левых группировок. Поставить подобную задачу и четко действовать для ее выполнения Горбачев и его команда были не в состоянии. В результате двухлетних противоречивых действий им удалось провести в жизнь часть политической реформы. Именно — легализовать через Съезд народных депутатов (1989) и Верховный совет власть «перестроечной» верхушки КПСС, а также узаконить статус Генерального секретаря как президента. Этот результат был важен, но недостаточен.

Очевидно, что важнейшей частью политических реформ была *реформа компартии*. Данная реформа была важна по многим причинам — в первую очередь для создания политической поддержки и основы нового реформаторского курса (желательно, как мы доказываем, левоцентристского). Была ли, зададим вопрос, возможна реформа КПСС, или советская компартия, как это следует из правой (консервативно-либеральной) теории, была «не реформируема»? С нашей точки зрения возможность реформирования компартии была. Реформистское ее крыло (Демплатформа в КПСС) появилось спонтанно в 1988 г. Возможность поддержки этого крыла компартии

сверху была в тот момент вполне реальной. Но Горбачев, не сумевший определить основное направление политической реформы вообще и реформы КПСС в частности, такую задачу не ставил. Не считал он необходимым и задачу поддержки реформаторского крыла КПСС, а тем самым и разделения компартии.

Такое разделение предложил, как известно по его воспоминаниям, яро ненавидимый консерваторами «либерал» Александр Яковлев. А.Яковлев, по его словам, выступил с таким предложением еще в 1985 г., но М.Горбачев отверг это предложение, написав – «рано» (А.Яковлев. Предисловие. Обвал. Послесловие. – М.: Новости, 1992, с. 127–128). Горбачев вновь возвращается к этой идее («доходит» до нее) к 1990 году – планирует *«раскол» на ноябрь 1991-го*. (А.Грачев. Горбачев. – М.: Вагриус, 2001, с. 228.)

Однако затяжка реформы компартии (как и активное противодействие ей консервативных сил) привела к тому, что эта реформа, как и многие другие горбачевские начинания, оказалась не реализованной. Путчем августа 1991 г. по Горбачеву и его команде был нанесен удар с консервативной стороны, который похоронил левое направление перестройки.

Какую политическую реформу предлагали консерваторы? Фактически – никакой. Советские традиционалисты стремились сохранить компартию в имевшемся виде, примером которого стала полозковская компартия России, послужившая основой КПРФ Г.Зюганова. Идея разделения компартии резко порицалась обеими группами консерваторов, в том числе и представителями второго (правого) крыла консерватизма – монархистами и правыми националистами – противниками левых сил как таковых. (А.Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 442). Радикальным национал-патриотам постоянная критика (если не сказать оплевывание) горбачевских реформ и свобод не помешала воспользоваться этими свободами по-своему. В 1988 г. консерваторы Русской партии начали создавать правошовинистический «Славянский собор», который был, по словам «советского контрпропагандиста» А.Байгушева, основан *«на принципах русского черносотенного движения»* и вначале должен был называться *«Союз русского народа»*. Такое название не было разрешено горбачевцами, и консерваторам пришлось «маскироваться», приняв «славянское» название (там же, с. 114). «Головной организацией», то есть «идейным авангардом» байгушевского Славянского собора было Русское национальное единство (РНЕ) А.Баркашова.

Как вспоминает «советский контрпропагандист» Байгушев, *«Когда мы уже в 80-е г. XX века организовали на принципах русского черносотенного движения «Славянский собор»,.. – мы «прежде всего сделали все, чтобы удерживать «наших» от скатывания на погромы. Особенно пришлось работать с нашей головной организацией «Русское национальное единство», возглавляемой непримиримым Александром Баркашовым»* (Байгушев, с. 121). Подчеркнем еще раз в скобках, что в Славянский собор входил и ряд известных до

настоящего времени консерваторов и идеологов консерватизма – например, Наталья Нарочницкая (Байгушев, с. 501).

В аналогичном духе строились и национал-патриотическая группировка «За великую Россию» во главе с А.Прохановым, Н.Стародубцевым, Н.Кондратенко и проч. (Р.Медведев. СССР. Последние годы жизни, с. 292). Группировкой правого (во многом радикального) русского консерватизма была и правошовинистическая либерально-демократическая партия Жириновского (ЛДПР), созданная, что важно отметить, еще в советских рамках консервативными группировками российских спецслужб. Таким образом, правые националисты воспользовались яро ненавидимой и поносимой ими перестроечной демократизацией в полной мере. Для «спасения СССР» они начали создавать правоконсервативные и прямо черносотенные группировки. Одновременно по своему обычному принципу они продолжали лицемерно доносить на демократов за попытки «расколоть компартию», то есть создать на основе КПСС парламентскую левую партию. Их поддерживало активное консервативное лобби, действовавшее на многих этажах советской системы, включая спецслужбы.

Добиваясь сохранения неререформированной КПСС и уводя советскую политическую реформу «вправо», консерваторам (правым националистам) удалось сорвать формирование перестроечной левой группировки в КПСС. Реформе компартии ими противопоставлялась идея так называемого «русского переворота» – то есть возвращения к дореволюционной системе под эгидой нового Союза русского народа. Консерваторы, в том числе и в спецслужбах, таким образом блокировали верное (левое) направление политической реформы реального социализма, чем играли на руку сторонникам провала положительной «перестройки» в целом.

6. Еще о политической реформе. Борьба в спецслужбах. «Русский переворот» против левоцентристских реформ.

Провал попыток создания серьезной левой партии на основе реформаторской части КПСС имел весьма серьезные негативные (а возможно и фатальные) последствия для дальнейшей судьбы СССР и всей системы реального социализма. Не поняв задачу создания необходимой новой политической силы – левой партии из сторонников демократизации в КПСС, Горбачев с политической реформой не справился. Провал (вследствие отсутствия поддержки горбачевской команды) начатых спонтанно «снизу» попыток выделения реформаторской части КПСС определил дальнейшее отсутствие в постсоветской (не только ельцинской, но и путинской России) «цивилизованной» левой партии, – важнейшей политической силы, способной поддержать левоцентристские реформы.

Как уже отмечалось, Горбачев «дошел» до идеи разделения КПСС и выделения реформаторского крыла компартии лишь накануне путча августа 1991 г. – то есть в обычном для Горбачева стиле, слишком поздно, чтобы

можно было что-то изменить. Каких-либо реальных шагов для поддержки реформаторского крыла компартии он не предпринимал. Указанное крыло — демплатформа в КПСС, ставшее возникать спонтанно в 1988—89 гг., не было поддержано сверху и не получило политического оформления.

В ответ на оппозицию Ельцина Горбачев (очевидно, не без влияния консерваторов) поддержал Ивана Полозкова — слабого, консервативного (в советском, то есть сталинистском смысле) и бесцветного деятеля, поставленного во главе компартии РСФСР в 1990. Этот спровоцированный советскими традиционалистами ложный шаг отражал непонимание Горбачевым необходимого направления политической реформы в мире реального социализма и способствовал выдвиганию вперед праволиберальной группировки Бориса Ельцина.

Консервативное крыло КПСС, на базе которого в дальнейшем и оформилась зюгановская КПРФ, сохранило, таким образом, контроль за основными партийными ресурсами. (Кстати тот же И.Полозков и в 2013 г. входил в консультативный Совет при ЦК КПРФ.) Основная инициатива перешла к правым — как праволиберальным, так и правоконсервативным группировкам, начавшим в начале 1990-х гг. создавать в России правый истеблишмент и соответствующие ему партии — от праволиберальной Демократической России до правоконсервативной Единой России. Есть основания считать, что этот правый истеблишмент и до сих пор представляет в России *Новый мировой порядок* и соответствующих ему главных геополитических игроков.

Созданная советскими традиционалистами КПРФ Зюганова выросла таким образом не из реформаторского, но из консервативного крыла КПСС. Поэтому она имеет не только левые черты (в настоящее время становящиеся более очевидными на фоне правого истеблишмента), но черты сталинистские — консервативно-советские. Данную партию, включающую (частично и до сих пор) русских националистов и даже пронацистские фигуры типа Николая Кондратенко и Альберта Макашова, можно обвинить в национал-коммунизме. То есть в шовинистическом (консервативном, правонационалистическом) уклоне от линии «восходящего» большевизма — большевизма времени его подъема. Пока сохраняется шовинистический уклон КПРФ и в партию входят соответствующие сталинистские (а часто и пронацистские фигуры), считать таковую современной левой партией нет никаких оснований.

Подчеркнем еще раз отстаиваемый здесь тезис: одной из главных причин провала положительной перестройки в мире реального социализма и сохранения до настоящего времени, так называемого, Нового российского порядка является *отсутствие в России современной левой партии, опирающейся на серьезную левую теорию*, а не на советский консерватизм зюгановской КПРФ. Это определяет слабости оппозиции как правоконсервативному истеблишменту в России (от Единой России до ЛДПР), так и праволиберальным группировкам.

При этом очевидно, что начавшая свой подъем в этот период праволиберальная («оранжевая») оппозиция КПСС также не могла дать позитивной альтернативы действиям горбачевского центра. Основное течение демократов правого толка, пытавшихся противостоять советскому истеблишменту, стояло на праволиберальных («оранжевых») позициях. Реформу компартии они не считали сколько-нибудь важным делом. В качестве альтернативы КПСС предлагалось создание «демократической», то есть праволиберальной партии. В дальнейшем такая концепция стала основой проектов Демократической России, СПС и др. К этому варианту реформ тяготел в тот период даже Гавриил Попов, который в своей позиции социал-демократизма был ближе всего к левому направлению. Надеявшиеся на «демократические» перемены в России, правые («оранжевые») либералы тогда еще не понимали, что окажутся не в состоянии справиться с реформой советской системы, и что будут сметены своим правым собратом — консерватизмом.

Консервативные пропагандисты пытаются представить в качестве манипулируемых извне представителей советской элиты только советских «либералов» (включая и спецслужбистов). А не манипулировали ли внешние силы также (а возможно в первую очередь) и консерваторами в спецслужбах, в особенности радикальными? Речь идет о группировке в КГБ байгуншевской Русской партии.

Очевидно, что провал советской перестройки не мог обойтись без участия влиятельных кланов советских спецслужб, некоторые из которых уже тогда, вероятно, манипулировались извне СССР. Например, как показывает А.Островский, определенные силы в КГБ могли содействовать успеху достаточно сложного полета М.Руста (Глупость или измена, с. 143).

Важно заметить, что некоторые представители тогдашних советских спецслужб выступили с отличной от консерватизма политической программой — именно программой поддержки не консервативных (тем более радикальных) группировок типа Славянского собора, но «демплатформы» в КПСС. О своей поддержке таковой объявил, например, позже обвиненный в «предательстве» генерал КГБ Олег Калугин. Не касаясь «профессиональных» и «секретных» сторон последующих обвинений против Олега Калугина (Б.Соколов. «Суперкрот в Кремле» — М., 1995), следует подчеркнуть правильный с нашей точки зрения подход генерала к политической реформе в СССР в отличие от консервативных сотрудников бывшего КГБ. Более того, именно с этих позиций возможно следует отнестись и к обвинениям О.Калугина в предательстве. Почему никто не обвинял в «предательстве», например, постоянно усиливавшихся внутри бывшего КГБ сторонников воссоздания Союза русского народа или ЛДПР? Почему никто не собирался «ловить» консервативных (правонационалистических — черносотенных) «кротов» — например, реально связанных с курировавшимися противниками СССР центрами правой («антисоветской») эмиграции? Более того, указанные деятели составили

основу консервативной элиты России, пришедшей к власти в «путинский» период и весьма преуспевшей в присвоении ресурсов бывшего СССР.

Воспользовавшись перестроечными свободами, представители радикального консерватизма (Русской партии) стали еще более активно, чем до этого, пропагандировать свои взгляды на самых верхах тогдашней советской системы. Они выступали как перед массовыми аудиториями, так и перед представителями тогдашней советской элиты — включая и КГБ. Так, в Ясенево, в здании Первого Главного управления КГБ СССР с целью «всколыхнуть умы» выступал идеолог Русской партии Байгушев вместе с ярким противником социализма И.Шафаревичем (А.Байгушев. Русская Партия,.. с. 443).

Выступая перед работниками советского КГБ, радикальные консерваторы, они же «советские контрпропагандисты», отстаивали программу реставрации в СССР черносотенной монархии, что шокировало многих присутствовавших, в первую очередь советских традиционалистов.

«Часть собравшихся, — вспоминает певец Русской партии А.Байгушев, — была явно шокирована моим выступлением». «Так что же, — спросил Байгушева Дмитрий Язов, — ты социалистические идеалы выносишь за скобки?.. Я в Пиночеты не пойду.. Говорил бы сразу, что хочешь реставрации народной монархии с русским генералом» (Байгушев, с. 461). Консервативную программу восстановления черносотенной монархии тогда отвергали даже будущие сторонники ГКЧП. Советский аппаратчик Иван Полозков не мог понять: «ну как это вынести за скобки Ленина?» (там же, с. 462).

Свои взгляды радикально-консервативные идеологи пропагандировали не только в спецслужбах, но и перед широкими аудиториями во многих городах России. «То, что говорил в Ясенево, повторил перед многотысячными аудиториями патриотов Москве и Ленинграде, Алма-Ате, Ташкенте, Омске, Красноярске, Смоленске и других городах. Как правило, в огромных залах, вроде Колонного зала дома союзов и дворцов спорта» (там же, с. 446). Таков был размах и широта консервативной агитации. Интересно упоминание о «многотысячных аудиториях», «огромных залах, вроде Колонного зала Дома Союзов и дворцов спорта».

Противодействовали ли этой пропаганде советские спецслужбы? Как мы видим, данная пропаганда активно велась и там. Серьезного противодействия правым национал-патриотам представители КГБ, как и в советский период, оказывать не собирались, во всю занимаясь «либералами».

Поэтому влияние консервативных (в первую очередь правонационалистических) группировок в бывшем СССР росло и постепенно все больше выходило за рамки простой пропаганды.

Даже в «святая святых» — цитадели бывшего КГБ Русской партии удавалось вести действия вполне серьезные, говорящие о реальной власти в данной организации поборников «русского переворота». Как признает «советский контрпропагандист» Байгушев, правым консерваторам в КГБ удалось не

более и не менее, как *снять из замов В.Крючкова* главу пятого управления КГБ генерала *Филиппа Бобкова*. Бобкова обвинили в «попустительстве»: мол, «закрывал глаза на Народные фронты» и даже (о ужас!) хотел «развалить КПСС» (см. Байгушев, с. 445). Чья бы корова мычала! Обвинения сторонников реформ в «развале КПСС» (как и ранее «наступлении на советскую власть») выдвигают правые националисты — создатели черносотенной партии внутри — а затем вне КПСС, борцы с «провонявшим большевизмом» орденом меченосцев (Байгушев). Реально виной Ф.Бобкова как и других работников советских спецслужб перед «консерваторами» были недостаточно черносотенные взгляды.

Воспоминания Ф.Бобкова получили в национал-патриотическом издательстве «Алгоритм» двусмысленное название «Как готовили предателей» (М., 2011). Кто, однако, реально готовил предателей реального социализма — не консерваторы ли из Русской партии, вплоть до настоящего времени контролирующие основные политические и идеологические структуры в России? Ф.Бобков не был их полным сторонником, хотя не являлся и их противником, закрывая глаза на «антисоветские» действия правых русских националистов.

Обвиняя всех вокруг в предательстве, правый русский национализм однако сам был главным организатором «идеологического подрыва» реформ в СССР, включая провал советской политической реформы, основой которой в первую очередь должна была быть реформа КПСС — выделение ее реформаторского крыла. Противодействуя выделению реформистской части компартии и создавая откровенно правонационалистические группировки, оба течения перестроечного консерватизма (возможно, при поддержке манипулировавших ими сил) смогли заблокировать правильное направление политической реформы СССР. Это определило потерю постсоветской Россией роли мирового левого центра, а также стало весьма важной причиной скатывания СССР к путчу и катастрофе.

7. Отношение консерватизма к реформам европейских стран реального социализма. О советском и так называемом «русском» контроле на бывших «коммунистических» территориях. Как «Русская партия» подрывала «русский контроль». Обвинения в развале «восточного блока» либералов и консервативная теория «троцкизма», а также «освобождения от присосков». Русские националисты и провал реального социализма в Восточной Европе.

Весьма важным для общей теории и практики положительной перестройки был вопрос об отношении бывших территорий реального социализма к московскому центру. Речь идет как о странах так называемой «народной демократии», так и советских республиках, которые на рубеже 1990-х гг. стали превращаться в независимые государства.

В конце 1980-х при молчаливом «согласии» (или странном бездействии) тогдашнего советского руководства в этих странах произошел ряд «бархатных» — реально оранжевых (праволиберальных), а фактически — консервативно-либеральных — революций (переворотов).

Консервативные авторы – В.Фалин («Конфликты в Кремле»), А.Уткин, А.Островский в цитированных ниже работах верно ставят вопрос о странной легкости отступления горбачевского руководства из Европы. Эта легкость была и в самом деле странной: тогдашние советские руководители явно не проявили достаточной воли для защиты территорий реального социализма от вторжения правого истеблишмента.

При этом консервативная версия провалов 1989 г., как обычно, состоит в обвинении в падении реального социализма горбачевских либералов и «демократов» – включая того же Горбачева, Яковлева и Шеварднадзе. Однако только ли реформаторы-перестройщики несут основную ответственность за столь быструю и фатальную катастрофу систем европейского реального социализма? Следует отвергнуть не только праволиберальную («оранжевую»), но и *правоконсервативную* мифологию по поводу событий в Восточной Европе рубежа 1990-х гг. Подход современной левой идеологии к трансформациям реального социализма в плюралистические и рыночные общества должен отличаться от правого как либерального, так и консервативного подхода.

Рестаурация традиционного западного (Расчлененного) общества в странах реального социализма в конце 1980-х при переходе к «открытому обществу» была весьма вероятной. Однако удар этой рестаурации можно было ослабить. Как представляется, реальной альтернативой правым переворотам мог стать перевод бывшего коммунистического пространства в «левоцентристский» формат.

Это означало в первую очередь сохранение и поддержание левого контроля (власти левоцентристских группировок) в данных странах. А также сохранение России как центра бывшего пространства реального социализма. Само *структурирование* посткоммунистического пространства – например, переход бывших республик СССР в разряд самостоятельных государств – первостепенной важности не имел. Главным было *содержание* «независимостей» – то, какие силы стояли во главе их – правые с одной стороны, или левые и центристские силы с другой. Переход власти в новых «посткоммунистических» государствах к правым группировкам (установление «правого контроля») фактически означал переход указанных государств под контроль правого – англо-американского истеблишмента и полную потерю контроля над данными территориями бывшего Российского (левого) центра. Сохранение у власти левых и центристских группировок могло помочь сохранить влияние на указанные государства постсоветской России, которая в этом случае сохраняла за собой роль мирового левого центра и главного центра, так называемого, «посткоммунистического» пространства.

Сохранение России в качестве европейского (и мирового) левого центра предполагало, однако, ряд важных предварительных шагов. Прежде всего – политическую реформу и укрепление левых и центристских политических сил в странах бывшего реального социализма. Однако с такой реформой

горбачевское руководство не справилось и в самом СССР. Консерватизм прав, критикуя горбачевское предпочтение «общечеловеческих ценностей», если они связаны с забвением интересов собственного государства. Однако следует подчеркнуть деструктивную роль самого консерватизма (в особенности правого национализма), который вместе с правым либерализмом вел дело к победе правых сил в Восточной Европе, обернувшейся явным ущербом национальным интересам России.

Консервативные группировки в СССР не только не понимали необходимости левоцентристского варианта реформ, но, по-видимому, делали максимум для того, чтобы победил именно тот правый вариант развития событий, который и имел место. Обычная тактика московских консерваторов (сталинистов и правых националистов Русской партии) в период «парада суверенитетов» сначала европейских, а затем республиканских, как кажется, явно способствовала наименее благоприятным для России вариантам последних.

Можно заметить, что главный удар в республиках московские консерваторы, как ни странно, направляли именно против левых реформаторов, — то есть тех сторонников реформ в республиках, которые выступали за самостоятельные национальные образования левого направления. Правые же республиканские националисты рассматривались русскими правыми консерваторами как едва ли не союзники. Вполне очевидным данный сценарий был в Прибалтике. (См. «Эстония до и после Бронзовой ночи».) В тактике подрыва левых сторонников «независимостей» обнаруживается постоянное консервативное лицемерие. Проваливая левых реформаторов, консерваторы (в особенности правого толка) содействовали подрыву общего левоцентристского направления перемен. Одновременно они работали на республиканских правых националистов (русским аналогом которых они и являлись) — главных поборников антироссийской политики.

Сходный сценарий имел место и в странах реального социализма, поскольку русские консерваторы (в особенности правые националисты) никогда (включая и путинский период вплоть до 2015 г.) не считали левые и центристские силы в этих странах своими союзниками. Следует отметить важный факт тактики консерваторов в отношении бывших советских сфер влияния. Обвиняя в провалах реального социализма в Европе «либерализм и либералов», консерваторы — правые националисты Русской партии — как в теории, так и на практике были реальными (и долговременными) сторонниками подрыва указанных советских сфер влияния, а тем самым и так называемого «русского контроля» в имевшемся советском варианте.

«Во всех странах Восточной Европы, — заявлял (как уже отмечалось) известный консерватор (и антилиберал) Александр Ципко, — *борьба с коммунизмом за демократию* была органично связана с национальной идеей, со стремлением восстановить утраченную в результате *советской оккупации* подлинную государственную самостоятельность, восстановить утраченное

национальное достоинство, право народа самому определять свою судьбу». (А.Ципко. Пора доверить Россию русским. — М., 2003, с. 116).

В этом заявлении маститый консерватор-антимарксист Ципко, упрекавший Горбачева в «ошибке с социалистическим выбором», вполне солидаризируется с республиканскими правыми в своем понимании демократии и «советской оккупации».

Уже с 1960-х гг. (а вероятно и ранее) сторонников СССР в мире правые националисты считали «нахлебниками», а поборников расширения советских сфер влияния — «троцкистами». «Троцкистами» сторонники правонационалистической Русской партии называли как советских революционеров 1920—30-х гг., так и Хрущева, пытавшегося упрочить советское влияние в мире (см. предыдущую главу). Как признает Байгушев, консерваторы считали, что «пора России освободиться от присосков и пуститься в самостоятельное плавание» (Русская партия внутри КПСС, с. 466). Данной цели они добились как до, так и во время перестройки. С началом горбачевских реформ консерваторы, действуя на самых верхах власти тогдашнего СССР, удвоили свои усилия по подрыву советских сфер влияния. По словам Байгушева, Русской партии удалось приставить к Горбачеву советника — «признанного авторитета у всех русских националистов» Валентина Распутина, который агитировал Горбачева за избавление от «присосков» — как восточной Европы, так и бывших республик СССР» (там же, с. 466).

Вот что говорит сам Байгушев о роли Русской партии в развале СССР — но также и всего мира реального социализма. «Вынужден признать, что мы, русские патриоты, немало способствовали этому развалу. Повторюсь — именно советник президента Горбачева, выдающийся русский писатель и признанный авторитет у всех националистов Валентин Распутин первым озвучил овладевшую нами идею, что пора России освободиться от присосков и пуститься в самостоятельное плавание. Вот и «освободились» от великой державы! Произошла трагическая ошибка... Мы-то считали, что останемся вместе с Украиной, Белоруссией и наполовину русским Казахстаном. Так и были приняты первоначально беловежские решения. Но если сильный славянский собор в Белоруссии контролировал ситуацию и нашел общий язык с Лукашенко, то на Украине мы грубо не доработали, не просчитали самостийников и Украина уже 1 декабря 1991 г. при нашем преступном попустительстве (мы не сагитировали русское большинство на Украине) провела референдум. Отделилась и пошла своим «самостийным» путем» (Байгушев, с. 466).

Признание Байгушева, что «русские патриоты, немало способствовали» развалу СССР, редко верное у черносотенного наперсточника, официальным консерваторам следует крепко запомнить. Оно показывает реальную обычно камуфлируемую роль русских правых националистов в развале не только СССР, но фактически и всего мира реального социализма. Реально «трагическая ошибка» произошла вовсе не в 1989—1991 гг. Такой ошибкой

для советского проекта была сама идеология русского правого национализма и ее внедрение в СССР с 1940-х, а возможно еще с 1920-х гг.

Из сказанного очевидно, что ответственность за «сдачу» советских сфер влияния, а также европейских и центристских сил несут вовсе не только Горбачев и затем ельцинские правые либералы («демократы»), но в полной мере также и российские консерваторы – как сталинисты, так и в первую очередь правые националисты. Провал поддержки всех левых и центристских союзников России в мире вполне соответствовал идеологии консерватизма (правого национализма) Русской партии и не мог не быть следствием применения этой идеологии на практике.

Это, по-видимому, и было причиной того, что особенного шума по поводу провала восточноевропейского реального социализма «затихарившиеся» в этом вопросе консерваторы (правые националисты Русской партии) не поднимали. Они спокойно наблюдали за провалами восточноевропейских «коммунистических» режимов, чтобы свалить все это на М.Горбачева и Э.Шеварднадзе. При этом консерваторы (на деле – злейшие враги реального социализма) проливают крокодильи слезы по СССР, делая до сих пор вид, что «защищали» советский социализм от его сторонников и реформаторов. Сделав «патриотическое» дело освобождения России от бывших советских сфер влияния, Русская партия в КПСС обвинила в провалах именно Горбачева и принялась скидывать его якобы не понимая, что ведет дело к развалу СССР. После XXVII съезда КПСС Русская партия решила начать подрыв Горбачева и «искать другого лидера». Подумывали «даже о Ельцине» (А.Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 442).

8. Мифология правого национализма и бывшие советские сферы влияния. Миф о «Русском контроле».

Как мы видим, таким образом сваливание консерваторами (авторами типа А.Островского и проч.) всей вины за провал «перестройки» реального социализма на «демократов» («либералов»), как и многое другое в действиях данной группировки, является далеким от объективности, если не сказать лицемерным. Считать консервативную идеологию и тактику периода перестройки лучше горбачевской нет никаких оснований. Напротив, можно отметить положительные отличия Горбачева от правых идеологов и политиков, в первую очередь консерваторов. Они состояли в том, что Горбачев хотя бы на уровне общих идеологических посылок, а во многом также и на практике стремился к левым реформам реального социализма, то есть отстаивал близкую левоцентризму альтернативу правой концепции реформ. Это выразилось в горбачевской концепции «социалистического выбора», которая для правых консерваторов была предметом если не прямых насмешек, то большого удивления.

Приверженность Горбачева «социалистическому выбору» весьма удивляла, например (как мы видели), активного антилиберала (консерватора)

Александра Ципко, еще с 1960-х отстаивавшего свое «белогвардейство» (см. Н.Митрохин. Русская партия в СССР, с. 284). Это удивление, впрочем, не помешало Ципко с начала перестройки примыкать к команде Горбачева и затем работать в фонде Горбачева, а последнему – опираться на антимарксистов типа Ципко. Что это, как не обычное консервативное двурушничество, в особенности свойственное радикальному консерватизму Русской партии и «контрпропагандистам» типа А.Байгушева? А.Ципко и позже считал попытку отстаивать «социалистический выбор» – «главной ошибкой Горбачева». («Записки об идеологической кухне перестройки». 1996, также Н.Митрохин. Русская партия,.. с. 240.)

Как влияли консервативные группировки на процесс горбачевских реформ? По-видимому, это влияние было весьма противоречивым и скорее отрицательным. Под влиянием консерваторов (советских традиционалистов и правых националистов) декларируемые Горбачевым реформы советской системы проводились в жизнь весьма противоречиво или не проводились вовсе. Отсутствовали последовательная идеология и стратегия реформ, имело место запаздывание необходимых шагов (или даже отказ от их совершения), шараханье из стороны в сторону, забалтывание реформ, ничего не делание и потеря времени – со странной надеждой, что все делается «само собой».

Однако была ли идеология и политическая практика так называемых консерваторов чем-то лучше горбачевской? никоим образом, хотя они и окружали свою деятельность рядом мифов. Одним из этих мифов был миф о так называемом «русском контроле», которым консерваторы (в особенности правые националисты) пытались якобы заменить советское влияние в бывших странах реального социализма. Так, тот же критик «социалистического выбора» и борец за антикоммунистические революции А.Ципко заявлял, что считает правильной поддержку ГКЧП – именно потому, что путчисты являлись, мол, сторонниками «русского контроля» в СССР и «Восточной Европе» (Гэкачепистам не хватило лидера. 17.08. 2001, <http://www.apn.ru/news/article13401.htm>). Другая группировка русских радикальных патриотов (Байгушев) с 1988 г. также ставила вопрос о так называемом «русском перевороте» в СССР, то есть подрыве советской (пусть сталинистской системы) и переходе власти к русским националистам. (Ср. «национальная революция» А.Ципко.)

Очевидно, что консервативные теории так называемого «русского контроля» и «русского переворота» как замены реально существовавшего контроля советского представляют собой явную демагогию. Выходит, согласно русским консерваторам от Байгушева до Ципко, «советский контроль» на бывших территориях реального социализма был «не русским» и «русского контроля» в Европе до 1991 г. не было? Консерваторы спохватились о «русском контроле» в СССР и Восточной Европе (то есть контроле советском), когда он исчез. При этом проваливанием этого контроля активно занимались... они сами. Консерваторы (в частности, Русской партии) сделали немало как в

советский, так постсоветский период для ослабления (если не сказать подрыва) «недостаточно русской» советской системы — с тем, чтобы «когда-то в будущем» установить вместо нее некий новый «русский» контроль, он же «Пятая империя» и проч. Результат применения этой программы к 2015 г. виден вполне ясно. Первая часть этой программы — подрыв консерваторами (правыми националистами) прежнего влияния советской России уже двадцать лет получается у них вполне хорошо. Вторая же часть — установление вместо плохого советского некоего нового «русского контроля» — почему-то, напротив, не получается никак.

Как следует рассматривать активность консервативных (а вовсе не либеральных) сталинистских и закулисно-черносотенных сил (тем более в провокаторском байгушевском варианте) по подрыву советской командной системы и ее влияния как «нерусского»? Таковое следует рассматривать как провокацию в интересах стратегических конкурентов СССР, а возможно и под прямым их контролем.

Можно сказать поэтому, что понимание реформ в СССР поносимого консерваторами Горбачева было «лучше» как праволиберального, так и правоконсервативного именно в силу своей частично «левизны» — то есть поддержки попыток реформировать советскую систему, а не менять ее на дореволюционную монархию или диктатуру в духе Франко. Что же касается недостатков Горбачева, то их следует видеть вовсе не только в его «либерализме» («гандизме») и странном прекраснотушии, его наивном доверии к западным лидерам, но и доверии к консерватизму, неумении разорвать с ним. Это привело Горбачева к ГКЧП, верхушку которого составили консервативные деятели, которым Горбачев долгое время доверял.

Что касается действий Горбачева и его команды в отношении стран так называемого «Восточного блока», то он и его сторонники как будто не понимали вероятных последствий своих действий. Горбачевцы легко пошли (только ли под влиянием «либералов»?) на ослабление и подрыв советского контроля (а также влияния России) в Восточной Европе, не пытаясь найти таковому какую-либо альтернативу. Они как будто не видели, что ослабление советского контроля в странах «Восточного блока» без реальных альтернатив ему могло закончиться только одним — захватом власти в странах этого блока силами, представляющими стратегических конкурентов тогдашнего СССР. Следовало защищать восточноевропейское пространство реального социализма, но не как некое русско-имперское (как это до сих пор предлагают консерваторы), а как единое левое (самоуправленческое) пространство, противодействуя переходу этого пространства под правый контроль — то есть в руки правых (консервативно-либеральных) группировок.

Возможна ли была такая защита пространства реального социализма и противодействие переходу Восточной Европы под правый контроль? Как мы доказываем, сохранение влияния бывшего московского центра на бывших

территориях «посткоммунизма» могло быть осуществлено, но только не в форме так называемого «русского» контроля (то есть контроля правых русских националистов), а *контроля левого*. То есть новое влияние московского центра в странах «посткоммунизма» могло опираться не на некие «русские» структуры (как надеялись консерваторы), а на союзные отношения с указанным центром (конечно, в левой его форме) левых и центристских группировок бывших стран реального социализма. Сохранение влияния России на «посткоммунистические» восточноевропейские государства при переходе к правому контролю было весьма маловероятным, а по сути и невозможным.

Сохранение левоцентристского характера бывшего пространства реального социализма требовало определенных шагов и продуманной программы. Важной предпосылкой этого должно было быть создание в России — бывшем центре реального социализма — несталинистской (отличной в этом смысле от современной КПРФ) левой партии и поддержка левых и центристских сил в странах бывшего реального социализма. Левоцентристские группировки следовало поддерживать и в Восточной Европе, добиваясь их укрепления — как материального, так и идеологического. Вывод советских войск из стран реального социализма, вероятно, не следовало производить *до окончательного укрепления данных группировок у власти*, или по крайней мере закрепления данных сил в политической системе соответствующих стран, не допуская их насильственного подавления.

Однако горбачевское руководство действовало (вероятно, не без влияния консервативных группировок) иначе, полагаясь на «автоматизм» процессов трансформации стран бывшего реального социализма. Этот автоматизм между тем работал на правые группировки против левых — а одновременно также и против интересов России. Мощное давление Западного общества на страны бывшего реального социализма делало неизбежным (в результате разнообразных «бархатных» и пр. революций) победу в этих странах правых сил — как праволиберальных, так и правоконсервативных.

Противостоять такому ходу событий в странах бывшего «Восточного блока» могли не некие «прорусские» (как надеялись консерваторы), но только левые и центристские силы. Однако поддерживать и формировать такие перестроечное руководство не собиралось. Как мы видели, с проблемой создания современной левой партии Горбачев и его команда не справились даже в России. Тем более, что такой задачи горбачевцы (как и «консерваторы») и не ставили. Чтобы ставить такую задачу, горбачевская группировка должна была бы стоять на позициях не сталинизма и не правых (как либеральных, так и консервативных) теорий, а современной левой теории, чего естественно не было. Отсутствие у перестроечного руководства внятной теории (тем более современной левой) предопределило недостатки и результат этих действий — провал России как мирового левого центра, каковым она была в советский период.

Это же предопределило и развал СССР, то есть поражение России как центра постсоветского пространства. Горбачевская команда оказалась не в состоянии поддерживать левоцентристские группировки не только в странах бывшего реального социализма, но даже на территории бывшего СССР, например, в Прибалтике. Данная неспособность лишала положительные реформы в указанных странах политического основания и вела эти реформы к краху, результатом чего стала победа в постсоветских странах правых сил — прежде всего правых националистов (местных консерваторов). Вину за этот крах следует возложить не только на Горбачева и правых российских либералов (демократов), но в первую очередь на «патриотических» консерваторов — правых русских националистов и сторонников дореволюционной монархии — «Русскую партию».

Каковой была позиция консерватизма и его сторонников в отношении бывшего советского пространства? Правые консерваторы (как и правые либералы) добивались подрыва левого контроля в бывших советских республиках точно так же, как они добивались этого в странах бывшего реального социализма. До сих пор правые патриоты (от представителей Русской партии до М. Колерова) занимаются в первую очередь критикой якобы «все еще коммунистических» элит в постсоветских странах. Этим якобы «имперские» (реально псевдоимперские) консервативные идеологи и группировки (в особенности радикальные типа Русской партии) продолжают разрушать саму основу сложившегося в советский период влияния России на бывшие страны реального социализма. Отсюда и очевидные к настоящему времени результаты. При этом влияние так называемого консерватизма на провал положительных реформ советской системы вовсе не ограничивалось горбачевской эпохой. Проваливание консерватизмом левых и центристских союзников России продолжалось и после Горбачева — как после прихода в 1991 г. к власти правых либералов Ельцина, так и правых консерваторов Путина. Можно сказать, что правые консерваторы после 2000 г. действовали в постсоветском пространстве ничуть не лучше, чем правые либералы — то есть в интересах Нового мирового порядка.

Существовал и целый ряд частных (хотя и немаловажных) вопросов реформ стран реального социализма, который не был продуман ни горбачевцами, ни «консерваторами». Например, вопрос о приватизации в указанных странах. Бывшие правящие группировки стран бывшего реального социализма, в частности, компартии (например, эстонская), раньше владевшие «всем» в соответствующих странах, вдруг уже к концу 1990-х и тем более к середине 2000-х оказалась «ничем» — без собственности и, например, даже без возможности издавать что бы то ни было. Приватизацию, как ни парадоксально, можно было использовать для поддержки левоцентристских реформ в мире реального социализма, а также сил, ориентировавшихся (как и до этого) на Россию, а не на Запад. Задача сохранения бывшей государственной собственности в руках сторонников левых реформ в странах бывшего «коммунизма» (вклю-

чая Прибалтику) требовала продуманных шагов. Таких шагов сделано не было; имело место провальное и паническое бегство с поля «перестроечной битвы» всего консервативного советского истеблишмента со всем сонмом официальных псевдомарксистских (реально – консервативных) идеологов, а то и присвоение консервативной элитой бывшей советской собственности.

9. Провал перестроечной национальной политики и консерватизм. Проблема Народных фронтов. Непонимание консерватизмом роли данных движений в период перестройки.

Частью вопроса отношений московского центра и «периферии» реального социализма был вопрос отношений этого центра с бывшими советскими республиками – будущими постсоветскими государствами. Провал данных отношений стал весьма важной частью общего провала советской перестройки.

Какова была роль консерватизма в данном провале? Какую модель отношения республик и центра реально отстаивали консерваторы? Были ли возможны «положительные» реформы реального социализма в области национальных отношений или единственной альтернативой старой системе был полный развал многонациональных образований реального социализма и крах всей его системы? Как следовало строить новые отношения с республиками, какую модель преобразований следовало отстаивать?

Консерватизм, как в варианте сталинизма, так и правого национализма, отрицал необходимость каких-либо реформ старых командных отношений между московским центром и республиками. Советские традиционалисты (сталинисты) считали сложившиеся к концу советского периода командно-административные отношения между Москвой и республиками оптимальными и не подлежащими реформированию. Необходимость сохранения этих же отношений по сути дела отстаивали и русские правые националисты, для которых идеалом являлась единая и неделимая царская монархия до 1917 года. С этой точки зрения и под этим соусом они рассматривали и СССР, отличия которого от дореволюционной России ими игнорировались.

Консерваторы правого толка пытались противопоставить влиянию советской России как в Восточной Европе, так и на постсоветском пространстве, так называемый, «русский контроль» (А.Ципко), он же в дальнейшем «Пятая империя» Проханова (см. «Симфония пятой империи». – М.: Эксмо, 2007). Сходной является и консервативная концепция «Русского мира». Согласно представлениям правых консерваторов, следовало заменить «плохой» советский контроль, имевший место в эпоху СССР, так называемым, «русским контролем». Под этим якобы имперским лозунгом «русского контроля» правые консерваторы занималась систематическим подрывом советских сфер влияния. Лозунг консерватизма был – «провалим влияние советское, чтобы установить (до сих пор остающееся у консерваторов на уровне мифа, если не блефа) влияние «русское».

Была ли консервативная концепция «русского контроля» (как замены «советского») адекватной ситуации реформ в мире реального социализма? Каковы результаты применения этой концепции к настоящему времени? И спустя 24 года после развала СССР «русский контроль» в посткоммунистическом пространстве остается такой же недостижимой целью, как и 20 лет назад, причем его достижение отодвигается все дальше. Реальность Нового российского порядка как при правых либералах, так и при правых (путинских) консерваторах состоит в том, что Россия и два с лишним десятилетия спустя после развала СССР продолжает сдавать советские сферы влияния, например, попустительствуя приближению НАТО к границам РФ в 2004 г., оранжевым переворотам на Украине, в Грузии и других регионах – вплоть до Средней Азии. Вялые попытки консервативных «контратак» быстро подавлялись. Россия, то есть ее консервативная элита) до сих пор странно ведет себя почти во всех постсоветских государствах, не говоря уже о странах типа Ливии.

Можно утверждать, таким образом, что концепция так называемого «русского контроля» показала к настоящему времени свою явную несостоятельность. Она не дала результатов в постсоветском пространстве – не говоря о Восточной Европе и других регионах. В отличие от идеологии советского «большевизма» (второго марксизма), сыгравшей свою роль в определенный исторический период для укрепления влияния советской России, идеология консерватизма (проявляющаяся помимо концепции «русского контроля» в различных «Русских доктринах» и «Русских проектах») не может обеспечить единство посткоммунистических территорий и стать основой их нового объединения.

Консервативной концепции «русского контроля» в посткоммунистическом пространстве левая теория должна противопоставить другую концепцию – концепцию единства левоцентристских сил. Основой общности посткоммунистических государств, как мы доказываем, является не принадлежность этих стран к так называемому «русскому миру», вхождение в который ряд постсоветских государств может легко оспорить, но сходство общественных систем, а также общественных сил, которые должны этими обществами управлять. Особенностям посткоммунистических систем соответствует, как мы доказываем, не правая, а левоцентристская политика и власть соответствующих политических сил.

Консерватизм с его концепцией так называемого «русского контроля» показал свою неспособность добиться единства посткоммунистических территорий от Прибалтики до Украины. Русские консерваторы (национал-патриоты) не собирались поддерживать в республиках левоцентристские группировки, которые могли обеспечить преемственность между советской системой и новым развитием посткоммунистических стран. Они сваливали в кучу всех «националов», вопреки всякой логике положительно оценивая в новых государствах не левых реформаторов, но скорее правых националистов.

В постсоветской политике проявился даже такой странный феномен, как «дружба националистов», объединяющая консерваторов России с их республиканскими единомышленниками. Фактов такой странной дружбы можно привести много, начиная с поддержки русскими национал-патриотами цветных революций в Грузии и на Украине (в какой-то мере был замечен и высокопоставленный ныне бывший лидер партии Родина Дмитрий Rogozin). И включая приглашение в апреле 2004 г. на встречу к президенту России Путину главного эстонского консерватора М. Лаара (12.04.04, <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/mart-laar-vstretilsya-s-putinyem.d?id=7603580>), бывшего среди прочего советником Саакашвили перед вторжением Грузии в Осетию в 2008 г.

Одну из причин такой «дружбы националистов» можно усмотреть в единстве их идеологии, в первую очередь отталкивающейся от советской. То есть в том, что консерваторы в постсоветских странах были такими же правыми националистами, как и их двойники из Русской партии, хотя и в других национальных одеждах. Украинская «Батькивщина» (точнее, «Свобода» Тягнибока) такая же консервативная партия, как русская «Родина» или эстонское «Отечество». Понятно, что «дружба» и единство местных и республиканских консерваторов оказывались весьма недолговечными. Дальнейшее развитие политических отношений национал-патриотов все больше разводило их в разные стороны, превращая отношения указанных консерваторов в нескончаемую этническую перебранку.

Отношение России к странам бывшего «восточного блока», так и бывшим советским республикам русским консерватизмом мистифицировались и запутывались. Так же запутывалась и проблема самостоятельности и независимости бывших советских республик — например, прибалтийских. Эта проблема мистифицировалась как со стороны русских консерваторов с их концепцией «русского контроля», так и со стороны национал-патриотов республиканских, надеявшихся на процветание своих стран под жестким контролем западных мировых игроков. С точки зрения левой теории, как мы уже стремились показать, главным были не проблемы «независимостей» (то есть самостоятельности постсоветских государств), а то, какие силы эти независимости контролировали. В случае правого контроля «независимости» переходили под контроль Запада, в случае левого контроля — двигались в направлении России. Российских консерваторов эти различия совершенно не интересовали. Они были готовы провалить общее (и важное также для России) дело реформ пространства реального социализма, лишь бы под лозунгом так называемого «русского контроля» помешать «независимцам» образовать самостоятельные постсоветские государства.

Общий итог состоит в том, что с начала 1990-х правые группировки в России (не только праволиберальные, но и правоконсервативные) работали (и работают до сих пор) на подрыв отношений между республиками бывшего СССР и одновременно — влияния России в данных республиках.

Они не принимали во внимание, что основой таких отношений и такого влияния может быть не правая, а лишь левая идеология и политика (левый контроль), опирающиеся на левые и левоцентристские группировки в постсоветских странах.

Выработать версию положительной перестройки отношений между республиками бывшего СССР в 1980-х гг. пытались левые реформаторы, опиравшиеся вначале на различия концепций федерации Ленина и сталинской автономизации. (В.И. Ленин. К вопросу о национальностях или об «автономизации», 1922, а также В.В. Коротева, Л.С. Перепелкин, О.И. Шкаратан. От бюрократического централизма к экономической интеграции суверенных республик // Коммунист, 1988, №15). Однако эта линия вскоре потерпела поражение — не без влияния правых, в первую очередь правоконсервативных сил. Можно сказать, что в вопросах национальных отношений горбачевцы существенно отличались в лучшую сторону от обвиняющих их во всем консерваторов, поскольку интуитивно двигались в направлении левоцентристских реформ бывшего СССР. Новые формы отношений между постсоветскими государствами предлагались ими — хотя бы в варианте новоогаревских соглашений, подготовленных накануне путча 19 августа 1991 г. Консерваторы же не только резко порицали указанные соглашения, но и стремились прямо подорвать их, противопоставляя им тот же реально не осуществленный до сего дня «русский контроль». Это привело консерваторов (как советских традиционалистов, так и правых националистов) к поддержке путча августа 1991 г.

Нельзя не сказать в этой связи о проблеме *Народных фронтов*, возникших в республиках СССР в начале советской перестройки (с 1988 г.). В противовес им консервативные силы попытались создать Интердвижения. Народные фронты и демократы представляли сторонников перемен; Интердвижения и консерваторы (часто в радикально-шовинистическом варианте) — поборников тогдашнего советского статус кво.

Вопрос о Народных фронтах требует отдельного разбора и противостояния консервативной трактовке роли данных организаций. Отношение к Народным фронтам современного консерватизма (как и в свое время правящих партийно-советских группировок) характеризуется полным непониманием (и реальной мистификацией) их роли. Идеология Народных фронтов до сих пор сводится консервативной российской историографией к национал-радикализму (национал-сепаратизму), то есть консерватизму (и правому национализму) в республиканских вариантах (аналогу правого национализма Русской партии Байгушевых, Семановых и К^о). В рамках консервативной версии перестроечных реформ постоянно говорится о «лукавстве» Народных фронтов, а также лукавстве перестройщиков вроде «главного либерала» Александра Яковлева, которые своим несопротивлением, а то и прямой поддержкой якобы способствовали усилению влияния Народных фронтов и следовательно развалу СССР. (Например С.Кургинян. Власть и оппозиция,

1993; сборник Власть и оппозиция. — М.: Роспэн, 1995, с. 298—299, а также А.Островский. Глупость или измена, 2011, с. 264.)

Отвечая консервативным критикам, следует указать на лукавство самих обвинений против сторонников «перестройки» реального социализма. Очевидным лукавством, была, во-первых, сама якобы защита правонационалистическими идеологами общества реального социализма и его реформ. Как мы видели, правые консерваторы (правые русские националисты) еще с 1940-х гг. были явными противниками советской системы и сторонниками реставрации дореволюционной даже не «февральской» 1917 г. России, а дореволюционной монархии. Действительной целью и результатом действий созданной, так называемой, «Русской партией», она же Русский орден (реально *нацистской закулисы* в СССР) был подрыв тогдашнего российского государства и срыв реформы реального социализма. Весьма сомнительной (если не сказать провокаторской) была и деятельность данной группировки в период перестройки. Уже с 1988 г. правые консерваторы активно способствовали провалу левых реформ реального социализма, создавая, как мы видели, вместо современных левых партий партии монархические и правонационалистические, а также соответствующие группировки Интердвижений. Какую поддержку такие группировки могли иметь в бывших советских республиках и «посткоммунистических» странах?

С позиций левой теории Народные фронты имели в период перестройки существенный положительный смысл, до сего дня отрицаемый русским консерватизмом и его пропагандистами. Этот смысл состоял как в политическом давлении на консервативные (в том числе правонационалистические) группировки в московском центре с целью принуждения их к левоцентристским реформам в странах бывшего СССР, а также с целью создания политических сил, способных к таким реформам (*см. Народный фронт в Эстонии: мифы и реальность*, 2.04.1988, <http://kripta.ee/rosenfeld/1988/04/02/narodnyj-front-v-estonii-mify-i-realnost/>). Коль скоро Горбачев решил на радикальные реформы, сохранять командную систему в нетронутом виде было уже нельзя. Следовало строить альтернативную систему, способную к развитию. Таковой как в бывших союзных республиках, так и в России, как представляется, могло быть плюралистическое и рыночное общество левого контроля.

Национал-радикализм (республиканский правый консерватизм) присутствовал в Народных фронтах, но он (как и правый либерализм) не исчерпывал всего движения. В Народных фронтах существовали и важные для нашего изложения реформаторские леводемократические группировки, которых не следует отождествлять с правонациональным крылом перестроечных движений. Целью указанных леводемократических группировок Народных фронтов в их первоначальном варианте было вовсе не возвращение к дореволюционным республиканским режимам, но «положительное» реформирование советской системы. Вопреки консерватизму, эти группировки

Народных фронтов отражали верное направление реформ реального социализма. («Эстония до и после Бронзовой ночи», глава 2.)

В этой связи важно указать на тот непонятный консерватизму факт, что Народные фронты возникли не только в республиках бывшего СССР, в частности, в Прибалтике, но одновременно (а фактически и ранее) — в России. Первое предложение о создании Народных фронтов прозвучало на собрании интеллигенции в Ленинграде и Москве (Огонек, 1988, № 14. *об этом см.* Анатомия независимости. Тарту: Крипта, 2004, с. 167, 285). Одним из авторов идеи создания Народных фронтов был сторонник левого варианта перестройки Борис Курашвили, поддерживавший идею «нового социализма».

Вопреки консервативной историографии, ставящей знак равенства между Народными фронтами и республиканским национал-радикализмом, республиканские консерваторы, первоначально примыкавшие к Народным фронтам, не могут считаться главным течением данных движений. На первом этапе развития Народные фронты — как республиканские (например, прибалтийские), так и российские — представляли собой блок леводемократических и правых (консервативно-либеральных) сил. Постепенно республиканские консерваторы — национал-радикалы — стали выходить из Народных фронтов и образовывать самостоятельные правые движения, в Эстонии, например, правоконсервативный Эстонский конгресс («Эстония до и после»...). Создание Эстонского конгресса привело к расколу Народного фронта Эстонии на консервативное крыло, примкнувшее к национал-радикалам (М.Лауристин), и крыло центристское (Э.Сависаар), ставшее основой будущей Центристской партии Эстонии (*см.* Национальный вопрос в эстонской леводемократической публицистике конца 1980-х — начала 1990-х гг. в кн.: Анатомия независимости. Тарту: Крипта, 2005, с. 278–319, <http://kripta.ee/rosenfeld/2004/07/31/nacionalnyj-vopros-v-estonskoj-levo-demokraticeskoy-publicistike-konca-1980-x-nachala-1990-x-gg/>; http://kripta.ee/anatomy_of_independence/book_rus.pdf).

Первоначальной целью создания Народных фронтов были левоцентристские реформы советской системы, устаревшие формы которой отстаивал сталинистский и шовинистический истеблишмент, а также стоявшая за ним бюрократия. Это подтверждают начальные требования данных движений, а именно: требование союзного договора и большей экономической самостоятельности (хозрасчета) республик. (*См.* Народный фронт и Интердвижение. Статьи 1987–1991 г., 27.06.1990, <http://kripta.ee/rosenfeld/1990/06/27/narodnyj-front-i-interdvizhenie-stati-1987-1991-g/>).

Эти предложения, как и левоцентристские группировки Народных фронтов, не замечались московским центром в период перестройки и не замечаются до сих пор историками «эпохи реставрации» (включая С.Кургиняна, А.Островского и др.) Реформаторские стороны Народных фронтов (например, прибалтийских) консерваторами игнорировались. Ранние левоцентристские

предложения республиканских реформаторов — союзного договора и республиканского хозрасчета — были отвергнуты консервативным московским центром, что предопределило победу в республиках правых националистов и последующий крах СССР.

Попытки левых реформ предлагались и в России — в основном в рамках демократического течения. Так, представители левого крыла российских демократов (например, Г.Попов, заявивший о своих социал-демократических симпатиях) на рубеже 1990-х выдвигал концепцию *левоцентристской коалиции в постсоветской России* (Г.Попов. Снова в оппозиции, с. 100, 139). Речь шла о коалиции демократов (либералов) и коммунистов-демократов, которая была провалена русскими консерваторами — сталинистами и правыми националистами.

В ответ на образования Народных фронтов советские консерваторы начали формировать Интердвижения — вовсе не движения в поддержку левоцентристских перемен в мире реального социализма, но движения в защиту доперестроечной командно-административной системы. Часть требований Интердвижений (например, в Прибалтике) была справедлива и направлена против национал-радикалов (то есть местных аналогов русского консерватизма) внутри прибалтийских Народных фронтов. Однако в Интердвижения входили также и группировки правых русских националистов — Память, РНЕ и пр., стоявшие как мы видели, на позициях дореволюционной монархии. Вопреки консервативной историографии, пытающейся и до сих пор представить Интердвижения «положительной» альтернативой Народным фронтам, правонационалистическая часть Интердвижений вовсе не собиралась защищать реальный социализм. Подобно идеологам Русской партии, она ставила своей задачей возвращение к православной (если не прямо черносотенной) монархии. Советские традиционалисты (сталинисты) в составе Интердвижений также часто (а по сути дела как правило) эволюционировали в направлении русского правого национализма (консерватизма), в том числе и в радикальном его варианте.

Национал-сталинистские и национал-консервативные группировки в Интердвижениях придавали им явный «красно-коричневый» имидж. Таким красно-коричневым (а вовсе не красным) и был цвет национал-сталинистского истеблишмента. Значительная часть протестов демократической части общества против, так называемой, «советской власти», реальный смысл которой (как и роль «советов» в 1917–1918 гг.) был давно утерян, были обращены именно к консервативной правонационалистической части этого истеблишмента. Отстаивая якобы «платформу КПСС» и стремясь «восстановить СССР», сталинисты вместе с группировками Память и РНЕ реально сделали выбор не в пользу левой, но «коричневой» идеологии и политики. Этот выбор они подтвердили и последующей правой эволюцией лигачевско-прохановской группировки к союзу с идеологами типа Г.Климова или ээсовца Ж.Тири-

ара, а также в шовинистических (а то и прямо коричневых) тенденциях зюганизма 1990-х, которые отразили деятели типа А.Макашова и Н.Кондратенко. (Последнего в 2003 г. КПРФ даже выдвинула кандидатом в президенты РФ.)

К чему вела политика советского и русского консерватизма в республиках периода перестройки? Эта политика, направленная против левых реформаторов внутри Народных фронтов, фактически работала на национал-радикалов в республиках. Последние представляли то же течение (в национальных вариантах), что и входившие в республиканские Интердвижения русские консерваторы правого толка. В ходе общего сдвига перестроечной политики «вправо» республиканские национал-консерваторы стали выходить из Народных фронтов и образовывать в противовес им свои партии (напр., эстонское Отечество), которые вскоре при поддержке мировых правых сил в начале 1990-х гг. оказались у власти. Это означало провал перестройки как позитивного процесса и начало «реставрации» в соответствующих странах «досоветских» систем. Этому, то есть провалу левого варианта реформ советской системы, а тем самым и краху СССР и реального социализма в целом, и способствовали действия русских национал-патриотов.

10. Какие силы в перестроечном СССР поддерживались Западом? Консерватизм и провал левоцентристской политики Москвы. Радикально-консервативная (нацистская) закулиса времен перестройки. Консервативный удар в спину реформам. Перестройка и нацистский террор. От общества «Память» до К.Смирнова-Осташвили.

Следует коснуться и темы внешней поддержки Западом тех или иных политических движений в России периода перестройки. Это важно в свете громкой «патриотической» риторики консерватизма, обычно обвиняющей в связи с Западом только правых российских либералов.

Какие силы в тогдашнем реформаторском движении в советской России поддерживались Западом? С внешней стороны, особенно в период перестройки, западными политическими игроками как будто поддерживались демократы — либералы, хотя и в основном правого — оранжевого толка. При этом демократы левого направления (которые у консерваторов также называются в числе «либералов») Западом не поддерживались, напротив — скорее изолировались.

Важная особенность тактики Запада в обществах реального социализма, особенно в СССР периода перестройки, состояла в том, что стремясь выглядеть поборником демократического развития «тоталитарных» стран «восточного блока», Запад больше говорил о своей поддержке в мире реального социализма праволиберальных сил, приход к власти которых считался западными идеологами основой перехода посткоммунистических стран к «демократии». Однако остается фактом, что во всех этих странах западный неоконсерватизм (в первую очередь англо-американская группировка) делал основную ставку

вовсе не на «более рыхлых» правых либералов, но на более агрессивных *правых националистов* — с их далеко не либеральными, но часто явно шовинистическими проявлениями. Таковые включали и героизацию на «посткоммунистических» территориях (от Эстонии до Украины) бывших формирований Третьего рейха и их участников. Ставя своей задачей разрушение реального социализма, внешние силы стремились к победе разрушительной для него правой версии реформ. Определенной всего эта цель была реализована в Прибалтике. Для обеспечения этой победы применялась активная манипуляция не только правым (оранжевым) либерализмом, но также (а по-видимому, в первую очередь) и республиканскими консерватизмами.

Поэтому в политических движениях бывших советских республик (и затем государствах «посткоммунизма») — например, Народных фронтах — Запад поддерживал прежде всего не праволиберальные, но правонациональные (консервативные) группировки. Именно западная поддержка республиканских консерваторов (правых националистов) в немалой степени и привела к расколу Народных фронтов — от прибалтийских до среднеазиатских, укреплению в них указанных консерваторов (правых националистов) и их приходу к власти. Таким образом, в Прибалтике (например, Эстонии) к власти пришли национал-радикалы — типа эстонской партии «Отечество». Этой игре следовало противопоставить поддержку левоцентристских сил, левоцентристских группировок Народных фронтов и реформаторских группировок компартий. Однако роль таковых московский центр не понимал, что отразила и официальная (принятая до сих пор) консервативная концепция Народных фронтов в республиках бывшего СССР, которая отождествляла эти движения целиком с их правым (национал-либеральным и национал-консервативным) крылом.

Как обстояло дело в России, какие силы Запад поддерживал там? Вопреки российским консервативным идеологам и их «антилиберальной» пропаганде можно утверждать, что и в России Западом — *англо-американской коалицией поддерживались не только либералы, но также (а иногда и в первую очередь, хотя и скрыто) консерваторы — русские правые националисты антисоветского образца*. Такое утверждение может выглядеть парадоксальным и «неполиткорректным», однако, как мы стремились показать на примере структур типа НТС, а также Русской партии в бывшем СССР, такую поддержку следует считать фактом. Это признает, например, и А.Островский (Глупость или измена, с. 191).

Деятельность русских консерваторов — в особенности правого толка, в период перестройки вела к тому же, к чему стремился мировой правый истеблишмент — именно подрыву положительных реформ в СССР и переходу стран бывшего реального социализма (не исключая и России) под правый контроль — со всеми последствиями этого.

В России после провала горбачевцев, активно подрывавшихся шовинистическим консерватизмом (Русской партии и др.), к власти пришли сначала

правые либералы — ельцинисты, затем правые консерваторы (национал-патриоты) — силовики. Есть основания считать, что представляемые ими консервативные группировки в России, как и в других странах посткоммунизма, поддерживались также и извне.

Консерваторы — в особенности правого толка, сыграли весьма существенную роль в подрыве перестроечных реформ в СССР, в особенности в национальной сфере. Провал в отношениях московского центра с бывшими республиками, как мы видели, проявился в неспособности этого центра (в основном под влиянием идеологии консерватизма) установить новые отношения с реформаторскими (в первую очередь левоцентристскими) силами данных республик. Шовинизм (активно внедрявшийся как сталинистами, так и правыми националистами Русской партии) провоцировал национализм в республиках, способствуя постоянному усилению республиканских консерваторов. Первоначально достаточно умеренные (и по сути левоцентристские) требования реформаторов в Народных фронтах (например, с требованием союзного договора и республиканского хозрасчета), консерваторы в московском центре блокировали. Национальные противоречия углублялись, работая на национально-радикальные группировки. Ситуацию еще более усложняли и дестабилизировали (возможно, и при участии внешних сил) консервативные провокации в республиках, вроде столкновений в Сумгаите, демонстрации в Тбилиси, резни в Баку и проч. В результате политическая инициатива в республиках все больше переходила к правым националистам (подробнее — «Эстония до и после Бронзовой ночи»...).

Существенную роль в дезориентации общества и в деле провала положительной перестройки играл *консервативный террор* — террористические акты, идеологическую основу и выбор «объекта» которых представлял русский правый национализм. Этот террор соответствовал консервативным идеологическим установкам и по видимости (а иногда и реально) проводился *консервативными* — в первую очередь *правонационалистическими группировками*. Как правило, консервативный террор был направлен на известных политических и культурных деятелей из демократической среды.

Консервативный террор активизировался одновременно с перестройкой, хотя реально он проводился также и в советский период. Произошел целый ряд консервативных провокаций — например, нападение на помещение Союза писателей «Апрель» радикального националиста К.Смирнова-Осташвили или ряд громких политических убийств, таких как убийство о. Александра Меня в 1990 г. Последнее открыло целую серию «консервативных» политических преступлений, в ряду которых уже в начале 1990-х гг. оказались убийства В.Листьева, Д.Холодова и многих других. Жертвами террора становились, как правило, фигуры из среды «демократов», ненавидимых национал-патриотами (см., в частности, положительная оценка убийства В.Листьева в романе А.Проханова «Господин Гексоген»).

Убийства демократов (например, Г. Старовойтовой), как правило, сопровождались их активным оплевыванием в подконтрольным консерваторам средствах массовой информации. А часто и идеологическими заявлениями группировок «радикального патриотизма», представители которых всегда рассматривались так называемыми «респектабельными» консерваторами как меньшее зло по сравнению с «демократами». (Согласно консерваторам черносотенцы — это «тоже патриоты», только «радикальные» — см. А. Ципко. Почему я не демократ). В период советской перестройки консервативные провокации (проводившиеся манипулируемой извне нацистской закулисой в России) шли сплошным потоком.

Как строился консервативный террористический акт в постсоветской России начиная с перестроечного периода? В каждом значительном убийстве (в основном деятелей из демократической среды — от политиков до журналистов) первым замешанным эшелоном выступали представители радикально-националистических, а то и прямо криминальных группировок в России (скинхеды или, например, «тамбовские» в случае убийства Г. Старовойтовой). В качестве второго эшелона убийств выступали коррумпированные деятели российских (в период перестройки еще советских) спецслужб. Например, расследование убийства А. Меня установило, что в нем участвовал ряд офицеров КГБ, имена которых были известны следствию (С. Бычков. Хроника нераскрытого убийства. — М., 1996). По той же схеме строились и более поздние убийства демократов, например, убийство Галины Старовойтовой в 1998 году. Коррумпированные работники силовых структур обнаружались и в убийстве в 2006 году Анны Политковской (дело бывшего сотрудника ГУВД Д. Павлюченкова, <http://www.gazetan.ru/social/2012/12/14/4891433.shtml>). Сходным образом (хотя и в основном исполнителями из Чечни) строилось и убийство Бориса Немцова в конце февраля 2015 г.

Факт замешанности в игры правых националистов, включая террор, некоторых функционеров советских и российских силовых структур и спецслужб требует особого внимания и анализа. Этот факт, по нашему мнению, говорит не о том, что то или иное «консервативное» убийство совершали «советские (российские) спецслужбы» или «Путин», но что *вина за эти убийства ложится на коррумпированные черносотенные группировки в спецслужбах — нацистскую закулису, задачей которой еще с 1920–30-х гг. являлось разложение бывших советских спецслужб.*

Правонационалистические группировки в советских спецслужбах (часто прикрывающиеся названиями вроде «Русского ордена» Байгушева) следует рассматривать как *диверсионные* — то есть вероятно как специально насаженные с диверсионными целями в бывших советских и российских спецслужбах стратегическими конкурентами СССР. *Диверсионные консервативные группировки в советских и российских спецслужбах* — нацистская закулиса — представляли собой двойную агентуру, очевидно манипулируемую

внешними силами. Следует констатировать весьма глубокое проникновение данной агентуры в политический механизм бывшего СССР.

Анализ террористической деятельности радикальных (в том числе и террористических) консервативных группировок (или тех сил, которые могли имитировать действия таковых в различных управляемых конфликтах) позволяет подтвердить общий вывод. Консервативные правонационалистические группировки (нацистская закулиса в России) являлись также и в перестроечный период орудием внешней манипуляции с целью подрыва общества реального социализма и его положительных преобразований.

Понятно, что радикально консервативные группировки (нацистская закулиса) в России, ведущая в том числе и террористические действия внутри нее — явление пострашнее, чем правые либералы, которых консерваторы до сих пор стремятся представить главными, а то и единственными «агентами внешних сил» в бывшем СССР.

11. Путч августа 1991 г., ГКЧП и «консерваторы». Предательство сталинистами и правыми националистами советской перестройки. Крах СССР и русские правые националисты.

В силу неспособности перестроечного руководства удержать верную — левоцентристскую линию реформ, а также активного вмешательства в ход перестройки сил мирового правого истеблишмента, процесс перестройки в СССР становился все более противоречивым. Активным противником левоцентристской линии перемен выступали не только праволиберальные, но и консервативные группировки — объединение сталинистов и правых националистов, оказывавшее серьезное влияние на перестроечное советское руководство.

Как признают участники событий с консервативной стороны, например, А.Байгушев, влияние правых националистов на руководство тогдашнего СССР по сравнению с предшествующим советским периодом «даже усилилось». Русскую партию, по его словам, «активно поддерживала группа членов Политбюро во главе с Е.Лигачевым, В.Воротниковым и М.Зимяниным» (Русская партия внутри КПСС, с. 556—557). В их руках реально находились важные (если не главные) средства массовой информации. «М.Ненашев, взяв с собой П.Решетова и еще несколько участников движения, стал руководителем гостелерадио. Открытую поддержку члены Русской партии встречали у руководства армии и МВД» (там же).

Советские традиционалисты (сталинисты) в числе консерваторов, в частности группа «Союз», были главными сторонниками сворачивания реформ и установления жесткой сталинистской диктатуры. Их внешне активно поддерживали и правые националисты — реальные противники как советской системы, так и «русских тюфяков» советского разлива. В начале 1991 г. консерваторы начали склонять перестроечное руководство к силовым акциям. Эти акции произошли в Литве и Латвии, сыграв свою роль в подрыве доверия к перестроечному руководству и усилению национал-радикальных сил в Прибалтике.

Пиком деятельности консервативных сил периода советской перестройки стал августовский путч 1991 г. Именно этот путч консерваторов по сути стал главным толчком к развалу СССР – победе наиболее радикальных противников реального социализма.

Известно, что к лету 1991 г. Горбачев начал во многом выходить из-под влияния консервативных сил. Об этом говорил как начатый им новоогаревский процесс, так и план отставки тогдашнего главы КГБ СССР Николая Крючкова. Речь шла о сползании к более гибкой форме объединения бывших советских республик, хотя, вероятно, и «без Прибалтики». Августовское выступление консерваторов (поддержанное обоими его направлениями) было важным фактором подрыва перестройки как процесса «левых» перемен и причиной перехода власти к правым – сначала праволиберальным, затем правоконсервативным группировкам. Такие результаты путча во многом подтверждают уже не раз подчеркиваемый нами тезис о том, что консервативные, в особенности правонационалистические, группировки в бывшем СССР на самом деле представляли внешнее влияние не в меньшей, но возможно даже большей степени, чем «так называемые демократы». Прямым следствием консервативных политических манипуляций стал подрыв процесса левоцентристских реформ (пусть и в противоречивом горбачевском варианте), что было явно выгодно мировому правому истеблишменту. Поэтому есть основания подозревать, что организовавшие путч консерваторы могли активно поддерживаться и стратегическими конкурентами тогдашнего СССР.

Какую роль играла так называемая «Русская партия» в путче? Самое прямое. Правые националисты оказались не только союзниками консерваторов «советского» образца, но и реально – главным «мотором» путча. Руководство «путчистов» было прямо скомплектовано из представителей правых националистов Русской партии. В 1990 г. по словам Байгушева «несколько членов Русской партии вошли в Президентский Совет, а бывший активист группы Павлова Г. Янаев занял пост вице-президента страны». (Русская партия внутри КПСС, с. 557.) Байгушев признает тем самым, что верхушка ГКЧП находилась под прямым контролем правоконсервативной Русской партии.

«Репетиция» путча была намечена еще на июнь 1991 г. (Г. Попов. Снова в оппозиции, с. 202–210). Следующим этапом стали события августа 1991 г., имевшие много странностей, с распутыванием которых консерваторы не спешат.

В период путча 19–21 августа 1991 г. правые национал-патриоты (Русская партия внутри КПСС) действовали специфическим образом. Внешне выступая в одном консервативном блоке со сталинистами и разделяя их риторику против «демократов», ее представители реально не собирались поддерживать советских традиционалистов, как и вообще сохранение советской системы. «В ГКЧП, – сообщает Байгушев, – русские националисты заняли выжидательную позицию». *«Мы были не уверены в русских позициях ГКЧП. Скорее это был бы только какой-то аморфный, совершенно расплывчатый воз-*

врат в красный экономический хаос и в идеологический студень» (А.Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 464).

Это замечание весьма характерно. Оно ясно показывает отношение правых националистов к «советской власти», то есть режиму реального социализма даже в горбачевском варианте. Эта власть якобы постоянно защищавшаяся этими консерваторами от советских реформаторов, вовсе не считалась ими «русской». Она трактовалась правыми националистами как «красный экономический хаос» и «идеологический студень». Текст обращения ГКЧП, по словам Байгушева, писали А.Проханов и Э.Володин «с их, — как не без иронии замечает тот же автор, — мелодекламацией и декадентскими стонами о закате империи» (Байгушев, с. 463).

Таким образом, несмотря на активную имперскую риторику (и заметим, весьма активное участие в путче) «советская империя» Русскую партию не прельщала. Мы видели, что представители этой партии и раньше добивалась ее подрыва. Поэтому и крах ГКЧП они перенесли «спокойно». То есть правые националисты не спешили защищать «русский контроль» в советском варианте, в разрушении которого они до сих пор обвиняют демократов. Байгушев «кается» лишь, что «остановил Баркашова» (лидера РНЕ), который «рвался в бой». Спецотряд «Альфа» якобы также был готов выступить «за русских националистов» (там же, с. 463—464). А если бы не остановил? Могли (и хотели) ли правые националисты спасти «нерусский» СССР? Нужен ли был консерваторам «красный экономический хаос и идеологический студень», если вся их идеология была подрывом реального социализма и его реформ?

Интересно и отношение консервативных радикалов к правым либералам. Несмотря на шумную риторику против правых либералов (как и либералов вообще), правые националисты реально действовали с этими либералами в едином блоке. Поддерживать диктатуру советских консерваторов всерьез они не собирались, но хотели воспользоваться путчем для подрыва «коммунизма» и левых реформ. Путч «русских тюфяков» (как они называли советских традиционалистов) был им нужен в основном для дестабилизации «левого» горбачевского руководства и «левых» реформ, в направлении которых — пусть и противоречиво — пытался продвигаться Горбачев. Этим указанные национал-патриоты фактически содействовали передаче власти в руки правых либералов, действуя в интересах общего «правого дела» — развала СССР и перехода власти к правым группировкам. В этом смысле маневр правых консерваторов удался — им удалось подорвать власть горбачевской элиты и ее медленное сползание к левоцентристским реформам. Результатом этого стало не просто сохранение СССР «без Прибалтики» (как планировали горбачевцы), но и окончательный распад СССР и переход власти в руки правых — первоначально ельцинистов, но затем все же (к 2003—2005 гг.) — правильных консерваторов и сторонников «национальной революции».

Организацией путча через манипуляцию в первую очередь консерваторами (как советскими, так и коричневыми) мировому правому истеблишменту удалось сорвать «мягкий» выход СССР из кризиса и спровоцировать вариант более резкий. Так «правильный» по консервативным канонам ГКЧП и совершил (в соответствии с целями внешних противников реального социализма) подрыв горбачевской власти. Августовский путч стал по сути главной причиной окончательной катастрофы «позитивной» перестройки и прихода к власти на территории бывшего СССР консервативно-либеральных группировок. Таким образом, действия правых консерваторов (вероятно, манипулируемых извне) и попадавших под все большее их влияние консерваторов советских (сталинистов) стали важным фактором провала советской перестройки. Эту роль правых консерваторов в распаде реального социализма следует специально указать некоторым, как будто «объективным», авторам вроде историка А.Островского («Глупость или измена»), сваливающим все перестроечные провалы на «либералов».

Главным результатом деятельности ГКЧП и стоящих за ним правых националистов был, таким образом, крах как СССР, так и реального социализма в целом. Он оказался также и крушением российского мирового левого центра. Именно после провального августовского путча 1991г. фактически и начался захват российской власти внешними неоконсервативными (в основном англо-американскими) политическими и идеологическими машинами, завершение которого, как представляется, произошло вовсе не при Ельцине, а именно *при власти консервативной силовой элиты*.

Окончательная победа в России консерватизма (в варианте правого национализма) произошла после прихода к власти В.Путина приблизительно к 2003 г., после победы «антилибералов» на выборах в российскую Госдуму. Тогда же о себе открыто заявил и радикальный консерватизм, выступивший с программой «национальной революции» (А.Ципко и проч.) и в 2005–2006 гг. вступивший в открытый конфликт с консерватизмом уважаемым (умеренным).

12. Итоги. «Неудержимые кукловоды» консерватизма и крах советского проекта. Провал перестройки и русский консерватизм. Кто «потопил советский лайнер» и у него же «отпиливал крылья»?

Сказанное позволяет определить действительную роль консерватизма (правого национализма) в развале СССР, а также цену консервативным обвинениям в указанном развале демократов и сторонников реформ реального социализма. Эти обвинения есть мифология и тенденциозная ложь. Есть все основания утверждать, что главной силой подрыва реального социализма были не демократы и либерализм (даже правый), но консерватизм — то есть сталинизм (советский традиционализм) и в первую очередь правый национализм. Речь идет о правом национализме Русской партии в КПСС с ее, как сообщает идеолог этой партии Байгушев, «*подпольными искусными режиссерами-монтажерами, ее неудержимыми кукловодами*» (Байгушев, с. 524) .

К положительным реформам реального социализма были неспособны обе группировки консерваторов — как советские традиционалисты (сталинисты), так и в особенности правые националисты. Если первые поэтизировали едва ли не дохрущевскую систему, то вторые считали советскую систему «красным экономическим хаосом» и доказывали необходимость возвращения к дореволюционной монархии или правонациональной диктатуре. Поборники дореволюционной монархии не только не были способны к конструктивным реформам реального социализма, но и (в случае правого национализма от Шафаревича до Байгушева) сознательно добивались их провала. Эта вторая группировка, включавшая в себя, так называемых, «патриотов черносотенного типа» (выражение А.Ципко), постоянно усиливалась (видимо, не без влияния мирового правого истеблишмента) и вскоре сделалась главной в консервативном блоке. Идеологическая и политическая победа мирового правого истеблишмента была связана с умелым манипулированием не только праволиберальными, но и в первую очередь консервативными российскими группировками.

Возможность «позитивного» варианта реформ реального социализма существовала — в левоцентристском варианте этих реформ, как движение к постсоветским обществам левого контроля. Однако эта возможность была провалена советской бюрократией и национал-патриотическими группировками, фактическими обслуживающими интересы различных мировых сил. Советская бюрократия располагала достаточными материальными ресурсами для положительных перемен, но «не справилась с управлением», приведя дело к коллапсу со всеми известными последствиями.

Попытки национал-патриотов и шовинистической бюрократии переложить ответственность за провал перестройки и постсоветского развития на интеллигенцию и «так называемых демократов» есть консервативная ложь. Мифом является и риторика консерватизма о разрушении советской России либералами и якобы защите его «хорошими консерваторами». Действия правых консерваторов (в особенности коричневых радикалов) в перестроечных и постсоветских манипуляциях показывают это вполне определенно. Уже первый «круг» провала России в странах бывшего реального социализма и постсоветских странах (за ними, как мы знаем, последовали и другие) еще в горбачевский период был провалом консервативно-советских (сталинистских) и правонационалистических группировок советской бюрократии.

Для понимания поведения советской правящей верхушки в период кризиса СССР и эпоху перестройки важен уже упоминавшийся анализ советской номенклатуры О.Лацисом (Тщательно спланированное самоубийство. — М., 2001). Лацис справедливо говорит о заинтересованности определенных слоев советской бюрократии в развале СССР, поскольку именно эти слои оказались субъектом присвоения бывшей советской собственности (разворовывания ее). Речь идет по сути дела о подкупе мировым правым истеблиш-

ментом части советской бюрократии (а также ее идеологов, так называемых, советских и российских «патриотов»), идеологией какой и является правый национализм.

Называя СССР «нерусской империей», правые националисты были противниками его положительных реформ. Они фактически способствовали разрушению реального социализма и переходу бывшей советской собственности к правой — не только праволиберальной, но в первую очередь консервативной номенклатуре, зачастую управляемой извне российского государства. Идеология и политика консервативных группировок, как и их конкретная деятельность в процессе перестройки, вели реальный социализм к провалу по всем направлениям. В результате подрывных действий консерватизма перестройку выиграл Запад — англо-американский мировой центр.

Консерваторы (в первую очередь правые националисты из так называемой Русской партии) не «спасали СССР», а занимались постоянным предательством как самого СССР, так и советской перестройки, а с ними и всех сторонников положительных реформ реального социализма в Восточной Европе. Консерватизм правых национал-патриотов был явно направлен против советского коммунизма и ставил прямой задачей разрушение советской системы. Находясь на высоких советских постах, указанные консерваторы с одной стороны занимались доносительством на «демократических» критиков СССР, с другой постоянно оплевывали левую и демократическую традицию в России, причем также в советский период. Таким образом разрушение советской идеологии — большевизма, марксизма и пр., вопреки консервативной мифологии есть проект вовсе не либеральный, но консервативно-либеральный, то есть в значительной степени консервативный.

Правые националисты (консерваторы) не только бывших союзных республик, но также и правые националисты русские — именно Русская партия внутри СССР сыграли основную роль в провале реального социализма, оказавшись союзниками внешних сил. Именно правые русские консерваторы, а не правые русские либералы, были наиболее эффективными и опасными (поскольку скрытыми и лицемерными) противниками положительных реформ реального социализма.

Консервативные разговоры о предательстве реального социализма «либералами» (в числе которых оказываются и левые демократы) представляют собой консервативное кликушество. Не происки «заграницы» и «масонов», но загнивание советской бюрократии (выражавшееся среди прочего и в проникновении в верхи «советской» власти нацистской закулисы байгушевского пошиба) определили ее недееспособность и провал в проведении перестроенных реформ.

Консерватизм (в первую очередь правый национализм) есть таким образом главный «вор» (виновник провала реформ), который громче всех кричит: «держите вора» сторонников положительных реформ реального социализма.

«Целились в коммунизм, попали в Россию» — заявил прозревший в середине 1990-х гг., поносивший советскую систему, беглец из СССР Александр Зиновьев. Но кто целился в коммунизм — только ли пресловутые либералы («наши плюралисты»)? А разве не в «коммунизм» целились хорошие консерваторы — Шафаревич, Солженицын, Байгушев или Ципко вместе с самим Зиновьевым (до его прозрения в середине 1990-х), на все лады ругавшие реальный социализм? Целясь в коммунизм, «попали» в Россию *сами консерваторы и консерватизм*, точнее, их руками серьезный противник — Расчлененное общество.

В нашем русском унижении, — заявляет якобы «советский» спецслужбист Байгушев, — *виновата советская (полуиудейская) власть, но не в ней корни* (А.Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 57). Именно. Корни не в ней, а в консерваторах — правых националистах. Но признать этот факт их идеолог Байгушев не может. Он вопиет о потопленном «скрытыми иудеями» и «агентами влияния» «советском лайнере» (как плавучем, так и воздушном). Хочется спросить не у двурушника Байгушева, вертящегося, по его собственному выражению, «как уж на сковородке» и «выворачивающегося змеей» (там же, с. 296), но у нейтрального наблюдателя: какое отношение имел правый национализм к советской идеологии? Разве нацистский проект Байгушевых-Семановых-Климовых не был проектом развала СССР и его реформ? Разве вся «окопная война» правых националистов — «неудержимых кукловодов» Русской партии не была борьбой с советским проектом, то есть идеологическим подрывом СССР?

И эта борьба увенчалась успехом. Как радуется сам черносотенный окопник, «уродливый иудейский коммунизм приказал долго жить». Кто же топил «гордо плывущий советский лайнер» (у того же Байгушева — как плавучий, так и воздушный) и у него же «отпиливал крылья»? Не сам ли «контрпропагандист» Байгушев, и Русская партия с ее «подпольными искусными режиссерами-монтажерами, ее неудержимыми кукловодами» (Байгушев, с. 524)? Не был ли (еще одна метафора национал-патриота) правый национализм с самого своего возникновения «торпедой», пущенной в «гордо плывущий советский лайнер»?

Очевидно, что роль русского консерватизма в данном потоплении (он же падение «советского лайнера») была далеко не последней. «Конспиролог» Байгушев дает признательные показания по полной программе, подробно описывая 50 лет «окопной войны» черносотенной партии с «иудейской империей» под названием СССР и защищавшими его «русскими тюфяками» (вроде Лигачева), «жидовствующими» шестидесятниками (типа Яковлева), «нерусской» реформаторской частью КПСС.

Другими словами, пробравшиеся весьма близко к пилотам «гордого советского лайнера», деятели правого национализма Русской партии (он же плавучий лайнер), включая и «контрпропагандиста» Байгушева, стремились эту несчастную машину исправить: оторвать «ненациональные» крылья и заменить интернациональные турбины черносотенным православно-

монархическим моторчиком. То есть подменить плохую «антинациональную» советскую идеологию, на которой машина-то и летела, на правый национализм. В результате выяснилось, во-первых, что с «одним крылом» лететь трудно. Во-вторых, что замена советского марксизма на правый национализм есть подрыв идеологии советской России, ее нормальных реформ и — значит, ликвидация самой советской России.

Десятилетия сидя на фюзеляже (а то и прямо около пилотов) «гордого советского лайнера» (он же «советская химера»), правые националисты отпиливали у этого лайнера «иудейское крыло» — то есть тех представителей бывших советских наций, которые не разделяли теорий правого национализма, а также «плохих» (нечерносотенных) русских — от «вахабита» Приставкина до «жидовствующей» Риммы Казаковой. Целью была замена КПСС на партию русского черносотенства (вроде РНЕ) и восстановление «истинно-русской» православной монархии. В результате машина почему-то упала (в морском варианте — потонула). Как пелось в песне, «нафига вы (черносотенные консерваторы) советский ботик потопили?»

В этой связи нельзя не сказать о часто повторяемой консерватизмом теме «убиения России» демократами и революционерами. (Например, Н.Стариков. Ликвидация России, 2013; Б.Миронов. Приговор убивающим Россию, 2005; А.Хинштейн. Как убивают Россию, 2007 и проч.) Согласно консервативной риторике в качестве «убийц» России фигурируют, конечно, не сами консерваторы, но, понятное дело, виновные во всем либералы и революционеры. Обвинения национал-патриотами либералов в «убийстве России» — развале СССР (как и царской Империи) представляет собой консервативное кликушество. Ведь если вы, русские националисты — спросим у этой публики — в течение десятилетий занимались активным подрывом советской идеологии и созданием радикально-шовинистических «антисоветских» группировок, то почему же вы обвиняете в «убийстве России» (в частности, развале СССР) кого-то, кроме самих себя?

Поэтому ответ (почти по Достоевскому) вечного следователя Порфирия Петровича собирательному консерватору (от А.Байгушева до Н.Старикова) мог бы быть следующим:

— Мы, хорошие консерваторы: байгушевы, стариковы, буровские рассказываем всем (за хорошие, между прочим, деньги), что Россию заказали и убили большевики, а также либералы и демократы всякие. Они же ее в землю закопали и адрес написали. А мы, замечательные консерваторы, ее, наоборот, всячески спасали.

— Да никак нет-с, батенька! Это вы, хорошие консерваторы (в особенности черносотенные), Россию-то — как дореволюционную, так и, главное, советскую убили и продолжаете ее вашей консервативной идеологией убивать и до сих пор...

Глава 6.

ПОСТСОВЕТСКАЯ РОССИЯ 1990-х гг. РОССИЙСКИЕ ДЕМОКРАТЫ (ЛИБЕРАЛЫ) У ВЛАСТИ. СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО РОССИЙСКОГО ПОРЯДКА. РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ ПРОТИВ ЕЛЬЦИНИЗМА

1. «Наконец-то реставрация». Переход от «горбачевизма» к «ельцинизму». Приход к власти правых и его причины. Новый российский порядок, его содержание и становление. Консервативная риторика по поводу либерализма (в том числе ельцинского) и реальный смысл ельцинизма. Реставрация в постсоветском пространстве и правый контроль. Стадии правого контроля – сначала либералы, затем консерваторы. Правый (оранжевый) либерализм и консерватизм (в том числе коричневый).

Переход от перестроечной горбачевской власти к власти ельцинской стал переломной точкой развития России на рубеже XX–XXI века. Произошла кардинальная перемена режима, каковую можно описать как переход от советского реального социализма к *Новому российскому порядку*.

Каково содержание этого Нового российского порядка?

В обычных политологических терминах «правого» и «левого» эта кардинальная перемена (сходная с аналогичными переменами в странах бывшего реального социализма) может быть описана как переход власти в России от «левого» (хотя подчас и номинального) политического контроля к «правому». Произошел переход политической власти от партий «левой» (в классическом западноевропейском смысле) части политического спектра – коммунистов, социалистов и проч. – к партиям «правой» части политического спектра – либералов (1991–1999) и консерваторов (2000–2015). Оба данных течения представляли основную идеологию западного общества – консервативный либерализм.

Переход власти в России к правым силам означал провал советской перестройки как «левого» проекта. При этом оговоримся: поздний советский, например, брежневский, истеблишмент также нельзя считать полностью «левым». Важный сегмент власти этого истеблишмента, как мы видим, составляла правонационалистическая Русская партия в КПСС с ее консервативной идеологией правого русского национализма, принятой влиятельными верхушечными группировками партаппарата. Как показывает деятельность Русской партии «внутри КПСС», номенклатурные консерваторы, реально исповедовавшие вовсе не «марксизм-ленинизм», но идеологию правого национализма, играли очевидно провокационную роль в попытке положительных реформ советской системы. Обвиняющий либералов во всех смертных грехах консерватизм, в

особенности в виде правого национализма, сыграл, как мы пытались показать, основную роль в подрыве как советского, так и альтернативного левого (левоцентристского) проекта перестройки как попытки положительных реформ реального социализма и переходе России под правый контроль.

Индикатором перехода России начала 1990-х гг. к правому контролю стала перемена официальной идеологии. Официальный для СССР советский марксизм («второй» марксизм, марксизм-ленинизм), включая и его перестроечную («горбачевскую») версию, потерпел в период «перестройки» (с 1987 по 1991 год) тяжелое поражение. Ему на смену в России с 1991 г. пришла *правая* идеология, прежде всего в варианте традиционного правого (оранжевого) либерализма, но одновременно, как можно утверждать, и консерватизма — в варианте правого русского национализма. Таковой, как мы видели, был весьма влиятелен в среде советской российской бюрократии еще в советский период. Не меньшее, если не большее влияние получило данное течение и в якобы «либеральный» ельцинский период, а тем более в период правления путинских «силовиков» (с 2000 г.).

Какое реальное соотношение идеологий либерализма и консерватизма в их европейском (и мировом понимании)? Вопреки мифологии современного российского консерватизма, считающей указанный консерватизм некоей идеальной и во всем противостоящей либерализму идеологической конструкцией, можно утверждать, что правый либерализм вовсе не так жестко изолирован от правого же консерватизма, как доказывают апологеты последнего. Как мы уже отмечали, традиционную западную идеологию в целом правильнее рассматривать не как «либерализм», а как *консервативный либерализм*. (Это понятие достаточно давно применяется в советском марксизме и российской политологии — хотя и не всегда в том значении, которое отстаивается нами. См., например, сб. Либеральный консерватизм. — М., 2001.) Как на Западе, так и в постсоветских государствах — бывших советских республиках — часты варианты консервативно-либерального симбиоза: ядро правых группировок составляет объединение консерваторов (националистов) и правых либералов.

Оба течения — либерализм и консерватизм в правом варианте — оказываются тесно связанными между собой и при переходе от реального социализма к «Новому мировому порядку». В постсоветской России (как, кстати, и на Украине) они насаждались последовательно — сначала правый либерализм, затем правый консерватизм. Так, можно заметить, что украинский правый либерализм («оранжизм») — тесно связан с украинским консерватизмом (правым национализмом), и такими его героями, как Бандера, Петлюра и проч. Аналогично соотношение правых либералов и консерваторов также и в Прибалтике, например, в Эстонии. Первым, как правило, к власти в «посткоммунистической» стране приходит витринный либерализм (с элементами консерватизма), затем его место уже основательно занимает консерватизм — правый национализм.

Поэтому правый контроль в постсоветской России наивно сводить (как это делают иногда в прямо демагогических целях иные консерваторы) лишь к власти (правых) либералов: не менее важной формой указанного правого контроля является и власть консерваторов. Путинские консерваторы после 2000 г. вполне логично продолжили строительство той системы власти, начало которой в 1991 г. положили правые ельцинские либералы, сделавшие первые шаги для создания правого контроля (и Нового российского и мирового порядка) в России.

На Западе переход от советского к «постсоветскому» или «посткоммунистическому» (в Восточной Европе) порядку определяют как «антикоммунистические революции». Таковые вопреки консервативной мифологии активно приветствовались вовсе не только правыми либералами, но и правыми консерваторами. Радость по поводу антикоммунистического счастья в России с самой перестройки и до сих пор активно выражает например (как уже замечалось), такой консервативный долгожитель, как А.Ципко. (Delfi, 9.11. 2010, <http://rus.delfi.ee/projects/opinion/rossijskij-politolog-strah-estoncev-pered-rossiej-neobosnovan.d?id=33736279>.)

Однако правильно ли определять термином *революция* указанные постсоветские перемены (переход от власти советской элиты к власти правых консервативно-либеральных политических группировок)? Это определение вряд ли следует считать правильным. Как известно, марксизм (в том числе и советский) в отличие от западной политологии декларировал не поверхностно-политический, а содержательный (социально-экономический) подход к понятию революции. Революция с позиций такого подхода трактовалась не как простой политической переворот, но в содержательном (социально-классовом) смысле как смена классов у власти, т.е. как переход власти от одних классовых группировок к другим. События начала 1990-х гг. с левых (современно-марксистских) позиций следует, вероятно, определять не как революцию, но скорее как *«реставрацию»* – то есть восстановление в России и других странах бывшего реального социализма традиционного западного (Расчлененного) общества. Подобное определение использовал и ряд российских левых 1990-х гг. (например, Б.Кагарлицкий. Реставрация в России. – М.: УРСС, 2000).

При этом обозначение ельцинской эпохи (а также всего Нового российского порядка) как «реставрации» не означает, считаем мы, лишь отрицательного отношения к данной эпохе и либеральной стороне ельцинских реформ. Как и у великого исторического предшественника Русской революции – Французской революции XVIII века, реставрация традиционного западного общества в России имела свои серьезные причины и логику, каковая требует отдельного анализа.

Основным идеологическим течением ельцинской эпохи в России 1991–1999 гг. можно считать классический (*правый*) либерализм. Входившие в

окружение первого президента постсоветской России Бориса Ельцина демократы Юрий Афанасьев, Геннадий Бурбулис, Егор Гайдар, Андрей Козырев и др. — были в основном классическими правыми либералами. Экономистов среди них Р.А. Медведев назвал «чикагскими мальчиками» (Р.Медведев. Капитализм в России? — М., 1998). Фигуры левого направления среди главных деятелей ельцинской России были представлены мало. Перестроечные левые — например, стоявший на социал-демократических позициях последний генсек КПСС Михаил Горбачев или известный лидер перестроечных демократов Гавриил Попов в ельцинский период не имели почти никакого влияния. Хотя позицию активного в 1990-х гг. Григория Явлинского можно (вопреки его собственным самооценкам) определить как леволиберальную (напр., Г.Явлинский. Периферийный капитализм. — М., 2003).

В то же время левое крыло демократического движения в СССР и постсоветской России существовало. С начала легализации политических течений в СССР конца 1980-х гг. оппозиция советскому истеблишменту — течение «демократов» имело два крыла: как правое (классические правые либералы), так и левое — социал-демократы и реформ-коммунисты (см., например, О.Лацис. Заранее спланированное самоубийство. — М., 2001). Лозунги политического плюрализма и рыночной экономики фактически были у тех и других — как у классических (правых) либералов — так и либералов левых.

В отличие от горбачевцев, ельцинские демократы, стоявшие в основном на позициях правого либерализма, перестали говорить о реформах социализма и прямо заговорили об отказе от «социалистического выбора». Это направление демократов, например, Ю.Афанасьев, Н.Сванидзе или наиболее радикальная в этом течении В.Новодворская — как правило, жестко критиковали не только сталинизм, но и большевизм, советский реальный социализм как таковой, считая необходимым восстановление традиционного западного общества.

Этот момент, однако, вовсе не означает справедливости консервативных соображений о ельцинском либерализме как главном «могильшике» СССР и советской идеологии. Можно заметить, что точно на таких же «антисоветских» позициях восстановления «старой» России (до 1917 г.), стояли и русские правые консерваторы из так называемой Русской партии типа А.Ципко или А.Байгушева. Не только правые либералы, но и правые консерваторы идеализировали западное общество и западную демократию, не принимая во внимание ее проявления на новообразованных (и реально подконтрольных Западу) «посткоммунистических» территориях.

Риторике правых по поводу появившейся наконец в России в 1990-е годы «демократии» следует соотносить с реалиями освоения посткоммунистического мира правым истеблишментом. На территориях указанного мира западная демократия «почему-то» оставалась либеральной демократией как правило недолго; весьма быстро вместо либерально-демократического она

приобретала явно консервативное лицо — лицо правого национализма. Как и в ряде постсоветских государств — например, в Прибалтике или на Украине, в России вслед за начальным либерализмом заявил о себе консерватизм — правый русский национализм, весьма активный уже в бывшем СССР и в перестроечный период. Существовавший в начале параллельно с правым либерализмом, правый консерватизм достиг полной идеологической гегемонии в России после 2000 г., — вероятно уже к 2003—2004 гг. В эти годы за идеологическим прорывом умеренных консерваторов (сторонников Ивана Ильина и проч.) последовали открытые призывы радикальных консерваторов (включая и, как бы, «умеренных» типа А.Ципко) — к «национальной революции». (Напомним, речь идет о идеологическом термине, употреблявшемся еще в Третьем рейхе.) В виде явной тенденции консерватизм этого направления существовал уже в ельцинский период.

Первым в постсоветской российской политике идеологом «национальной революции» оказался в 1993 г. активный в российской политике и до сего дня Владимир Жириновский. По его словам: «Последнюю национальную революцию могут осуществить только русские, не немцы. *Национализм — единственный путь к свободе*, и я уверен, что победа русского национализма вызовет и возрождение Германии». (Цит. по: Русский национализм. Идеология и настроение. — М., 2006, с. 250).

Важной проблемой российского посткоммунизма (и попыток реставрации в России традиционного западного общества) в России стала проблема внешнего контроля. Консервативные критики ельцинизма часто повторяют тезис о подконтрольности и манипулируемости ельцинских демократов (в частности, А.Козырева и др.). Демократы — либералы — изображаются консерваторами как единственные представители западного влияния в России. Сам же консерватизм — в том числе и правый русский национализм — рисуется как течение будто бы более самостоятельное, чем либерализм, как идеология «суверенной России». При этом замалчивается главное — контроль внешних сил над самим русским консерватизмом, в особенности радикальным правым национализмом — то есть тесная связь этого консерватизма с мировым правым истеблишментом. Как мы уже видели на примере советского и перестроечного периода, вопреки консервативной риторике о «хорошем консерватизме» как идеологии сопротивления Новому мировому порядку, есть достаточно фактов внешнего влияния на правые постсоветские национализмы (консерватизмы) и их поддержки Западом, в первую очередь англо-американским мировым центром. Это ясно показывает консерваторы (правые националисты) во всех постсоветских и посткоммунистических государствах. Вопреки псевдопатриотической консервативной риторике и обвинениям в адрес либерализма, правый консерватизм (Русской партии и др.) в данном вопросе недалеко ушел от своего праволиберального собрата.

Отсюда следует и отношение современной левой идеологии к критике ельцинизма с консервативных позиций — в том числе и в отношении проблемы внешнего контроля. Русский консерватизм намеренно запутывает вопрос о внешнем влиянии на современный Новый российский порядок, говоря о внешнем контроле только над праволиберальными группировками, в число которых включается и ельцинизм, но никак не над консервативными. На самом деле политическими группировками, подконтрольными внешним (прежде всего англо-американским) силам, во всех постсоветских республиках, в том числе и России, являлись также (а по сути — как в Прибалтике, на Украине и в Закавказье) и *группировки правоконсервативные*. Идеологический смысл обоих течений правой идеологии — консервативного-либерализма, как правого либерализма («оранжизма»), так и правого консерватизма (правого национализма) и состоит, как можно заметить, в идеологической поддержке и оправдании этого контроля во всех странах реального социализма — в том числе в России

Установление указанного внешнего (правого) контроля над всеми странами реального социализма, включая Россию, положило начало «перевариванию» Западным обществом бывших коммунистических систем. Это относится и к постсоветской России не только российских правых либералов, но и правых консерваторов, продолживших строительство в России Нового российского порядка. Можно утверждать поэтому, что Новый российский порядок — как в праволиберальном ельцинском, так и консервативном путинском варианте — это порядок, при котором значительные сегменты государства находятся под *внешним контролем*. Политическим содержанием Реставрации (восстановления традиционного западного общества) в России после 1991 г., как и во всех странах реального социализма, можно считать установление над ней *внешнего (западного — англо-американского) контроля*. Правый контроль, то есть политический контроль правых партий в России, можно считать одновременно и *внешним контролем*, то есть политическим контролем *западных политических машин* (в первую очередь англо-американского неоконсерватизма) над всем пространством так называемого посткоммунизма, включая и Россию. Установление данного *внешнего контроля над Россией* (точнее, внешнего контроля более явного, чем до этого) очевидно связано с крахом советской перестройки как положительного изменения реального социализма.

Приход к власти правых либералов имел серьезные основания. Он был спровоцирован провальной, а то и прямо подрывной доперестроечной и перестроечной политикой обоих направлений российского консерватизма — советского традиционализма (сталинизма) и правого национализма (Русская партия), политикой подрыва ими как советской идеологии, так и левой альтернативы этой идеологии. При этом считать консерватизм (правый национализм) идеологией «лучшей» (то есть, в частности, в большей мере

способствующей суверенитету России), чем идеология правого либерализма, нет никаких оснований.

Доказывающие главную виновность либералов в падении реального социализма, консервативные идеологи типа И.Шафаревича, А.Ципко или же черносотенного акына Байгушева, реально радовались «антикоммунистической революции» в России и постсоветских странах. В течение 1990-х гг. они же занимались постоянным подрывом как демократических сторон режима ельцинских либералов (демократов), так и «левой альтернативы», существовавшей внутри этого режима, разрушая тем самым преемственность между Россией советской и постсоветской.

2. Российская власть 1991–1999 гг. – власть демократов? Проблема российского «номенклатурного капитализма» 1991–2011 гг. Консерваторы и номенклатура. «Антиолигархизм» консерватизма.

В своей резко критической оценке 1990-х годов в России идеологи консерватизма исходят из кажущейся очевидной посылки, что в течение 1990-х годов у власти в постсоветской России находились «демократы» (либералы). Говорится о демократическом (либеральном) окружении Бориса Ельцина, верхушке партии Демократическая Россия (напр., А.Ципко. Почему я не демократ. – М., 2003, 2005). А также о фигурах типа Г.Бурбулиса, Е.Гайдара и других. (В.Корнеев. Россия: движение вспять. От государственного социализма к периферийному капитализму. – М., 2010.) На этом положении основывалась консервативная так называемая «духовная» оппозиция ельцинизму. Однако насколько верно считать власть ельцинского периода полностью демократической (находящейся в руках демократов-либералов)?

Течение демократов реально представляло собой блок правых либералов и сторонников левых реформ реального социализма (демплатформа в КПСС, социал-демократы и др.). Однако в силу мощного пропагандистского давления на страны реального социализма мирового правого истеблишмента лидерами «демократического» блока стали правые либералы, представленные Ю.Афанасьевым, Г.Бурбулисом и др. Левые реформаторы были оттеснены от управления еще в период перестройки и подавлялись в течение всех последующих лет, начиная с 1990-х гг.

Следует признать при этом, что праволиберальная часть демократов (точнее, специфическая номенклатурная часть таковых) при Ельцине контролировала лишь часть российской власти. Весьма важные сегменты государства в ельцинские 1990-е гг. сохранялись под влиянием консерваторов (в том числе и правых националистов). Прежде всего это – силовые структуры – спецслужбы и армия, а также существенная часть законодательной власти. Характерно, например, влияние в Госдуме реально правонационалистической группировки либерал-демократов В.Жириновского, а также сходных фигур внутри КПрФ (А.Мокашов, Н.Кондратенко и проч.).

Специфическую часть демократов (правых либералов), оказавшихся вокруг Ельцина в 1990-х гг. можно определить как «номенклатурные демократы» (см. напр., В.Прибыловский. сб. Политический экстремизм, с. 21–22). Это определение можно уточнить: номенклатурные демократы были «полуконсерваторами» – недаром за их спиной и при их участии зарождался и креп все больше тяготевавший к правому национализму консерватизм, в полной мере заявивший о себе в путинский период. Это следует иметь в виду в том числе и таким критикам «демократов», как правый государствовед Владимир Лукин, который фактически приписывает демократам общие особенности консервативно-либерального блока (В.Лукин. Невежество против несправедливости. Политическая культура российских демократов. – М., 2005).

Вряд ли, например, можно считать либералом долголетнее ельцинское премьер-министра 1990-х гг. (1992–1998 гг.) В.С. Черномырдина. Ельцинская элита включала в себя и более откровенных консерваторов – таких, как министр печати РФ М.Полторанин, глава спецслужб А.Коржаков и тем более такие фигуры, как назначенный (по протекции Полторанина) руководителем российской печати радикальный националист Борис Миронов. Все они находились в непосредственной близости от как будто «демократической» ельцинской власти.

Что касается назначенного Ельциным министром печати М.Полторанина, то в 1994 г. этот бывший работник «Правды» выступил с известной национал-патриотической риторикой насчет «нерусских писателей и переводчиков», обвинив прессу в «руссофобии», а также в том, что она перешла на «лагерный иврит» (Политический экстремизм, с. 17). Полторанин, отставки которого безуспешно потребовала тогда от Ельцина партия «Выбор России», был очевидным ставленником номенклатурных правошовинистических группировок при первом российском президенте. Характерно, что именно взгляды М.Полторанина (как, например и А.Коржакова) на ельцинский период активно популяризируются в современной России. Главную мысль антиельцинской книги «Власть в тротиловом эквиваленте» (2011 г.), составляет критика ельцинских «демократов» как «ставленников Бнай Брита». Линию отца продолжил и сын Михаила Полторанина Константин, который в 2011 г. был уволен с места главы ФСН России за ксенофобские высказывания по поводу борьбы за сохранение в России «белой расы».

Еще более явным представителем правого национализма (и нацистской закулисы) в ельцинском окружении был Борис Миронов, в декабре 1993 г. при содействии Михаила Полторанина возглавивший Государственный Комитет России по делам печати. Б.Миронов позже стал известен как автор ряда шовинистических книг («Иго иудейское», «Приговор убивающим Россию» и проч.), а также идеолог насильственных акций против «демократов», вроде покушения на А.Чубайса в 2005 г. В этом покушении прямо участвовал сын Б.Миронова член партии «Родина» Иван Миронов (Политический экстремизм, с. 17).

Нельзя обойти такую важную для консерватизма фигуру, как ставшего губернатором Петербурга после А.Собчака (1996–2001) Владимира Яковлева. Занимавший при А.Собчаке пост вице-мэра Петербурга, В.Яковлев, заручившись поддержкой консервативных противников Собчака (включая, например, известного национал-патриотического пропагандиста А.Невзорова), смог переиграть своего начальника и занять его место на посту главы Санкт-Петербурга. Очевидны связи В.Яковлева с «консервативными» — шовинистическими и правонационалистическими группировками, а также прямым криминалом. Именно с консервативной группировкой Владимира Яковлева ряд обозревателей связывает многочисленные экономические коррупционные скандалы в Петербурге, так и прямые убийства — в том числе и политические — в частности, убийства М.Маневича в 1997 и Г.Старовойтовой в 1998 г. (об этом, напр., 2001, http://www.compromat.ru/page_11205.htm). Согласно судебному расследованию, прямым организатором указанных скандалов, а также, вероятно и убийств, был в частности криминальный консерватор (радикальный националист) Юрий Шутов, отбывавший затем заключение по обвинению в организации тяжких преступлений. В эпоху своей деятельности в Петербурге Шутов был активно связан с национал-патриотами Москвы — например, будущим вице-спикером Госдумы от партии «Родина» Сергеем Бабуриным, от него получил документы члена «комиссии по проверке приватизации», на основании которых действовал в Петербурге (http://www.compromat.ru/page_11170.htm).

Характерно, что подобно своему единомышленнику Борису Миронову, отцу участника покушения на А.Чубайса Ивана Миронова, радикальный националист Юрий Шутов стал известен также и публикациями национал-патриотического толка, например антипутинской книгой «Путин — глава Питерских» (М., Алгоритм, 2011). Роль деятелей типа Б.Миронова и Ю.Шутова в политике якобы либеральных 1990-х гг. говорит о серьезном влиянии в этот период консервативных (национал-радикальных) группировок, стоящих за этими фигурами. В течение всех президентских сроков В.Путина, в особенности после 2005–2006 гг. указанные радикальные националисты позволяли себе весьма резкие нападки на него, обвиняя Путина по сути в том, что совершали сами. При В.Путине, надо заметить, связанная с В.Яковлевым консервативно-криминальная группировка Ю.Шутова по крайней мере была отстранена от прямой власти в Петербурге.

Цену консервативной риторики и обвинений демократов как в политических, так и экономических и едва ли не криминальных злоупотреблениях следует понять, сравнив консервативных выдвиженцев с такими «плохими демократами», как, например, А.Собчак и Г.Старовойтова, устраненными, вероятно, не без помощи глубинных (возможно и внешних) покровителей консерватизма.

Переход от советской системы к Новому российскому порядку (в том числе и сдачу власти правым либералам — ельцинистам) можно рассматривать

как специфический маневр партаппарата (номенклатуры), причем часто номенклатуры коррумпированной. Данный факт начал осознаваться левыми критиками «номенклатурного капитализма» в России еще с начала 1990-х гг. Так, погибший в результате покушения в 2005 г. сторонник левых реформ Отто Лацис посвятил этой теме уже упоминавшуюся работу «Заранее спланированное самоубийство» (М., 2001), имея ввиду самоубийство КПСС, совершенное частью ее номенклатуры. Речь идет о том самом размене бюрократией власти на собственность, которое предвидел еще демонизированный национал-патриотами Лев Троцкий. «Победа бюрократии в этой решающей области, — писал он, — означала бы превращение ее в новый имущий класс». (Преданная революция, 1937, <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl001.htm>.)

Номенклатура бывшего СССР, в особенности ее манипулируемые извне консервативные группировки, смогла провалить левоцентристское реформы в бывшем СССР, что и стало основной причиной прихода к власти правых — как либералов, так и консерваторов. Рыночные реформы были необходимы консервативной советской и постсоветской номенклатуре для присвоения советской собственности, которой в советских условиях полностью она воспользоваться не могла. Интересно, что к сходному «классовому» подходу приходят не только левые авторы (О.Лацис, Б.Кагарлицкий), но также и некоторые бывшие советские консервативные как будто авторы (например, аналитик бывшего КГБ генерал Н.Леонов), указывающие на связь постсоветских режимов, в том числе и послеельцинского, с властью нового класса — российской буржуазии (Леонов Н.С. Россия 2000—2008. Закат или рассвет. — М., 2009, с. 27).

Этот тезис о консервативной номенклатуре и манипулирующих ею силах, как главной основе Нового российского порядка (он же номенклатурный капитализм) уже начала 1990-х гг., важен для понимания системы власти и идеологии в постсоветской России как 1990-х, так и 2000-х гг.

Подтверждением того, что демократы в ельцинский период не имели приписываемого им полного влияния, показывает и уже отмеченное наличие в ельцинской элите целого ряда влиятельных «консерваторов» — в том числе и явных правых националистов — М.Полторанина, Б.Миронова и др. Характерным представителем радикального консерватизма (реально — нацистской закулисы) в 1990-х гг. был достигший поста губернатора Краснодарского края член зюгановской КПРФ Николай Кондратенко. Он неоднократно выступал с риторикой радикального национализма, в частности в 1990 г. объявил ельцинских демократов «сионкратами» (Политический экстремизм, с. 18. См. также книгу Н.Кондратенко. «Ходил казак в Кремль». — Краснодар, 2000).

Нельзя не упомянуть и такую, оказавшуюся в КПРФ фигуру, как участника событий 1993 г. генерала Альберта Макашова.

Наиболее влиятельным консерватором при Б.Ельцине был ставший в 1985 г. его телохранителем Александр Коржаков, дослужившийся от звания

майора до звания генерала-лейтенанта. Ельцин в «Записках президента» назвал его «личным другом». Коржаков не остался в долгу, открыто выступив против Ельцина во время президентской кампании 1996 г. и затем публично облив грязью своего патрона, который довел его до высших чинов госбезопасности РФ (А.Коржаков. Ельцин. От рассвета до заката, 1997).

Влияние национал-патриота (консерватора) А.Коржакова в ельцинской команде было весьма серьезным. По словам осведомленного генерального прокурора РФ в 1993–1994 гг. А.Д. Казанника, реально именно Коржаков «все решает в Кремле» (Политический экстремизм, с. 23., также <http://www.informacia.ru/dosye/1315-korzhakov.html>).

А.Коржаков, реально во многом определявший политику Ельцина, в том числе и в период кризиса 1993 г., включая расстрел Белого дома, оказался участником ряда последовавших вслед за этим инцидентов — например, нападения на Мост-банк в 1994 г., интригах против Ю.Лужкова, торговле российским вооружением, вмешательством в дела нефтяной отрасли (Политический экстремизм, с. 22–23). Александр Коржаков содействовал выдвижению на важные места ряда сомнительных фигур, в частности Олега Сосковца, похитившего в бытность свою директором Карагандинского металлургического комбината (1991 г.) большие суммы денег. Глава ельцинской службы безопасности пытался сделать О.Сосковца едва ли не преемником Б.Ельцина. Продвигал он и иных скомпрометированных деятелей — известного нефтяными махинациями В.Шумейко и имевшего судимость Л.Шемаева, занимавшегося газетой Ельцина «Президент». Он же выдвинул в руководство продажей российского вооружения (фирма Росвооружение) таких деятелей, как А.Котелкин и помощник Ельцина — Б.Кузык, замеченных в присвоении в соответствующем ведомстве немалых денег. А.Котелкин был офицером ГРУ, ранее работавшим в Нью Йорке, с подмоченной еще там репутацией. Это, по замечанию обозревателей, могло быть использовано в том числе и для зависимости А.Котелкина (уволенного в 1997 г.) от различных спецслужб (см. О.Гречневский. Экспорт оружия и чекистские кланы, http://www.ereading.co.uk/chapter.php/85096/93/Grechenevskiii_Istoki_nashego_demokraticeskogo_rezhima.html).

По свидетельству Бориса Ельцина, в присвоении средств от продажи вооружений были замешаны также сам А.Коржаков и его выдвиженец Михаил Барсуков (<http://www.informacia.ru/dosye/1315-korzhakov.html>). Основным банком коржаковского клана стал потанинский Онэксим-банк, через который проходили (а во многом и исчезали) деньги, полученные от продаж российского вооружения. В 1995 г. Потанин предложил «залоговые аукционы» и первым выкупил (почти бесплатно) комбинат «Норильский никель» (об этом О.Гречневский. Экспорт оружия и чекистские кланы). Деятельность А.Коржакова на поприще вооружений привела не только к многочисленным хищениям, но и к тому, что за два года экспорт российского вооружения упал с 3,6 млрд. долларов в 1996 г. до 2,3 млрд. в 1998 г. (О.Гречневский, там же).

Наличие влиятельной антилиберальной (консервативной) группировки Александра Коржакова в непосредственной близости от Бориса Ельцина опровергает наивное представление о «всевластии демократов» в 1990-х гг. и говорит об активной манипуляции ельцинской власти консервативной закулисой.

Консерватизм и консерваторы сыграли важную роль в ослаблении, блокировании, а иногда и прямом отстранении от власти перестроечной демократической элиты. Им удалось добиться, в частности, отставки с поста мэра Москвы Гавриила Попова (см. его книгу «Снова в оппозиции». – М.: Галактика, 1994), а также устранения с поста мэра Петербурга Анатолия Собчака – выдающегося демократического политика, который мог бы принести много пользы своему государству. Однако некие теневые структуры вывели Собчака из игры. Вероятно за атакой на А.Собчака стояли консервативные, а с ними возможно и внешние, группировки. Б.Ельцин, очевидно, казался как тем, так и другим более управляемым.

Среди фигур, занимавшихся подрывом влияния А.Собчака в Петербурге, был целый ряд антилибералов – в первую очередь заместитель Собчака и в дальнейшем мэр Петербурга Владимир Яковлев, упоминавшийся национал-патриотический (в те годы) журналист А.Невзоров, выпускавший программу «600 секунд», а также очевидно связанный с криминальными структурами бывший помощник А.Собчака Юрий Шутов. В своей активности против Анатолия Собчака они действовали однако не только по своей инициативе, но направлялись высокопоставленными московскими национал-патриотами. Критически настроенный к Путину с Собчаком и хвалящий Владимира Яковлева А.Костин признает, что акциями против Анатолия Собчака руководил тот же всемогущий «серый кардинал» ельцинского правления Александр Коржаков (*Костин А. Петля Путина. Разбор полетов за 10 лет. – М.: Алгоритм, 2010, с. 28*). Будущий разоблачитель Ельцина сумел поставить дело так, что перед выборами 1996 г. «Собчак и Путин остались без средств».

Хотя по мнению А.Костина, кампанию против Собчака санкционировал сам Ельцин (Петля Путина, с. 29–30), его наверняка смогли настроить против мэра Санкт-Петербурга скорее всего именно теневые консервативные фигуры типа Коржакова. Перед выборами 1996 г. Коржаков нанес удар по предвыборной кампании Собчака, направив налоговую инспекцию на поддерживавшую эту кампанию фирму «Русское видео» (Петля Путина, с. 28–29). В октябре 1997 г. А.Коржаковым при участии консервативного прокурора Юрия Скуратова было начато «дело» против Собчака, закончившееся его эмиграцией во Францию (ноябрь 1997 – июль 1999), в чем Собчаку помог В.Путин. Критикуя Собчака, а также и Путина, Ю.Скуратов до настоящего времени апеллирует к «закону» (http://tvrain.ru/articles/jurij_skuratov_o_neprijaznennyh_otnoshenijah_s_putinyem_ubijstve_vladislava_listeva_i_seksualnom_kompromate-34908). Почему, однако, Скуратов не был защитником такого, например, в отношении В.Яковлева и таких деятелей, как Юрий Шутов? Как

уже отмечалось, «подсаженный» ранее к Собчаку криминальный деятель Юрий Шутов принадлежал к радикально-консервативной группировке и был связан с таким известным московским национал-патриотом, как вицеспикер Госдумы от партии «Родина» и один из очередных восстановителей (в 2005 г.) «Союза русского народа» Сергей Бабурин. О них Скуратов не говорит ни слова.

Национал-патриотические критики как Анатолия Собчака, так и Владимира Путина от Ю. Шутова и А. Мухина до А. Костина рисуют картину экономических «злоупотреблений» в Петербурге при Собчаке и пытаются обвинить в коррупции работавшего в то время при нем Владимира Путина. При этом ничего не говорится о коррупции в петербургских структурах консерваторов – национал-патриотов. Подрыв консерваторами власти А. Собчака реально привел к усилению криминализации города. При консервативном преемнике «плохого либерала» Собчака Владимире Яковлеве в Петербургском законодательном собрании, например, заседали «несколько известных всему городу бандитов» (Б. Кагарлицкий. Реставрация в России, с. 314).

С этим же связан и вопрос о том, кому в России досталась бывшая советская собственность. Риторика консерватизма о приватизации при Ельцине, как и иных вопросах, валит все на «либералов». В качестве главных виновников приватизационных злоупотреблений называются реформаторы типа А. Чубайса и близкие к демократам «олигархи» типа Б. Березовского. Однако вопреки консерватизму и консервативной мифологии, запутывающей суть дела, следует утверждать, что основная собственность в России досталась вовсе не демократам, но *бывшей советской (консервативной) номенклатуре и коррумпированным ставленникам внешних сил*, идеологией которых и является консерватизм – сначала «советский», затем все более явно – правый национализм, включая радикальный. Присвоение советской собственности не было прекращено путинскими консерваторами, но было продолжено и доведено ими до конца – уже под эгидой «правильного» и, понятно, значительно лучшего, чем либерализм, консерватизма. При консерваторах с 2000 г. ельцинская политика приватизации не только продолжалась, но и явно активизировалась. Поэтому по сравнению с 1990-ми годами в «нулевых» количество крупных собственников в России резко возросло (см. В. Корнеев, А. Костин и др.).

Номенклатурным консерваторам (в том числе и правым националистам) с самого начала была выгодна мифология о разворовывании советской собственности «либералами»: таковая прикрывала их собственное присвоение основной части данной собственности. Именно широкие слои консервативно-шовинистической номенклатуры, а вовсе не либералы и демократы (они же, понятно, инородцы и евреи), стали реальным субъектом реставрационного присвоения советской собственности и основой «нового класса» постсоветской России. «Держите вора – либерала» до сих пор вопиет наиболее циничный вор – вор консервативный, прикрывая свои действия национал-патриотической и шовинистической риторикой.

Поддерживая миф о либералах и демократах (А.Чубайсе и проч.) как главных приватизаторах постсоветской России, пришедший к власти после 2000 г. консерватизм как обычно валит с больной головы на здоровую. Реально уже в 1990-х гг. консерватизм и консерваторы занимались приватизацией не менее активно, чем правые либералы. Получив всю полноту власти, они продолжили начатое правым либерализмом строительство Нового российского порядка — в том числе и в части активного присвоения советской собственности. Можно утверждать, что в отношении этого присвоения консерваторы явно превзошли либералов. Как показало, в частности, и дело «Юкоса», воровать по большому счету в России (как ельцинской, так и путинской) разрешается только консерваторам.

Другими словами, на вечные российские вопросы «что делать» и «кто виноват», сводящиеся ныне к основному вопросу «кто украл деньги», можно ответить, что консерваторы украли советской собственности несомненно больше, чем либералы.

Реальный анализ постсоветской элиты, сложившейся к середине второго десятилетия XXI века еще предстоит сделать, отталкиваясь в том числе и от консервативных мифологем. Обозреватели (например, М.Делягин и др.) признают большую прозрачность ельцинских «олигархов» по сравнению с консервативными (и силовыми) олигархами послеельцинского периода (см. М.Делягин. Возмездие на пороге. Революция в России: когда, как, зачем? — М.: Новости, 2007).

Сказанное позволяет оценить консервативную мифологию «борьбы с олигархами», активно развернувшуюся в начале первого президентского срока В.Путина. Начатая путинскими антилибералами жесткая консервативная критика «олигархов» является, как и весьма многое в консерватизме — явно мифологизированной и лицемерной по сути. Во-первых, созданию олигархов не в меньшей степени, чем правый либерализм, способствовал и консерватизм — как в ельцинской, так и в путинский период (после 2000 г.). Стимулируя пропагандистский шум против олигархов, в особенности с «пятым пунктом», консерватизм постоянно пытался скрыть тот уже упоминавшийся факт, что количество крупных собственников в России при консерваторах по сравнению с ельцинским периодом возросло в десятки раз.

Антиолигархическая кампания консерватизма напоминает классическую для этого течения национал-патриотическую критику большевиков как якобы «троцкистов». «Мы, — заявляют идеологи консерватизма, — за олигархов, но „хороших” („наших”) — „неинородческих”». Этим шумом консерватизм стремился скрыть собственные реальные дела. Так, если о бегстве из России «близкого к либералам» Березовского трубила вся консервативная печать, то, например, бегство из России в Лондон консервативного и православного олигарха и одного из организаторов дела «Юкоса» Сергея Пугачева

осталось почти незамеченным (см. <http://www.utronews.ru/economics/001356338272812/>).

Активная «антиолигархическая» кампания была развернута в начале 2000-х годов – времени начала передела собственности между олигархами ельцинскими и путинскими и одновременно внедрения (в том числе, вероятно, и внешними силами) в России идеологии и группировок «национальной революции». Одним из проявлений антиолигархической кампании стал провокационный и инициировавший дело «Юкоса» доклад активного до сих пор «политтехнолога» Станислава Белковского 2003 г. о так называемом «заговоре олигархов» (об этом ниже). Доклад содержал список «олигархов», составленный в лучших традициях правого национализма Русской партии («внутри КПСС»), имевшей (еще с кампании против космополитов) богатую традицию манипулирования «инородческими» списками. В качестве главного олигарха числился Борис Березовский, далее следовал А. Гусинский и иные бизнесмены с «пятым пунктом». Доклад С. Белковского, как и вся последующая активность указанного деятеля, не исключая и его связи и с А. Навальным, подтверждают его провокаторство.

Характерен мифологический контекст, создаваемый консерватизмом (правым национализмом) вокруг фигур типа Б. Березовского, ставших объектом известной по Д. Оруэллу консервативной «двухминутки ненависти» и занявших этим место Троцкого в сталинистской историографии.

Противоречивость фигуры Б. Березовского очевидна. Способный математик и бизнесмен, Березовский оказался весьма слабым политиком. Не имея правильной политической линии, он оказался объектом постоянной политической и пропагандистской манипуляции правых сил, и не в последнюю очередь – консервативной (а то и нацистской) закулисы в России. Своими ошибками и метаниями Березовский способствовал созданию вокруг себя консервативной мифологии, дав возможность вылепить из своей персоны «олигархическое пугало», замену которому консервативные идеологи стали искать затем в Р. Абрамовиче и проч.

На рубеже 2000 г. Б. Березовский с одной стороны способствовал приходу к власти группировки Путина, с другой позже поддержал националистическую команду А. Проханова (дав немалые деньги на издание газеты «Завтра»). При этом очевидно, что Березовским активно манипулировали некоторые силы, которые в конечном счете вели к вершинам власти консервативные (правонациональные) группировки. Что это за силы? Есть основания считать, что такими силами являются политические машины мирового правого истеблишмента, то есть современного западного общества. Другими словами следует утверждать, что *правые консерваторы в России являются такими же (если не более активными) представителями западного влияния в России, как и правые (оранжевые) либералы*, постоянно обвиняемые в своей зависимости якобы «самостийными» консерваторами.

3. Рыночные реформы. «Гайдаровская» экономическая реформа. Как консерваторы прикрывалась демократами.

Важной стороной ельцинского периода стали рыночные реформы, проводившиеся известными либералами того времени во главе с Егором Гайдаром.

Ельцинские экономические реформы стали объектом жесткого консервативного поношения. По поводу «плохих либералов» и персонально Гайдара с Чубайсом не прошелся только ленивый консерватор. Тут и советские имперцы и традиционалисты – от А.Проханова до В.Корнеева (Россия. Движение вспять. – М.: Крафт, 2010). При этом насколько объективной можно считать консервативную критику ельцинских экономических реформ и либеральных реформаторов?

Эту критику нельзя считать объективной по ряду причин. Во-первых, к ельцинским реформам (прежде всего экономическим) и ельцинскому радикализму страну толкнули сами консерваторы – как советские традиционалисты, так и правые националисты, располагавшие до 1991 г. основной властью и не справившиеся с перестроечными – прежде всего экономическими реформами. Именно консерваторы (во-первых, советские) от Е.Лигачева до В.Павлова, но и находящиеся с ними в блоке (на самых верхах власти) правые националисты (Русская партия) несут главную ответственность за провал перестроечных экономических реформ, что и стало главной причиной прихода к власти ельцинистов. (Ряд фактов консервативной политики в период перестройки описывает, как уже указывалось, О.Лацис в книге «Заранее спланированное самоубийство». – М., 2001.)

Главной причиной перехода власти и инициативы экономических реформ в начале 1990-х гг. к правым либералам было то, что советские традиционалисты (консерваторы), имевшие в руках основные советские ресурсы, не справились с реформами «сверху» и провалили их. Ельцинисты были поставлены в условия, когда им пришлось «спасать положение». Не имела концепции экономических реформ и вторая группа консерваторов – правых националистов, сторонников дореволюционной монархии. При этом обе консервативные группировки занимались постоянными провокациями против тех, кто пытался провести положительные реформы советской системы. Отсюда – провал перестройки, хаотичность и судорожность постсоветских правых реформ.

Ельцинский радикальный либерализм как в экономике, так и политике был реакцией на административно-командную систему, монопольную в течение весьма долгого периода. Эта сложившаяся в 1930–1940-х гг. система уже в 1960-х гг. требовала существенных реформ – хотя бы в венгерском или югославском варианте. Рыночные реформы в рамках реального социализма могли бы сделать переход к открытой системе западного образца более плавным. Однако СССР 1960–80-х гг. не имел своих Тито и Кадаров, реформы которых могли продлить (хотя не бесконечно) жизнь реального социализма

в прежнем варианте. Косыгинская экономическая реформа была провалена советскими консерваторами и номенклатурой, близкой к правонационалистической Русской партии.

Во-вторых, консерваторы умалчивают о том, что в советский период весьма значительная и влиятельная их часть (в особенности правых националистов) выступала за принципиальный подрыв советской системы – прежде всего экономический. Например, резким противником социализма как системы еще в советский период был активно рекламируемый консерваторами И. Шафаревич (его книга «Социализм»). Известный борец с марксизмом А. Ципко уже с перестроечных времен также активно критиковал «социализм» за «безрыночность», доказывая необходимость перехода к так называемой «нормальной» экономике западного образца. Сторонниками подрыва и слома советской экономической системы была и правонационалистическая «Русская партия», которая даже ГКЧП обвиняла в попытке возврата в «красный экономический хаос» (А. Байгушев, см. выше). В качестве альтернативы советской системе «Русской партией» выдвигались консервативные фигуры типа Столыпина и в целом некоего «хорошего русского Пиночета» (таковой, например, у телеведущего М. Леонтьева всегда считался положительной фигурой).

В-третьих, как отмечалось, лицемерным является и традиционное обвинение либералов со стороны консерваторов в присвоении советской собственности. Реально господствовавшие в номенклатурных и теневых структурах, консерваторы не только после 2000 г., но уже с начала 1990-х гг. занимались таким присвоением наряду с правыми либералами, а по сути значительно более активно, чем они. После 2000 г. присвоение бывшей советской собственности происходило уже единолично консерваторами и в масштабах, несопоставимых с 1990-ми годами.

Что касается создания основ рыночной экономики, то есть основания считать, что господствовавшие в теневых и силовых структурах консерваторы сознательно свалили на «демократов» и «либералов» весьма сложную задачу создания указанных рыночных основ, с которой сами не справились, а с ними – и основные издержки реформ. (См. Байгушевская риторика о либералах, которые бегут всегда «быстрее паровоза».) Не случайно консервативное направление не дало сколько-нибудь значимых экономистов. Таковые не только в ельцинский, но и в путинский период (от Г. Грефа до А. Кудрина) самым странным образом вновь и вновь оказывались... «либералами» среди сплошь консервативного истеблишмента. Что касается такого известного критика либералов, как «неокон» Михаил Хазин, то его подход кажется реально ближе к левому, чем правоконсервативному.

Западный подход к реформам постсоветской экономики в России состоял, естественно, в поддержке реставрации там традиционной западной экономической системы, хотя, по словам экономического советника ельцинских

реформаторов 1990-х гг. Джеффри Сакса, и обнаружил у экономики пост-советской России «другую анатомию».

Критика праволиберальных ельцинских и гайдаровских реформ в России 1990-х гг. необходима, но она должна вестись не с консервативной, а с левой – леводемократической (левоцентристской) точки зрения.

Важно еще раз подчеркнуть неоднородность движения «демократов» конца 1980 – начала 1990-х гг., наличия в этом движении не только праволиберального (Ю.Афанасьев и др.), но и леволиберального *леводемократического* крыла. Его представляли не только умеренные советские консерваторы – Е.Примаков, А.Маслюков, колебавшиеся между советским традиционализмом и левоцентризмом, но и советские левые антисталинисты (Р.Медведев), сторонники демплатформы в КПСС (О.Лацис), социал-демократы типа Г.Попова и левые либералы типа Г.Явлинского. Экономист-реформатор Г.Попов, один из наиболее теоретически мыслящих деятелей демократического движения в России, уже в начале 1990-х гг. выступил с критикой ельцинских (и гайдаровских) реформ как аппаратных (Г.Попов. Снова в оппозиции, 1994 г., с. 355). Свою позицию он определял как социал-демократическую, пытаясь обосновать ее и теоретически. (Г.Попов. Теория и практика социализма в XX веке. – М.: Росспэн, 2006.)

С критикой праволиберальных аспектов ельцинских реформ (в том числе и экономических – монетаризма и проч.) выступил ряд левых теоретиков – неортодоксальный марксист Рой Медведев (Капитализм в России и др.), Борис Кагарлицкий (Реставрация в России. – М.: Урсс, 2000), группа журнала «Альтернативы» (А.Бузгалин, А.Калганов). Признавая неизбежность перехода к рыночной экономике, данные авторы показывали, что в правом варианте такой переход имел ряд оборотных негативных сторон. Они же обращали внимание на перекосы приватизации как при Ельцине, так и при путинских консерваторах.

Критиками праволиберальной концепции приватизации подчеркивалось несколько моментов.

Во-первых, то, что за продажу огромной по объему советской недвижимости за 10 лет государственной казной РФ были получены относительно малые деньги – менее 10 миллиарда долларов. Рой Медведев называет цифру в 9,5 миллиардов (В.Путин: третьего срока не будет?, с. 145), В.Корнеев – 9,7 миллиардов (В.Корнеев. Россия: движение вспять. – М.: Крафт, 2010, с. 136). При этом реальная стоимость этих предприятий оценивалась в шесть триллионов долларов. По словам Корнеева вырученные средства равны той сумме, которую туристы из России ежегодно оставляют за рубежом. Иногда затраты на приватизацию даже превышали доходы казны от нее. В то же время новые собственники только за границу вывезли 150 миллиардов долларов. Согласно другим данным за 10 лет из России было вывезено 300 млрд. долларов. (В.Корнеев, цит соч., с. 137)

За период 1993—95 гг. в стране было приватизировано 133 тыс. предприятий, среди которых были такие гиганты индустрии, как Газпром, РАО ЕС, Норильский никель (Корнеев, там же). По словам В. Корнеева 500 крупнейших приватизированных предприятий России стоимостью не менее 200 млрд. долларов США были проданы за 7,2 млрд. долларов (Корнеев, с. 136). Уралмаш и Челябинский металлургический комбинат новые собственники получили по цене 3,7 млн. долларов каждый (там же). Завод имени Лихачева, чьи фонды оценивались в сумму не менее одного млрд. долларов, были проданы за четыре миллиона долларов.

Принятая система приватизации не учитывала того, что приватизируемые предприятия часто являлись монополистами, их перевод в частные руки не отменял, а лишь усугублял указанный монополизм (Г. Явлинский. Периферийный капитализм. — М., 2003). Кроме того, приватизация в правом варианте отличалась от большевистской (эпохи НЭПа), в частности, отказом от сохранения командных высот в руках государства и стремлением к продаже «естественных монополий».

Еще одним аспектом правой приватизации стал значительный вывоз капиталов за рубеж, в результате чего значительная часть средств, вырученных за приватизируемые предприятия, оказалась за границей.

Важную роль в постсоветской истории РФ сыграл Газпром, образованный в 1989 г. при участии Виктора Черномырдина. 17 февраля 1993 г. указом Ельцина он был преобразован в РАО Газпром. В 1990-е доля госсобственности в Газпроме снизилась со 100 до 40%. Важной заинтересованной в данных изменениях фигурой стал тогдашний руководитель Газпрома ельцинский олигарх Рэм Вяхирев. Управлявший Газпромом клан Черномырдина-Вяхирева был одним из наиболее влиятельных в ельцинскую эпоху. С ним соперничала группировка силовиков Коржакова-Барсукова. (А. Костин. Петля Пути-на. Разбор полетов за 10 лет. — М.: Алгоритм, 2010, с. 160, 188). Вряд ли следует доказывать, что оба данных клана имели весьма малое отношение к либералам и либерализму. Они, в первую очередь бывший охранник Ельцина Александр Коржаков, достигший генеральских высот и ставший затем грубым критиком своего патрона, были скорее правильными консерваторами, лишь прятавшимися за спины «либералов» — демократов.

Благодаря консервативной пропаганде о таких фигурах 1990-х годов, как Р. Вяхирев, В. Черномырдин, А. Коржаков, Ш. Тарпищев или Сергей Пугачев известно значительно меньше, чем, например, о Б. Березовском. Попытки путинских консерваторов изменить ситуацию с собственностью в начале 2000 годов также шли в правом направлении: они означали не возврат естественных монополий государству, но перемену собственников на столь же частных, как и ельцинские, но явно «менее прозрачных».

Важной причиной указанных недостатков проводимой приватизации стал таким образом ее правый характер, на котором настаивали не только

правые либералы, но и правые консерваторы. (В том числе такие консервативные критики социализма как А.Солженицын, И.Шафаревич, А.Ципко.) Основой примененной модели приватизации стала правая критика советской системы и государственной собственности, с которой выступил например, антилиберал А.Ципко. НЭПовский опыт советской приватизации, который отстаивали советские перестройщики, был отброшен.

Очевидно, что продуманной стратегии приватизации у ельцинской команды не было. Но таковой не было и у оппонентов Ельцина. Ельцинские реформы (приватизацию и проч.) проводили правые либералы, но в этих реформах, во-первых, активно участвовали и номенклатурные консерваторы, получившие немалые куски бывшей советской собственности. Эти антилиберальные номенклатурщики, во-вторых, вскоре, при власти силовиков, продолжили активный «грабеж награбленного», то есть начали отнимать приватизированную собственность у правых либералов.

Общим результатом консервативно-либеральной (правой) приватизации стало то, что после десятилетия консервативного правления (как и предшествующего десятилетия правления правых либералов) 2/3 национальных богатств России стало достоянием шести процентов населения. (В.Корнеев. Россия: движение вспять. — М.: Крафт, 2010, с. 137, ссылка на ак. Д.Львова.)

4. Правый либерализм (ельцинизм) и оппозиция. Советский традиционализм (КПРФ Зюганова) и консерватизм правый — репектабельный и радикальный.

С самого начала правления Ельцина и ельцинистов, то есть с начала 1990-х гг., развернулась консервативная критика либералов («демократов»), ставшая основой формирования будущей идеологии консерватизма — официального идеологического направления в России после 2000 г. Полемику с «демократами» вел, так называемый, «патриотический блок» — блок советских традиционалистов (сталинистов) КПРФ и правых националистов — Русской партии. Консерваторы, в первую очередь правые националисты, развернули против ельцинистов активную пропагандистскую кампанию.

Уже в первые годы ельцинского правления (в начале 1990-х) консерваторы С.Кургинян, С.Кара-Мурза, В.Бондаренко, А.Байгушев громогласно заголосили о разрушении советской России «либералами» (они же ельцинские демократы). С.Кургинян объявил о «*крахе либерально-западнического проекта*» (Власть и оппозиция, 1993). Ему вторил С.Кара-Мурза в книге *Интеллигенция на пепелище России*. — М.: Былина, 1997, и прохановец Владимир Бондаренко (Крах Интеллигенции. Злые записки Зоила. — М.: Палея, 1995).

Сторонники консерватизма, в особенности радикального, стали определять ельцинизм как «оккупационную власть» и результат «еврейской революции» (А.Ципко, А.Байгушев). Консерваторы намекали на якобы «ненациональность» (и антинациональность) демократов и внешнюю

зависимость ельцинизма. А.Ципко позже подвел под консервативный донос на ельцинских демократов «национальную» идеологическую базу, заявив (в сборнике «Пора доверить Россию русским», 2003) о якобы произошедшей в 1990-х гг. очередной «еврейской революции», для преодоления которой требуется революция «русская» – именно «русская национальная революция» (статья «Ждет ли Россию национальная революция?», 2003 г.). К таковой фактически и призвали сторонники, так называемой, «духовной» оппозиции ельцинистам.

Критика идеологии и политики правых либералов в постсоветской России 1990-х гг. имеет немало оснований. Однако критику таковых со стороны консерваторов нельзя считать объективной – в частности ввиду односторонности и сомнительности их собственных позиций. Консерваторы противопоставляли правому либерализму не концепцию положительных реформ реального социализма, но вначале советскую командную систему (Г.Зюганов), а чем дальше, тем больше правые теории возвращения к дореволюционной монархии (Байгушев) или теории «убиения России» советским социализмом (Н.Стариков). Место советских традиционалистов в так называемом «патриотическом блоке» все больше занимали правые националисты. Правому либерализму ельцинистов консерваторы правого толка противопоставляли не левые реформы, но опять (как это было и в отношении СССР) некий «русский переворот», то есть приход к власти группировок типа Славянского собора (преемника Союза Русского народа) или РНЕ Баркашова.

Консервативная критика либерализма и ельцинизма таким образом не может быть объективной – ввиду тенденциозности самого консерватизма (в особенности правого национализма), реально представляющего внешний контроль не в меньшей, а иногда и в большей мере, чем либерализм.

Консерватизм обоих направлений (в особенности национал-радикальный) играл в атаке на Ельцина очевидно провокационную роль, создавая в стране явную политическую нестабильность. В борьбе с советским традиционализмом и правым национализмом ельцинский либерализм отражал не только ставшие очевидными позже негативные черты Нового российского порядка, но и позитивную тенденцию выхода России из административно-командного и тоталитарного тупика.

Консервативная антиельцинская риторика показывает то, о чем нельзя забывать – именно, что в ельцинский период продолжалось острое противостояние, а часто и прямое силовое противоборство ельцинизма с тоталитарным консервативными (национал-сталинистскими и правонациональными – черносотенными) группировками. Ельцинский режим постоянно атаковался и дестабилизировался с одной стороны советским традиционализмом – зюганизмом и левацкими околозюганистскими формированиями (например, Ампилова, которого его соратник из правых националистов Байгушев называет «Вопиловым»), с другой – правонациональными группировками

типа РНЕ Баркашова, которого активно поддерживали правые националисты из Русской партии.

Главным, «как бы левым», оппонентом ельцинизма в течение 1990-х гг. оказалась Коммунистическая партия РФ Геннадия Зюганова. Советский традиционализм КПРФ (сталинизм) оказался первой линией наступления консерватизма на правых либералов. Идеологию КПРФ Г.Зюганова, как уже указывалось, следует определять как национал-коммунизм или национал-сталинизм. Эта идеология была продолжением платформы старой советской КПСС в ее аппаратном варианте, уже в советское время представленном не только официальными марксистами, но также и правыми националистами Русской партии. Коричневая составляющая в зюгановской КПРФ, начатая в советский период сталинскими идеологами, затем аппаратчиками типа Ильичева, Зимянина или Лигачева, проявлялась, например, у таких характерных фигур компартии РФ как Альберт Макашов и Николай Кондратенко, которые являлись депутатами Российской Госдумы от КПРФ. Н.Кондратенко был также членом Совета Федерации и при поддержке Г.Зюганова едва ли не стал кандидатом в президенты от КПРФ в 2003 г. (<http://www.sem40.ru/index.php?newsid=68484>). Разумеется, партию, в которой состоят подобные фигуры, считать компартией в смысле большевизма и даже официального марксизма-ленинизма было бы странно. (Об истории формирования КПРФ также О.Лацис. Заранее спланированное самоубийство. – М., 2001).

Зюгановская КПРФ оказалась таким образом преемником нерезформированной части КПСС, идеологией которой был большевизм, смешанный с правым национализмом, поэтизирующим дореволюционную монархию и правую диктатуру. Правый консерватизм оказывал на как бы левую КПРФ весьма серьезное влияние. С самой перестройки и затем в течение 1990-х гг. КПРФ Зюганова оказалась в, так называемом, патриотическом блоке вместе с правыми националистами (в частности, Русской партией).

Странный как будто союз «левой» КПРФ и правых русских националистов был не случайным, но вытекал из самой эволюции КПРФ в поздний советский и перестроечный период. Эта эволюция в свою очередь отражала идеологию советской сталинистской бюрократии еще с 1930-х гг. Как мы пытались показать ранее, реальной аппаратной идеологией партийных консерваторов в СССР был не ортодоксальный большевизм (марксизм-ленинизм, второй марксизм), но именно национал-коммунизм (национал-сталинизм). Помимо внешнего большевизма, советский марксизм включал также существенные элементы великорусского шовинизма и вполне «антисоветского» правого национализма, который был идеологией так называемой Русской партии в СССР (см. А.Байгушев. Русская партия внутри КПСС). В этом смысле идеологию КРПФ (сохранившуюся в указанном виде до сего дня) следует рассматривать как левый «полуконсерватизм» или консерватизм с левым уклоном (социал-консерватизм). Консервативные тенденции КПРФ –

советский традиционализм с его апологетикой сталинской версии социализма, соединенный с правым национализмом, вообще не имеющим отношения к левой идеологии. Используя риторику советского второго марксизма, идеологию КПРФ можно обвинить в националистическом «ревизионизме» советского марксизма.

Для многих консерваторов в бывшей КПСС было характерно движение от сталинизма к прямому правому национализму — явному противнику левой идеологии. В контактах с европейскими правыми националистами были замечены не только деятели прохановского круга, но и известный советский консерватор Егор Лигачев. Так, Е.Лигачев вместе с А.Прохановым принимал в России бывшего ээсовца Жака Тириара (<http://www.zavtra.ru/cgi//veil//data/zavtra/02/464/52.html>), к позиции которого, как и позиции Георгия Климова, прохановцы проявляли большое сочувствие. Указанную эволюцию советских консерваторов (сталинистов) можно считать характерной для партаппарата в эпоху кризиса реального социализма, которая говорит о разложении идеологии традиционных компартий.

Правые националисты так называемой Русской партии, в частности ее представитель Байгушев, критикуют зюганизм «справа», как не вполне правый национализм. Нужна критика зюганизма «слева», но не со стороны ампиловцев, лимоновцев и тому подобных, а со стороны современной левой — леводемократической теории.

Следует отметить, что с критикой национал-патриотических тенденций партии Зюганова некоторые члены КПРФ выступили уже в начале 1990-х гг. В этом смысле интересно опубликованное в 1994 г. Борисом Славиним открытое письмо Г.Зюганову «Отказ от марксизма погубит компартию». В данном письме Б.Славин по сути дела выступил против «консервативного уклона» зюгановской компартии, перечислив ряд национал-патриотических — консервативных черт ее идеологии. В частности, Б.Славин указывал на отказ зюгановской компартии от марксистского понимания государства. «Оперируя понятиями „соборность“, „державность“, „народность“, — не без основания писал в этом письме Б.Славин, — вы не хотите замечать классового характера современных государств вообще и российского в частности... Вы думаете, что совершили новаторство в теории социализма. На самом деле вы ушли далеко назад от Маркса к идеалам Белого движения, разработанным Иваном Ильиным, идеалам, глубоко чуждым сознательным коммунистам». (В кн.: Б.Ф. Славин. Социализм и Россия. — М.: УРСС, 2004, с. 346.)

Интересна также фигура одного из руководителей КПРФ Геннадия Селезнева, который не удержался в верхах партии, хотя выглядел умнее Зюганова (не потому ли не взяли в консерваторы?). В то же время влияние консерватизма сказывалось и на нем: советником Г. Селезнева по странной логике был, например, не имеющий никакого отношения к российским левым известный

консерватор А.Дугин. Селезнев же оказался странным образом замешан (что могло быть и фокусом теневых манипулирующих консерватизмом структур) в деле об убийстве Г.Старовойтовой.

Помимо КПРФ все более активной линией консерватизма в 1990-е гг. стал консерватизм уже не советский, но «дореволюционного» (правого) образца. Он выдвигался как в радикальной, так и «респектабельной» форме.

Если говорить о респектабельном (умеренном) крыле правого консерватизма в России начала 1990-х гг., то одним из ранних выражений такового стала партия Единства и Согласия (ПРЕС), она же консервативная партия России, и ее программные заявления. Партия Единства и Согласия (ПРЕС), которую возглавил С.Шахрай, считается первой в постсоветской России попыткой построить политическую партию на основании идеологии консерватизма (Д.А.Витушкин. *Перспективы правоконсервативной идеологии в современной России*. – М., 2006, <http://politanaliz.land.ru/right-conservatism1.htm>). Пройдя на выборах 1993 г. в Госдуму и создав в ней свою фракцию, партия Единства и Согласия попыталась при участии известного политолога В.Никонова сформулировать идеологию российского консерватизма. Обозреватели не без основания называют образование данной партии «пробным шаром со стороны действующей власти», подчеркивая тем самым, что консервативная партия была образована при поддержке правящих правых либералов (Д.Витушкин, там же).

В октябре 1994 года С.Шахрай и В.Никонов опубликовали «*Консервативный манифест*», в котором, как пишет Д.Витушкин, «сформулировали основные положения российского консерватизма с учетом реалий 1990-х гг.» В «Манифесте» пересказывались основные постулаты классического консерватизма, разброс цитат классиков данного направления при этом варьировался от западных консерваторов (У.Черчилля) до российских (К.Леонтьев).

При этом экономическая часть программы консерватизма мало отличалась от проводимого ельцинскими правительствами (с премьером В.Черномырдиным во главе) ультралиберального курса и либеральных постулатов. Авторы видели свой экономический идеал в таком обществе, в котором «перемены, обеспечивающие экономический рост, происходят... сами по себе, без участия власти». Они признавали, что «до такого идеала нам еще далеко», не уточняя каким образом этот «идеал» соотносится с российскими традициями. Вопрос соотношения всех перечисляемых «постулатов консерватизма» именно с российскими традициями был ахиллесовой пятой «Манифеста». Несмотря на заявленное стремление учитывать «российскую специфику», после прочтения документа (как замечали обозреватели) оставалось совершенно непонятно, в чем же она состоит.

Еще более отчетливо это отразилось в принятой в сентября 1995 года программе партии, согласно которой ПРЕС объявлялась «общероссийской консервативной партией – партией российской провинции, деятельность

которой базируется на консервативных ценностях российских народов» (цит. по Д. Витушкин, там же).

Утрата ПРЕСом в дальнейшем всякой поддержки со стороны населения показала, что «первый блин» консерватизма, то есть первый опыт создания консервативной партии, оказался «комом». Тем не менее, как отмечает, например, С.Ю. Пантелеев, «среди различных вариантов „партий власти“, существующих от выборов до выборов, ПРЕС интересна именно как попытка создать идеологическую партию». Правда, по мнению исследователя, «эта идеология оказалась голой схемой, не заполненной консервативной „душой“, ибо консерватизм не может существовать в отрыве от конкретной национальной традиции» (Пантелеев С.Ю. 2004. Современный русский консерватизм. — Свободная мысль — XXI, №11 — также Д. Витушкин, цит. соч.).

Здесь важно подчеркнуть несколько моментов. Во-первых, характерно рассмотрение «консерваторов» исследователями (например, С. Пантелеевым) как «партии власти», хотя речь идет о «лихих девяностых» — времени правления «плохих либералов» (как постоянно подчеркивают консерваторы). Это указание противоречит частым заявлениям консерваторов об их критическом отношении к своим правым братьям — либералам 1990-х гг.

Интересно, во-вторых, то, что сформулированная в первых заявлениях представителей консерватизма (В. Никонова и С. Шахрая) экономическая программа почти не отличалась от программы официального правого либерализма.

Характерно, в-третьих, указание на «утрату поддержки» консервативной партии ПРЕС со стороны населения — правда, ввиду отсутствия, по мнению Пантелеева, в идеологических построениях данной группировки консерваторов «консервативной души». Последнее мнение, идущее из среды консервативных «идеалистов», верящих, что консерватизм имеет некую (национальную, конечно) «душу», похоже, расходится с мнением о себе самих консерваторов — например, Русской партии.

Более обстоятельно развить «консервативный» подход к событиям 1990-х гг. в России попытался один из авторов Консервативного манифеста 1993 г. Вячеслав Никонов, в 1999 г. опубликовавший книгу «1990-е годы глазами консерватора» (М., Языки русской культуры, 1999).

Идеологов консерватизма начала 1990-х В. Никонова и С. Шахрая, в отличие от радикальных деятелей Русской партии, следует считать представителями консерватизма «просвещенного» (респектабельного). К таковому (с определенными оговорками) можно отнести и ряд идеологов позднейшего путинского консерватизма — например, С. Кургиняна, М. Колерова, Г. Павловского и ряд других. Помимо этого типа консерватизма, однако, существовал и консерватизм радикальный, в котором посылки респектабельного консерватизма утрировались и приобретали мифологические черты.

5. Радикальный консерватизм 1990-х гг. Его издательская и прочая активность. Проблема зависимости консерватизма (в особенности радикального) от внешних сил.

В ельцинский период, пользуясь постсоветской политической свободой, особую активность развернул радикальный правый консерватизм (правый национализм), еще с советских времен тесно связанный с консерватизмом респектабельным,

Как мы видели, правые националисты – сторонники восстановления дореволюционной монархии, желательно в черносотенном виде, представляли важную часть, так называемого, «патриотического» блока, противостоявшего «так называемым демократам» еще в советское время и в период перестройки (А.Байгушев. Русская партия внутри КПСС. – М., 2005). Они были наиболее жесткими и, как правило, наиболее демагогическими критиками ельцинизма.

Постепенно указанные правые националисты, в том числе радикальные, все сильнее вытесняли из консервативного блока советских традиционалистов КПРФ, становясь главной силой консервативного течения. Своих союзников по патриотическому блоку – сторонников зюгановской КПРФ – они критиковали за «социалистические иллюзии» и смешной «социалистический выбор», считая своим идеалом дореволюционную русскую монархию или правую диктатуру типа европейских между двумя войнами (Муссолини, Франко и др.). В начале 1990-х гг. выдвинулся целый ряд идеологов консервативного и радикально-консервативного направления.

С начала 1990-х гг. стали активно популяризироваться работы известного идеолога правого консерватизма Александра Дугина, автора книг «Консервативная революция», «Русская вещь» и целого ряда других. Оставаясь как будто в рамках респектабельного консерватизма, теоретик консервативной (она же национальная) революции А.Дугин развивал темы и сюжеты, близкие радикальному европейскому консерватизму между двумя войнами, например, немецкому правому национализму. Известный теоретик «евразийства» стал подводить под консервативную политику идеологическую базу в духе немецкого национал-социализма.

«Ярый противник Америки, – писал в 2008 г. исследователь теории Дугина А.Умланд, – Дугин в 1990-е открыто восхвалял Третий рейх, СС и фашизм вообще. Тем не менее в „Международном евразийском движении“ официально состоят, в частности, министр культуры России (Александр Соколов), заместитель председателя Совета Федерации (верхней палаты российского парламента) Александр Торшин и советник президента Асламбек Аслаханов. Не далее как в 2006 г. Дугин восхвалял идеи Грегора и Отто Штрайсеров – двух немцев, которые в 1920-е гг. помогали Гитлеру в строительстве нацистской партии. Однако, несмотря на такие заявления, Дугин стал уважаемым участником политических ток-шоу в прайм-тайм; некоторые из его многочисленных работ используются в качестве учебников в российских

школах и университетах» (А.Умланд. Вторая холодная война? <http://www.geopolitica.ru/Articles/72/>).

Несмотря на явное сходство его идеологических построений с доктринами межвоенного радикального консерватизма – в том числе и немецкого, Александр Дугин с 1990-х гг. и до настоящего времени стал уважаемой в политическом мире России фигурой, чьи взгляды оказывают серьезное влияние на российскую политическую элиту. Это касается ряда группировок, как правых, так и левых, начиная с национал-большевистской партии Лимонова (одним из основателем которой был А.Дугин), до КПРФ. В 1990-х гг. Дугин, как уже отмечалось, был советником одного из лидеров КПРФ Г.Селезнева. Работы Дугина популяризирует также и современная КПРФ (<http://forum.kprf.ru/viewforum.php?f=8&sid=223159dc6536bc805d57c0c4a8ded2e2>).

Влияние теорий Дугина на идеологию политической элиты в России не уменьшилось вплоть до настоящего времени. Его идеи евразийства лежат в основе концепция ряда известных консервативных организаций в современной России.

Если взгляды А.Дугина следует считать представляющими относительно респектабельный вариант консерватизма, то в постсоветской России 1990-х гг. не было недостатка в теориях консерватизма радикального. Среди авторов этого течения можно назвать О.Платонова, генерала Виктора Филатова (первого публикатора «Майн Кампф» Гитлера на русском), А.Байгушева и многих других, связанных в частности с консервативным издательством «Алгоритм».

Важным направлением активности радикальных национал-патриотов стала издательская деятельность. В 1990-х гг. «патриотическая» оппозиция российским демократам издала и активно распространяла консервативную литературу правонационалистического толка, повторявшую известный по немецким и др. образцам идеологический набор национал-социализма. Была создана целая сеть консервативных (правонационалистических) издательств, например, «ассоциация русских правых писателей» Тулаева, занимавшихся печатью и распространением национал-патриотической классики – «Протоколов сионских мудрецов» и проч. В дальнейшем на этой основе возникли крупные консервативные издательства, типа упоминавшегося и широко известного «Алгоритма». Важную роль в консервативной издательской деятельности сыграл созданный при поддержке губернатора Краснодарского края (и члена консервативной КПРФ) Н.Кондратенко издательский центр в Краснодаре «Пересвет». Он развернул издание огромных тиражей национал-патриотической классики – книг Климова, Истархова, Форда, Дюмона и прочих.

Интересным феноменом на данном поле стал консервативный издательский центр при Генштабе России. Подчиняющаяся непосредственно последнему 12 типография Министерства обороны отличилась изданиями типа «Русь арийская» и «Жиды» (А.Верховский. Политический экстремизм, с. 18).

Свою активность данная группировка продолжает вплоть до настоящего времени (например, упоминавшая книга Т.Грачевой «Невидимая Хазария», 2009, книги ген. В.Филатова и многих других).

Характерным явлением правого национализма в России стала Либерально-демократическая партия В.В. Жириновского.

ЛДПР (первоначально ЛДП Советского Союза) появилась еще в период перестройки в 1989 г., явно протезируемая еще советскими консервативными структурами. На съезде в марте 1990 г. (перед регистрацией весной 1991 г.) было объявлено, что ЛДПСС объединяет «более трех тысяч человек из 31 региона страны и является первой оппозиционной партией в СССР» (см. <http://lenta.ru/lib/14160696/>). Как признал сам Жириновский в 2005 г., его партию еще при Горбачеве «одобрил» тогдашний глава КГБ Владимир Крючков. Он дал ЛДПР Жириновского «самую положительную характеристику [...], сказав, что ЛДПР наиболее лояльная в стране, особенно армии и КГБ». (Т.Яхлакова. Крючков нас просто одобрил. — *Большая политика*. — № 2, декабрь 2005, также <http://lenta.ru/lib/14160696/>). В 1991 г. Жириновский поддержал ГКЧП, однако вскоре объявил за это сам себе (и партийному руководству) «выговор» и занялся активной критикой «коммунистов» с позиций радикального правого национализма.

Радикально-консервативные черты ЛДПР явно проявились уже с начала 1990-х гг. Мы уже указывали на применении В.Жириновским риторики и терминологии радикального национализма, например, понятия национальной революции. В 1994 г. Е.Гайдар прямо обвинил никакого не либерала и не демократа, но явного радикального консерватора Жириновского в фашизме, что послужило началом известного судебного процесса (Политический экстремизм в России, с. 7). При этом сам за себя говорит факт политического долгожительства В.Жириновского и его партии. Никто не называет данную скандальную фигуру российской политики «национальным аллергеном» (как кое-кого из либералов). Напротив, Жириновский и жириновщина пережили многих отстраненных от власти или даже погибших, как Г.Старовойтова, «демократов».

ЛДПР Жириновского установила специфический рекорд политического долгожительства в постсоветской России, участвовав во всех постсоветских выборах в Госдуму РФ, а также в пяти президентских выборах. Процент поддержки ЛДПР колебался от 23% в 1993 г. до 11,7% на последних выборах в Госдуму 2011 г. Удачно выступал Жириновский и на президентских выборах в России, занимая как правило третье—четвертое место (не менее 7–9% голосов). На последних выборах 2012 г. он также занял четвертое место после Путина, Зюганова и Прохорова, получив 6,3 (по некоторым данным до 9) процентов голосов.

20 лет участия Жириновского и ЛДПР в российской политике показали явную непотопляемость скандального национал-патриота и его партии.

Ни экономические спекуляции, ни политические скандалы, ни явное присутствие криминалитета в партии лицемерного либерал-демократа и реального консерватора – не ослабляют ее влияния. Проект «Жириновский» (проект «театрализованного» и управляемого шовинизма) следует рассматривать как один из наиболее удачных проектов радикально-консервативных группировок еще советских спецслужб и тех сил (вероятно, далеко не только внутренних), которые эти группировки представляли.

Попытки ряда как будто уважаемых консерваторов типа С.Кургиняна бороться – понятно, в рамках того же консерватизма – с «вирусом фашизма» (Власть и оппозиция, 1993) серьезного успеха не имели. Бороться с националистами, критикуя правый тоталитаризм и фашизм пытались и демократы. (См. например, сборники «Политический экстремизм», с. 7–8, или «Нужен ли Гитлер России?». – М.: Пик, 1996.) Однако влияние радикального консерватизма не ослабевало, а в отдельные периоды постсоветской истории России, напротив, даже усиливалось.

В качестве источника данного течения назывались влиятельные «консервативные» группировки в силовых структурах еще бывшего СССР. Однако кто стоял за этими группировками (в том числе и лубянскими) – «патриотические» силы или некоторые иные, борющиеся против демократической России и манипулирующие в своих целях консервативными (национал-патриотическими) группировками? Как мы постоянно стремимся показать, внешние силы в России и других странах бывшего реального социализма, как правило, осуществляют свое воздействие не только через правый либерализм, но также, едва ли не в большей мере, через консерватизм. В этом смысле следует согласиться с рядом авторов, сравнивавших постсоветскую Россию 1990-х с веймарской Германией 1920-х гг. (в частности концепцией «Веймарской России» – А.Янов. После Ельцина. – М., 1996).

6. Консервативный террор в 1990-х гг. и внешняя манипуляция радикальным консерватизмом в России. Левая оппозиция правому либерализму.

Одним из печальных феноменов ельцинской России (как и дальнейшей истории постсоветской России) стал постоянный консервативный террор. В эти годы, вслед за сходными событиями эпохи перестройки (например, убийство отца А.Меня в 1990 г.) произошел ряд убийств известных демократов – Д.Холодова (1994), В.Листьева (1995), Г.Старовойтовой (1998), С.Юшенкова (2003) и целого ряда других. Виновники данных убийств не найдены до сих пор, реальный их поиск велся официальными структурами явно вяло.

Очевидна связь актов террора в постсоветской России (как и России более раннего периода) с идеологией и политической практикой радикального консерватизма, связанного, однако, с консерватизмом уважаемым. Во-первых, террор был направлен в основном против демократов (либералов). Никто не собирался убивать, например, известных скинхедов, членов

группировки РНЕ, радикальных националистов партии «Родина» или ЛДПР Жириновского.

Во-вторых, террор получал идеологическое санкционирование консерватизма — вовсе не только радикального. Теракты, с внешней стороны, проводились как бы «радикальными патриотами» (или иными силами, имитирующими действия таковых) при идеологической поддержке самых разных (включая и умеренных как будто) консерваторов в средствах массовой информации (А.Проханов и проч.).

В-третьих, террор был очевидно связан с нацистской закулисой — в том числе и в спецслужбах. Непосредственными исполнителями, а чаще организаторами террористических акций в постсоветской (как перестроечной и советской) России оказывались коррумпированные работники спецслужб. Это выяснилось как в расследовании убийства А.Меня, так и Г.Старовойтовой и в дальнейшем — А.Политковской. Иногда представители террористических группировок, например, криминальной питерской группировки Ю.Шутова, была связана с консервативными властями — например, «подсидевшим» А.Собчака Владимиром Яковлевым. При этом консервативные издательства вроде «Алгоритма» активно пропагандировали указанных радикальных национал-патриотов, в частности, публиковали книги сидевшего за террор Ю.Шутова еще и в 2012 г.

Консервативный террор продолжался и после ельцинской эпохи — например, убийство А.Политковской в 2006 г., (см. далее). К третьему сроку Путина демократы оказались полностью ошельмованы и запуганы победоносным и лицемерным консерватизмом, применяющим, среди прочих и террористические методы.

Являлись ли радикально-консервативные террористические группировки чисто внутренними или их деятельность поддерживалась извне? Для выявления причин террора в России требуется анализ *нацистской закулисы* — диверсионных консервативных группировок как в советской, так и постсоветской России.

Для этого анализа можно использовать типологический подход. Если принять тезис, что политический режим России 1990-х строился внешними силами по сценарию Германии 1930-х, то такой сценарий включал и активный подпольный терроризм — то есть убийства противников «радикального консерватизма». В Германии и в целом Европе 1930-х гг. таковых была целая серия, начиная с известного убийства В.Ратенау. В тогдашней Германии эти и другие «консервативные» акции могли осуществляться и внешней, точнее двойной агентурой в спецслужбах. Влиятельные немецкие национал-социалисты 1930–40-х гг., например, Канарис, имели связь с Англией и могли находиться также и под английским контролем. С английскими спецслужбами были связаны уже после войны известные прибалтийские деятели СС, например, перезахороненный в Эстонии в 1999 г. известный офицер 20-й дивизии СС Х.Кург.

В это связи следует еще раз коснуться вопроса внешней зависимости, в которой консерватизм обвиняет либерализм. Говоря о внешних истоках праволиберального проекта и идеологии либерализма, консервативные авторы, однако, весьма мало говорят о внешней зависимости самого консерватизма, его идеологии и политики – в первую очередь правых националистов и так называемой «патриотической клиентеллы» (термин – С.Кургиняна. Власть и оппозиция, 1993). Эта зависимость вполне очевидна в связях консерваторов (правых националистов) советского периода с финансировавшимся извне СССР группировками типа НТС, а также на примере подрывной деятельности правых националистов как в перестроечный, так и в постсоветский период. Плюс – на примере правых националистов украинских или прибалтийских, понять свое единство и связь с которыми русские правые националисты никак не могут до сих пор. Есть основания считать, что русский национализм (прежде всего национализм правый) в России поддерживался также и извне – как и в других странах бывшего реального социализма.

Сказанное ставит под сомнение консервативную риторику по поводу правого либерализма (ельцинизма), который консерватизм считает единственным «прозападным» течением в России. Оценка и критика консерваторами правого либерализма в России несет обычные идеологические особенности этого направления, важную часть которых составляет мифология (в том числе и ксенофобская).

При этом следует еще раз подчеркнуть, что российских демократов нельзя считать «чистыми» (то есть фактически правыми) либералами. Определенные левоцентристские тенденции существовали как в лагере «патриотов», так и в лагере «демократов».

Можно отметить например реальную близость к левоцентристским силам Г.Явлинского и части партии «Яблоко». Сам Явлинский отрицает левые тенденции у себя, говоря о себе как о «кадете», то есть правом либерале. Однако, как в работах самого Явлинского (напр., Периферийный капитализм) заметен левоцентристский идеологический инструментарий, так в деятельности партии «Яблоко» – левоцентристские тенденции.

Явно сложная судьба партии «Яблоко» после 2005 г. характерна для демократических движений в период господства правого консерватизма. Партия, имевшая немалую поддержку в том числе и интеллигенции – в начале нулевых годов подверглась жесткому консервативному прессингу и на выборах 2003 г. не смогла пройти в Госдуму. Не набрала она необходимого числа голосов и на выборах 2011 г. Явлинский не был допущен и до президентских выборов марта 2012 г. Для консервативной элиты Явлинский оказался не своим. Эту элиту не беспокоило, однако, проникновение в Госдуму явных коррупционеров или шовинистической и полукриминальной «либерально-демократической» партии Жириновского.

Активность левых группировок в России 1990-х гг. была не столь уж значительной. Причиной этого было общее поражение левых сил в период

перестройки и административного подрыва этих сил в постсоветский период, а также общего преобладания консервативно-либеральной идеологии. Даже спустя 20 с лишним лет после распада реального социализма и СССР в 2015 г. следует констатировать практическое отсутствие левых политических сил в важных государственных структурах России.

В силу ряда причин уже в ельцинский период российских реформ (1991–2000) ненационалистическое левое политическое направление оказалось утерянным. Уже в 1990-х гг. демократические левые были вытеснены на периферию российской политики. В особенности это касается «интеллигентского» левого (социалистического) направления, представленного, например, Р.Медведевым, Г.Поповым, А.Кагарлицким, А.Румянцевым, отчасти — Г.Явлинским, впоследствии также группировкой журнала «Альтернативы» (А.Бузгалин, А.Калганов и др.).

Что касается национал-большевистской партии Эдуарда Лимонова, то таковую также нельзя рассматривать как современную левую партию. Скорее — как характерную для Западного общества (и дореволюционной России) левацкую группировку, продолжающую традицию российских эсеров или европейских анархистов. Для лимоновской партии типична манипуляция не только левацкой фразеологией (вроде издания «Поваренной книги анархиста»), но и скандально-насильственными акциями — с «взрывчаткой», «лимонками» и проч. (Политический экстремизм, с. 25). При этом лимоновцы в духе симбиоза «большевизма» с национализмом активно использовали и консервативные идеи, а также соответствующую атрибутику, например, имперский флаг России. Показательно и то, что, как уже отмечалось, в создании национал-большевистской партии принимал участие и консерватор Александр Дугин.

Попытки создания реформаторской коммунистической партии еще в перестроечный период (на базе демплатформы в КПСС), как и социал-демократической партии не имели серьезного результата. В 1990-х гг. левая традиция оказалась представленной, в основном виде малоконструктивной, крикливой и, как правило, демагогической оппозиции ельцинизму. Зюгановская КПРФ 1990-х представляла собой левый «полуконсерватизм».

7. События 1993 года. Борьба в российском руководстве в 1993–1996 гг. Антиельцинские акции консервативной закулисы. Заговор Коржакова. Борьба вокруг Останкино, убийство В.Листьева. Выборы в Госдуму 1995 г. Президентские выборы 1996 г.

Накапливавшиеся противоречия ельцинизма нашли свое выражение в остром политическом кризисе 1993 года. Внешней стороной кризиса стало противостояние двух ветвей власти в тогдашней РФ — традиционно-советского Верховного совета и праволиберальной исполнительной власти. Этот кризис породил большую и противоречивую литературу. Демократы консерваторы оценивают произошедшие события с диаметрально-

противоположных позиций, обвиняя в произошедшем друг друга. Представители левого консерватизма (например, В. Корнеев) — поэтизируют антиельцинское выступление. Демократы (либералы) трактуют данные события как «красно-коричневый путч».

Какова могла быть леводемократическая линия в 1993 г.?

Выступление советских традиционалистов (сталинистов) и части левых против правых либералов Ельцина было осложнено поддержкой сторонников Верховного совета правым крылом консервативного блока — правыми националистами, поборниками восстановления дореволюционной монархии и воссоздания черносотенных партий. По словам идеолога Русской партии Байгушева «над зданием мятежного Верховного совета рядом с красным флагом советов... реет черно-злато-белый черносотенный имперский флаг России...» (А. Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 480).

За акциями против ельцинистов, таким образом, стояли не только советские традиционалисты и сторонники левых реформ реального социализма, но фигуры радикального консерватизма (правого национализма), типа весьма активного в конфликте 1993 г. генерала Альберта Макашова, соединявшие мнимый советизм с нацистской риторикой. Именно под командованием Макашова антиельцинские военизированные формирования атаковали ельцинистов, в первую очередь Центр Останкино. Это заставило демократов — блок правых и левых либералов — говорить о выступлении сторонников Верховного совета как «красно-коричневом».

Это понятие во многом отражало реальность — в период кризиса 1993 г. сталинисты (основная часть зюгановской КПрФ) действовали в союзе с правыми националистами — от Русской партии Байгушева до РНЕ Баркашова. Демократы (не без основания) критиковали коричневую (правонационалистическую) сторону консервативного блока, но в силу смешанности такой с псевдобольшевизмом номенклатуры, пытались валить правый национализм на большевизм. Хотя на самом деле правонационалистические группировки (как мы ясно видели на примере Байгушева) еще с советских времен были резкими противниками большевизма и реального социализма.

Несмотря на противоречия деятельности правых либералов и правого либерализма (ельцинизма), для сторонников левоцентристских реформ в этот момент объединение с консервативным блоком было невозможно. Оказавшись перед сложным выбором, сторонники левых реформ склонялись к поддержке Ельцина. Лучше Ельцин, рассуждали многие из них, чем тогдашний Зюганов (консервативная КПрФ) с союзниками — радикальными националистами и нацистской закулисой. Лучше, рассуждали они, правое либеральное реформаторство Гайдара, чем нацизм черносотенцев Байгушева и Макашова, а также сталинизм примкнувшей к ним КПрФ.

Некоторая часть левых реформаторов поддержала Верховный совет, однако значительная часть оказалась на стороне Ельцина. Поддержать

Верховный совет означало оказаться в одном лагере с коричневыми национал-патриотами (правыми националистами).

Остается фактом, что первой насилеие применила группировка Верховного Совета: «военные действия были начаты сторонниками парламента» (Политический экстремизм, с. 18). Национал-патриотические формирования под руководством полунациста Макашова совершили нападение на здание СЭВа и Останкино. Насильственные акции придали событиям вид военного путча и гражданской войны. Станным было долгое молчание Ельцина, не торопившегося противодействовать нападавшим. Немалую роль в критический момент сыграл Егор Гайдар, пытавшийся спасти демократию, на которую покушались макашовские путчисты.

За кулисами столкновения произошел раскол силовых структур. Армейское руководство вело себя двойственно. На стороне Ельцина выступили, в частности, А.Коржаков и Г.Рогозин (отец Д.Рогозина). Непосредственным организатором расстрела Белого дома был «правильный консерватор» Александр Коржаков, за что получил повышение — звание генерал-лейтенанта. О реальной роли Коржакова в событиях 1993 г. консервативные обзоры этих событий, однако, говорят весьма мало. Случаи неоправданного насилия были с обеих сторон — как со стороны оппозиционеров, так и с правительственной стороны (включавшей не только либералов, но и номенклатурных консерваторов). Были и факты закрытия газет (со стороны ельцинистов).

Как обычно, в подобных случаях имел место ряд провокаций, подогревающих конфликт с обеих сторон. В перестрелке участвовали неизвестные снайперы, стрелявшие по корреспондентам и проч. Из лагеря радикальных националистов распространялись провокаторские слухи (используемые даже у Р.Медведева), в частности, о неких «бейтарах» в районе Белого дома. Эти слухи опровергались, например, А.Верховским (Политический экстремизм, с. 35).

После 1993 г. консервативные группировки в России активизировали деятельность по подрыву ельцинского режима. Антиельцинские акции начал тот же Александр Коржаков, вознесенный Ельциным на самые верхи власти — поставленный во главу основных силовых структур. В 1994 г. Коржаков инспирировал конфликт с правительством Москвы, напав на Мост-банк. Очевидно, как верно указывается рядом историков, имел место далеко идущий заговор, целью которого было смещение Б.Ельцина с поста президента и замена его на О.Сосковца. (А.Фельштинский, В.Прибыловский. Корпорация. Россия и КГБ во времена президента Путина. — 2010 г. Глава 1. Заговор Коржакова, <http://referendym.narod.ru/corporation.pdf>).

В эти годы стал очевиден конфликт между силовыми кланами — А.Коржакова с одной стороны и Ф.Бобкова с другой (о котором говорят и указанные авторы). В чем была основа этого конфликта? По видимому, Ф.Бобков, связанный с правительством Москвы, А.Гусинским и контролировавший «Мост-банк», представлял умеренную постсоветскую группировку силовиков.

Какие силы представлял Коржаков? Только ли Русскую партию в спецслужбах или также и иные силы? Радикальные националисты в спецслужбах добились снятия Ф.Бобкова с поста главы 5-го управления КГБ еще в советский период (см. пред. главу и А.Байгушев. Русская партия в СССР).

В свете соперничества силовых кланов того времени, в первую очередь А.Коржакова и Ф.Бобкова, следует рассматривать и драматические события вокруг телекомпании Останкино 1994–1999 гг., включая убийство 1 марта 1995 г. известного телеведущего Владислава Листьева.

Идеологи правого национализма, как и деятели того периода типа Ю.Скуратова до сих пор пытаются замести следы указанного убийства, в частности свалить его на Бориса Березовского. Данную версию (что следует принять во внимание) с 1996 (статья в журн. Forbes) активно развивал и американский журналист Пол Хлебников в книге «Крестный отец Кремля Б.Березовский», 2000. Нетрудно заметить, что данная версия укладывается в известную уже по началу XX века «картинку» политических убийств в России – например, убийства Столыпина. Критики шовинистической закулисы (начиная с В.Литвиненко) давали иное объяснение данному убийству, говоря о роли в нем А.Коржакова и стоявших за ним сил. По мнению А.Фельштинского и В.Прибыловского, убийство было организовано А.Коржаковым и «смотрящим» по его поручению за Останкино офицером безопасности А.Комельковым руками солнцевской группировки. Главным мотивом было сокрытие доходов от телерекламы и направление средств на предвыборную компанию О.Сосковца (А.Фельштинский, В.Прибыловский, Корпорация. Россия и КГБ во времена президента Путина. – 2010 г. Глава 1. Заговор Коржакова, <http://referendym.narod.ru/corporation.pdf>).

Теневые «разборки» на телевидении начались за год до убийства В.Листьева уже весной 1994 г. В марте 1994 г. были убиты рекламный бизнесмен Глеб Бокий, затем руководитель «Варус-видео» Г.Топадзе. В июне 1994 г. было совершено покушение на Б.Березовского, после чего его на своем самолете вывез за границу А.Гусинский. Возможно, что Березовского поддержала в этот момент силовая группировка Ф.Бобкова, с которой был связан Гусинский. Покушающейся на Березовского стороной (как и организатором иных террористических действий) был, очевидно, клан А.Коржакова или некоторые иные силы, стоявшие за ним. В сентябре 1994 г. был нанесен удар по еще одному деятелю телерекламы – Сергею Лисовскому. Был убит (взорван) криминальный авторитет С.Тимофеев («Сильвестр»), как считалось, прикрывавший С.Лисовского. А.Фельштинский и В.Прибыловский считают, что организатором всех указанных «околотелевизионных» убийств была группировка Александра Коржакова, в преддверии выборов 1996 г. стремившаяся получить контроль над Останкино. (А.Фельштинский, В.Прибыловский, цит. соч., там же.) На выборах указанная группировка собиралась выдвинуть Олега Сосковца, для чего требовалась сумма 50–60 миллионов долларов.

Вначале коржаковцы надеялись на В.Листьева, для чего, по мнению указанных авторов, и расчищали ему дорогу описанными убийствами.

«Когда именно созрел план убийства Листьева, — замечают Фельштинский и Прибыловский, — определить сложно. Но очевидно, что операция задумывалась как многоцелевая. На первом ее этапе убирался Листьев. На втором — обвинение в организации убийства Листьева выдвигалось против влиятельного в России и на ОРТ человека, пользовавшегося в тот период влиянием на Ельцина — Бориса Березовского, и против основного конкурента Листьева на рекламном рынке Лисовского. На третьем этапе арестовывался Березовский, а Ельцин, разочарованный в Березовском, Лисовском и в связанном с ними влиятельном политике-реформисте Анатолии Чубайсе, передавал контроль над ОРТ новому предложенному Коржаковым человеку. 49% негосударственных акций получал в свое распоряжение Коржаков или его люди. Попавший под подозрение Лисовский также лишился возможности продолжать свою деятельность на ОРТ» (А.Фельштинский, В.Прибыловский. Корпорация. Россия и КГБ во времена президента Путина. — 2010 г. Глава 1. Заговор Коржакова, <http://referendym.narod.ru/corporation.pdf>).

В целом с аргументами А.Фельштинского и В.Прибыловского в пользу того, что главным организатором «околотелевизионных» убийств 1994–95 гг., включая убийство В.Листьева, была силовая группировка А.Коржакова, можно согласиться. Однако сомнение вызывает ряд моментов, в частности то, что коржаковцы, зная взгляды В.Листьева, собирались делать ставку именно на него. Вероятно, картина была несколько другой. Возможно, указанными террористическими действиями коржаковской группировкой расчищалась дорога другим людям и другим силам.

Что касается Березовского, то он с этого периода стал объектом постоянных провокаций, вероятно, шовинистической закулисы и управляющих ею сил. Эти силы до последнего времени активно тиражировали версию о виновности Березовского в указанных убийствах. Между тем Березовский сам с 1994 г. был очевидным объектом прямого насилия. Первое известное покушение на него состоялось в 1994 г., второе — в 1998 г. В последнем был замешан еще один крупный функционер спецслужб описываемого периода — сменивший Коржакова на посту директора ФСБ Николай Ковалев.

Убийство В.Листьева в марте 1995 г. А.Коржаков использовал для наступления на «московскую» силовую группировку Ф.Бобкова и др., в частности, для снятия генпрокурора Москвы. В этой связи интересна стойкая неприязнь консерваторов (национал-патриотов) к долголетнему мэру Москвы Ю.Лужкову. Активные антилужковские действия консерваторы вели с начала 1990-х и продолжали их вплоть до 2011 г.

В декабре 1995 г. состоялись выборы в Госдуму. Результаты выборов по замечанию обозревателей «потрясли отечественный истеблишмент» (<http://www.odintsovo.info/white/blog.asp?id=9337>). В разных источниках приводятся

несколько различные данные выборов. Партия «Наш дом — Россия» премьера Черномырдина не только не стала лидером, но получила лишь третье место после коммунистов Зюганова и ЛДПР Жириновского. Большинство в Госдуме получила компартия Г.Зюганова (158 мест, 22 процента голосов). На втором месте оказался «Наш дом Россия» Черномырдина (55 мест, 9,95 процента голосов), реально набравший меньше голосов, чем партия В.Жириновского. ЛДПР оказалась третьей (51 место, 10,99 процента голосов). Далее следовала Аграрная партия России (20 мест). «Яблоко» (45 мест, 7,12 процента). Немного не дотянули до пятипроцентного барьера «Выбор России» (Гайдар, 9 мест) и «За СССР» (Анпилов). Правые либералы понесли серьезное поражение, незначительное число голосов набрал Е.Гайдар. Политика правого либерализма имела серьезные негативные последствия прежде всего в экономике и явно теряла поддержку населения.

Президентские выборы 1996 г. Б.Ельцину удалось выиграть с большим трудом, лишь благодаря активным усилиям политиков-демократов — Анатолия Чубайса и др. Впоследствии делались заявления, что на самом деле победы Ельцина не было вовсе и реально победил Г.Зюганов (<http://www.evangelie.ru/forum/t102321.html>).

В этой сложной для Бориса Ельцина ситуации присосавшиеся к нему и получившие от него немалые блага национал-патриоты (консерваторы) откровенно предали своего патрона. В июне 1996 г. во время предвыборной кампании Ельцина Александр Коржаков открыто выступил против организаторов выборов с ельцинской стороны, попытавшись арестовать выносивших деньги на ельцинскую кампанию С.Лисовского и А.Евстафьева. Смещенный Ельциным со своей должности Коржаков продолжал действия против него, например, пытаясь продвигать в качестве преемника Ельцина упоминавшегося Олега Сосковца (см. <http://www.informacia.ru/dosye/1315-korzhakov.html>).

После отставки Коржакова осенью 1996 г. администрацию президента Ельцина возглавил Анатолий Чубайс. А.Чубайс пригласил на работу в администрацию Владимира Путина, который в 1996 г. становится заместителем управляющего делами президента Павла Бородина, находившегося на этом посту с 1993 г. Под руководством П.Бородина В.Путин занимался рядом вопросов, в том числе — имуществом, включая зарубежное (А.Костин. Петля Путина,.. с. 70—71). Своими способностями руководителя В.Путин хорошо зарекомендовал себя перед Ельциным, который вскоре начал активно продвигать его. В 1998 г. В.Путин был назначен директором ФСБ вместо Николая Ковалева, обвинявшегося среди прочего (по свидетельству офицеров ФСБ В.Литвиненко и М.Трепашкина) в попытке покушения на Б.Березовского.

Павел Бородин с Владимиром Путиным не сработался — во-первых, подозревал конкуренцию. Во-вторых, Бородин оказался замешан в коррупционных скандалах, в частности, развернувшихся вокруг реконструкции

Кремля. В октябре 1998 генеральный прокурор Ю.Скуратов возбудил против П.Бородина дело по поводу «строительных» злоупотреблений, в том числе и в связи с фирмой «Мерката» и «Mobitex». Расследование указанных злоупотреблений продолжили швейцарские прокуроры. В связи с этой историей Бородин был позже арестован в США.

Нападение Скуратова на Павла Бородина, как, впрочем, и иных околоельцинских фигур не было, однако, для стоявших за ним консервативных сил самоцелью. Основной их мишенью был Борис Ельцин. Скандал с Бородиным они хотели использовать для подрыва ельцинской группировки. Поэтому с ельцинской стороны последовал ответный удар по Юрию Скуратову, который был снят со своего поста. В марте 1999 г. были обнародованы материалы (в том числе и видео) «забав» Скуратова. Таковые добывались и публиковались при участии В.Путина, тогдашнего главы ФСБ (А.Костин. Петля Путина. Разбор полетов за 10 лет. — М.: Алгоритм, 2010, с. 82).

8. Первая чеченская война 1995—1996 и ее странности. Консервативное руководство российскими силовыми структурами (А.Коржаков, П.Грачев) и его провал в Чечне.

Под влиянием пришедших к власти в России правых сил (не только праволиберальных, но и правоконсервативных) Россия в 1990-х гг. демонстративно отказывалась от контроля за бывшими сферами своего (советского) влияния. Отношение к ним бывшей метрополии характеризовалось знаменитой фразой Ельцина о суверенитетах, которых каждый может «взять столько, сколько может унести». Это не могло не повлечь проблемы с национальными образованиями и внутри самой России — начиная с Кавказа (Чечни и др.).

Одним из результатов постсоветского распада России стала и чеченская война. Существенной причиной таковой была провальная политика российских властей — в особенности руководства спецслужб (А.Коржакова и других). Свои провалы и прямые провокации указанные деятели долгое время пытались свалить на Ельцина и «демократов». Этим же занимались и шовинистические пропагандисты вроде М.Полторанина, замеченного между прочим в разглашении секретной информации. Немалую роль сыграла и очевидная поддержка сепаратистских и дестабилизирующих группировок в России внешними силами.

Чеченское руководство до Дудаева (Доку Завгаев) было консервативным в советском смысле, занимая, в частности, позицию поддержки ГКЧП. Данное руководство стремилось к отделению от демократов и ельцинистов. Ельцин поддержал оппозицию Д.Завгаеву, которую тогда представлял генерал Джохар Дудаев. Однако ельцинская команда вовремя не заметила сепаратистских устремлений Дудаева и не смогла противопоставить ей другие силы в Чечне. После переворота против Завгаева дудаевская группировка начала действия по выводу Чечни из состава Российской Федерации. Ельцинский федеральный центр не смог эффективно противостоять этому —

в том числе в силу общего хаоса и разложения федеральных силовых структур — армии, МВД и соответствующих министерств (сборник Политический экстремизм, с. 21).

Не справившись с политическим решением конфликта в Чечне, федеральное руководство сделало ставку на прямое военное вмешательство, начатое в ноябре 1994 г. В ряде акций того времени в Чечне очевидны провалы консервативных силовиков при Ельцине вроде А.Коржакова, пытавшегося в воспоминаниях отрицать свою роль во вторжении, а также армейского руководства (П.Грачев). Немалые странности имели подготовка и проведение военных операций в конце 1994—1995 гг., в частности, штурм Грозного в ноябре 1994 г. и в конце декабря — начале января 1994 г. Подготовка и проведение этих операций со стороны различных ведомств России, включая армейское руководство, отличались явными слабостями, которые привели к гибели значительного числа личного состава, а также вооружений и техники, в том числе бронетехники (см., напр., Н.Гродненский. Первая чеченская: история вооруженного конфликта. — М.: ФУАинформ, 2007).

После установления контроля федеральных сил над Грозным в конце февраля 1995 г. и над другими районами Чечни к лету 1995 г. начались террористические акции сепаратистов. 14 июня 1995 г. была проведена террористическая акция Ш.Басаева в Буденновске, приведшая к гибели 150 российских граждан. Часть ельцинского руководства настаивала на переговорах с сепаратистами, что парализовало действие военной группировки. Боевики воспользовались передышкой для перегруппировки и перешли в новое наступление. Был совершен ряд терактов, в том числе против генералов А.Романова и О.Лобова. Следующее крупное террористическое нападение произошло в январе 1996 г. в Кизляре (С.Радуев). В результате захвата заложников погибло 26 мирных граждан.

В силу слабости политического и военного руководства федералам в этот период не удалось установить контроль над Чечней. Административные и военные ошибки, недостатки пропаганды и проч. привели к серьезным потерям. После гибели Д.Дудаева в апреле 1996 г. (достоверных свидетельств чего, по свидетельству А.Куликова, впрочем, реально обнаружено не было) и.о. президента Ичкерии был избран З.Яндарбиев. С апреля 1996 г. велись переговоры о прекращении боевых действий, что произошло в июне 1996 г.

31 августа 1996 г. генерал Лебедь подписал Хасавьюртовский мирный договор. Согласно данному договору статус Чечни был отложен до 2001 г. Договоренности включали обмен пленными, который, однако, чеченской стороной полностью не соблюдался. Можно сказать, что произошла реальная сдача Чечни боевикам-сепаратистам. Результатом стало образование криминальной территории с криминальным руководством. Уголовный кодекс «независимой» Чечни (Ичкерии) был очевидно привнесен извне — как показали обозреватели, списан с кодекса Судана (маликитский масхаб и

шафитский масхаб). Кодекс содержал пункты вроде компенсации «ста верблюдов за убийство дееспособного мужчины» (Н. Гродненский. Первая чеченская... цит. соч. и др.). Недостатки хасавьюртовского мира сваливались на Ельцина и «либералов», которые якобы поддержали сепаратистов. В этой связи нельзя еще раз не сказать о провальной политике окологельцинских консерваторов, в первую очередь руководителей спецслужб А. Коржакова и М. Барсукова, а также генерала П. Грачева.

В 1997 г. президентом Ичкерии был избран А. Масхадов. Несмотря на его попытки борьбы против экстремизма, таковой продолжал заявлять о себе. Чеченскими боевиками были организованы теракты в Армивире и Пятигорске 1997 г., в Дагестане в 1998 г., во Владикавказе в марте 1999 г. Наконец, в августе 1999 г. была сделана попытка прорыва Ш. Басаева и Хаттаба в Дагестан, якобы не согласованная с руководством Чечни. Одновременно террористы попытались перенести свою активность на территорию России — в сентябре 1999 г. произошли взрывы в Москве и Волгодонске.

Попытка прорыва чеченских боевиков в Дагестан была остановлена федералами уже под руководством В. Путина в начале его первого президентского срока. После разгрома дагестанской группировки боевиков федеральные войска были введены на территорию Чечни. Началась вторая чеченская война (2000—2001), которая реально продолжалась едва ли не до 2009 г. Режим «контртеррористической операции» в Чечне был отменен в апреле 2009 г. С 2001 г. президентом Чечни был избран Ахмат Кадыров, погибший в результате теракта 9 мая 2004 г. После него президентом Чечни стал А. Алханов и с февраля 2007 г. — Рамзан Кадыров. В 2006 г. был убит Шамиль Басаев. В апреле 2009 г. в Чечне был отменен особый режим.

9. Ельцинизм и внешняя политика. А. Козырев. Противоречия ельцинского либерализма во внешней политике. Афганистан, Прибалтика. Югославская трагедия и Россия. Ельцинская Россия и постсоветские государства.

Консервативная критика ельцинской внешней политики в путинский период указывала на повсеместную ельцинскую «сдачу» советских позиций. Особенно доставалось, так называемой, «kozyревской» внешней политике, то есть политике министра иностранных дел РФ (1990—96) Андрея Козырева. А. Козырева называли «мистером Да» — ему приписывалась постоянная сдача российских национальных интересов, в частности, «советских сфер влияния» в ближнем зарубежье странам Запада, прежде всего США.

Действительно, правые либералы начали активную сдачу бывших советских сфер влияния. Однако это вовсе не значит правоты правых консерваторов: вопреки их риторике эту сдачу продолжили... они сами. Консервативные силовики смогли добиться стабилизации в Дагестане и Чечне, но вскоре в 2004 г. «сдали» оранжевую Украину, Грузию — Саакашвили. При «консерваторах» в 2004 г. НАТО приблизилось к границам России в Прибалтике.

Примером правой (вначале праволиберальной ельцинской) политики в отношении бывших советских сфер влияния могут быть, например, события в постсоветском Афганистане.

Советские войска окончательно покинули Афганистан в феврале 1989 г. Власть передавалась не местным силам, но практически сдавалась – сначала Пакистану, чье прямое вмешательство в афганскую политику началось с 1989 г. Между тем, вопреки ожиданиям правых, режим Наджибуллы не пал мгновенно. Он продержался до апреля 1992 г. и был свергнут в результате атаки оппозиции, активно поддержанной извне. Свою роль в отказе от поддержки Наджибуллы в конце 1991 г. сыграли А.Козырев и А.Руцкой.

«К середине 1991 г. режим госвласти в Афганистане, во главе которого стоял Наджибулла, опроверг все прогнозы аналитиков; уверенно стоял на ногах, имел солидный запас прочности, позволявший противостоять уже подлинной иностранной агрессии – пакистанской (и это при иллюзорной, к середине 1991 г., на уровне 2–3-х самолетов в день, поддержке СССР), в то время, как за моджахедами стояла пакистанская военная машина, финансовая и политическая мощь США, Саудовской Аравии, ОАЭ, Ирана, отчасти Судана и Ливии... Последний гвоздь в крышку гроба, в котором, вместе с режимом Наджибуллы, были похоронены перспективы замирения и надежды на демократический путь развития Афганистана, вбили А.В. Козырев и А.В. Руцкой... в конце 1991 г.» (http://www.rsva.ru/biblio/prose_af/nadjib/7.shtml?part=4).

Наджибулла удерживал власть до апреля 1992 г., когда в результате наступления оппозиционеров был вынужден скрыться в дипмиссии ООН, где пробыл пять лет. В 1997 г. после нового переворота в Афганистане он был захвачен и убит.

Установленный после власти партии «Талибан», НАТОвский контроль в Афганистане привел к целому ряду противоречий и негативных последствий для России. В частности, на афганской территории резко возросло производство наркотиков, борьбу с которым силы НАТО вести не собирались. Производство героина в Афганистане за 12 лет увеличилось в 40 раз (оборот не менее 100 миллиардов долларов) и от него, по ряду данных, погибло до миллиона человек (см. В.Андрюхин, <http://www.posprikaz.ru/2013/04/narkotiki-mafiya-terror-i-vojna/>). Производство наркотиков распространилось на бывшие советские среднеазиатские республики, в первую очередь Таджикистан. Значительная часть наркотиков направлялась в Россию или через Россию в Европу. В наркотический бизнес оказались замешаны определенные коррумпированные силовые группировки внутри России (см. В.Андрюхин, цит. соч.).

Другим направлением политики правых либералов стала, в частности, Прибалтика.

В Прибалтике демократы и лично Ельцин активно способствовали становлению независимых Прибалтийских государств. Однако как ельцинская,

так и послеельцинская политика России в Прибалтике привела к результатам достаточно противоречивым. В силу отказа правого российского руководства от сколько-нибудь серьезных действий в Прибалтике по защите своих интересов, их место заняли другие геополитические игроки. При поддержке этих игроков к власти пришли не умеренные левые и центристские силы, но правые радикалы-националисты (в Эстонии – партия Отечество), которые начали проводить соответствующую национал-консервативную внутреннюю и внешнюю политику. Указанные консервативные группировки (за которыми стояли видимо также внешние геополитические игроки) оценили уступки российских демократов как «слабость» России и начали свою политику давления на русскоязычное население (включая ликвидацию образования на русском), которая продолжается до сего дня. Несмотря на ряд успехов, политика правых партий в Эстонии с середины «нулевых» годов вела ко все более очевидному кризису (см. «Эстония до и после Бронзовой ночи»...).

Трагической страницей 1990-х гг. в Европе стала война в Югославии и расчленение таковой на ряд отдельных государств. Попытки некоторых российских политиков предотвратить югославскую трагедию – в частности, начало М.Примаковым в 1999 г. переговоров с США (история с развернувшимся самолетом) были отвергнуты американской стороной. Натовские бомбардировки Белграда начались и были продолжены. Это еще раз подтвердило, что политику определяет не «правильная» риторика, а реальное соотношение сил. В отличие от СССР, постсоветская Россия перестала быть серьезным геополитическим игроком – как в Европе, так и в мире в целом. Советский левый центр перестал существовать, постсоветские же правящие группировки России восстанавливать его не собирались.

Результатом НАТОвской агрессии в Югославии стало жестокое поражение Сербии и расчленение Югославии. За этим последовали суд над Слободаном Милошевичем и его смерть, вылавливание сербских «сопротивленцев» – Р.Караджича и др. и начало косовской эпопеи, в которой Запад поддерживал албанскую сторону.

Таковы были некоторые внешнеполитические результаты прихода правых к власти в России в 1990-х гг. Не оправдывая правых ельцинских либералов (А.Козырева и др.), отметим при этом зачастую демагогический характер консервативной критики их внешней политики (напр., А.Проханов о крушении внешней политики Ельцина в 1999 г., <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/99/278/11anshl.html>). Ельцинская сдача советских позиций России в посткоммунистических и постсоветских странах оказалась, увы, не уникальной. Как известно, таковая вполне благополучно продолжалась и при консерваторах, то есть после 2000 г. Попытки списать продолжающиеся до сего дня консервативные внешнеполитические провалы российской дипломатии на «скрытых либералов» ситуации не объясняют. После «оранжевых» революций и поддержки их консервативными российскими кланами (на Украине, например,

консервативной партией «Родина», в Грузии — роль И.Георгадзе в дестабилизации режима Шеварднадзе) очевидно явное продолжение «kozyревской» внешней политики компрадорскими консервативными группировками.

В настоящее время можно говорить о сдаче советских сфер влияния как правыми либералами, так и второй группировкой правых — правыми консерваторами. Правый консерватизм имеет свои аргументы в пользу сдачи бывших советских сфер влияния (в том числе в странах ближнего зарубежья). Как мы видели, русские национал-патриоты объясняли таковые необходимостью освобождения России от «присосков», утверждая, что бывшие советские сферы влияния создавались «за счет России» и отказ от них является благом.

При этом консерватизм уже с начала 1990-х гг. в лице А.Дугина, В.Жириновского и др. выступил с громогласными, якобы имперскими, реально *псевдоимперскими* теориями, которые прикрывали действительную политику консерватизма по отношению к бывшим советским сферам влияния России. Таковы, например, консервативные заявления о «*выходе к теплым морям*» Дугина (Основы геополитики. — М., 1997, с. 174) или «стамбульской губернии» Жириновского. Позже в путинский период эта линия нашла свое выражение в концепции «русской экспансии» представителей «динамического консерватизма» В.Аверьянова и других авторов, так называемой, «Русской доктрины», полной многочисленных оторванных от реальности внешнеполитических красивостей.

Следует ли рассматривать «уход» России из стран ближнего зарубежья как позитивный результат холодной войны для всех участников данного ухода, — как для России, так и оставляемых Россией стран? Или как вынужденные шаги, имеющие негативные последствия для всех данных государств — не только самой России, но и тех стран, из которых она уходит?

Попытка России сохранить свои позиции в мире считается внешними силами (например, европейскими и прибалтийскими правыми) «реваншизмом» и имперством. Россия, говорит современный американский неоконсерватизм, должна отказаться от «имперства», уйти из стран ближнего зарубежья (от Прибалтики до Украины) во всех формах — даже экономических. (Например, прибалтийский транзит или контроль над украинскими газовыми структурами.) Россия должна освободить свое место западным игрокам — в первую очередь англо-американскому блоку. При том, что те же США или Великобритания, находящиеся весьма далеко от посткоммунистических, а также постсоветских государств не только не отказываются от своего влияния в этих странах: Прибалтике, Украине или Грузии, но и видят свою задачу в укреплении этого влияния.

Очевидно, что отступление России из стран ближнего зарубежья, трактуемое как отказ от имперства (версия, принятая в ельцинский период), имело ряд негативных аспектов как для России, так и для самих «покидаемых» стран. Что касается России, то новые постсоветские режимы (зачастую

контролируемые внешним неоконсерватизмом), как правило, оказывались резко враждебными России. Их управляемые извне правящие группировки, например, прибалтийские или украинские, делали все от них зависящее для компрометации России и нанесения ей различного ущерба — как идеологического, так политического и экономического (от подрыва транзита и торговли до прямой блокады). Результатом потери влияния России в бывших советских территориях — Прибалтике, на Украине и на Кавказе — стало, таким образом, формирование в этих странах враждебных России режимов, угрожающих ей различными блокадными акциями, например, блокирование сырьевых поставок России в Европу (Украина, Прибалтика) и проч.

В этой связи можно говорить о стоящем перед современной Россией «гамлетовском» вопросе *«смиряться под ударами судьбы, или надо оказать сопротивление?»* Сталкиваясь с реалиями Нового мирового порядка, уступая мощному экономическому и политическому давлению современного Запада, Россия в целом вынуждена не только вписываться (интегрироваться) в этот порядок, но в целом ряде существенных моментов противостоять ему. Вопрос о том, в каких аспектах Россия должна принять сложившийся после 1991 г. Новый мировой порядок, в каких — оказать этому порядку сопротивление является немаловажным и требующим не кулуарного, но широкого обсуждения. Понятно, что ждать такового от нынешней консервативной элиты вряд ли возможно.

При Ельцине началось серьезное сокращение армии РФ. Важной акцией в этом направлении стал вывод из Восточной Европы так называемой Западной группы войск (1992–1994 гг). Этот вывод — примерно полмиллиона человек и значительное количество техники — был хаотичен. Он сопровождался многочисленными злоупотреблениями и наживой коррумпированного генералитета (распродажа имущества, вооружений и проч.). По замечанию С.Гродненского «свыше 1000 БТРов было продано только в Сербию и Хорватию» (Неоконченная война, 2004).

Попытка журналиста Дмитрия Холодова обнародовать факты о злоупотреблениях армейских коррупционеров привела к его гибели в октябре 1994 г. Для теневого консервативных группировок того времени террор против журналистов стал обычным явлением.

10. Россия конца 1990-х. Кризис ельцинства и ельцинского либерализма. Дефолт 1998 г. Левоцентристское правительство Е.Примакова и смещение его правыми группировками. Выборы 1999 г.

После победы на президентских выборах 1996 г. Ельцин попытался консолидировать власть. Однако в 1998 в РФ начался острый кризис как в экономике, так и политике.

В мае 1998 г. в российской экономике произошел дефолт. Этот серьезный экономический провал ельцинского руководства 1990-х гг. требует внимательного анализа. За полгода курс рубля упал более чем в 3 раза — с шести

рублей за доллар перед дефолтом до 21 рубля за доллар 1 января 1999 года. Произошло резкое падение производства. Вывоз капитала из РФ в 1998 г. достиг рекордной цифры, превысив 100 миллиардов долларов.

Причиной кризиса можно считать неолиберальную (она же неоконсервативная) экономическую модель, но также и недостатки финансовой политики ельцинского руководства. По мнению А.Илларионова, к кризису 1998 г. привела макроэкономическая политика «валютного коридора», проводившаяся в 1995–1998 годах вице-премьером А.Б. Чубайсом и председателем Центробанка С.К. Дубининым при участии Е.Т. Гайдара. Также кризису способствовали действия руководства ЦБ летом 1998 года. (См. *Экономический кризис в России 1998 г. wiki.*)

После дефолта 1998 г. ельцинская власть вступила в период острого кризиса. Усилилась критика ельцинской исполнительной власти и в Госдуме, которая дважды проголосовала против назначения долговременного руководителя едицинской экономической политики Виктора Черномырдина на пост премьера. В конце марта 1998 г. В.Черномырдин, занимавший пост премьер-министра с 1992 по 1998 гг., ушел в отставку. После нее началась быстрая смена глав правительств (едва ли не чехарда таковых) – С.Кириенко, Е.Примаков, С.Степашин, В.Путин. В 1997–1998 гг. заместителем премьера был Борис Немцов.

В сентябре 1998 г. начало свою деятельность левоцентристское правительство Евгения Примакова, проработавшее до мая 1999 г. Это правительство попыталось стабилизировать обстановку в России, что имело явно положительное значение.

Интересно описание кризиса 1998 г. и роли правительства Примакова («кризисных управленцев») в этот период летописцем Союза правых сил (СПС) Кириллом Бенедиктовым.

«После того, – пишет К.Бенедиктов, – как Госдума дважды отклонила кандидатуру Виктора Черномырдина, предложенную Ельциным на пост премьер-министра, стало ясно, что возврат к прежней стабильности, основанной на сложной системе договоров между группировками и центрами влияния, уже невозможен. Ни один из ключевых игроков прошлых лет, включая самого президента, не обладал достаточными рычагами для управления ситуацией.

В этих условиях либералы были вынуждены отступить на второй план и передать полномочия команде кризисных управленцев, которую возглавил государственный и „силовик” Евгений Примаков. Начался недолгий (восемь месяцев), но очень яркий период новейшей истории России, когда либералы были фактически отстранены от управления страной. Действия антикризисной команды Примакова оказались весьма эффективными: ей удалось не только удержать Россию на краю социальной катастрофы, но и стабилизировать экономическую ситуацию в стране. Стали выплачиваться пенсии

и зарплаты, резко снизилась инфляция (с 38 до 3 процентов в месяц). Рост промышленного производства с октября 1998 по март 1999 года составил 24 процента. К тому же правительство Примакова позиционировало себя как правительство социального партнерства, что было позитивно воспринято широкими деловыми (финансовыми и промышленными) кругами.

Либералы восприняли эти успехи государственников болезненно: так, в публикациях ГУ-ВШЭ действия правительства Примакова характеризовались как „отход от реформ и сползание к номенклатурно-бюрократическому капитализму”. Близкий соратник Анатолия Чубайса Альфред Кох без обиняков называл „примаковщину” „коммунистическим реваншем»» (Кирилл Бенедиктов. Союз Правых Сил. Краткая история партии. – М., 2009, <http://lib.rus.ec/b/205706/read>).

В этом изложении интересен ряд моментов. Во-первых, признание провала правого либерализма, выразившегося в дефолте 1998 г., а также, во-вторых, эффективности левоцентристского правительства Примакова. В-третьих, признание факта недовольства правых линией Примакова и стремление «перебить» таковую новой правой атакой.

Правые (как либералы, так и консерваторы, а возможно и стоявшие за ними внешние силы) боялись усиления левоцентристских сил и отхода от правого курса. Они оказывали на Ельцина давление в отношении Примакова (а также Лужкова), которые обвинялись в «реставрации коммунизма». Левоцентристская линия Лужкова-Примакова была заблокирована некоторыми влиятельными (не в последнюю очередь, возможно, и внешними) игроками, делавшими ставку на правых консерваторов. Е.Примаков был снят с поста премьера в мае 1999 г. – «в зените успеха» (А.Костин). Был нанесен также удар по Б.Маслюкову (гибель сына). В мае 1999 г. премьером был назначен Сергей Степашин.

На выборах в Госдуму в декабре 1999 г. на первом месте оказалась КПРФ (24,29% голосов), затем правоцентристское Единство (23,32%) и третьим – Отечество вся Россия (блок Лужкова-Примакова, 13,33%). Последний набрал меньше голосов, чем он рассчитывал. За ними следовали либералы – СПС (Кириенко) – 8,52% и Яблоко (Явлинский) – 5,93%. ЛДПР Жириновского также набрала около 6% голосов.

Атака на левоцентристскую группировку Е.Примакова и Лужкова, в том числе и перед выборами 1999 г., велась справа – как правыми либералами, так и правыми консерваторами (в том числе, как мы видели, и в спецслужбах). Внешне эта кампания проводилась также и руками Б.Березовского (при участии журналиста С.Доренко, но реально, по-видимому, более серьезными теневыми консервативными группировками. Начатая еще Коржаковым в 1994г., эта кампания завершилась отставкой Лужкова в 2011 г.

В конечном счете ставка ельцинской команды была сделана на Владимира Путина, которого Ельцин выбрал в качестве своего преемника из многих

вариантов. Путин с самого начала своей карьеры показал себя как достаточно эффективный руководитель, добившийся ряда несомненных успехов. Хотя дальнейшее развитие событий показало серьезное влияние на него консервативных (реально – правонационалистических) группировок – в том числе и внутри КГБ-ФСБ. Ельцин предложил В.Путину сначала премьерство, затем президентство. В августе 1999 г. в Госдуме по кандидатуре Путина прошло голосование. Часть фракции КПРФ во главе с Г.Селезевым проголосовала за Путина. Кандидатуру Путина поддержали также правые либералы из СПС.

11. Последние годы демократов 1999–2000. К оценке ельцинизма. Демократы-идеалисты?

Как следует оценить ельцинские реформы 1990-х гг.?

Консерваторы упрекают демократов (правых либералов) в сдаче всего и вся как в этот период, так и в дальнейшем. Вместе с тем консервативная критика ельцинизма зачастую лицемерна. Ответственность на «либералов» перекладывают те, кто продолжал и после 2000 г. их политику, а также присвоение советского имущества (причем в значительно более крупных размерах, чем при Ельцине). Одновременно пришедшими к власти после Ельцина консерваторами сдавалось и советское наследие – в том числе и во внешней политике. Очевидно, что переход от административно-командной и тоталитарной советской системы к системе плюралистической требовал в определенном смысле «отступления назад», то есть применения целого ряда либеральных политических и идеологических мер, в частности, реставрации ряда утерянных в СССР и весьма противоречиво восстанавливавшихся Горбачевым сторон западных демократий – политической демократии (плюрализма) и рыночных отношений.

Ельцинисты были вынуждены проводить те реформы, которые не смогли провести консерваторы (советские традиционалисты) и их правые союзники в период горбачевской перестройки. Несмотря на свою противоречивость, эти реформы сыграли важную роль в переходе от административно-командной системы к рыночной экономике. Но, вероятно, меньший ущерб постсоветской российской экономике принесли бы левоцентристские реформы (например, в варианте Е.Примакова). Таковые однако не устраивали серьезные группы влияния на тогдашнюю российскую власть, а также и внешние силы, стоящие за формированием Нового российского порядка.

Консервативная критика разрушения «либералами» советской системы и «создания беспредела» 1990-х гг., как правило, лицемерна. С этой критикой зачастую выступают радикальные правые националисты, ставившие своим идеалом реставрацию черносотенной монархии (Байгушев и проч.). Реальный социализм (и СССР) провалила неспособная к его положительным реформам бюрократия и ее идеологи – консерваторы – как советские

сталинисты, так и правые националисты. Последние — правые консерваторы образца Н.Старикова — до сих пор трактуют советский период как «ликвидацию» («убиение») России.

Противоречие ельцинизма состоит в том, что он сыграл только одну роль — разрушения старой административно-командной системы. В создании новой системы он не преуспел. То есть создававшаяся им новая система представляла собой систему Нового российского порядка, вписанную в Новый мировой порядок.

К концу 1990-х гг. обнаружилось серьезные противоречия ельцинского либерализма и его несоответствие нуждам развития российского общества в самых разных областях — от экономики до внешней политики. Стало ясно, что судьба ельцинизма (правого либерализма) оказалось не намного удачней судьбы советского марксизма. В путинский период с 2000 года этот либерализм стал резко критиковаться и вытесняться, однако, вовсе не «левыми» социалистическими течениями (хотя критика либерализма с этих позиций в России была), но консерватизмом и национал-консерватизмом (правым национализмом).

С 2000 г. формируется «консервативный образ» 1990-х годов. 1990-е годы рисуются консерватизмом как время политической и экономической анархии, тогда как путинский период выступает как символ стабильности. Действительно, экономика ельцинского периода имела острые противоречия. Переход к рыночной системе (без необходимой балансировки, каковую не отстаивали ни правые либералы, ни правые консерваторы) не мог не иметь серьезных, в том числе и негативных последствий. Немедленно возникли острая поляризация, расхищение советского имущества, финансовые пирамиды и проч.

Вместе с тем, несмотря на свои противоречия, ельцинский период был чрезвычайно важен для становления новой рыночной системы, создания экономических и политических основ новой демократической России. Одним из важнейших достижений ельцинского периода и деятельности многократно ошельмованных ельцинских реформаторов во главе с Гайдаром и Чубайсом фактически было создание основ рыночной экономики. Рыночные акции Гайдара и Чубайса закладывали элементы будущего экономического подъема России начала 2000 г. Можно сказать еще определенной: без создания якобы «национальными аллергенами» этих основ был бы невозможен «путинский» экономический подъем после 2000 г. и определенная стабилизация развития России к 2008 г.

Для консерваторов характерно присвоение результатов реформ, начатых ельцинскими демократами. Ругая демократов и отнимая у них собственность, консерваторы забывают, что именно рыночные реформы плохих либералов создали основу последующей стабилизации и подъема, а также личного процветания нынешних приближенных к власти консерваторов.

Демократические фигуры Е.Гайдара, А.Чубайса подвергаются массивному консервативному оплевыванию, часто демагогическому (напр., книга С.Белковского о Гайдаре или книга Б.Миронова «Чубайс — враг народа». — М., 2010). Однако так ли уж Ельцин и ельцинские демократы хуже «консерваторов»? Национал-патриотическая критика Ельцина и елицинистов наряду с реальными основаниями содержит и явную демагогию, в особенности очевидную у радикальных консерваторов — правых националистов типа Байгушева. Почему объектом консервативной критики не являются деятели вроде В.Жириновского, А.Коржакова, В.Брынцалова, С.Пугачева и проч.? Неужели они были чем-то лучше оплевывавшихся ими «демократов»?

Демократические фигуры — Ельцин, Старовойтова и Собчак — явно выигрывают на фоне консерваторов (а иногда и радикальных националистов) В.Яковлева, М.Полторанина, А.Проханова и проч. За отстаивание своих идеалов многие демократы — Г.Старовойтова, А.Юшенков, Ю.Щекочихин и другие заплатили своей жизнью. Консерваторы, которые пришли им на смену, декларируя защиту государственных интересов, часто оказывались карьеристами и лицемерными коррупционерами. Однако, несмотря на присвоение этими антилибералами и «друзьями народа» немалых кусков советских ресурсов, убивать их никто не собирался.

Демократы, говорившие о дореволюционной России, по крайней мере были сторонниками демократической России — Февральской революции и Учредительного собрания. Их критики — консерваторы — выступали или как поборники брежневской (а чаще сталинской) командной и авторитарной системы, или дореволюционной православной, а часто и черносотенной монархии.

Демократическая Россия (в чем-то может быть прекраснодушно) поддерживала демократические (праволиберальные) идеалы. Но так ли эти идеалы хуже, чем консервативные лозунги откровенного национализма? Демократы хотя бы в теории ставили задачей борьбу за гражданское общество. Они, как Г.Старовойтова, не принимали агрессивного национализма, явно усилившегося при консерваторах. Консерваторы, в особенности национал-революционеры, отказываются от демократических идеалов почти демонстративно. Их идеалом становится в лучшем случае Иван Ильин, в худшем — «консервативные революционеры» и сторонники «национальной мобилизации» типа А.Дугина или Эрнста Юнгера (Е.Холмогоров). Или, как у А.Ципко, национальная революция в духе харбинского национал-социалиста К.Родзаевского.

Критика ельцинизма должна вестись, но не с консервативной, а с левоцентристской позиции. Приходит время объективной оценки не только правого либерализма, но и правого консерватизма.

Глава 7.

СИЛОВОЙ (ПУТИНСКИЙ) ПЕРИОД НОВОГО РОССИЙСКОГО ПОРЯДКА. ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТСКИЙ СРОК В.ПУТИНА (2000–2004)

1. Силовой («путинский») период в России (с 2000 г.). Вопросы определения и оценки правления силовой олигархии. Особенности консервативной идеологии путинской силовой группировки.

Силовым (путинским) периодом мы называем период с 2000 г. по настоящее время, когда президентом России и лидером государства был Владимир Путин. Важной характеристикой этого периода стал приход к власти «силовой элиты» («силовой олигархии»), то есть политических группировок, связанных с российскими спецслужбами. Власть этой элиты, начатая в период первого и второго президентского срока В.Путина, была продолжена и при президентстве Д.Медведева (с 2008 г. по 2012 г.), а также после избрания в начале 2012 г. В.Путина президентом на новый шестилетний срок.

Понятие «силовой олигархии» стало применяться в российской политологии с середины 2000-х гг., (например, М.Делягин. Возмездие на пороге. Революция в России: когда, как, зачем? — М., 2007). Другие авторы также говорят о существующем в России режиме как «олигархии». (Напр., А.Костин. Петля Путина. Разбор полетов за 10 лет. — М.: Алгоритм, 2011.)

Власть силовой элиты (силовой олигархии) имеет ряд специфических особенностей, связанных прежде всего с «профессиональной непрозрачностью» соответствующих структур. Эти особенности создают понятные трудности для объективного анализа их идеологии и политики. Вместе с тем анализ *глубинных (внутренних)* политических структур, каковыми являются спецслужбы, представляет не меньшую, а может, и большую важность, чем анализ внешних политических структур общества. Как и любые правящие группировки, современная российская силовая элита не заинтересована в объективном анализе самой себя. Но мир уже не таков, чтобы запретить публикацию объективных фактов — в т.ч. и анализ современной российской силовой элиты (олигархии). Подобный анализ ежедневно происходит как в западных, так и российских массовых средствах. Примером могут служить ряд критических (правда, как правило, консервативных по направлению) публикаций и книг, в частности, упоминавшиеся книги М.Делягина, Н.Леонова, А.Костина и др.

Момент, который надо оговорить сразу: не следует поддаваться характерному для правого либерализма (считающемуся иногда «естественной» интеллигентской идеологией) соблазну огульной критики силовиков, среди

которых безусловно есть патриотические силы. Примером такой критики может быть позиция погибшего при до конца не выясненных обстоятельствах (возможно, имитирующих действия российских силовых структур) Юрия Щекочихина, с которым уже в начале 1990-х полемизировал С.Кургинян («Россия – власть и оппозиция», 1993). Такую же точку зрения отстаивают Ю.Фельштинский и В.Прибыловский, доказывающие, что ФСБ – это «абсолютное зло». (А.Фельштинский, В.Прибыловский. Корпорация. Россия и КГБ во времена президента Путина. – 2010 г. (<http://referendym.narod.ru/corporation.pdf>). Следует ли считать «абсолютным злом» только одну из действующих в мире и противостоящих друг другу спецслужб, или всех вместе?

Другая крайность – считать, что вся связанная с силовой олигархией политика исключительно позитивна.

Очевиден ряд положительных моментов путинского периода и правления силовой элиты по сравнению с периодом ельцинским в формировании постсоветского российского государства. В качестве таковых обычно называлось «государственничество» силовой элиты – то есть ее шаги по укреплению государства. Некоторые (как например, Р.Хазбулатов, критиковавший «недогосударство» Ельцина) считают, что появление «государства» в постсоветской России произошло именно при Путине. Действительно, можно говорить о том, что в этот период был преодолен ряд черт хаоса 1990-х гг. и достигнута определенная политическая и экономическая стабилизация. Были отбиты сепаратистские попытки в Чечне и Дагестане, в целом ситуацию на Кавказе удалось стабилизировать. Во многих направлениях, в том числе и в экономике, стала вестись более взвешенная и относительно реалистическая политика.

Однако, как можно отметить, идеология и способ правления силовой олигархии в России имели постепенно становящиеся все более очевидными недостатки. Наряду с «государственными» элементами политики в этой политике становился все более заметным ряд моментов странных и непонятных, а возможно и явно «негосударственных» – точнее, говорящих о зависимости «консервативной» группировки от государств-лидеров нынешнего Нового мирового порядка.

Часто говорится об отсутствии у путинской группировки (и силовой элиты в целом) идеологии. Реально, однако, таковой (как уже неоднократно замечалось в данной книге) является так называемый «консерватизм» – официальная идеология партии Единая Россия, она же идеология Нового российского порядка.

Консерватизм в постсоветской России, как мы пытались показать выше, имел два основных варианта – первоначальный левый («социалистический») вариант советского традиционализма, например, идеология КПРФ. И второй вариант – правонациональный, то есть идеологию правого русского национализма – в духе Ивана Ильина и проч. Указанный правонациональный консерватизм (определенные тенденции которого существовали уже в

советском большевизме, начиная с национал-большевизма) становился в постсоветской России все более влиятельным. К 2005 г. он стал главным, определяющим идеологию русского консерватизма в официальном варианте Единой России.

Важной проблемой анализа и оценки силовой элиты в России таким образом является вопрос о самостоятельности или зависимости этой элиты.

Известной посылкой идеологии консерватизма остается тезис, что единственной манипулируемой извне и зависимой от внешних сил политической силой в России являются либералы с их идеологией правого либерализма. Используя риторику о «крахе либерализма» (также «либерально-западнического проекта» – С.Кургинян, С.Кара-Мурза), консерваторы объявляли себя поборниками самостоятельного и независимого развития России. Они доказывали приверженность консерватизма национальным интересам России в противовес «плохому» и (как доказывали консерваторы) прозападному российскому либерализму, связываемому с эпохой Ельцина. Важным моментом риторики консервативной силовой олигархии была критика «внешнего влияния» на ельцинских демократов и представление самой себя поборниками суверенных интересов России (отсюда и концепция «суверенной демократии» В.Суркова).

Однако указанная риторика может быть оспорена уже на примере консерватизма (правого национализма) в ряде постсоветских государств – бывших советских республиках. Так, например, в Прибалтике (Эстонии) правые националисты (консерваторы) – Союз Отечества и Союз Отечества-Республика – выступают как очевидные группировки внешнего контроля, прямо представляя внешние для Эстонии и Центральной Европы силы. Это же можно сказать о консерваторах украинских с их Бандерой, Петлюрой, УНА-УНСО и проч. А так же о всех других консерваторах (правых националистах) в постсоветском и посткоммунистическом пространстве. Эстонские, украинские, кавказские и среднеазиатские консерваторы (правые националисты) выступают как сторонники тотальной «очистки площадки» от «коммунизма» и возвращения к довоенным (или даже более ранним государственным образованиям) – с естественным отношением к России, русскому образованию и проч.

Иначе ли обстоит дело с консерваторами российскими? Сами указанные консерваторы говорят о себе как сторонниках самостоятельного (суверенного) развития России. Мы стремимся показать, однако, что русский консерватизм, в особенности радикальный правый национализм, вполне может выступать (а по сути дела и выступает) и как орудие внешнего контроля над российским государством. Спустя почти полтора десятилетия после прихода силовой (путинской) элиты к власти очевидно, что курс этой элиты, в котором место правого либерализма занял правый консерватизм, не только продвинул Россию по пути нового самостоятельного развития, но и

сохранил существенные черты правой политики первого постсоветского (ельцинского) десятилетия, выгодной мировому правому истеблишменту.

Многие особенности поведения силовой олигархии по интеграции в Новый мировой порядок за 14 лет ее пребывания у власти позволяют поставить вопрос о зависимости (манипулируемости) определенных группировок указанной олигархии. Можно утверждать, что в ряде случаев профессиональная непрозрачность силовой олигархии — политическая и экономическая — оказывается прикрытием не менее очевидного, хотя и более закамуфлированного *внешнего влияния*. Консервативная (правонационалистическая) идеология — шовинистическая и антиинтеллигентская — лишь прикрывает такое влияние, позволяя говорить о путинской эпохе как времени *«мобилизации бюрократии»*, но вовсе не мобилизации иных слоев постсоветской России — в первую очередь ее образованного слоя. Известно однако, что не интеллигенция, как хотят доказать иные консерваторы, но российская бюрократия во многих исторических ситуациях — в том числе в постсоветский период — оказывалась под влиянием не столько внутренних, но и вполне внешних сил. Следует поэтому различать две различные группировки (консервативных) силовиков — силовиков патриотических (разумеется, не по лозунгам, а по реальной политике) и силовиков далеко не бескорыстных (своекорыстных или даже «купленных»), выполняющих «внешние» заказы. В этой связи интересно уже упоминавшееся откровенное письмо о силовой корпорации Виктора Черкесова (9.10.07, <http://www.kommersant.ru/doc-y.aspx?DocsID=812840>).

Важный момент — с каких позиций ведется критика и анализ современной силовой элиты в России. Наиболее типичными для критики силовой олигархии являются две основные линии — линия правого (оранжевого) либерализма (как западного, так и российского) и линия консерватизма, включающая как советский традиционализм (например, КПРФ Зюганова), так и правый национализм (он же радикальный консерватизм). Последний представляет себя в качестве некоей «русской» критики «прозападной» силовой элиты (типичный заголовок — книга К.Крылова «Русские вопреки Путину». — М.: Алгоритм, 2012).

Хотя группировки типа «Правого дела» или СПС (Союза правых сил) пытаются сделать правый либерализм основой своей идеологии, традиционный правый (оранжевый) либерализм имеет в настоящее время в России достаточно узкую базу, являясь идеологией как правило определенных слоев интеллигенции. Часто данная форма либерализма в России бывает (как в случае ряда представителей партии «Яблоко») смешана и с элементами левой идеологии — в частности левоцентризмом.

Иное дело — два типичных направления консерватизма: советский традиционализм и радикальный консерватизм (правый национализм). Что касается советского традиционализма (зюгановского образца), призывающего едва ли не к восстановлению СССР и системы доперестроечного реального

социализма, то таковой имеет характер ретроспективной утопии. Восстановление в современной России системы реального социализма в старом варианте до 1991 г. представляется невозможным — и вряд ли нужным. Утопизм свойственен также и «истинно русскому» радикальному (правому) национализму типа отстаиваемого так называемой Русской партией (А.Байгушева и др.), чьим идеалом является (вряд ли возможная в современной России) дореволюционная монархически-корпоративная система. Как правило утопичны и иные варианты радикально-фундаменталистской критики умеренного путинского консерватизма, например, Е.Холмогоровым.

Мы отстаиваем современную левую критику силовой элиты в России, отличную как от праволиберальной, так и правоконсервативной. Это критика Нового российского порядка и власти силовой олигархии с позиций «нового социализма», который следует рассматривать не как повторение системы реального социализма, но его положительное развитие на новых — плюралистических и рыночных основах.

2. Приход силовой элиты (силовой олигархии) к власти и проблемы начального периода ее правления. Стабилизация ситуации после 1990-х гг. и ее границы. Консерватизм как официальная идеология силовой элиты и путинского периода. «Патриотический антилиберализм» и правый национализм. Критика ельцинизма — справедливое и демагогическое. Респектабельный консерватизм и консерватизм радикальный.

Приход к власти Владимира Путина в 2000 г. вызвал надежды на перемены многих противников «перегибов» и недостатков ельцинской политики 1990-х гг. Перемены приветствовали не только такие консервативные идеологи и критики «либерально-западнического проекта», как А.Проханов, С.Кургинян, С.Кара-Мурза, но и известный советский неортодоксальный марксист Рой Медведев (например, его книги «Путин», «Время Путина?», «В.Путин: третьего срока не будет?» и др.).

В своем выступлении в феврале 2004 г. (перед президентскими выборами второго срока) В.Путин привел целый ряд фактов о том, в каком состоянии находилась страна в конце 1999 г. Он указал, в частности, на огромный внешний долг, составлявший почти 90% ВВП, на нестабильность на Кавказе и др. «Только вдумайтесь: в пересчет на ВВП внешний долг России на конец 99-го года составлял почти 90%...» (См. Заявление В.Путина 12 февраля 2004 г. Цит. по: Р. Медведев. В.Путин: третьего срока не будет? — М., 2007, с. 23–24). Эта путинская критика ельцинского периода (опубликованная далеко не сразу) была справедлива: ситуация накануне прихода В.Путина к власти была остро критической и требовала резкого изменения политики.

При этом, как мы доказываем, движение России в послеельцинский период могло иметь ряд направлений. Одно из них — левоцентристское, представленное на рубеже 1990-х гг. блоком Лужкова и Примакова, другое — правоконсервативное, каковым и было направление путинской элиты.

Вопрос о приходе к власти в России путинской консервативной элиты требует отдельного анализа. Силовая группировка «созревала» за спиной ельцинских правых либералов, чтобы затем провести «кремлевскую комбинацию». (См. Е.Стригин. Путин, внедрение в Кремль. — М.: Алгоритм, 2011.)

В середине 1990-х гг. была очевидна борьба двух групп силовиков, которую отражала, в частности, борьба силовых кланов А.Коржакова и «московского» клана, среди известных фигур которого назывался Ф.Бобков. Близкой к последнему была, видимо, и группировка мэра Москвы Ю.Лужкова и Евгения Примакова, занимавшего пост премьер-министра в 1999 г. Московская группировка атакровалась коржаковцами с 1994 г., включая также и события вокруг Первого российского телеканала («Останкино», затем ОРТ) 1994–1999 гг. Примаковское направление имело свою «олигархическую» поддержку. Его поддерживал один из первых подвергнутых вскоре репрессиям «олигархов» — В.Гусинский вместе с противостоявшим А.Коржакову Ф.Бобковым, что стало, вероятно, одной из причин атаки на Гусинского группировки А.Коржакова.

Правительство Примакова смогло изменить ситуацию после дефолта 1998 г., однако было отправлено в отставку. В дальнейшем блок Лужкова-Примакова участвовал как в выборах 1999 г., так и в президентских выборах 2000 г., однако был оттеснен сторонниками правоконсервативных сил. Внешне указанные силы использовали, например, Б.Березовского, однако реально, вероятно, имели поддержку более серьезных сил и спецслужб — возможно, не только российских. Данным силам, очевидно, не нравилось примаковское направление, более подходящим представлялось направление консервативное (правонационалистическое), которое (как стало понятно позже) представляла силовая путинская группировка.

Владимир Путин, начавший свое выдвижение при Ельцине в середине 1990-х гг., как и Дмитрий Медведев, в 1980–90-х годах входил в команду Анатолия Собчака, представляя «государственническую» группировку демократов (правых либералов), первоначально — умеренно-консервативного направления. (См. А.Собчак. Каким он был. — СПб, 2007.)

Правые околоельцинские либералы (начиная с А.Чубайса) и выдвинули В.Путина, а также активно поддерживали его в первые годы карьеры, включая выдвижение В.Путина на пост президента. Эта поддержка продолжалась и в период первого президентского срока Путина, что позволяет говорить о существовании с середины 1990-х до (приблизительно) конца первого срока блока правых либералов и умеренных консерваторов. В отличие от группировки «старых» либералов (Сергея Ковалева и др.), оставшихся оппозиционерами консерватизму, известные либералы А.Чубайс и В.Кириенко выступили как сторонники «либерально-патриотического синтеза» — то есть примкнули к официальным консерваторам.

Примером партии правых либералов того времени может быть Союз правых сил (СПС). Он был образован перед выборами 1999 г. (в августе этого

года) как избирательный союз, в который на неформальной основе вошли почти все движения коалиции «Правое дело». На конференции Союза был принят «Правый манифест» СПС. Как признает Бенедиктов, СПС находился под «определенным (реально – весьма серьезным) покровительством Кремля», что дало основание говорить об СПС как о «резервной партии власти». (К.Бенедиктов. *Союз Правых Сил. Краткая история партии.* – М.: Европа, 2009, <http://lib.rus.ec/b/205706/read>). К.Бенедиктов приводит многочисленные факты реального симбиоза консерваторов и правых либералов как в ходе выборов 1999 г., так и позже – в 1999–2003 гг. Среди совместных действий представителей указанных течений была и разработка общей праволиберальной и консервативной экономической программы, а также участие связанной с СПС правой группировки Коха-Иордана в разгроме НТВ (там же).

В 1999 г. правые либералы СПС голосовали за выдвижение В.Путина на пост премьер-министра, а в 2000 г. – на пост президента РФ. Часть фигур координационного совета СПС – от А.Чубайса до Е.Гайдара играли важную роль в разработке экономической политики первого президентского срока Путина. Кремль и официальный консерватизм в течение немалого времени оказывали известным либералам также и материальную помощь.

Примеры следования СПС в консервативном кремлевском фарватере приводит и сторонник оппозиционных либералов (демократов-«идеалистов») Прибыловский. Более «последовательно оппозиционной» либеральной группировкой он считает партию «Яблоко». (В.Прибыловский. Почему следует голосовать за «Яблоко», а не за СПС, <http://www.anticompromat.org/sps/index.html>).

Однако постепенно все большее влияние на Путина стали оказывать силовики правонационального направления, ранее, видимо, связанные с кланом А.Коржакова. Идеологией пришедшей к власти в 2000 силовой путинской группировки все более очевидно становился русский консерватизм, в радикальном варианте выраженный в идеологии Русской партии в СССР. В его основе обнаруживался правый русский национализм как в дореволюционных, так и послереволюционных его вариантах – Ивана Ильина, А.Солженицына, И.Шафаревича и иных сходных авторов.

Рост влияния консерватизма на путинскую элиту выразился в нарастании уже в первый срок Путина антилиберальной риторики, проявившейся в работах консерватизма того периода. Вначале критика ельцинизма и ельцинского либерализма велась с позиции внешне респектабельного (умеренного) «консерватизма» – патриотического антилиберализма от В.Никонова и Г.Павловского до В.Суркова. Таков был, в частности, Консервативный манифест В.Никонова-С.Шахрая (1994), работы Г.Павловского, выступления В.Суркова, а также ряд текстов данного направления вплоть до «Манифеста просвещенного консерватизма» Н.Михалкова (2010).

Хотя в начале «нулевых» в критике ельцинского либерализма присутствовали даже некоторые левые (левоконсервативные) черты, эта критика все

больше становилась правоконсервативной, с сильными «реставраторскими» тенденциями. Таковые отразились на многих идеологических шагах группировки Путина-Медведева, например, отказе от советских праздников вроде 7 ноября (и замене их иными), смене названия милиции на «полицию» и проч. Официальный российский консерватизм постепенно все более очевидно становился консерватизмом правым и «реставраторским».

Либерализм (часто понимавшийся в широком смысле, то есть включавший в себя и идеологию либералов «левого» направления – например советских «шестидесятников» или перестройщиков) все более активно трактовался как идеологический противник. Ему приписывались многочисленные недостатки – в первую очередь недостаточное «государственничество». В русле общей критики либерализма критиковалась так называемая «kozyревская» внешняя политика (в форватере политики США), «пораженчество» в Чечне. А также либеральная экономическая политика – «гайдаровского» экономического либерализма.

Консервативная критика либерализма верно обнаруживала ряд уязвимых мест правого варианта этой идеологии (в том числе и ельцинской эпохи). Однако в этой критике были заметны и явно демагогические ноты, в особенности свойственные радикальному консерватизму, присутствовавшему в общем консервативном потоке наряду с консерватизмом «респектабельным» и «умеренным». Для русского радикального консерватизма были характерны обычные особенности этого течения во всех странах посткоммунизма, в частности, жесткая ксенофобия, культ нации и идеология национальной мобилизации в духе теоретиков немецкого национал-социализма (например, Е.Холмогоров о Юнгере), апология сильной авторитарной власти, «борьбы с коммунизмом», демократами (либералами) и разнообразная «пиночетовщина». В качестве поклонника чилийского диктатора выступил известный телеведущий Михаил Леонтьев, для которого данный лидер оказался своеобразным аналогом «хорошего Столыпина».

Фигуры радикального консерватизма присутствовали в целом ряде официальных «консервативных» партий начала 2000 г. – от «Родины» и ЛДПР до КПРФ. В числе таких фигур были, например, лидер либерал-демократов В.Жириновский, входившие в КПРФ А.Макашов и Н.Кондратенко, деятели «Родины» Д.Рогозин и А.Савельев. К поддержке радикально-консервативной идеологии в 2000–2007 гг. склонялись и целые партии, например, отстаивавшая эту идеологию уже в 1990-х ЛДПР и образованная в 2004 г. «Родина».

Официальный и умеренный консерватизм относился к консерватизму радикальному двойственным образом. Внешне он (в лице, например, В.Суркова, Г.Павловского или А.Ципко) дистанцировался от радикального консерватизма, но в то же время постоянно использовал его в борьбе с «либерализмом». Уже приводился тезис А.Ципко, считавшего «патриотизм черносотенного типа» «видом патриотизма». Симпатии к радикальным

консерваторам типа Егора Холмогорова высказывали близкие к В.Путину в указанный период умеренные консерваторы Глеб Павловский и Владислав Сурков, использовавший в своих построениях ряд положений Холмогорова. Явную склонность к радикальному консерватизму имел и активный идеолог начала 2000 г. Александр Дугин, перерабатывавший «под Россию» идеологии «консервативной революции» Третьего рейха. Обозреватели указывали на связь Дугина с силовой группировкой И.Сечина, которая, по мнению Дугина, была «готова принять евразийскую политическую модель» (А.Дугин. В кольце врагов, http://www.apn-nn.ru/diskurs_s/82.html).

Влияние радикальных союзников respectable консерватизма в течение всего периода консервативного правления оставалось достаточно активным, отражаясь как на отдельных идеологах, так и на информационных порталах типа Регнума.

Главной партией новой консервативной элиты стала партия Единая Россия. Первый съезд будущей партии состоялся 1 декабря 2001 г. В нем приняли участие политические объединения «Единство» (на тот момент лидер — Сергей Шойгу), «Отечество» (лидер — Юрий Лужков) и «Вся Россия» (Минтимер Шаймиев). Новое объединение получило название Всероссийская политическая партия «Единство и Отечество — Единая Россия».

«Председателем генсовета Партии стал Александр Беспалов, а сопредседателями Высшего партийного совета — лидеры объединяющихся организаций — Шойгу, Лужков и Шаймиев. Первый съезд партии „Единство и Отечество — Единая Россия” состоялся 20.11.2002, где полномочия А.Беспалова были серьезно урезаны, а практическое руководство Партией было передано министру внутренних дел Борису Грызлову, который занял пост председателя высшего совета. 27.02.2003 Беспалов покинул свой пост, а его место занял Валерий Богомолов. На втором съезде 29.03.2003 Партия утвердила манифест „Путь национального успеха” и приняла решение о разработке предвыборной программы для выборов в Госдуму IV созыва. 24.12.2003 состоялся IV съезд, на котором было принято решение о переименовании партии „Единство и Отечество — Единая Россия” в партию „Единая Россия”. На этом же съезде была одобрена кандидатура Владимира Путина на пост Президента РФ в предстоящих выборах» (<http://izbiraem.ru/party/s/34>).

3. Первые шаги консервативной группировки. Война, централизация и «зачистка». «Консервативная революция» и смена олигархов — от либералов к консерваторам. Консервативный «антиолигархизм». Березовский, Гусинский.

Как известно, приходу к власти В.Путина и его группы сопутствовал ряд странных событий, в частности, взрывы домов на Каширском шоссе в сентябре 1999 г. (*Об этом* Господин Гексоген. А.Проханова; ФСБ взрывает Россию. А.Литвиненко; Петля Путина. А.Костина, с. 90—100 и др.)

Что означали данные взрывы? Кто их произвел? Идет ли речь о действиях российских силовиков, или же некоторой «группы сопровождения»

(а может и внешних сил)? Эти вопросы до сих пор остаются запутанными (разбор некоторых версий см. http://ru.wikipedia.org/wiki/Взрывы_жилых_домов_в_России).

Ряд авторов, в том числе и А.Костин высказывают мнение, что взрывы в Буйнакске и Рязани с большой долей вероятности были связаны с действиями ФСБ (см. А.Костин. Петля Путина. Разбор полетов за 10 лет. — М.: Алгоритм, 2010, с. 90–97). Правда остается неясным, о каких группировках (кланах) ФСБ идет речь?

Первый год после занятия В.Путиным места президента произошел ряд и других дестабилизирующих акций, включая теракты на Кавказе и попытки сепаратистских группировок вторгнуться в Дагестан. Можно отметить, что ответы путинской команды на эти террористические вызовы были более жесткими и эффективными, чем команды ельцинской.

Столкнувшись с необходимостью ведения войны в Дагестане, путинское руководство было втянуто во вторую чеченскую войну, в которой данное руководство показало большую эффективность, чем группировка ельцинская, включавшая «консерваторов» типа Коржакова. Успех новой путинской элиты в Дагестане позволил стабилизировать ранее явно выходявшую из-под контроля ситуацию на Кавказе.

Важный этап стабилизации в Чечне был связан с А.Кадыровым. В 2003 г. была принята конституция Чечни.

Однако уже с весны 2000 г. в России начались «дестабилизирующие» акции — прежде всего различные акты террора.

В марте 2000 г. в авиакатастрофе погиб известный журналист Артем Боровик, в июне — в катастрофе вертолета — известный врач и политик (депутат Госдумы и создатель партии «Самоуправление трудящихся») Святослав Федоров. 12 августа 2000 г. произошел взрыв на подводной лодке «Курск», ставший серьезным вызовом команде нового президента.

Освещение этого происшествия основными массовыми средствами того периода, в первую очередь главными телевизионными каналами, вызвало неудовольствие путинской команды. (Критиковались недостаточно быстрое возвращение Путина из отпуска и не вполне эффективные действия по спасению экипажа.) Это стало поводом для существенных перемен в контроле над основными телевизионными каналами. Началась так называемая борьба с «олигархами» — крупными бизнесменами ельцинской эпохи, как правило праволиберальных взглядов, в том числе и контролировавшими телевидение Б.Березовским и В.Гусинским.

Эта борьба имела ряд аспектов. Одним был момент централизации, работавший на новое путинское руководство. Другой стороной кампании против олигархов были черты консервативного спектакля, призванного прикрыть начавшуюся указанными акциями переделку собственности в постсоветской России — захват собственности правых ельцинских либералов правыми путинскими консерваторами.

Пропагандистское (антилиберальное) прикрытие кампании подогрело надежды населения, что имущество олигархов будет возвращено государству. Реально, однако, начатая жесткими административными мерами консервативная переделка собственности отличалась явным лукавством, характерным для «консервативной революции» в целом.

Отнимаемая у плохих олигархов собственность оставалась частной, но передаваясь «своим» фигурам, приближенным к новой «консервативной» (в основном силовой) группировке и готовым выполнять ее предписания. Кроме того, указанная кампания, направленная против наиболее известных олигархов ельцинской эпохи с «пятым пунктом», имела черты национал-патриотического «русского переворота» с соответствующим подтекстом. Данная (носящая черты консервативного спектакля) кампания постепенно превратилась в «мыльную оперу» первых лет путинского правления в трех сериях: Березовский, Гусинский, Ходорковский.

Первым актом антиолигархической кампании стали действия против Владимира Гусинского. Реально эти действия имели определенную двусмысленность в силу «пропримаковских» симпатий Гусинского. В. Гусинский смог усилить свое влияние, оказавшись умелым организатором телевидения. Он содействовал победе Ельцина на выборах 1996 г. В 1999 г. поддерживал блок Лужкова-Примакова.

Первое нападение на группировку «Мост» В. Гусинского было проведено еще в 1994 г. консерватором (национал-патриотом), организатором расстрела Белого дома и виновником провальной политики России в Чечне Александром Коржаковым (История с Мост-банком глазами ее инициаторов, <http://www.specnaz.ru/archive/06.2000/13.htm>).

В июне 2000 г. Владимир Гусинский был арестован. Внешним поводом репрессий против «олигарха» было «либеральное» освещение подконтрольными ему СМИ событий в Чечне и взрывов в Москве рубежа 2000 г., а также ситуации вокруг подлодки «Курск». Более важной причиной, однако, можно скорее считать стремление путинской группировки установить контроль над средствами массовой информации и отобрать таковые у прежних собственников и силовиков, стоявших за рядом ельцинских олигархов. В. Гусинский, в частности (как и связанный с ним Ф. Бобков), поддерживал не правонационалистический, но скорее левоцентристский блок Лужкова-Примакова.

Как сообщалось, «генпрокуратура заинтересовалась холдингом „Медиа-Мост“ в начале 2000 г.». В июле Гусинский дал необходимые обещания о продаже СМИ, был освобожден под подписку о невыезде и уехал в Испанию. Вначале он отказывался продавать принадлежащие ему компании НТВ, ТНТ, Эхо Москвы, затем был вынужден согласиться. Находясь в Бутырской тюрьме, медиамагнат, по его собственным словам, подписал соглашение о продаже акций холдинга в обмен на освобождение из-под стражи и прекращение уголовного дела. Дело было закрыто. Бывший арестант улетел в

Испанию, где сразу заявил, что не будет ничего продавать, так как бумаги подписал под давлением». После продажи получил возможность возвращения в Россию (что и сделал в ноябре 2002 г.), затем все же покинул страну (<http://www.specnaz.ru/archive/06.2000/13.htm>).

«В ноябре 2002 г. именитый клиент Генпрокуратуры – Владимир Гусинский без проблем вернулся из почти двухлетней эмиграции и обосновался в своем подмосковном коттедже на Рублево-Успенском шоссе. Не исключено, что гарантии сравнительно безопасного пребывания на родине опальный олигарх получил после того, как продал Газпрому оставшиеся у него акции НТВ, ТНТ, „Эха Москвы” и прочих компаний, ранее принадлежавших „Медиа-Мосту”. Полностью утратив контроль над крупнейшей российской медиаимперией, Гусинский перестал быть угрозой для Кремля, у которого появилась возможность закрыть периодически осложняющую российско-американскую дружбу тему „гонений на свободу слова”» (<http://www.perefid.ru/index.php?categories=186&articles=1278>).

Второй серией антиолигархической оперы стала история с экспроприацией бизнес-структур, в первую очередь телевизионных, Бориса Березовского. Березовский поддержал выборную кампанию Путина, но протестовал против ряда акций начала 2000 г. – централизации, действий против Гусинского и проч. На санкции против Березовского фактически «дал добро» Борис Ельцин, еще раньше (до начала президентского срока Путина) «разочарованный» в нем в связи с событиями вокруг компании «Аэрофлот» и первого телевизионного канала. К 2000 г. у Березовского оставалась уже лишь часть акций ОРТ. История с освещением ситуации вокруг подлодки «Курск» была использована для давления на скандального бизнесмена с целью изъятия у него оставшихся акций телеканала. В 2000 г., опасаясь репрессий, Березовский продал большую часть акций первого канала и остался за границей. ОРТ вместе с контрольным пакетом акций перешел под контроль путинской группировки.

«Борьба с олигархами» развернулась таким образом прежде всего в сфере средств массовой информации (в первую очередь телевидения) и привела к установлению контроля консервативных сил над главными телевизионными каналами.

С одной стороны данные акции отражали необходимость централизации и укрепления новой властной группировки. При этом указанные «антиолигархические» акции имели, как уже отмечалось, черты консервативной двойственности и консервативного спектакля. Важную роль в этом спектакле и в консервативном дискурсе в целом играла фигура Бориса Березовского. Березовский стал специфическим *enfant terrible* русского консерватизма и жупелом консервативной пропаганды. В этом качестве – объекта правототалитарной по своему происхождению «двухминутки ненависти» (Оруэлл, 1984) – Березовский заменил фигуру Троцкого в консервативном советском дискурсе. Если бы Березовского не было, консерваторам следовало бы его

выдумать. Очевидно пропагандистское раскручивание Березовского как знаковой фигуры консервативного дискурса в России, вплоть до его смерти в марте 2013 г. (эта смерть требует отдельного анализа, см. Какие спецслужбы убили Березовского? 12.06.13, <http://baltija.eu/news/read/31674>).

Анализ первоисточников политических сил, внедряющих данный дискурс в постсоветской (как и заметим советской России) в современной левой идеологии должен быть иным, чем анализ такового в правой (как правоконсервативной, так и праволиберальной) идеологии.

Праволиберальная идеология в России видит в качестве источника сил, внедряющих радикальный консерватизм в России, некие глубинные группировки КГБ. Это верно только отчасти. Как мы доказываем, за радикально-консервативными группировками в советских спецслужбах, особенно явно заявившими о себе после сталинского террора, могли стоять (а как мы доказываем, и реально стояли) внешние силы, поддерживавшие антибольшевистскую Русскую партию в СССР (см. предыдущие главы).

Помимо указанных заинтересованных в консервативной пропаганде в России важных внутренних и внешних политических игроков нельзя не отметить также наивности самих объектов манипуляции — в частности, того же Березовского — успешного бизнесмена, но весьма слабого политика. Он позволил сделать себя футбольным мячом консервативной идеологии и политической практики, с гиканьем гонявшимся «консерваторами» из угла в угол российского политического поля. Консерваторы (и нацистская закулиса) воспользовались промахами Березовского и непониманием им сути происходящего в полной мере.

Все действия Березовского в острый период конца 1990-х гг. и начала 2000-х оказывались провальными. Будучи приближен к Ельцину, он помогал Проханову (давал деньги на газету «Завтра»). Он же, действуя против группировки Лужкова-Примакова, помог прийти к власти путинской группировке, жертвой которой затем сам и стал. Злоключения Березовского продолжались и далее, вплоть до трагической истории с А.Литвиненко. Можно утверждать, что многими своими действиями опальный бизнесмен подыгрывал консерватизму, нуждавшемуся в подобных фигурах для поддержки своей концепции инородческих (прежде всего «еврейских») олигархов. После 2006 г. роль Березовского пытались передать более осторожному Роману Абрамовичу.

4. Дело «Юкоса» (М.Ходорковского): возвращение собственности государству или «грабеж награбленного»? Антиолигархическая риторика и реальная практика. Почему американцы «сдали» хорошего Ходорковского «плохому» Путину.

Третьей серией «антиолигархического» консервативного сериала начала «нулевых» стало дело «Юкоса».

С самого начала это дело имело странный и в ряде аспектов провокационный характер. Его результатом стал разгром компании «Юкос», посадка его главного собственника Михаила Ходорковского и близких к нему лиц.

Начавшееся в 2003–2004 г. дело «Юкоса» включало целую серию акций против деятелей компании, вплоть до судебного скандала 2010 г. и досрочного освобождения Ходорковского в конце 2013 г.

Идеологическим прикрытием акций против «Юкоса» стала риторика о ренационализации компании. Однако, как и в других случаях, речь, по сути дела, шла вовсе не о ренационализации (что предлагали левые и левоцентристские группировки), а о замене одних частных собственников на других, принадлежавших к консервативной элите.

Как и дела против Гусинского и Березовского, дело «Юкоса» имело характерные черты консервативного спектакля, типичного для радикально-шовинистической закулисы в России. Консервативная закулиса очевидно потратила немало сил на создание конфликта Ходорковского и Путина, противопоставление главы «Юкоса» Путину, как якобы потенциального оппозиционного политика и даже «кандидата в президенты» (Lenta.ru, <http://lenta.ru/russia/2003/09/03/gp/>). Определенные поводы для таких трактовок подал рядом своих действий и сам Ходорковский. Однако политические амбиции Ходорковского были явно преувеличены консервативными политтехнологами, стоявшими за данным делом. Следовало разобраться и в иных, использовавшихся против Ходорковского обвинениях, в частности в совершенных его представителями (например, А.Пичугин) убийствах.

О явно провокаторских чертах дела «Юкоса» говорит активное участие в этом деле такой фигуры, как Станислав Белковский — автор доноса на «заговор олигархов», изложенного в форме доклада в совете по нац. Стратегии в 2003 г. Первый доклад Белковского 2003 г., посвященный опасности так называемого «олигархического переворота» в России, содержал характерные «красивости», включая сравнения с венецианской республикой и публиковался от имени Совета по национальной стратегии. Однако, как стало известно, основная часть участников указанного совета была ознакомлена с другим (более умеренным) текстом доклада и поддержала именно его. Произошел скандал. Часть политологов — участников совета (М.Урнов и др.) попыталась отмежеваться от доклада и заявила о втягивании их в «информационную войну», часть поддержала новую версию доклада Белковского, позже опубликованного под названием «Государство и олигархия». Выкладки доклада сыграли важную роль в консервативной риторике не только первого, но и второго путинского срока (http://www.compromat.ru/page_25002.htm).

Сомнительной и скандальной следует считать саму личность разоблачителя «олигархического заговора» Станислава Белковского. В 2003 г. Белковский выступил как «честный консерватор» и «пропутинский государственный», якобы озабоченный интересами страны, которой угрожали «олигархи». Однако после 2005 г. он (как это характерно для деятелей, манипулируемой шовинистической закулисой в России) резко поменял имидж — стал столь же ярым «оппозиционером» Путину. С тех пор он (как позже связанный с

ним А.Навальный) пытался соединить с одной стороны «антикремлевские» (и радикально-консервативные) группировки националистов, с другой – «другую Россию». В своем новом виде Белковский написал ряд книг уже против Путина («Бизнес Путина» и проч.). «Озлобленный политтехнолог» менял идеи как перчатки, показывая полную идеологическую неразборчивость и в конце концов оказался православным монархистом (см. http://www.compromat.ru/page_21165.htm).

Многokrратно подтвержденный провокаторский имидж Белковского заставляет рассматривать его заявления по поводу Ходорковского, в первую очередь доклад 2003 г., как провокацию. В таковой была заинтересована радикально-консервативная (нацистская) закулиса в России, а возможно, и внешние силы влияния на данную закулису.

В январе 2004 г. Станислав Белковский обнародовал новый донос на Михаила Ходорковского, в котором обвинения приобрели еще более глобальный и даже международный характер. Согласно новому доносу Белковского, Ходорковский якобы собирался «прийти к власти» и организовать «полное ядерное разоружение России» (http://www.vslux.ru/article_forprint.phtml?id=2857). При этом выяснилось, что в кампании против опального бизнесмена заинтересованы некоторые весьма влиятельные силы.

Кто стоял за «делом» Ходорковского?

Попытки привязать к данному делу Б.Березовского, пострадавшего сходным образом и уже покинувшего ко времени дела «Юкоса» Россию малоубедительны (http://www.compromat.ru/page_13414.htm). Очевидно, что скандальный бизнесмен сам являлся объектом манипуляции некоторых более серьезных игроков. Известный политолог Глеб Павловский в качестве ближайшей заинтересованной в разгроме «Юкоса» силы уже в ходе событий указал на консервативную группировку силовиков, которую Павловский определил как «оппозиционное курсу президента меньшинство». В число участников группы, по Павловскому, входили сотрудники Администрации президента Игорь Сечин и Виктор Иванов, глава Межпромбанка Сергей Пугачев, президент Роснефти Сергей Богданчиков, генеральный прокурор Владимир Устинов, министр по налогам и сборам Геннадий Букаев и заместитель директора ФСБ Юрий Заостровцев. (Г.Павловский. О негативных последствиях «летнего наступления» оппозиционного курсу Президента РФ меньшинства. – «Русский журнал», 3.09.2003.) Очевидно речь идет о правонационалистической («консервативной») группировке в спецслужбах, которая по мнению ряда обозревателей (в том числе и Павловского) и инициировала дело «Юкоса». Возможно она же финансировала также и С.Белковского.

Стоявшая за делом «Юкоса» консервативная группировка в спецслужбах, очевидно, продолжала дело клана Коржакова, с начала 1990-х гг. борového с силовиками «левого» (советского) образца (Ф.Бобков и др.), а также предшествующей коржаковцам правонационалистической группировки

«Русская партия». Как и в случае с Ф.Бобковым, входившим в команду Гусинского, вместе с Михаилом Ходорковским атаке подвергся силовик (бывший генерал КГБ) А.Кандауров, входивший в его команду. Было организовано судебное дело против главы отдела внутренней экономической безопасности «Юкоса» Алексея Пичугина, который обвинялся в ряде убийств и покушений якобы по указанию М.Ходорковского (<http://khodorkovsky.ru/mbk/10years/video/186.html>). Многие обозреватели считают обвинения против Пичугина сфабрированными.

Помимо явного участия в деле «Юкоса» «консервативных» силовиков, есть факты, позволяющие отметить роль в нем также и серьезных внешних игроков. Поводом для ареста Ходорковского стали якобы его попытки продать западным фирмам значительный пакет своей нефтяной собственности, а в дальнейшем и история так называемого «ядерного разоружения». Между тем распространенная информация о попытках М.Ходорковского продать значительную часть своей нефтяной собственности не имеет достаточного подтверждения. По сообщению непосредственных участников переговоров, в апреле 2003 г. Ходорковский сам информировал Путина о планируемых сделках и в апреле 2003 г. получил от президента «добро» на них (см. М.Сиксмит. Путин и дело «Юкоса». — М.: Питер 2011, с. 142). Однако ход последующих переговоров Ходорковского с западными партнерами уже вызвал неудовольствие Путина, причем вся информация о «конфиденциальных» переговорах с западными партнерами моментально оказывалась у путинских «силовиков» (там же, с. 142–143).

Другим важным поводом нападения на Ходорковского «оппозиционного курсу президента меньшинства» и его ареста стали некие (не мифические ли?) планы бизнесмена по «разоружению России». Обвинение в этом содержал новый доклад того же замеченного в провокаторстве идеолога С.Белковского под красивым названием «Трагедия Путина». Небезинтересным моментом доклада Белковского можно считать сообщение, что о планах Ходорковского по поводу разоружения России и соответствующих его предложениях американской стороне Путину сообщили... *сами американцы* (!) Это сообщение представителей американской администрации (Кондолизы Райс, советника по национальной безопасности президента США) Путину и стало непосредственным поводом к аресту Ходорковского вскоре после его визита в США (<http://rusk.ru/newsdata.php?idar=150140>). Белковский объяснял явную странность американской помощи Путину тем, что «предложение Ходорковского показалось американцам чересчур авантюрным, и они поспешили поставить о нем в известность президента России Владимира Путина» (<http://lenta.ru/russia/2004/01/19/khodorkovsky/>).

В прессе данная история, названная «сделкой тысячелетия», освещалась следующим образом.

«По сведениям бывшего гендиректора СНС Станислава Белковского, бывший глава НК „ЮКОС“ Михаил Ходорковский в ходе своей поездки в

США в 2003 году в беседе с помощником Джорджа Буша по национальной безопасности Кондолизой Райс заявил, что собирается прийти к формальной политической власти в России и после этого готов пойти на полное ядерное разоружение России... Ходорковский, в частности, намеревался при поддержке своих сторонников занять пост премьер-министра страны, утверждает Белковский. Сделка с США по поводу ядерного оружия России – Белковский называет ее „сделкой тысячелетия” – стала бы источником значительного обогащения как для самого олигарха, так и для стоящих за ним сил.

Станислав Белковский называет примерные цифры: на программу утилизации ядерного оружия (включая переработку оружейного плутония) Ходорковский мог бы получить 50–60 миллиардов долларов США. Еще 100 миллиардов (в денежной и неденежной форме) акционеры „ЮКОСа” рассчитывали выручить за организационные услуги, всенародную пропагандистскую кампанию и, как сказано в докладе Белковского, „самое символически важное действие – подтверждение неизбежности конца истории по-вашиingtonски”.

Однако, заметим еще раз, по сведениям автора доклада предложение Ходорковского показалось американцам «чересчур авантюрным», и они поспешили поставить о нем в известность (!) президента России Владимира Путина.

25 октября 2003 года тогда еще глава «ЮКОСа» Михаил Ходорковский вернулся в Россию. В аэропорту Новосибирска он был взят под стражу и доставлен в Москву, где следователи Генпрокуратуры предъявили ему обвинения по семи статьям Уголовного кодекса, в том числе по фактам мошенничества и уклонения от уплаты налогов. После этого суд трижды продлевал олигарху досудебный срок содержания в тюрьме. 3 ноября Ходорковский официально сложил с себя полномочия председателя правления «ЮКОСа» (<http://bin.com.ua/32746-.html>).

Сообщение Белковского о том, что информацию о «далеко идущих» планах М.Ходорковского Путину *сообщили сами американцы* (по-видимому, соответствующее реальности) вызывает весьма серьезные вопросы. Ведь если Ходорковский хотел на самом деле услужить США, зачем американцам было сдавать своего потенциального союзника «плохому» Путину? Неизбежен вопрос – не были ли США заинтересованы в скандале вокруг «Юкоса» и сознательно «сдали» Ходорковского Путину?

Обнародованные Белковским факты заставляют внимательно проанализировать возможную замешанность в дело «Юкоса» американских государственных структур. Есть основания предполагать, что акция против «Юкоса», как и иные акции по формированию консервативной группировки вокруг Путина могли иметь не только внутреннее, но и внешнее происхождение. Дело «Юкоса» может пониматься в этой связи как (возможно, также и внешняя) акция для «подбадривания» консерватизма в России и насаждении под этим идеологическим прикрытием в России *подконтрольных правонационалистических группировок*.

Очевидно также, что делом «Юкоса» и Ходорковского путинской группировкой (а также — возможно и поддерживающими ее силами) фактически закладывалась серьезная политическая и идеологическая мина под режим самого Путина. Впоследствии, вплоть до 2013 г. (освобождения Ходорковского), данное дело превратилось в долгоиграющую мыльную оперу, ставшую не столько «победой» путинских консерваторов, сколько одним из рычагов «раскачивания» их режима. В июле 2014 г. гаагский суд вынес постановление, согласно которому РФ обязывалась выплатить бывшим акционерам «Юкоса» 50 млрд. долларов (<http://www.openufa.com/2013-12-25-23-34-59/1041-ucos>).

Дело «Юкоса» показало идеологическое и экономическое лукавство консервативных антиолигархических акций. Оно вызвало так же и конфликт В.Путина с Борисом Ельциным, который выразил свое отрицательное отношение к данному делу.

Указанное дело, как и иные антиолигархические акции того периода, имело черты «консервативной революции» и консервативного спектакля, в котором могли участвовать не только внутренние силы, но и силы внешние. Те, кто под консервативно-шовинистическим идеологическим прикрытием продолжил насаждение в постсоветской России манипулируемых консервативных (в особенности радикальных) группировок.

5. Итоги консервативных антиолигархических кампаний начала «нулевых» годов. Начало формирования консервативной элиты и уход «либералов».

Подводя общий итог антиолигархическим кампаниям первого президентского срока В.Путина, следует отметить ряд их парадоксальных и двусмысленных моментов. Во-первых, вопрос о «справедливости» действий против «олигархов» мог бы стоять, если бы речь шла о возвращении бывшей госсобственности государству. Однако значительная часть этой собственности, как уже отмечалось, досталась просто другим участниками — на этот раз «консервативным» и связанным непосредственно с силовой группировкой Путина. Это дает возможность дать реальную оценку антиолигархической риторике того времени. Акции против ельцинских «либеральных» олигархов реально вели не к устранению «олигархизма», но перемене состава олигархов — к созданию группы олигархов «консервативных» — силовых.

Во-вторых, антиолигархические дела имели характерный для «консервативной» группировки и далее скандально-репрессивный стиль бюрократических «расправ» с опальными фигурами. (Продолжавшийся вплоть до истории Ю.Лужкова в 2011 г.) Против опальных фигур в консервативной России (включая и, как бы, «своего» Лужкова) стали применяться методы борьбы «на уничтожение», в результате чего они с основной частью своих капиталов, как правило, были вынуждены спасаться за границу.

Уже с первых своих дел олигархи-силовики правоконсервативного образца активно применяли для захвата и перераспределения собственности

административно-силовые методы. При них началось и в течение более десятилетия продолжалось силовое рейдерство, то есть насильственный захват чужой собственности, не получившее достаточного осуждения вплоть до третьего президентского срока В.Путина. Примерами такого рейдерства в крупном варианте фактически были описанные «антиолигархические кампании». Примером более мелкого рейдерства может быть деятельность А.Глуховского, арестованного в Таиланде в 2011 г. по обвинению в рейдерском захвате около 100 предприятий и отпущенного на свободу из-за нежелания российских официальных лиц поддержать обвинения против него (<http://rospress.com/government/9343/?print=Y>).

В-третьих, данные кампании содержали явные черты консервативного спектакля, направленного не только на поддержку путинской консервативной группировки, но также и компрометировавшего ее. Внешние, как будто «социалистические», черты («перераспределения награбленного») все более явно заменялись национал-социалистическими тенденциями правого толка, усилившимися консервативными пропагандистами с явной целью подбадривания правонациональных сил. Ряд антилиберальных мотивов радикального консерватизма (нацистской закулисы) повторяли консервативные клише еще советского (даже сталинского) периода «с переходом на пятый пункт» (выражение Р.Рывкиной по поводу статей А.Ципко), например, дела против космополитов и иных, описанных, например, певцом радикального консерватизма А.Байгушевым. Присутствие в консервативных акциях фигур типа С.Белковского придавало им очевидные провокаторские черты, напоминающие еще дореволюционные шовинистические сценарии радикального консерватизма.

Не были ли в указанных действиях заметен почерк описанной А.Байгушевым в СССР консервативной закулисы, которая могла иметь не только внутригосударственные источники? Тема «борьбы с олигархами» в варианте начала 2000-х гг. стала важной составной частью консервативной риторики этого периода — борьбы с ельцинизмом и либерализмом.

Какие фигуры занимались «экспроприацией» либералов?

На первом плане присутствовали не лишённые явных провокаторских черт консервативные обличители типа «православного монархиста» С.Белковского. Характерно, что данный достойный последователь консервативных традиций Русской партии А.Байгушева и др. спустя несколько лет начал использовать эту же риторику уже... против самого В.Путина. Он же оказался в 2007 г. организатором проекта «Народ», с которым был связан и будущий известный оппозиционер А.Навальный.

Характерны также и фигуры борцов с олигархами «второго плана», например, «православного банкира» Сергея Пугачева. Таковая не сильно отличалась от постоянно выставляемых напоказ в консервативной пропаганде олигархов-либералов, но осталась в тени и избежала не прекраща-

ющегося пропагандистского шума вокруг фигур типа Березовского, Абрамовича и прочих.

Сергей Пугачев – крупный банкир и до 2011 г. сенатор (член Совета Федерации РФ) был тесно связан с консервативными «силовиками» и непосредственно с И.Сечиным. Он же был близким знакомым В.Путина в период его вице-мэрства. С.Пугачев получил прозвище «православный банкир» за аффилированную религиозность и связи с консервативным крылом руководства РПЦ. Будучи главой Межпромбанка и занимая ответственный пост в Совете Федерации, С.Пугачев принимал участие в экспроприации «Юкоса» и других действиях силовиков первого десятилетия путинского правления.

Интересно, однако, что заступивший на место плохих либералов «православный олигарх» сам оказался крупным коррупционером. В 2010 г. он был обвинен в масштабной коррупции и бежал с немалым состоянием (более миллиарда долларов) в «обычном направлении», то есть в Лондон (см. http://ru.wikipedia.org/wiki/Пугачёв,_Сергей_Викторович).

При этом понятно, что пугачевская история не получила в консервативной пропаганде такой же раскрутки, как «дела» либералов и олигархов типа Березовского и Ходорковского. Она, однако, показывает, какие фигуры конкретно занимались «экспроприацией» последних. Вопреки консервативной пропаганде очевидно, что правильный консерватор Пугачев отличался от плохих либералов только своим аффективным православием, воровал же никак не меньше (если не больше) чем пресловутый Березовский.

Специфической фигурой был и «частичный либерал» олигарх-силовик Александр Лебедев, также обвиняемый в вывозе из России также едва ли не миллиарда долларов (см. *Навальный против Путина или каких силовиков готовят на путинское место*. Rus.Postimees, 27.07.13, <http://rus.postimees.ee/1307300/navalnyj-protiv-putina-ili-kakih-silovikov-gotovjat-na-putinskoe-mesto>).

Консервативные «антиолигархические» акции начала путинского периода означали таким образом не устранение «олигархизма» как такового, но просто смену одних олигархов (плохих – «либеральных») на олигархов других – хороших и якобы «своих» – то есть силовых и консервативных. При этом ответ на вопрос, насколько силовая олигархия оказалась «лучше» ельцинской вовсе не однозначен.

Являются ли ее представители большими государственниками? Ельцинские олигархи появились извне номенклатуры и бывшей советской бюрократии. Олигархи консервативные часто принадлежали к номенклатуре, которая должна была взять реванш у демократов. Наряду с некоторыми успехами в укреплении государства ряд представителей силовой группировки, несмотря на свой правильный консерватизм, также весьма быстро обнаружил свою двойственность и своекорыстие. Сравнивая олигархию путинскую с ельцинской, многие обозреватели отмечали ее столь же острые коррупционные проблемы (например, А.Костин. Петля Путина. Разбор полетов за

10 лет. — М.: Алгоритм, 2010.), что сочеталось со значительно меньшей «прозрачностью» этой олигархии.

Кампании против «олигархов» и в целом бизнесменов ельцинского периода нанесла серьезный ущерб блоку консерваторов и правых либералов. Она положила начало «бегству либералов» из путинской команды — удалению и уходу из этой команды фигур, ранее связанных с ельцинской элитой и считавшихся «либералами».

После истории с «Юкосом» и Ходорковским свои посты в администрации президента Путина покинули А.Волошин (2003) и М.Касьянов (2004). Либералов заменяли «консерваторы». При этом как в течение первого президентского срока Путина, так и в дальнейшем при нем продолжала работать довольно большая группа правых либералов — прежде всего экономистов — А.Чубайс, Г.Греф, А.Илларионов, А.Кудрин (ушедший в отставку в 2011 г.). Одним из «последних либералов» еще и в 2012 г. назывался такой известный представитель путинской команды, как Владислав Сурков (оказавшийся с 2005 г. одновременно и идеологом путинского «консерватизма»). Также вопреки нарастающей консервативной риторике «либеральная» составляющая и в дальнейшем продолжала присутствовать как в идеологии, так и в структурах правящей группировки, в том числе и партии Единая Россия с ее либеральной платформой (В.Плигин), существовававшей с 2005 г. до последнего времени.

Одновременно с руководящих постов уходили и «нейтралы», а также представители левого направления, не согласные с активным выдвиганием «консерваторов».

6. Антиолигархические акции и радикальный консерватизм в России первого президентского срока Путина. Национальная революция 2003 г. Радикальный консерватизм — помощник или противник силовой путинской группировки?

Начатая в первый президентский срок В.Путина кампания против «олигархов» сопровождалась усилением в путинской России радикального консерватизма. Проявления такового усилились в это время как в идеологии, так и политике России. Начавшаяся активная атака на «либералов» сопровождалась небывалым вбросом текстов радикального консерватизма — правого национализма. Речь идет, например, о продукции национал-патриотических авторов от С.Семанова, О.Платонова, Г.Климова, А.Байгушева до Е.Холмогорова, связанных, в частности, с издательством «Алгоритм». Активизировались и политические группировки национал-радикализма, например, в партии Родина, ЛДПР и КПРФ.

Одним из элементов идеологической кампании радикального консерватизма стала активно разворачиваемая с 2003 г. в России программа «национальной революции». Последняя формулировалась консервативными радикалами типа Е.Холмогорова и И.Крылова, каковых поддержала также

«респектабельная» часть консерваторов, в частности Александр Ципко (статья 2003, а также сборник «Россию пора доверить русским». — М., 2003).

В своей статье февраля 2003 г. «Ждет ли Россию национальная революция?», поводом для которой послужила «антиправославная» выставка в музее Сахарова, А.Ципко выступил против либералов (они же «светские» круги), которых политолог обвинил не только в антиправославности, но также и в некоей «культурной революции» 1990-х годов. В этой связи Ципко приветствовал выступление против «либералов» владыки Кирилла (позднее патриарха), с которого, по мнению политолога, начинается «наша новая, на этот раз национальная революция».

«Эта начавшаяся *национальная революция*, — заявлял Ципко, — спровоцирована другой, „культурной” революцией начала девяностых, которая, напротив, была направлена на вытеснение из сознания людей, и прежде всего молодежи, всех признаков русскости, на забвение национальных побед, национальных героев, национально мыслящих политиков и деятелей культуры, науки» (<http://kp.ru/daily/22983/2037>).

Как цитируемая статья, так и сборник А.Ципко представляли собой образцы антилиберальной риторики, которая реально являлась натравливанием «титупной нации» (по выражению Ципко) в России на «антинациональных» по его мнению либералов. Эти работы Ципко стали своеобразной кульминацией правонациональной — консервативной идеологии и политики, своеобразной «песнью консервативного победителя».

Что касается содержания теории национальной революции, то как известно, данная теория была активно заявлена консерватизмом (правым национализмом) предвоенной Европы 1930-х гг., в частности немецким национал-социализмом — главным противником тогдашней советской России. Как уже указывалось, с идеей национальной революции выступал и реальный русский фашизм 1940-х гг. — в частности, харбинский национал-социалист К.Родзаевский, призвавший к «всесветному оздоровлению» — «новой национальной революции» (К.Родзаевский. Завещание русского фашиста. — М., 2001, с. 22).

Уже тогда, в первой трети XX века, например, в Германии 1930-х гг., марксисты и иные левые не называли эту «национальную» (она же консервативная) революцию иначе, как *контрреволюцией*. Между тем российские консерваторы начала XXI века рассматривают данную доктрину консерватизма как форму и способ необходимой современной России «национальной мобилизации» (термин Э.Юнгера, использовавшийся, например, Егором Холмогоровым, см. Русский националист. — М.: Европа, 2005).

Идеология и политика радикального консерватизма были связаны с консерватизмом респектабельным, но появившись, начали отделяться от последнего, становясь неким отдельным формированием, а подчас и идеологическим эталоном «консервативной» группировки. Радикальные консерваторы стали критиками респектабельного консерватизма (как и путинского

режима) с позиций некоего «русского идеала» (А.Байгушев, К.Крылов, Е.Холмогоров и прочие).

Выдвижение в путинской России (особенно активно в 2003–2005 гг.) национал-революционных группировок следует видимо рассматривать как кульминацию правого контроля в России, установленного в результате поражения горбачевской перестройки.

Необходимо внимательно анализировать идеологические, политические и экономические основы группировок радикального консерватизма.

В рамках начавшейся «консервативной» (она же национальная) революция усилились не только небольшие радикально-консервативные группировки типа «Национально-Державной партии России», лишенной регистрации в 2003 г. (а затем возрожденной в иных формах), но и сходные с ними образования в парламентских партиях Госдумы РФ.

Отношение официального «умеренного» консерватизма к консерватизму радикальному было противоречивым. С одной стороны данные группировки критиковались респектабельным консерватизмом и даже подвергались определенному административному нажиму. Однако одновременно некоторые из них рассматривались правоконсервативными путинскими идеологами как союзники. Так, например, респектабельные консерваторы Владислав Сурков и Глеб Павловский оказывали явную и недвусмысленную протекцию уже упоминавшемуся радикальному националисту, участнику «русских маршей» и поборнику «атомного православия» Егору Холмогорову, которого данные авторы не только рекламировали (Г.Павловский), но и прямо цитировали.

В 2005 г. в издательстве Европа (считавшемся официальным издательством Единой России) вышла книга Е.Холмогорова «Русский националист». Предисловие к ней написал Глеб Павловский, всячески рекомендовавший книгу «единороссовскому» издательству.

Скрытые цитаты из сочинений Холмогорова обнаруживаются в текстах такой важной фигуры путинской элиты вплоть до третьего срока Путина, как Владислав Сурков. Со сходными идеями правого национализма выступила и молодая поросль «новых правых» – например, протеже Павловского А.Чадаев («Конь Долбак»), известный рядом скандальных акций в духе Навального (например, против Э.Памфиловой).

Таким образом, официальная умеренно-консервативная Единая Россия в своих идеологических построениях опиралась и на идеологов радикального консерватизма.

В рамках консервативного поветрия явно активизировалась национал-патриотическая продукция на главных российских телеканалах и влиятельных информационных порталах, например, Регнум. В массовом порядке стали внедряться характерные консервативные пропагандистские схемы. В частности на ОРТ проводились телемосты с участием консерваторов – от С.Кургияна и А.Ципко до А.Проханова и Дугина. Показывались соответ-

ствующие фильмы, например, В.Шамбарова о Троцком, отождествляющие большевизм с троцкизмом и представляющим его «еврейской» идеологией, фильм о С.Есенине по сценарию В.Безрукова на основе более ранней версии В.Кузнецова (ОРТ, 2005 г.), опять-таки тиражирующими ксенофобскую («еврейскую») версию гибели поэта.

В России начала «нулевых» все указанные сюжеты, давно отработанные представителями «Русской партии» в СССР, получили новую жизнь и новое активное развитие. Они имели все уже известные ксенофобские радикально-консервативные черты, включая «еврейскую» (позднее – «кавказскую») картинку.

Одновременно начался бум радикально-консервативной книжной продукции, лидером которой стало издательство «Алгоритм» – своеобразный консервативный «Политиздат». Там печатались не только И.Шафаревич, но также первый публикатор в России «Майн Кампф» генерал В.Филатов и сходные с ним авторы. Активная деятельность данного издательства вплоть до настоящего времени показывают связь консервативного истеблишмента и умеренного консерватизма с консерватизмом радикальным.

Для обоих сортов консерватизма характерны, например, надежды на «сплывающий» национализм. *«Пока, – восклицает радикальный патриот Байгушев, – мы только молим Всевышнего о спасении. Даруй нам союз русского народа! Даруй нам сплывающий нацию русский национализм!»* (А. Байгушев. Русская партия внутри КПСС, с. 35). Эти надежды на национальное сплочение, соединенные у Байгушева с идеалистическо-черносотенными иллюзиями, поддерживали и консерваторы респектабельные. По сути эту же точку зрения («чем хуже, тем лучше») высказал и обозреватель портала Регнум М.Демурин, приветствовавший например, в 2006 г. приход в Эстонии явно антироссийского президента Ильвеса (вместо более умеренного А.Рюйтеля), поскольку жестко антироссийская политика Ильвеса, по мнению М.Демурина, в конце концов... поможет добиться «более высокой степени сплоченности нации... отказа от корпоративных интересов в пользу общенациональной выгоды» (<http://www.regnum.su/news/710288.html>, http://www.qwas.ru/russia/rodina/id_35255/).

Подобным надеждам на национальное сплочение консерваторы были готовы пожертвовать почти всем – прежде всего бывшим советским влиянием на постсоветском пространстве. Однако, увы, несмотря на достаточное количество «жертв», положительных результатов – «сплочения» нации и проч. добиться почему-то так и не удалось.

В связи с постоянной консервативной риторикой о внешней манипуляции «либералами» немаловажен вопрос: являются ли консервативные, прежде всего радикальные национал-революционные группировки чисто внутренним продуктом? Или же данные группировки выступают в качестве такого же орудия внешнего влияния и внешнего контроля над российским государством, как и группировки праволиберальные? То есть, попросту говоря, не являются ли правонациональные (национал-революционные) политические

и идеологические образования группировками *западного* (неоконсервативно-го) *контроля над Россией* и дестабилизации российского государства?

История правоконсервативных группировок в советской и постсоветской России с их идеологией национальной революции подтверждает это в полной мере. После 1917 г. эти группировки, включая идеологов и политиков образца НТС, а также фигур типа невозвращенца Григория Климова, имели явную внешнюю поддержку мирового правого истеблишмента, в чьих интересах оказывалось стимулирование радикального консерватизма в России. Не эти ли силы оказывали поддержку и пришедшим к власти в России в начале 2000 годов правонациональным группировкам силовой олигархии?

Связь российских консервативных группировок с внешними правоконсервативными структурами подтверждает странная, с точки зрения национальных интересов России, симпатия представителей указанных российских группировок к своим единомышленникам в постсоветском пространстве — главным противникам России на этом пространстве.

Характерны и странные дружественные отношения высших деятелей силовой элиты с прибалтийскими национал-радикалами. Так, в апреле (9 апреля) 2004 г. произошла встреча президента В.Путина с консерватором, в официальной риторике почему-то называвшимся «либералом», Мартом Лараром — одним из главных творцов антироссийской политики в Прибалтике и бывшем постсоветском пространстве (*см. далее*).

Известна связь с украинскими оранжевыми «антилибералов»-рогозинцев партии «Родина», непосредственно участвовавших в украинских событиях 2004 г. Стал известен и такой факт, как выступление в 2005 г. перед «нашими» на Селигере одного из бывших боевиков УНА-УНСО Дмитрия (Дмитро) Корчинского, перешедшего позже на сторону Януковича (27.09.2005, <http://forum-msk.org/material/news/3143.html>), но участвовавшего затем в провокациях на Евромайдане в конце 2013 г. и войне в Донбасе с 2014 г.

7. Радикальный консерватизм и политический террор. Перестройка политического пейзажа и перемены в средствах массовой информации. Выборы в Госдуму 2003 г. и победа консерваторов. Парламентская реформа «по Кургину». Становление «вертикали власти».

С подъемом радикального консерватизма был связан и политический террор. Волна политического террора началась с весны 2003 г. — одновременно с активизацией в России радикально-консервативных группировок. Она совпала и с акциями террора внешнего (например, теракт на Дубровке, Норд Ост — 2002 г.).

Главным объектом внутривнутриполитического террора первых лет правления консерваторов стали политики-демократы. Одним из наиболее известных терактов стало убийство в апреле 2003 г. лидера Либеральной России Сергея Юшенкова, успевшего зарегистрировать партию к предстоящим выборам. Данное убийство, произошедшее одновременно с делом «Юкоса», стало

прямым продолжением убийства Г.Старовойтовой (1998 г.). Теракт пытались свалить на Бориса Березовского, который в это время (а также и далее) обвинялся вообще во всем, происходившем в России. При этом есть признаки, что за данными террористическими акциями стояли игроки более серьезные. Перед нами акция активизировавшейся консервативной (по сути нацистской) закулисы, совершившей в консервативной России за 14 лет десятки терактов и действовавшей еще с советского периода. (Убийство П.Богатырева и др.)

В июле 2003 г. при невыясненных обстоятельствах умер известный журналист Юрий Щекочихин. Его смерть носила явные признаки отравления. Позже от отравления погибли А.Литвиненко и в значительной мере – Егор Гайдар. В ноябре 2003 г. был избит известный журналист – демократ левых взглядов Отто Лацис. В 2005 г. он погиб в результате ДТП. В июне 2004 г. был убит питерский противник радикальных националистов Николай Гиренко.

Еще раньше погибли другие «неконсервативные» журналисты и политики – от А.Боровика и С.Федорова (март–июнь 2000) до генерала А.Лебеда (апрель 2002). Гибель всех этих «демократов» в инцидентах, весьма напоминавшие теракты, не объяснялась и не была раскрыта российскими спецслужбами. Оставалось неясным, кто мог стоять за данными терактами, кто проводил их – внутрироссийские (очевидно «консервативные») группировки или некоторые внешние силы, имитирующие действия таковых?

Важно отметить антидемократический (антилиберальный) и «консервативный» характер террора против представителей российской интеллигенции, который совершался, как правило, под консервативными – правонационалистическими лозунгами. Данный террор напоминал террор, например, в Веймарской Германии, принуждавшейся к «консерватизму» в варианте национал-социализма в том числе и определенными внешними игроками. (См. Г.-Д. Препарата. Гитлер, Инс. Как Британия и США создавали Третий рейх. – М., 2007.)

Разрушение и прямое уничтожение культурного слоя постсоветской России происходило при прямом участии (или попустительстве) идеологов русского консерватизма и консервативной элиты. Отклики консерваторов (национал-патриотов) от Проханова до Байгушева и Ципко («Россию пора доверить русским») на убийства демократов фактически были едва ли не оправданием террора. Они ограничивались демагогией о «плохих демократах», которым, мол, «так и надо». (Пример – соображения А.Проханова по поводу убийства В.Листьева в романе «Господин Гексоген».)

Консервативный террор нанес тяжелый удар по культурному слою России. Погибшие фигуры по своему уровню трудно сравнить с такими, например, «хорошими консерваторами», как жириновцы или фигуры радикального консерватизма (включая Н.Кондратенко, А.Макашова и т.п.), ставших депутатами Госдумы 2003–2007 гг. и включенных в консервативный истеблишмент.

Как мы видим, таким образом, консервативная идеология как в умеренном, так и в радикальном ее варианте определила основные действия

путинской группировки в политике — прежде всего в формировании новой политической системы.

Положительная «государственническая» программа консерватизма строилась не только на жесткой и «тотальной» критике либерализма, но и на активном административном «задвигании», а подчас и прямом «истреблении» либерализма и либералов. Вместо замены правых либералов левоцентристскими фигурами практиковалась поддержка фигур правоконсервативного, в том числе и радикального толка. Иногда речь шла о прямой «охоте» на «либералов» и демократов, которые шельмовались как «антигосударственники». Не оправдывая правых либералов, зададим вопрос — насколько большими государственниками были противостоявшие указанным либералам правые консерваторы? Очевидно, что «государственность» таких из них, как либерал-демократы или партия «Родина» было достаточно проблематично. Это же можно, впрочем, сказать и о действиях самих единороссов.

Существенную роль в изменении политического режима в России сыграли перемены в средствах массовой информации, шедшие по «антилиберальному» и консервативному сценарию. В их числе были: перемена собственников ОРТ, закрытие НТВ, история с РенТВ. В результате изменений информационного поля создавался правоконсервативный истеблишмент в массовых средствах России.

Выборы в Госдуму декабря 2003 г. прошли по консервативному (кургибяновскому) сценарию. Согласно таковому следовало продвигать в Госдуму так называемых «патриотов» и партии так называемой «патриотической» и «прогосударственной» (то есть консервативной) ориентации и бороться с «либералами» и их партиями как силами «антигосударственными». По этому сценарию началось давление на «либералов» и поддержка партий консервативного направления.

Согласно «букве» консерватизма либералам в патриотизме как правило отказывалось. При этом консерваторы не задумывались о том, что патриотизм «консервативных» группировок далеко не бесспорен. Вскоре это стало очевидно на примере деятельности радикальных национал-патриотов в Госдуме России, в частности скандальной партии либерал-демократов Жириновского и «Родины».

В результате активных пропагандистских и административных усилий консервативного блока демократы — правые либералы потерпели на выборах в Госдуму 2003 г. серьезное поражение. «Интеллигентские» и демократические партии — СПС, Яблоко в Думу не попали. Не прошли и известные представители демократов — Б.Немцов, Г.Явлинский, И.Хакамада.

Потерпела поражение на выборах и партия «Яблоко». «Это не наше время, и ветер общественных настроений дует не в нашу сторону», — заметил по этому поводу один из лидеров партии Владимир Лукин. (Цит. по: Р.Медведев. В.Путин: третьего срока не будет? С. 39.)

В дальнейшем демократы попытались создать новые движения. И.Хакамада предложила партию «Наш выбор» (съезд состоялся в ноябре 2004 г.), затем попытались образоваться «Новые правые». Однако отсутствие поддержки истеблишмента (точнее действия консервативного истеблишмента против «либералов») определило серьезные проблемы праволиберального движения в течение последующего десятилетия.

На выборах победила Единая Россия, получившая 300 депутатских мест. Платформу единороссов характеризовал относительно «умеренный» консерватизм, хотя и с характерной антилиберальной риторикой. Она была направлена в основном против правых либералов, но затронувшей также и партии типа «Яблока».

Место либералов в Госдуме 2003–2007 гг. заняли радикальные консерваторы – в частности, из ЛДПР Жириновского и партия Родина. От ЛДПР в Думу прошел, например, радикальный националист Николай Курьянович, от Родины – Андрей Савельев. Им соответствовали и входившие в КПРФ Николай Кондратенко и Альберт Макашов. Общее количество радикальных национал-патриотов в Госдуме 2003–2007 гг. было однако значительно большим. Таким образом союзниками умеренного консерватизма Единой России стали представители радикального консерватизма. (То есть, согласно консервативной риторике, патриоты «черносотенного типа», тем не менее определявшиеся как «патриоты» – А.Ципко. *Россию пора доверить русским, 2003.*)

При этом, как уже отмечалось, патриотизм представителей радикального консерватизма, в частности партии Родина или либерал-демократов, вызывает существенные сомнения. «Либерал-демократы» Жириновского, например, сыграли немалую роль в деле «опускания» российской политики до уровня шовинистической клоунады. С рядом сомнительных акций, в том числе по подрыву путинской элиты (о чем ниже), была связана и радикально-консервативная партия «Родина».

Общий уровень как либерал-демократов, так и Родины вряд ли можно сравнить с уровнем либеральных партий (например, Яблока или Правого дела). При этом в силу своего «консерватизма» первые рассматривались как партии патриотического направления и союзники Единой России – в отличие от «демократов», которые подверглись жесткому административному давлению. Это давление было одной из немаловажных причин проигрыша демократов на выборах и дальнейшего выключения их из политики. Данная ситуация «антилиберального» прессинга сохранилась вплоть до выборов в Госдуму осени 2011 г.

На выборах 2003 г. потерпела поражение также и КПРФ, получив 12,7% голосов. В Госдуму прошли Г. Зюганов и В.Илюхин. Не прошли старые бойцы традиционного консерватизма (советского сталинизма) Е.Лигачев и В.Шандыбин (Р.Медведев. *Путин: третьего срока не будет?* с. 31). В данном поражении сказались как собственные ошибки, так и активная работа правых консерваторов против КПРФ.

Результаты выборов подтвердили изменение соотношения сил в консервативном блоке в пользу его правой части. В результате ослабления группировки советских традиционалистов (сталинистов) усилилась правоконсервативная группировка (правых националистов), то есть консерваторов по традиционному европейскому определению. Такое изменение показало, что развитие России этого периода шло по обычному сценарию стран европейского посткоммунизма — с постепенным оттеснением правых либералов консерваторами правого толка и нажимом на левые и левоцентристские группировки. Однако, вопреки консервативной риторике, это не дает основания говорить об ослаблении влияния Запада на российские политические процессы. Просто главными стали не праволиберальные, а правоконсервативные группы того же внешнего влияния. Во всех государствах посткоммунизма (от Прибалтики до Украины и Кавказа) консервативные партии правого толка курировались западными геополитическими игроками.

Победа национал-патриотических (консервативных) партий на выборах декабря 2003 г. в России с одной стороны была действительным результатом настроений населения, разочарованного в правлении правых либералов 1990-х гг. С другой стороны — результатом мощной антилиберальной (и антиинтеллигентской) пропаганды.

В политической системе новой консервативной группировкой усиливались элементы централизации. Уже в первый срок Путина начала оформляться консервативная «вертикаль власти», хотя более яркие проявления таковой стали заметны с начала второго срока с 2004 г. — после теракта в Беслане (см. *следующую главу*). Данная система власти имела ряд очевидно централистских, если не авторитарных элементов. В частности — назначение губернаторов вместо их выбора. Было положено начало оформлению достаточно жесткой, все более склоняющейся к авторитаризму политической структуры.

Перемены в этом направлении были противоречивыми. С одной стороны они шли под лозунгами укрепления государства и борьбы с «олигархами». С другой стороны — в борьбе с «антигосударственными либералами» зачастую устранялись реальные демократические достижения 1990-х в политике и идеологии (включая средства массовой информации).

Перемены поддерживались консервативными идеологами.

Характерна, в частности, концепция «суверенной демократии» Владислава Суркова (см. В. Сурков. Национализация будущего. Тексты 97-07. — М.: Европа, 2008, с. 43–59, также http://expert.ru/expert/2006/43/nacionalizaciya_buduschego/). По мнению ее авторов, данная концепция с одной стороны позволяла избежать упреков в имперстве, с другой — как будто давала возможность для реализации «национальных интересов» России. Только реально — давала ли?

Ряд политологов признает авторитарный характер российской политической системы при Путине. В то же время некоторые из них, например,

М.Делягин, рассматривали авторитаризм как едва ли не положительную черту Нового российского порядка.

Однако Россия уже проходила авторитаризм во многих вариантах. В этой связи уместно вспомнить старые сюжеты советско-российской политической мысли, в том числе и демократическую критику авторитаризма как монархического, так и левого — включая советский. Например, спор о «якобинстве» Народной воли в литературе советских историков-шестидесятников. (В.Твардовская, Г.Водолазов, Ю.Карякин-Е.Плимак и др.), которые критиковали советскую диктатуру (включая и послереволюционную), как систему власти «для народа», но не «посредством народа». После 2000 г. Россия сталкивается с новым авторитаризмом — на этот раз правым по своей идеологии и политике авторитаризмом силовой олигархии.

Чем этот правый авторитаризм был лучше авторитаризма советской партийной олигархии? Этот авторитаризм также оправдывался «сложившейся ситуацией», необходимостью удобств управления и проч. Однако, не создавали ли необоснованные проявления авторитаризма опасности отчуждения силовой олигархии от общества, нарастания элементов «олигархизма» (и своекорыстия) ее, а также опасности внешней манипуляции силовой элитой? Нельзя закрывать глаза на опасность эволюции силовой олигархии по меньшей мере в «своекорыстном», а в некоторых случаях (по большому счету) и в антинациональном направлении.

Наряду с либералами активному прессингу уже с первого президентского срока В.Путина подверглось и левое крыло российской политики.

В июле 2004 г. произошла попытка раскола в КПРФ. В.Тихонов, Г.Семигин, Т.Астраханкина создали ВКПб — компартию «будущего». О своей «независимости» от КПРФ объявила возглавляемая Семигиным коалиция НПСР — Народно-патриотический союз России. Раскололась и московская организация КПРФ, бывший лидер которой Александр Куваев вывез в неизвестном направлении редакционное оборудование газеты «Правда столицы». Из КПРФ вышел и губернатор Краснодарского края Александр Ткачев.

Как заметил Р.Медведев, попытки противников Зюганова вновь создать в России «партию авангардного ленинского типа, через сто лет после того, как такую партию создал у нас в стране В.И. Ленин», не могли иметь успеха. Но ущерб КПРФ был нанесен немалый. Выборы в областные и государственные законодательные собрания, которые прошли в октябре и ноябре в некоторых российских областях и республиках, показали рост левых настроений среди избирателей. Но по данным социологических опросов общее число российских избирателей, готовых поддержать именно Геннадия Зюганова и КПРФ, уменьшилось до 8—10%. (Р.Медведев. В.Путин: третьего срока не будет? С. 39—40.)

После острого конфликта между Михаилом Горбачевым и Константином Титовым фактически прекратила свое существование и Социал-демократическая партия России.

Ослабление сил левого и левоцентристского направления способствовало усилению в России группировок правого консерватизма, включая и радикальный.

В направлении правого, причем достаточно радикального, консерватизма эволюционировал блок «Родина». В нем в 2004 г. произошло несколько расколов. Окончательно разошлись Дмитрий Rogozin и Сергей Глазьев (фигура более левого направления). Самостоятельную «Объединенную народную партию» попытался создать Сергей Бабурин. Социологические опросы, проведенные фондом «Общественное мнение», показали устойчивое падение популярности всех лидеров избирательного блока «Родина».

Выступая вначале как союзник умеренного консерватизма Единой России и имея определенные левые (социал-консервативные) черты, партия «Родина» все более склонялась к радикальному правому консерватизму. Она становилась, таким образом, оппозицией умеренному консерватизму Единой России, подвергая его критике «справа», известной уже по идеологии так называемой Русской партии.

Путин и его политика стали объектом национал-патриотической критики в национал-радикальной прессе и книжной продукции «патриотического» направления, в частности, того же издательства «Алгоритм».

Указанная критика Путина и путинских силовиков ведется радикальными консерваторами со специфической стороны. Речь идет о критике остатков либеральной составляющей путинской политики с правонациональной консервативной (радикально-консервативной) стороны, также «либералов» в путинском окружении – Грефа, Зурабова и проч. С этих же позиций ведутся «наезды» на «либеральные» акции (монетизация льгот и проч.).

8. Экономический подъем и экономические противоречия начала 2000-х годов. Силовая олигархия и государственная собственность.

Первые годы консервативного правления были связаны с рядом успехов, ставших результатом стабилизации и «наведения порядка» – то есть рационализации управления государством. Многие иностранные менеджеры считали, что относительная эффективность кабинета М. Касьянова была в значительной мере связана с успешной работой таких вице-премьеров, как В. Матвиенко и В. Христенко, также вице-преьера Алексея Гордеева (Р. Медведев. В. Путин: третьего срока не будет? С. 62).

К началу 2004 г. удалось добиться существенного снижения темпов инфляции. В 1999 г. она составляла 36%; в 2001 – 18%; а в 2003 – 12%. Рост валового внутреннего продукта (ВВП) колебался, составив в 2003 г. 7%. России удалось выплатить 17 млрд. долларов по внешним долгам, а золотовалютные резервы Центрального банка достигли рекордного уровня за всю историю страны – 84 млрд. долларов. Помимо улучшения управления на это повлияла и относительно высокая цена на нефть. Ожидавшегося в связи с войной в Ираке паде-

ния цен на нефть (до 17,5 долл. за баррель) не произошло: она осталась на уровне 25 долларов (А.С. Барсенков, А.И. Вдовин. История России. 1917–2009. — М.: Аспект Пресс, 2010, <http://yourlib.net/content/view/3017/44>).

На экономические успехи первых сроков В.Путина, таким образом, положительно повлиял такой важный фактор, как рост цены на нефть, которая с начала нового века резко пошла вверх. Однако одновременно с этим резко пошли вверх и цифры доли сырья в российском экспорте. В 2005 г. они превысили 40%.

Очевидно также, что экономический подъем путинского периода опирался на ельцинские «либеральные» наработки. Консерваторы в экономике ничем серьезным не отличились. Либералы при Путине оставались у власти и при принятии основных экономических решений. При постоянной антилиберальной риторике (против Г.Грефа и проч.) либералы постоянно входили в «консервативное» правительство Путина. Отставка А.Кудрина состоялась только в октябре 2011 г. Безусловно сильным менеджером (при всем консервативном оплевывании) был и Анатолий Чубайс.

Несмотря на это, консервативный истеблишмент постоянно стимулировал агрессию против либералов. Пропагандистские атаки на либералов в течение всего консервативного периода создавали ощущение игры. Было похоже, что либералов на политических верхах держат как будто специально для того, чтобы свалить на них все возможные неудачи, тогда как «консерваторам» (выходящим «все в белом») отводилась роль постоянных спасителей.

Официальная концепция, строившаяся на критике либералов и доказывавшая государственничество консерваторов, имела немалые противоречия. Во-первых, несмотря на критику либералов, именно проводимые ими рыночные реформы создали основу последующей стабилизации и подъема России в путинский период. Во-вторых, что касается передела консерваторами собственности, то его результатом часто был переход таковой не столько государству, сколько в руки силовой олигархии и ее конкретных представителей. Далее, относительно консервативной организации промышленности, то в таковой сохранялись немалые странности. Как показывали в основном представители КПРФ, собственная российская промышленность строилась и восстанавливалась крайне противоречиво.

Это можно сказать и о так называемых «естественных монополиях». В 1990-е годы Газпром контролировал клан Вяхирева–Черномырдина. При Путине произошла резкая смена руководителей корпорации — во главе Газпрома стали А.Миллер и другие фигуры, включая будущего премьер-министра и президента РФ Д.Медведева.

Данные перемены трактовались как переход крупных естественных корпораций под контроль группировки «питерских силовиков». Уже к 2006 г. «силовики» контролировали полностью 10 государственных ведомств и еще несколько — частично. Им приписывалось также стремление взять под свой

контроль все ключевые пункты экономики (см. Путинская элита wiki). Газпром и Роснефть послужили группе «силовиков» плацдармами, используя которые они с 2004 года «перешли к активному захвату собственности у частных компаний» (там же).

Общая схема «борьбы со злоупотреблениями» проводилась (в уже описываемом консервативном варианте) в виде демонстративного, часто превеличенно жесткого, судебного наезда на жертву с ее последующей громкой посадкой или бегством. В результате фирма и финансовые средства жертвы переходили к силовикам, сама жертва или сажалась, или же ей с некоторой (часто немалой) частью денег удавалось скрыться за границу, как правило, в Лондон. Вначале данная схема была опробована на фигурах типа Ходорковского и Гусинского, дальше очередь дошла даже до Лужкова. Работала данная схема и по отношению к некоторым «консерваторам», что показывает пример беглого православного олигарха Сергея Пугачева, но без пропагандистского консервативного шума, как в случаях «наезда» на либералов.

Консервативные акции по переделу собственности трактовались как «наведение порядка» и едва ли не установление контроля государства над естественными монополиями. Однако в чьих реальных руках оказываются активы важнейших российских компаний, далеко неясно и до сих пор. Олигархический характер экономики таковым и остался, просто реальные субъекты присвоения национального достояния ушли в тень. Явным результатом «антилиберальных» дел, вроде «дела Юкоса» и иных вокруг «естественных монополий», стал переход контроля за фирмами, руководящими данными монополиями в руки консервативных, в том числе (что нельзя исключать, и манипулируемых извне) группировок.

Помимо крупных дел вроде «дела Юкоса» произошел ряд менее известных «историй», например, с «Сибуром» и Я.Голдовским, которые трактовались как возвращение активов Газпрому. История с Голдовским, арестованным прямо в приемной Алексея Миллера, произошла в 2002 г. «Проведя более полугодом в общей камере бутырской тюрьмы, Голдовский передал структурам «Газпрома» акции около десятка нефтехимических предприятий, ранее выведенных из-под контроля «Сибура». (Костин. Петля Путина... с. 189). В чьи руки перешли «возвращенные» предприятия и активы? Вокруг них происходила «непрозрачная игра». Примером таковой был также выкуп Сибнефти у Р.Абрамовича с сопутствующими данному выкупу странностями.

Ряд авторов давно говорит о коррупции консервативной элиты. М.Десягин заявлял даже о «бандитской пельменине силовой олигархии». (Десягин М. Возмездие на пороге. Революция в России. – М., 2007). О воровстве новой номенклатуры заявлял (до своего встраивания в консервативную элиту) и известный национал-патриот Д.Рогозин. (См. книгу «Враг Народа», в которой некоторые, как бы «левые» аргументы при недостатке фактов затенялись общей консервативной риторикой.)

Место советской и постсоветской номенклатуры заняла силовая корпорация. (См. Солдатов А., Бороган И. «Новое дворянство» Очерки истории ФСБ — М., 2011.) Роль таковой очевидно была неоднозначной. В ряде случаев силовая корпорация содействовала укреплению государства. Но очевидно и то, что ряд участников этой корпорации использовал свое положение для наживы (один из примеров — история с «тремя Китами», см. уже упоминавшееся письмо по этому поводу В.Черкесова). Виктор Черкесов обратил внимание на противоречивость превращения представителей силовой корпорации в бизнесменов. Такое превращение государственных чиновников (каковыми являются также и представители спецслужб) в демократической традиции, как правило, не поощряется, поскольку ведет к коррупции. Коррупция экономическая способна легко перейти в коррупцию политическую. Тех, кто предпочитает свои личные интересы государственным, как правило, можно подкупить не только по малым, но и по серьезным вопросам.

При консервативном правлении количество крупных собственников в России резко увеличилось и во много раз превысило количество таковых же при Ельцине. Достаточно показательна десятка миллиардеров в 2007 и 2010 годах, по количеству выросшая по сравнению с ельцинской в восемь раз.

Общий вывод — под властью силовой элиты олигархия остается, но она становится «своей» — подконтрольной. Целые группировки силовиков оказывались выведенными из-под критики. Эти оборотные стороны путинской политики проявились уже в первые годы правления силовой корпорации. В дальнейшем, усиливаясь, они не могли не вести консервативную политику к кризису.

9. Внешняя политика консерватизма первого путинского срока. Критика ельцинизма и реальные консервативные альтернативы. Консервативный провал 2003—2004 гг. в ближнем зарубежье. Оранжевые революции в Грузии и на Украине. Прибалтика и НАТО.

Серьезной проблемной точкой правой (консервативной) политики с первых путинских лет оставалась внешняя политика России — прежде всего ее политика в посткоммунистическом и постсоветском мире (в так называемом *ближнем зарубежье*).

Путинская группировка начала свою деятельность с критики либерализма в том числе и во внешней политике, стремясь противостоять «козыревской» внешней политике. Русский консерватизм объяснял поражения России в холодной войне и более ранние российские катастрофы прежде всего виной либерализма (в широком смысле как в правом «оранжевом», так и левом «горбачевском» варианте) и его подрывной деятельностью. Виновником развала СССР консерваторы объявляли целую плеяду российских демократов, включая «плохого Горбачева» и «ужасного Ельцина».

В противовес обвиняемым во всех грехах (в том числе и сдаче всего и вся внешним силам) демократам (они же либералы), а также их либеральной

идеологии как идеологии «сдачи» российских интересов, консервативная элита позиционировала себя как элиту «сопротивления» Новому мировому порядку. Путинские консерваторы отстаивали заявленную В.Сурковым концепцию «суверенной демократии», то есть следования России собственным национальным интересам.

Однако как обстояло дело в реальности? Какую альтернативу либерализму представил консерватизм и силовая элита во внешней политике России? Насколько эффективным было декларируемое сопротивление российской элиты Новому мировому порядку? Все ли группировки в российском руководстве и российской элите реально способны к такому сопротивлению?

Успехи путинской (консервативной) группировки во внешней политике в течение последующего периода были весьма относительными, а фактически во многом и мнимыми. Реально политика консервативной элиты продолжала политику правого либерализма, при которой черты зависимости от Нового мирового порядка вовсе не преодолевались, но сохранялись.

Продолжалось и отступление России из ближнего зарубежья. Именно в 2003–2004 г. произошел очередной весьма болезненный для России провал – «оранжевые» революции на Украине и в Грузии, приближение НАТО к границам России в Прибалтике.

Есть немало фактов, показывающих, что отступление России из бывшего постсоветского пространства, или попросту «сдача» ее позиций в странах ближнего зарубежья происходили не только под превосходящим давлением заинтересованных внешних игроков, но и при попустительстве, а иногда и прямой поддержке и активном участии некоторых внутренних российских группировок. Причем не только и не столько праволиберальных, но именно «консервативных», то есть по своим внешним заявлениям вполне патриотических и выступающих с позиций официального консерватизма.

Серьезным поражением России стала так называемая «революция роз» в Грузии в ноябре 2003 г., результатом которой было смещение Э.Шеварднадзе и приход к власти Михаила Саакашвили. Россия не противодействовала в достаточной мере такой перемене, в частности, по-видимому, ввиду жесткой критики Шеварднадзе консервативными группировками и журналистами (например, М.Леонтьев). Конфликту между Шеварднадзе и российским руководством также способствовали и покушения на грузинского президента, организованные, по мнению грузинской стороны, консервативными российскими деятелями, например, И.Георгадзе (<http://www.pravda.ru/news/world/24-05-1999/905160-0/>).

Провал консервативной российской элиты на Украине уже в начале «нулевых» годов выразился в ее неспособности предотвратить так называемую «оранжевую» революцию 2004 г. Российская элита не смогла поддержать в целом умеренного (и скорее пророссийского) Леонида Кучму, хотя и совершившего ряд ошибок накануне 2004 г., и сделала ставку на как будто

«более пророссийского» Виктора Януковича. Протест против победы Януковича и привел к «оранжевым» событиям 2004 г. В.Янукович опирался на крупный бизнес — так называемую «донецкую» группировку. Последняя имела «олигархический» характер и была связана в том числе и с целым рядом злоупотреблений, включая рейдерские захваты чужой собственности, что активно использовалось пропагандой Ющенко (сторонника «революции миллионеров» против «миллиардеров»).

Как для Кучмы, так и для Януковича было характерно невнимание к среднему жителю Украины, страдающему от неэффективных реформ, низкой зарплаты и безработицы, студентам (чья стипендия была ниже прожиточного минимума), а также малому и среднему бизнесу, на поддержку которых опирался Ющенко. В результате российская поддержка Януковича провалилась — победу одержал ставленник «оранжевых» Виктор Ющенко. Важно заметить при этом, что такие консерваторы, как якобы «патриотическая» парламентская партия «Родина» поддержала не Януковича, но именно Ющенко. В Киеве побывал Дмитрий Рогозин, который присутствовал на митинге «оранжевой» верхушки (<http://gallery.ykt.ru/photo/view/913156>, об этом см. К.Затулин. Зигзаги Рогозина опасны для России. 21.11.06, <http://www.nr2.ru/moskow/92805.html>), (оправдания самого Рогозина в этой связи см. <http://www.echo.msk.ru/programs/razvorot/555914-echo/>).

Активную «антиоранжевую» позицию заняла в 2004 г. левая партия (Прогрессивная социалистическая партия Украины ПСРУ) Н.Витренко, в отличие от близкой к КПРФ компартии Украины П.Симоненко. Последняя поддержала оранжевую коалицию как и в целом курс Украины на евроинтеграцию, голосовала за списание многомиллиардных долгов олигархов и т.п. (см. письмо В.Марченко Г.Зюганову, 11.02.12, <http://www.regnum.ru/news/polit/1498053.html>). Это однако не спасло КП Украины от жестких репрессий правого киевского режима после февральского переворота 2014 г.

Неэффективная политика российской консервативной элиты привела к победе на Украине в 2004–2005 гг. оранжевой верхушки, создавшей для России ряд стратегических проблем, таких, как например, «газовая» проблема (в том числе и транспортировки газа в Европу). В дальнейшем ставка российской политики на В.Януковича смогла решить весьма небольшую часть этих проблем. Противоречия поддержки консервативной элитой Януковича в полной мере проявились в украинском кризисе конца 2013 — начала 2014 г., реально приведшем к правому перевороту на Украине в конце февраля 2014 г.

Странно вела себя российская консервативная элита и в Прибалтике. Часть этой элиты доказывала, что Прибалтика для России «не интересна». Другая часть демонстрировала при этом дружеские отношения с праворадикальными (консервативными) прибалтийскими лидерами. В частности, в апреле 2004 г. на встречу с президентом Путиным был приглашен (как уже упоминалось ранее) один из главных представителей антироссийской

политики в ближнем зарубежье – эстонский консерватор и лидер партии Isamaa («Отечество») Март Лаар (Delfi, 12.04.04, <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/mart-laar-vstretilsya-s-putinym.d?id=7603580>). Как известно, М.Лаар был антироссийским участником целого ряда постсоветских конфликтов и советником главных антироссийских фигур в постсоветском пространстве, начиная с Чечни и заканчивая осетинским конфликтом 2008 г.

Почему правого эстонского националиста М.Лаара в 2004 г. пригласили к Путину? За этим угадывается консервативная платформа не только борьбы этнократов (национал-патриотических консерваторов) между собой, но и их единство. Речь идет о национал-патриотическом «интернационализме националистов» («вы националисты и мы националисты» и это «многое объясняет»).

Позже, в 2006 г. российские консерваторы, в частности «динамический» консерватор М.Демури́н на портале «Регнум», выступили в поддержку победы на президентских выборах в Эстонии активного противника России Томаса-Хендрика Ильвеса (<http://www.regnum.su/news/710288.html>). Динамический консерватор доказывал, что данная фигура больше соответствует российским интересам, чем фигура альтернативного кандидата А.Рюителя. Портал «Регнум» в этот период пропагандировал также лозунг «сделаем как прибалты» (см. «Эстония до и после «Бронзовой ночи»).

К указанным случаям следует добавить целый ряд сходных историй во многих странах не только «посткоммунистического», но и постсоветского пространства – от Молдавии (борьба вокруг Приднестровья) до Средней Азии.

Результаты такой политики российской консервативной элиты явно не соответствовали ее громкой «имперской» риторике. Эта имперская, реально, *псевдоимперская риторика* в течение долгого времени была важным элементом консервативных внешнеполитических доктрин. Цену этой консервативной риторике можно определить, сопоставив ее с реальностью. За этой громкой риторикой (подчас имперской трескотней) консерватизма как правило стоит вовсе не отстаивание более активной политики России в мире, но вполне соглашательская практика консервативной бюрократии, а часто и политика подрыва ею российского (в описываемый период – бывшего советского) влияния. К весне 2015 г. консервативная элита России потерпела поражение почти на всех территориях постсоветского пространства.

10. Консервативная (правонациональная) идеология и сдача советских сфер влияния России. Слабости политики «защиты соотечественников». Отказ от защиты левых и центристских сил. «Стратегическая разбалансировка» российской политики и консерватизм. Оранжево-коричневый маятник.

Едва ли не главной причиной провала внешней политики консервативной элиты России можно считать правонациональную идеологию – идеологию консерватизма. Данная идеология с ее в основном этнократической ориентацией была прямо связана с отказом от поддержки на постсоветском

пространстве бывших советских союзников — центристских и левоцентристских группировок и заменой ее концепцией поддержки «соотечественников».

Следует подчеркнуть прямую связь концепции поддержки соотечественников с консервативной — этноцентрической по преимуществу — политической концепцией. Само понятие соотечественников и спустя десятилетие после начала консервативной политики остается весьма неопределенным и скорее этническим. Соотечественниками считаются в основном этнические русские, представители «русских партий», а часто и вовсе лица с российским гражданством. Вхождение в число соотечественников «русскоязычных» россиян, например, российских татар или кавказцев, остается проблематичным.

Ограничение целей внешней политики России «защитой русских» (они же соотечественники) явно суживало внешнеполитические интересы консервативной России по сравнению с советской эпохой. При этом и на этом суженном пространстве консервативная элита не смогла достигнуть сколь-нибудь значительных успехов.

Еще одна слабость идеологии консерватизма и его внешнеполитической доктрины состояла в том, что с позиций этой идеологии затруднена критика многочисленных постсоветских консерватизмов. Может ли, стоя на консервативных (реально этнических) позициях, российская политическая элита критиковать «этническую» политику ряда стран ближнего зарубежья, например, прибалтийских?

Русские консерваторы, которые, как представители «динамического консерватизма», критикуют прибалтийскую этнократическую политику (напр., <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=2484354>), сами по сути дела являются представителями такой же «этнократической» политики, как и их прибалтийские единомышленники. (Ср., например, риторику жириновцев, некоторых членов КПРФ или рогозинской Родины в 2005 г. — Русский национализм. Идеология и настроение. — М., 2006, с. 30–31). Консервативными идеологами в России (Ципко, Рогозин и др.) оправдывается и русский радикальный консерватизм — аналог республиканских национализмов, с которым Россия вынуждена бороться на периферии постсоветского пространства.

Очевидно, что правые националисты (консерваторы) ближнего зарубежья являются типологическими двойниками русских консерваторов. Им свойственна сходная риторика (в своем национальном варианте) и даже сходные названия партий. Это определяет противоречия критики одного консерватизма с позиций другого, который (как консерватизм русский) в своей стране поступает с национальными меньшинствами и «мигрантами» точно так же, как и критикуемые им консерваторы зарубежные — с представителями русского национального меньшинства в своих странах.

Результатом применения русского консерватизма во внешнеполитической практике стала дезориентация российской бюрократии в ближнем зарубежье и, как следствие, поражение России даже в прямо примыкающих к ней странах. Таковое создало для России ряд проблем и привело к

необходимости создания дорогостоящих экономических проектов, например, газопроводов «в обход» Украины.

Как признали в 2011 г. обозреватели портала Регнум Виген Акопян и Модест Колеров «*Стратегическая и, как следствие, тактическая разбалансировка российской политики на постсоветском пространстве* началась не сегодня и не вчера» (Виген Акопян, Модест Колеров. Политика сдач, или до чего Россия «довела» своих соседей, 18.08.2011, <http://www.regnum.ru/news/polit/1436359.html>).

«Начальство перед выборами, — продолжают авторы, — обращается к поиску „стрелочников-многостаночников”», чтобы они хотя бы формально ответили за то, что все последние годы, прячась за отчеты о „политическом туризме” и „гуманитарном бизнесе”, отступали от имени России везде, где ни ступала их нога».

По мнению Колерова — Акопяна под внешним давлением «Россия год за годом сдает свои позиции, поскольку неизменно чередует ущербные для себя рычаги: экономическое дотирование, попытки подкупить фрагменты национальных элит, бесперспективный и бессистемный нажим, пустые интеграционные лозунги и проекты. В итоге, убеждаясь в контрпродуктивности своих усилий, Москва пытается, отступив, заслужить одобрение податливой „конструктивностью”, сторговаться с конкурирующим игроком — с Румынией по Молдавии, с Турцией по Кавказу, с ЕС-НАТО по Украине и Белоруссии, с США и Китаем по Средней Азии и так далее. В этот момент кольцо сжимается. Россию обвиняют во всех смертных грехах и цена ее эффективного возвращения в поле конкуренции становится всё выше. Приходится идти на новые уступки и начинать все заново. Особенно отчетливо эта ущербная линия проступила после войны августа 2008 года с Грузией и объявления „перезагрузки” отношений с Вашингтоном». (Виген Акопян, Модест Колеров. Политика сдач, или до чего Россия «довела» своих соседей, <http://www.regnum.ru/news/polit/1436359.html>).

Делая такие острые выводы, авторы, однако, не были готовы заметить связь между описываемыми ими результатами политики правящей российской элиты и идеологией русского консерватизма. Ведь именно консервативная идеология вела Россию к отказу от поддержки в странах бывшего реального социализма левых и центристских сил, каковая была заменена в этих странах концепцией «поддержки соотечественников».

11. Выводы. Первые результаты консервативного правления (2000—2004). Идеология и реальность.

Уже в первые годы путинского правления (первого президентского срока Путина 2000—2004 гг.) произошел серьезный перелом в развитии российского государства по сравнению с ельцинским периодом. Путинской элите удалось добиться существенной стабилизации — как в очевидных зонах

нестабильности (на Кавказе), так и в целом прежде всего во внутренней политике. Началось укрепление государства, более стабильным стало и экономическое развитие России.

При этом, как кажется, ряд недостатков уже начального периода правления путинской элиты был связан с консервативной идеологией этой элиты.

Думается, основные ожидания общества по корректировке ельцинской политики лежали в направлении левой (левоцентристской) идеологии, которую есть основания считать более адекватной, чем консерватизм, идеологией для постсоветской России. Общество ожидало «левой» (социальной) корректировки праволиберального курса и праволиберальной идеологии ельцинского периода. Однако силовая (путинская) элита произвела не левую (левоцентристскую), но правоконсервативную корректировку этого праволиберального курса. Основной идеологией нового путинского периода стал правый консерватизм, близкий ельцинскому правому либерализму и сохранявший с ним существенную преемственность в рамках общей правой консервативно-либеральной идеологии. Идеология правого консерватизма определяла не только несомненную позитивность нового развития России, но и закладывала в это развитие ряд серьезных противоречий.

Основным течением официального консерватизма путинской эпохи стало течение «умеренного» правого русского национализма. Истоки своей идеологии российские консерваторы «силового периода» (после 2000 г.) находили в идеологии дореволюционных русских консерваторов и после-революционной русской эмиграции.

Основным объектом правоконсервативной критики стал «либерализм» — как экономический, так и политический. Эта критика была во многом справедливой, но часто, как свойственно правому консерватизму, также и однобокой. Указанная критика не учитывала, что как правый ельцинский либерализм, так и правый консерватизм, на позициях которого, как правило, стояли теоретики путинского периода, были формами общей правой консервативно-либеральной идеологии. Нельзя не сказать и о факторе Запада, который стремился к установлению в России правого режима — как либерального, так и консервативного, и всячески пытался предотвратить усиление в России левых и центристских сил.

При этом консерватизм «умеренный» имел и радикальную составляющую и радикальных союзников. Поэтому союзником респектабельного правого консерватизма С.Кургиняна, А.Ципко, А.Дугина оказывался консерватизм радикальный — И.Шафаревича и прямых национал-революционеров Е.Холмогорова, Бориса Миронова и проч. К данному варианту консерватизма склонялись также В.Жириновский и Д.Рогозин.

На консервативной и антилиберальной «послеельцинской» волне началось возрождение в России не только государственнической (умеренно-консервативной) идеологии, но и идеологии радикального консерватизма.

В период первого путинского срока он оказался союзником и «попутчиком» официального консерватизма. Разрушительная антигосударственность данного направления (как и соответствующих группировок) была понята официальными консерваторами не сразу. Конфликт между радикальным и умеренным консерватизмом произойдет позже – уже в период второго президентского срока Путина.

Таким образом в силу особенностей правоконсервативной идеологии новый «силовой» период в России (то есть период правления силовой путинской элиты) оказался не только корректировкой периода ельцинского, но и его продолжением – продолжением *Нового российского порядка* и «*правого контроля*». Последний, как мы пытались показать выше, является по сути внешним контролем над странами «посткоммунизма», включая и Россию.

Слабости правого консерватизма как радикального, так и респектабельного (А.Ципко, В.Сурков, М.Демурин, Д.Рогозин и проч.) определили проблемы, с которыми не смогла справиться новая консервативная элита как внутри, так и вне страны. Как и правый (оранжевый) либерализм, правый консерватизм был идеологией реставрации в России западного (Расчлененного) общества со всеми его особенностями и соответствовал другим аналогам постсоветского консерватизма – прибалтийского, украинского, кавказского и проч.

Набор «допущенных» к участию в российской политике нового силового (путинского) периода группировок формировался, как представляется, в соответствии с консервативной доктриной (в частности, Сергея Кургияна) о «государственных и негосударственных» политических партиях. В число государственных попадали лишь партии «консервативной» направленности; партии «либеральные» в состав таковых не попадали. На «либералов» оказывалось политическое давление, препятствовавшее их участию в выборах. (Эта схема работала вплоть до выборов 2011 г.) Иницилируемое таким образом политическое давление на «либералов» (демократов) часто было односторонним и превышало государственную необходимость. Либералы (даже правые, не говоря о левых) имели право на политическое представительство не меньшее, чем, например, консерваторы-жириновцы.

Антиинтеллигентская и «антилиберальная» риторика консерватизма привела к тому, что новая силовая элита смогла решить ряд вопросов мобилизации бюрократии, но не задачу мобилизации культурного слоя государства. Это определило проблемы нового консервативного направления и консервативной элиты, начавшей корректировку ельцинского правого курса, но не способной довести эту корректировку до конца.

Как мы доказываем, альтернативой консервативной политике должна была быть (и вероятно, должна стать в будущем) левоцентристская политика России.